

Город БОЛГАР

*Культура,
искусство,
торговля*

НАУКА

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

АКАДЕМИЯ НАУК
ТАТАРСТАНА

ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
им. Ш. МАРДЖАНИ

Город БОЛГАР

*Культура,
искусство,
торговля*

УДК 902/904
ББК 63.4(2)
Г70

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 07-01-16228д*

Редакционная коллегия:

П.Н. Старостин (руководитель проекта и ответственный редактор),
М.Д. Полубояринова (составитель и зам. ответственного редактора),
Р.Ф. Шарифуллин

Рецензенты:

доктор исторических наук *А.Г. Мухамадиев*,
доктор исторических наук *К.А. Руденко*,
доктор исторических наук *Вл. В. Седов*

Город Болгар : культура, искусство, торговля / Ин-т археологии РАН ; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Татарстана ; [отв. ред. П.Н. Старостин]. – М. : Наука, 2008. – 276 с., ил. – ISBN 978-5-02-035974-1 (в пер.).

Книга продолжает публикацию результатов археологического изучения Болгарского городища. Она состоит из пяти очерков, в которых дается анализ источников по вопросам этногенеза татарского народа, анализируется болгарский импорт и экспорт, освещаются уровень развития городской культуры, планировочные особенности и вопросы управления городским хозяйством, исследуются стилистика, техника и художественные приемы древних мастеров в декоративно-прикладном искусстве.

Для археологов, специалистов смежных дисциплин и более широкого круга читателей, интересующихся историей Средневековья.

Темплан 2008-И-235

ISBN 978-5-02-035974-1

© Институт археологии РАН, Институт истории
им. Ш. Марджани АН Татарстана, 2008
© Полубояринова М.Д., составление, 2008
© Коллектив авторов, 2008
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	4
<i>Р.Г. Фахрутдинов</i> Город Болгар в истории и культуре татарского народа	6
<i>М.Д. Полубояринова</i> Торговля Болгара	26
<i>В.С. Баранов</i> Роль благоустройства в формировании городской культуры средневекового Болгара	103
<i>Д.К. Валеева</i> Искусство города Болгара	119
<i>Г.М. Давлетшин</i> Духовная культура населения города Болгара	198
Стратиграфическая шкала и опись раскопов на Болгарском городище	268
Список сокращений	275

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Подготовлена пятая книга очерков «Город Болгар». Инициаторами, вдохновителями и организаторами этой серии, а также одними из главных исполнителей и редакторов были известные археологи Г.А. Федоров-Давыдов и Т.А. Хлебникова. Вот и в настоящем томе планировались очерки этих замечательных ученых и прекрасных людей, но, к величайшему сожалению, не сбылось. На одной из недавних конференций коллектив Болгарской археологической экспедиции решил посвятить эту книгу их светлой памяти.

В первых томах излагались материалы, отражающие историю изучения Болгара, хронологию, топографию и динамику его развития в разные периоды. Материалы работ археологической экспедиции легли в основу двух томов очерков по различным отраслям ремесленной деятельности. Отдельной книгой были изданы результаты археолого-архитектурного изучения памятников монументального строительства и объектов благоустройства.

Предлагаемая читателю книга посвящена изучению различных аспектов средневековой городской жизни на материалах Болгара X-XIV вв. Здесь представлены очерки, освещающие особенности развития культуры, искусства и торговли населения столицы Волжской Болгарии, а также роль и значение самого города Болгара в истории и культуре народов Волго-Камья. Авторами очерков являются археологи, историки и историки искусства.

Небольшое эссе о роли Болгара в истории и культуре татарского народа написано известным археологом Р.Г. Фахрутдиновым. Лирическая форма изложения не помешала автору провести серьезный анализ источников и предложить свое видение проблем этногенеза.

Одним из центральных разделов тома является очерк М.Д. Полубояриновой о торговле Болгара, охватывающий все многообразие этой сферы деятельности городского населения, отраженной как в материалах археологии самого памятника, так и в импорте болгарских изделий в другие регионы.

Очерк В.С. Баранова посвящен роли благоустройства в формировании городской культуры средневекового Болгара и включает в себя анализ многих аспектов, определяющих облик города и его благоустроенность, — от климата, ландшафта и глубины залегания водоносных горизонтов до наличия инженерных навыков, этнических и культурных традиций.

Искусствоведческий анализ материалов из археологических раскопок Болгара и музейных фондов, проведенный Д.К. Валеевой, позволяет судить об эстетических представлениях, вкусах, традициях и особенностях развития искусства в болгарской городской среде.

Публикуемый очерк Г.М. Давлетшина «Духовная культура населения города Болгара» впервые наиболее полно характеризует эту сторону жизни города и дает представление о научных знаниях древних болгар в области химии, астрономии, географии, математики, медицины и т.д.

Как и в других томах, к книге приложен план Болгара со стратиграфической шкалой и описью раскопов до 2006 г. включительно.

ГОРОД БОЛГАР В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ТАТАРСКОГО НАРОДА

Р.Г. Фахрутдинов

НЕИЗГЛАДИМАЯ ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО

Коль выйду я на просторы,
Томлюсь желанием
Пройти тебя, Шахри Болгар...
Из татарской народной песни

Каждая поездка в древний Болгар вызывает у меня особые чувства, теплые воспоминания минувших лет. Болгар для меня — это столица того раннего средневекового государства, земли которого я исколесил вдоль и поперек в поисках оставшихся от него археологических памятников, это один из знаменитых золотоордынских городов XIII-XIV вв., культурные пласты которого я помогал поднимать в свои молодые годы, богатейшие коллекции находок которого я изучал в известных музеях страны. Развалины Великого Болгара, остатки других городов и аулов, канувших в Лету; тысячи километров пути, пройденные с рюкзаком на спине и с лопатой в руке с целью изучения этих древностей; огромная масса выявленных в разведках и на раскопках бесценных находок — все это неизгладимая память прошлого, научная юность моя.

Когда я хожу среди развалин города Болгара или сижу на высоком берегу Волги, то вновь вспоминаю эти свои молодые годы, а вместе с ними перед глазами проходят и прошлые века — периоды седой истории моего народа.

...Империя гуннов, которая заставила задрожать почти всю Европу более 1600 лет тому назад, рухнула в 453 г. после смерти ее могущественного вождя Атиллы. Начали образовываться новые союзы племен и государств, среди которых объединение древних болгар, протоболгар, прибывших в Восточную Европу из Центральной Азии в составе гуннов и кочевавших уже на новой земле — в приазовских и северокавказских степях. Союз болгарских племен во главе с Органой (известен также как Моходу-хан) в начале 30-х годов VII в. превратился в полуфеодальное государство под названием «Великая Болгария», правителем которого стал племянник Органы Кубрат-хан.

Великая Болгария распалась в 650-х годах после смерти Кубрата; часть болгарских племен ушла в другие места, часть осталась на своей земле. Центральное племя во главе с Испериком (Аспарух), младшим сыном хана, направилось к берегам Дуная и, образовав там союз с южнославянскими племенами, создало новое болгарское царство на западе — Дунайскую Болгарию. Болгарские ханы правили этой страной около 200 лет, но с середины IX в. там усилилась славянизация и началась христианизация всего населения. Бывшие тюркоязычные болгары были постепенно ассимилированы славянами, но оставили свое имя — болгары.

Старший сын Кубрата Батбай остался на своих землях, подчинившись усилившемуся на востоке хазарам. С его болгарскими, известными в истории под названием «черные болгары», язык которых со временем был ассимилирован кыпчакским, связыва-

ют современных балгар и карачаевцев (карачалы, т.е. черноликие). Третья часть болгар и родственных им племен переселилась в Среднее Поволжье. Однако это событие произошло не сразу после смерти Кубрата, как ошибочно думают некоторые, а позднее, в конце VIII в. Там на юге они подчинились хазарам и вместе с ними, а также с северными тюркизированными аланами составили знаменитую салтово-маяцкую археологическую культуру — государственную культуру Хазарского каганата, и только потом, спустя более ста лет, пошли на север, в наши края.

Войдя здесь в тесный политический и этнокультурный контакт с местными финно-угорскими, и особенно с доболгарскими тюркоязычными племенами (последние появились на Волге в период Великого переселения народов в IV в.), на рубеже IX-X вв. болгары создали новое, уже третье, государство — Волжскую Болгарию.

Волжская Болгария была раннефеодальным государством. С 20—30-х годов X в. ее население постепенно переходит к оседлости, начинает заниматься земледелием. Появляются первые города — Болгар и Сувар, в которых налаживается чеканка собственных монет. Чуть позднее возникают и новые города: Буляр (современному читателю больше известен в поздней русской транскрипции как Биляр), Ошель, Кашан, Джукетау, Нухрат, Торцск (Торчеськ), Тухчин и другие большие и малые города, исторические названия которых не дошли до нас.

Появление городов и городской культуры в Волжской Болгарии тесно связано с принятием там ислама, что произошло в 922 г. Тогда, по просьбе правителя болгар Алмаса, из Багдада пришло посольство халифа, главной миссией которого являлось распространение исламской религии в этом северном государстве. Болгария входит в довольно широкий контакт с мусульманским миром, о ней появляется географическая и историческая литература арабо-персидского средневековья. До наших дней дошли некоторые весьма ценные сочинения или отрывки из трудов восточной географии, среди них особый интерес представляют сочинения двух людей, лично посетивших Волжскую Болгарию и видевших болгар своими глазами. Это знаменитое «Рисаля» (Записка) Ибн Фадлана, секретаря упомянутого выше посольства из Багдада, и две книги испано-арабского путешественника ал-Гарнати, побывавшего у болгар в середине XII в. Имеются также ценные сочинения представителей классической школы арабской географии X в., таких как ал-Бал-хи, ал-Масуди, ал-Истахри, Ибн Хаукаль, ал-Мукаддаси, широко известное персидское сочинение «Границы мира» того же X в., работа арабского естествоведа и историка XI в. ал-Марвази, в которые включены интересные сведения о Волжской Болгарии и болгарях, об их городах, образе жизни, обрядах и обычаях, внешних связях с целым рядом стран и народов Евразии. Много ценного и поучительного по истории Волжской Болгарии содержат русские летописи, в которых можно черпать интересный материал по вопросам хронологии и хода исторических событий, связей Болгарии с Древнерусским государством.

К сожалению, не сохранились исторические источники, созданные самими болгарями, но этот вакуум в значительной степени восполняется результатами археологических исследований, которые интенсивно проводятся на этой земле. Совокупность накопленных к настоящему времени всех письменных и археологических источников дает возможность иметь хорошее представление почти по всем сторонам жизни болгарского общества и его внешних связей.

Основу хозяйства Волжской Болгарии составляло земледелие при подсобном скотоводстве, были развиты строительное дело и ремесла — металлообработка, изготовление ювелирных изделий, гончарное производство, костяной промысел и т.д. Особое внимание уделялось строительству городов, а также феодальных замков и военных крепостей в пограничных зонах, на военных и торговых путях. География экономических, торговых связей Волжской Болгарии была достаточно обширной, а ее столица со своей пристанью Ага-Базар на Волге являлась значительным центром транзитной торговли между восточными и западными странами и народами.

Внешнеполитические связи Волжской Болгарии наиболее ярко выражены во взаимоотношениях с Русью, вначале с Киевской, а затем с Северо-Восточной с центром на верхней Волге. Если отношения с Киевской Русью были в основном добрососедскими, то с Северо-Восточной Русью — довольно натянутыми, когда участились походы русских князей (Андрея Боголюбского, Мстислава, Святослава) на болгар, хотя стороны временами приходили и к мирным соглашениям. Однако с монгольским завоеванием Восточной Европы, начавшимся в 1236 г., картина в их политической жизни сильно меняется. В том же году была поработана Волжская Болгария, а в 1238-1240-х годах — Русь, подчинившаяся Золотой Орде. Болгария непосредственно вошла в состав Орды в качестве ее северного улуса, прекратив свое существование как самостоятельное государство.

Начинается совершенно новая жизнь города Болгара. Залечив свои раны, полученные в результате завоеваний армии Бату-хана (Батя), он отстраивается почти заново, становится первым центром чеканки монет монгольских ханов, когда у Золотой Орды еще не было собственных городов. Сохранились сведения о том, что первые золотоордынские ханы Бату и Берке правили и в Болгаре. В средневековой арабо-персидской исторической и географической литературе Болгар фигурирует как один из известнейших городов Улуса Джучи — Золотой Орды.

В жизни города Болгара и на бывшей болгарской земле происходят коренные изменения. Появляется совершенно новый для болгар обычай устанавливать надгробные камни с надписями — подобного обычая не было в домонгольской Болгарии, его принесли из Центральной Азии тюркоязычные татары, которых было несравнимо больше, чем монголов в Золотой Орде. Начинается применение огнестрельного оружия — сообщение об этом сохранилось в русских летописях при описании похода князей на Болгар в 1370-х годах. Появляется совершенно новый, золотоордынский, тип изразцовой художественной керамики с подглазурными тонкими узорами. Крупнейшим достижением золотоордынской, в том числе и болгарской, монументальной архитектуры является применение полихромной мозаики и майолики. Появляется целый ряд других нововведений в материальной культуре города Болгара. В период могущества Золотой Орды и расцвета золотоордынской культуры в XIV в., особенно к концу этого столетия, становится другим этнический облик города и всей бывшей болгарской земли. Болгарский язык, как и языки других домонгольских племен и народностей, ассимилируется кыпчако-татарским.

Этот этнос к концу XIV в. в исторических источниках фигурирует уже как татарский, да и сама болгарская земля начинает называться татарской. В то же время надо отдать должное тому, что Болгар в свою очередь внес значительный вклад в исламизацию Золотой Орды, как бывший мусульманский центр Поволжья. Болгар, наряду с некоторыми другими домонгольскими земледельческими районами и очагами городской культуры, играл определенную роль в развитии земледельческого уклада жизни и городской цивилизации Улуса Джучи.

Последний удар по городу Болгару был нанесен в 1431 г. Федором Пестрым — воеводой Великого русского князя Василия II, после чего город сошел с исторической арены. Все, что осталось от того золотоордынского Болгара к сегодняшнему дню (от домонгольской эпохи, помимо нижнего культурного слоя, к сожалению, не осталось каких-либо наземных сооружений), насчитывает всего семь-восемь исторических памятников. Прошедшие консервацию и отреставрированные развалины Соборной мечети, овеванная легендами Черная палата, «потерявший» свою мечеть одинокий минарет, три дюрбе-мавзолея, нижняя часть Белой палаты, бывшей когда-то общественной баней, едва уцелевшие основания Малого городка на отшибе — вот что осталось от бывшего величия одного из центров городской культуры Улуса Джучи. К этой же эпохе относятся несколько десятков каменных стел с надписями и их обломки, семиверстные земляные валы — жалкие остатки некогда мощных оборонительных укреплений с воротами и боевыми башнями, окружавших Великий Болгар...

Вот так прошла перед моими глазами одна из богатых и поучительных страниц истории моего народа, когда на рассвете я сидел на высоком берегу Волги, слушая соловьиные трели из роши на склоне горы и утреннюю песню жаворонка под облаками. Трепетно вслушиваясь в мелодию камней древнего Болгара, я представил себе один день этого овеванного легендами, вечно сегоднего и благородного Великого Болгара.

...Занимается рассвет. Раздаются веселые песни жаворонков. Яркие лучи солнца падают на высокие минареты мечетей, затем рассеиваются по всему городу. Звучит первый азан — призыв к утреннему намазу. Постепенно просыпается город. Стража отворяет ворота, пастухи выгоняют стада, девушки идут к роднику за водой. Начинается новый день, полный забот и ожиданий. Золотых и серебряных дел мастера, медники и кузнецы, надев фартуки, разжигают горны, из кузниц слышен веселый звон молотков. Гончары, засучив рукава и замесив глину, принимаются лепить горшки да кубышки.

На Ага-Базаре начинается большая ярмарка. Чего только здесь нет: хлеб и скот, мед и воск, красный товар, золото и серебро, меха соболиные, горнастаевы, бобровые, кони белогривые, мечи булатные, ковры персидские, селадон китайский, орехи и арбузы астраханские, изюм среднеазиатский, персики кавказские, товары иные, заморские...

День клонится к вечеру. Люди, утомленные хлопотами прошедшего дня, предаются отдыху: купцы направляются в караван-сарай, городской люд — по своим домам. Вот старики направляются к икенде-намазу — вечерней молитве перед заходом солнца, звучит мелодичный азан. Садится солнце. Наступает ночь с полной луной и яркими звездами. Город окутывается в таинственную полутьму. Вдали, на берегу Идел-реки, кто-то на курае выводит протяжную мелодию, кто-то ему подпевает...

ИСТОРИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО БОЛГАРА

В свое время автору этих строк пришлось выступить со статьей об истории домонгольского Болгара в письменных источниках[1]. Это был период, когда в этногенезе и в целом в средневековой истории татарского народа господствовал болгарский синдром. В ряде книг и статей, изданных в 60-80-х годах XX столетия, мне пришлось, преодолевая идеологические барьеры, писать о золотоордынских археологических памятниках, в целом о золотоордынской истории, используя материал, накопленный не только в историографии, но и данные моих многолетних исследований путем сплошных археологических разведок на территории Татарстана и прилегающих районов, а также анализируя многочисленные письменные источники разных периодов и регионов.

Бесспорно, после известных событий в Российской Федерации начала 1990-х годов — после объявления свободы слова и печати, когда начался отказ от стереотипа старого мышления и поведения, наконец, когда начали заполнять «белые пятна» в истории народов, — и у нас в Татарстане вздохнули свободно. Начали писать о Золотой Орде; в 1993 г. провели Международную научную конференцию, посвященную 750-летию образования государства. И случилось так, что именно в эти годы еще более активировалась моя научная деятельность, особенно в плане исследования золотоордынской истории. Однако не все еще отказались от прежнего видения истории, более того, еще смелее начали муссировать роль волжских болгар в истории и этногенезе татар. Идет искажение истории города Болгара, его архитектурных памятников. Считаю своим долгом, долгом ученого, еще раз обратить внимание уважаемого читателя к истории именно периода Золотой Орды[2]. В начале 1243 г. была образована Золотая Орда (она же Улус Джучи). Ее основал Бату-хан, внук Чингиз-хана, второй и наиболее талантливый сын Джучи-хана, сына Чингиз-хана.

Создатель Монгольской империи Чингиз-хан завещал еще не завоеванные им западные земли (Восточную Европу) своему первенцу Джучи, который и должен был завершить дело своего отца. Однако он не успел сделать этого — скончался в один и тот же год (1227 г.) со своим отцом, а покорение Запада до Волги и еще дальше осуществил его сын Бату. Вернувшись из угорских (венгерских) земель, он основал новое государство с политическим центром в Нижнем Поволжье. Вначале Золотая Орда была частью Монгольской империи, чеканила монеты от имени монгольских ханов, но вскоре приобрела самостоятельность и начала чеканку собственных монет, так называемых джучидских. Джучидской была и династия ханов нового государства, т.е. от того же Джучи-хана, назначенного в свое время в качестве владельца новых земель самим Чингиз-ханом, воля и законы которого выполнялись неукоснительно. Таким образом, Джучи-хан в свое время был номинальным правителем еще не образованного государства на Западе, подлинным же его создателем был его сын Бату-хан. Он умер в 1255 г. в возрасте 47 лет (родился он в 1208 г., завоевание Запада начал в 1236 г. в возрасте 28 лет, управлял своим государством, т.е. Золотой Ордой, 19 лет).

Государство Бату традиционно называлось также «Дешт-и Кыпчак» (Половецкая степь), ибо его основные, центральные земли принадлежали раньше кыпчакам-половцам — большому союзу тюркоязычных племен восточноевропейских степей.

Выше было отмечено, что Золотая Орда называлась еще Улус Джучи. Откровенно говоря, это коренное название существовало у монголов и древних татар; так оно фигурирует в средневековой арабо-персидской исторической географии. Улус — это широкое понятие, означавшее у тюрков и монголов: селение — государство — держава, как, например, юрт (йорт): дом — район расселения — улус; иль: племенной союз — страна.

В средние века среди татар бытовало также название Улуг Улус (Большой, Великий Улус).

Однако наиболее распространенным названием этого государства стало «Золотая Орда». Так распространено оно в русских летописях, в ряде ярлыков и писем золотоордынских и постзолотоордынских ханов, в татарских исторических повествованиях и произведениях народного эпоса. О происхождении слова орда (по-татарски — урда) имеется весьма ценное сведение у фламандского путешественника XIII в. Гильома де Рубрука, который в 1254 г. побывал в Золотой Орде, был на аудиенции у Бату-хана и потом в своей известной книге о путешествии в восточные страны отметил: «...двор (ставка правителя государства в средние века. — Р.Ф.) на их (татар и монголов. — Р.Ф.) языке называется ордой (подчеркнуто автором. — Р.Ф.), что значит «середина», так как он всегда находится посредине их людей...»[3] «Середина», по-татарски — у рта: здесь характерное чередование т и д.

Золотая Орда (Алтын Урда) означала позолоченную ставку, резиденцию правителя государства: для раннего периода это «золотой» (позолоченный) шатер, а для развитой, городской эпохи — покрытый позолотой ханский дворец. Например, в сочинении арабского путешественника Ибн Баттуты, побывавшего в 1333 г. в Золотой Орде и ее столице Сарае[4], а также в татарском эпосе «Идегей» (XV в.)[5] дворец назван золотым (Баттута: Алтунташ; «Идегей»: Алтын Таш[6] — Золотой Камень, Золотой Дворец).

Золотая Орда занимала огромную территорию Средней Евразии: от западных предгорий Алтая на востоке и до низовьев Дуная на западе; от известных Болгара и Казани на севере до кавказского Дербентского ущелья на юге. Это огромное государство само еще делилось на две большие части. Западная, основная часть, т.е. собственно Золотая Орда, называлась Белой (Ак) Ордой, а восточная, куда входили западные территории современных Казахстана и Средней Азии, — Синей (Кок) Ордой. В основе такого деления лежала прежняя этническая граница между кыпчакским и огузским союзами племен. Слова «золотая» и «белая» являлись одновременно и синонимами, дополняя друг друга. В том же «Идегее», например, часто встречаются параллельные определения Золотая Орда, Белая Орда (Алтын Урда, Ак Урда). По сообщениям целого ряда восточных источников, особенно персидских, Золотая Орда делилась еще на Правое крыло и Левое крыло: правое — это Ак (Белая) Орда, Левое — Кок (Синяя) Орда. С самого начала государства Правое крыло отходит к Бату, Левое — к его старшему брату Орде. Подобное разделение Золотой Орды, т.е. разделение на два крыла, связано с тем, что все войско Чингизхана делилось именно на Правое и Левое крыло.

С образованием Золотой Орды Волжская Болгария и Болгар органически вошли в ее состав наряду с соседними государствами, княжествами и городами. Болгар, благодаря своему расположению на слиянии Волги и Камы, стал крупным центром

новообразованного государства, как бывший политический и экономический центр Среднего Поволжья, имевший древние традиции богатой городской культуры. Об этом свидетельствует серия источников XIII-XV вв., богатый археолого-нумизматический материал и сохранившиеся на территории Болгарского городища памятники культовой и гражданской архитектуры. В историко-археологической литературе уже писали, что до возникновения собственно золотоордынских городов Болгар некоторое время являлся даже столицей Орды.

Считаю своим долгом обратить внимание уважаемого читателя к начальному периоду Золотой Орды по вышеуказанной проблеме. Известно название города Болгара в качестве «Золотого трона» (Алтын тахт) по персидскому сочинению «Ферхег намэ» (Книга знаний), XIV в. Впервые высказался об этом профессор-арабист Казанского университета Ф.И. Эрдман[7], которого поддержал позднее профессор того же университета С.М. Шпилевский[8]. Они считают, что сообщение из «Ферхег намэ» отражает времена XIII в. и связывает его с известием вышеназванного фламандского путешественника Рубрука о кочевке Бату-хана далеко на севере, т. е. как предполагают исследователи, в городе Болгаре, «где Батый бил манеты»[9]. О том, что Бату сидел в Болгаре, упоминает другой, правда более поздний источник – «Казанский летописец» середины XVI в.: «Державнии же наши (русских. — Р.Ф.) идоша в Болгары ко царю (Бату-хану. — Р.Ф.) и ту его встретиша и утолиша его великими многими дарми»[10]. Далее летописец называет Батыя «Саином Болгарским».

Золотоордынский хан Берке (1256-1266 гг.), по сообщению Марко Поло, правил и в Болгаре, и в Сарае. Он пишет, что его отец и дядя «прибыли (1236-1237 гг. — Р.Ф.) к Барка-хану, что татарами владел и жил в Болгаре, да в Сарае»[11].

Братья Поло целый год прожили на земле Берке, а когда началась война между Золотой Ордой и хулагуидами, решили вернуться в Константинополь: «Собрались, да и вышли из Болгара. Пошли они к городу, что был на границе земли и назывался Укака (Укек. — Р.Ф.). Выйдя отсюда, переправились через реку Тигри (Волга. — Р.Ф.) и семнадцать дней шли пустынею. Не было тут ни городов, ни крепостей, одни татары со своими шатрами и стадами (речь идет о странах к юго-востоку, в сторону Бухары, куда и направились отец и дядя Марко Поло. — Р.Ф.)»[12].

Следовательно, на первых порах, в период отсутствия своих городов, золотоордынские правители успешно пользовались старыми центрами завоеванных земель. Ярким примером того в Среднем Поволжье является Болгар, что подтверждается историческими источниками.

Другого круга источники — нумизматические — подтверждают правоту письменных сообщений о Болгаре, о его роли в политической и экономической жизни ранней Золотой Орды. Серия кладов монет, чеканенных от имени первых монгольских каанов (великих ханов), частично Багдадского халифа Насира (Насир лид-дин), исследовано в разное время Х.М. Френом, А.Ф. Лихачевым, С.Н. Яниной, Г.А. Федоровым-Давыдовым, А.З. Сингатуллиной, А.Г. Мухамадиевым и др.[13] Самым крупным из подобных кладов является клад, найденный в 1987 г. около с. Бурундуки Апастовского района Татарстана[14]. Он состоит из 906 серебряных монет, чеканенных в городе Болгаре от имени каанов Менгу и Арик-Буги (клад был обнаружен школьниками на окраине леса. К сожалению, какая-то часть монет распространилась среди ребят и

местных жителей и их не удалось уже собрать). Клад был закопан в 1260-х годах в красноглиняном керамическом сосуде с серебряной крышкой, на которой изображены две рыбки, такое же изображение на мисочке из Бурундуковского клада воспроизводит китайский оригинал или подражает ему[15]. В целом этот клад является весьма ценной находкой и наряду с другими монетными выпусками в Болгаре от имени каанов Менгу и Арик-Буги дал возможность Г.А. Федорову-Давыдову, его исследователю, достойно отметить, что «Болгар — первый город в Золотой Орде, начавший чеканку, и один из самых крупных центров ремесла и торговли в этом государстве. О том, что денежные эмиссии 1250-1260-х гг. в этом городе были массовыми, говорит большая изношенность штемпелей и огромные клады монет, оставшиеся от того времени в земле»[16].

Широкомасштабные археологические исследования на территории Болгарского городища, проведенные А.П. Смирновым в течение 30 лет, начиная с 1950 г., позволили исследователю определить основные этапы истории города и главные черты его исторической и социальной топографии. Раскопками достаточно полно выделен ранний золотоордынский (второй половины XIII в.) слой в середине городища: в районе Малого минарета, Ханской усыпальницы, Черной палаты, так называемого Голландского озера и на восточных окраинах памятника (бесспорно, в названных и других местах городища были выявлены богатейшие материалы, относящиеся к XIV и началу XV в.). Культурный слой, наслаивающийся на домонгольский, выявлен также на Ага-Базаре, на правом берегу р. Меленки, где открыты остатки больших ремесленных мастерских[17]. После смерти А.П. Смирнова его учениками и последователями, в наше время учениками его учеников, на вышеуказанных и других пунктах, прилегающих к центральному памятнику (Соборной мечети, Восточном и Северном мавзолеях, в районе между ними и Черной палатой, а за пределами городища — у Малого городка), также выявлены богатые материалы, свидетельствующие о золотоордынском Болгаре как о крупном экономическом и культурном центре.

Дальнейшее развитие и расцвет города Болгара, оживление в целом жизни в Золотой Орде, в том числе и на бывшей болгарской земле, теперь уже в Северном Улусе общего Ордынского государства, происходит в последующий период — в первой половине XIV в., в период могущества Золотой Орды, расцвета ее культуры.

Определенная категория историков, не говоря уже о части творческой интеллигенции и населении, в какой-то степени интересующихся своим прошлым, по старой традиции, по стереотипному мышлению продолжают думать, более того — говорить и писать о самостоятельности Волжской Болгарии и города Болгара, о том, что они вовсе не были в составе Золотой Орды. Выше мы уже отметили, что Болгар и болгарская земля органически вошли в состав Улуса Джучи, о чем свидетельствуют письменные и археолого-нумизматические источники. Хотя об этом в последние десятилетия писали не раз, есть необходимость напомнить об этой истине, к тому же новое поколение должно знать свою неискаженную историю.

Обратимся к некоторым наиболее известным историческим источникам арабо-персидской исторической географии XIV — начала XV в., которые сами потом явились первоисточниками средневековой и постсредневековой исторической литературы.

Выдающийся арабский географ первой половины XIV в., представитель школы энциклопедии мамлюкской эпохи Шигаб ад-дин ал-Омари писал: «...границы этого государства (Улуса Джучи. — Р.Ф.) со стороны Джейхуна (Амударья. — Р.Ф.): Хорезм, Саганак, Сайрам, Яркенд, Дженд, Сарай, город Маджар, Азак, Акчакерман, Кафа, Судак, Саксин, Уек, Булгар, области Ибир-Сибир (Западная Сибирь. — Р.Ф.), Башгырд и Чулыман (земли в бассейне р. Чулым, правого притока р. Обь. — Р.Ф.)...» [18]. В другом месте ал-Омари писал, что один из известнейших городов государства, т.е. Золотой Орды, это Болгар[19].

Арабский (магрибинский) историк и социолог второй половины XIV в. Абу Сайд Ибн Халдун в его известной восьмитомной книге «Китаб ал-ибар...» (Книга назиданий...) дает сведения о Золотой Орде в сокращенном варианте: «Это государство обширное на Севере, простирающееся от Хорезма до Яркенда, Согда [по другому — Дженда], Сарая, города Маджара, Азака, Судака, Булгара, Башкир да и Джулымана»[20]. Судя по схожести темы с такой у ал-Омари, сведения Ибн Халдуна относятся к первой половине XIV в., хотя он писал вполне самостоятельно и в качестве источника не обратился к своему предшественнику.

В арабской историко-географической литературе XIV в. обращено внимание к Золотой Орде и с другой точки зрения: при описании земель этого государства определены меры длины и протяженности крайних земель, упоминая всегда Болгар. Притом конкретно отмечены исторические периоды правления тех или иных ханов. Арабский историк первой половины XIV в. ал-Муфаддал сообщает: «Наступил 710 год [31 мая 1310 — 19 мая 1311 г.]. Владетелем степей Кыпчацких был царь Тохта, т.е. Туктука, сын Менгу-Темира, сына Саинхана (Бату-хана. — Р.Ф.), сына Чингизхана. Границы царства его [простираются] в длину от моря Стамбульского (Черного моря. — Р.Ф.) до реки (Иртыша?)»[21] около 6 месяцев, а в ширину от Булгара до Железных ворот около 4 месяцев [пути]»[22]. Более конкретен Шамс ад-дин ад-Дзахаби (Эддзе-хеби), также арабский историк первой половины XIV в., указывая размеры территории Золотой Орды с Болгаром: «Царство его (Узбек-хана. — Р.Ф.) [лежит] на северо-востоке и [простирается] от моря Константинопольского (Черного. — Р.Ф.) до реки Иртыш в длину на 800 фарсаков, а в ширину от Бабелеббаба (Дербенда) до города Булгара, т.е. приблизительно на 600 фарсаков»[23]. Зависел ли ад-Дзахаби от ал-Муфаддала, сказать трудно; однако возможно использование ими одних и тех же источников. Подобные сообщения арабских авторов средневековья не ограничиваются выше цитированными авторами. Мы считаем, что вполне достаточно и названных выше, чтобы представить себе неоспоримый факт того, что Болгар и болгарская земля были частью Золотой Орды.

Не можем мы пройти и мимо «Анонима Искандера»[24], персидского сочинения 1413-1416 гг., где имеются сведения с некоторыми конкретными деталями административного и хронологического порядка. Так, Улус Джучи разделился на две части: на Левое крыло (по «Анониму» — Ак Орда, т.е. Белая Орда) и на Правое крыло (Кок Орда, т.е. Синяя Орда), к которому относились «Ибир-Сибир, Рус, Любка (Литва. — Р.Ф.)? Уек, Маджар, Булгар, Башгырд и Сарай-Берке...»[25]. Хотя «Аноним Искандера» ошибся в таком важном вопросе, как определение названий Правого и левого крыла[26] (т.е. он поменял их местами), однако история улусов Золотой Орды

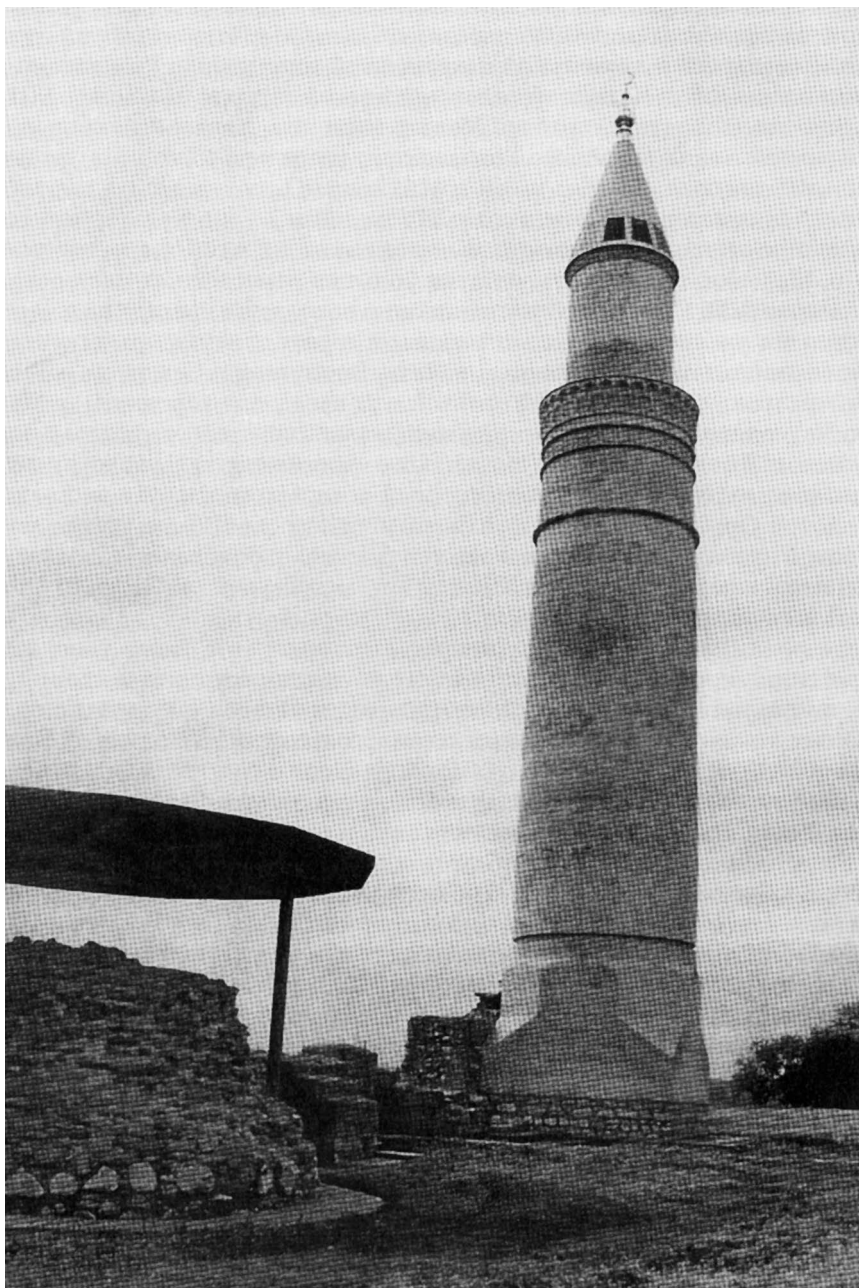

Рис. 1. Развалины Соборной мечети и восстановленный Большой минарет

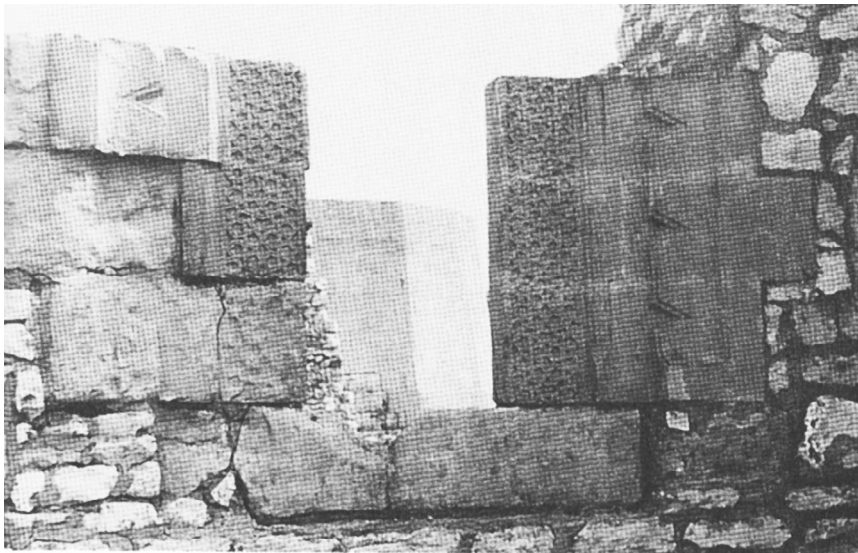

Рис. 2. Соборная мечеть

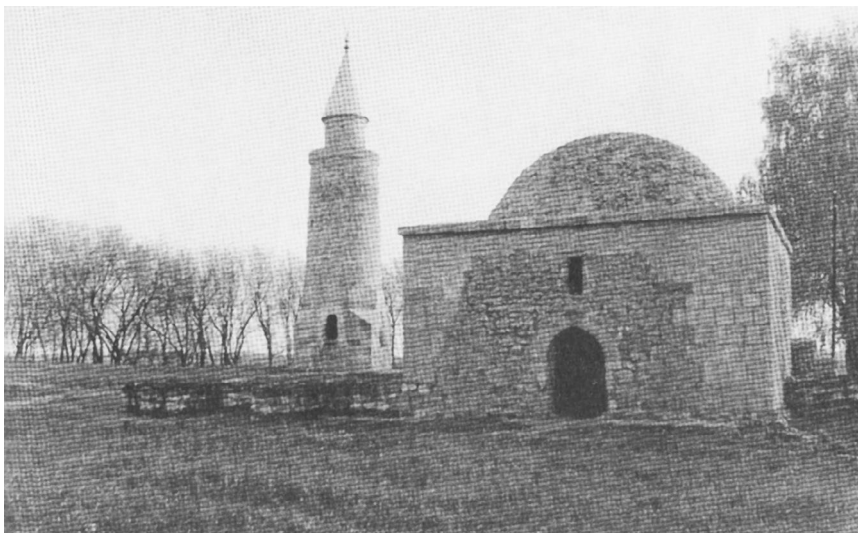

Рис. 3. Ханская усыпальница и Малый минарет

Рис. 4 Восточный мавзолей

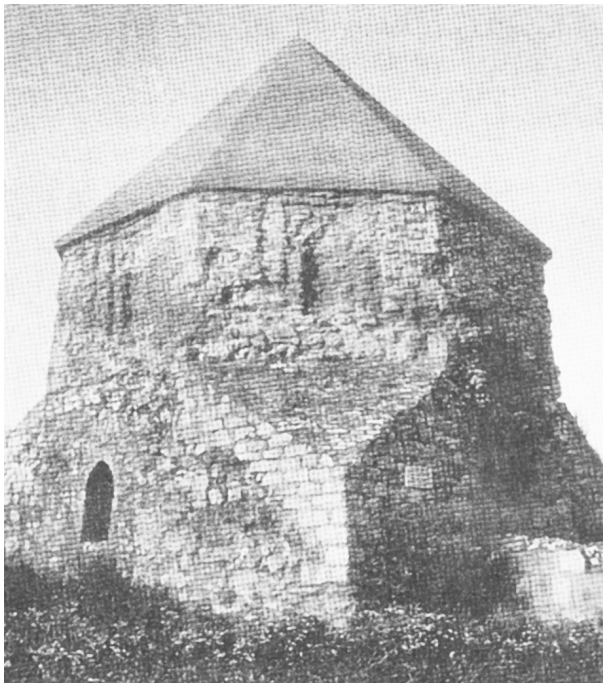

Рис. 5 Черная палата

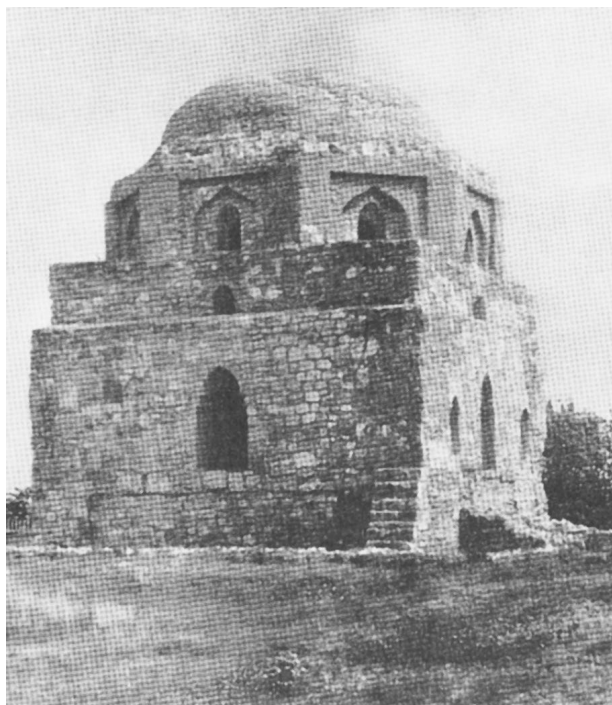

Рис. 6. Намогильный камень
начала XIV в.

Рис. 7. Намогильный камень
начала 20-х годов XIV в.

Рис. 8. Раскопанная баня Белая палата

(особенно Правого крыла) представлена у него точными сведениями. Это позволяет предполагать достаточную самостоятельность освещения темы, ибо ни ал-Омари, ни Ибн Халдун не являлись источниками «Анонима». Если для раннего периода (вторая половина XIII — первая половина XIV в.) источником этого произведения явилась летопись великого персидского историка-энциклопедиста Рашид ад-дина (1241-1318 гг.), то для второй половины золотоордынской эпохи автор использовал какие-то не дошедшие до нас сочинения, в том числе написанные на тюркском языке. Примерно об этом же времени сообщает персидский историк второй половины XIV в. Кади Ахмет Гаффари, упоминая Болгар и Казань в составе именно Правого крыла Джучиева Улуса[27].

Следует подчеркнуть, что термин улус нужно понимать здесь не в смысле монгольской феодальной системы и вассальных отношений, сложившихся в XIII в. в собственно монгольском государстве, а как часть государства, как территориально-административное деление главным образом завоеванных земель. К тому же в районах с оседлым населением сложились особые условия подчинения местного населения монгольским завоевателям. Собственная улусная система была распространена лишь на кочевые степи[28].

Вследствие единства государственной религии, ислама, в Золотой Орде, особенно в период правления Узбек-хана (1312—1242 гг.) и его сына Джанибек-хана (1242-1257 гг.), сходства языка (поволжский тюрки — средневековый татарский язык) и основных элементов городской культуры (архитектура, строительство, система водопроводов, ювелирное искусство и многие другие виды ремесла) Болгар был не только близок к Золотой Орде, но стал ее органической частью. Именно в золотоордынский период произошли в Болгаре существенные, порой коренные, изменения: было основано производство чугуна, секрет изготовления которого был привезен татаро-монголам из Центральной Азии, появилось огнестрельное оружие, возник обычай установления эпиграфических памятников, произошли большие изменения в фор-

мах и орнаментации простой гончарной посуды и появилась керамика с подглазурной росписью, кирпично-каменная архитектура приобрела мозаичную и майоликовую облицовку.

Коротко охарактеризуем некоторые социально-политические изменения на бывшей болгарской земле и в городе Болгаре в золотоордынский период, особенно во второй половине XIV в. и в период распада Орды. Если своего высшего развития Болгар достиг в составе Улуса Джучи, в первой половине XIV в., то ситуация изменилась с конца 50-х годов в связи с начавшейся борьбой за власть в Сарае. В 1361 г. ордынский князь Булат-Тимур пытался завоевать Среднее Поволжье во главе с Болгаром. В 1376 г. этот сепаратист был разбит войсками суздальского князя, убежал в Сарай и там был убит золото-ордынским Азиз-ханом. Восстановил ли последний прежнюю власть над Болгаром — прямых сведений нет. Русские источники сообщают, что другой правитель, Хасан-хан, после низвержения в Орде сбежал на Север и объявил себя князем Болгара (он упоминается в летописях под именем Асан или Осан под 1370, 1376 гг.).

В конце 70-х годов XIV в. Урус-хан (Мухамед) и темник Мамай временно восстановили единство Золотой Орды. В круг их власти снова был включен и Болгар. Еще более укрепилось ордынское правление при Токтамыше, получившем трон в 1380 г. Токтамыш-хан — единственный правитель среди золотоордынских ханов, который взял Москву, и то лишь с целью заставить Великого русского князя Дмитрия Донского заплатить Орде традиционную дань. И победитель Мамай вынужден был продолжить уплату «выхода». Токтамыш также единственный хан, который носил титул «великий хан». В татарском эпосе «Идегей» ему дана высокая оценка как правителя, воина и справедливого хана. И не случайно эпос почти с первых строк начинается достойным упоминанием Токтамыша: «Ханствовал над страной татар Хан по имени Токтамыш»[29]. В «Идегее» есть целая серия эпитетов в его адрес: «Олы хан» (Великий хан), «Азамат ир» (Слуга народа) и т.д. Хочется отметить, что в последнее время, в 1986 г., у станции Каратун Апастовского района Татарстана найден огромный клад джучидских серебряных монет, чеканенных от имени Токтамыш-хана[30]. В нем более 24 тыс. монет, к настоящему времени это самый большой из подобных кладов.

Дело не только в количестве монет. Каратунский клад является уникальным по своей социально-политической значимости. Клады джучидских монет периода Токтамыша находили и раньше, доказывая важность проведенной им денежной реформы 1380-х годов, основная цель которой заключалась в унификации весовых норм монет, чеканенных различными городами[31].

Если в центре Золотой Орды — в Поволжье — монеты Токтамыша в ранее найденных кладах составляли незначительный процент среди других монетных находок[32], то в Каратунском кладе монеты, чеканенные Токтамышем, составляют подавляющее большинство — 78,8%. В составе клада имеются еще монеты почти всех ханов Золотой Орды и он включает в себя продукцию монетных дворов, расположенных на огромной территории, в том числе в Болгарском улусе и в городе Болгаре[33].

Так почему же, скажет пытливым читатель, такой могущественный хан был побежден в битвах с Аксак-Тимуром? Впрочем подобный вопрос уже поднимался в прессе и среди любителей истории. С нашей точки зрения (и я уже отвечал на этот

вопрос в своих некоторых работах), Тамерлан, завоевавший к тому времени почти половину Старого света, оказался более сильным полководцем и его военная тактика — более совершенной. Прежняя тактика Чингиз-хана побеждать противника окружением его с двух фронтов (с правой и левой сторон) и уничтожать его, устарела ко времени Токтамыша. Тамерлан же использовал тактику «клина» — мгновенно войти в центр и ликвидировать основные силы неприятеля. К тому же этому способствовала небывалая до этого крайняя жестокость Джигангира (завоевателя). Поэтому конец 80-х годов XIV в. — период мировых завоеваний Тамерлана, кровного врага Токтамыша, — явился началом конца Улуса Джучи, в том числе Болгара и других центров золотоордынской цивилизации.

После окончательного поражения в 1395 г. на Северном Кавказе Токтамыш со своим уцелевшим войском ушел на север, в сторону Болгара. Есть довольно широко распространенное мнение о том, что именно в это время, преследуя ордынского хана, Тамерлан завоевал Болгар и всю болгарскую землю. Это мнение основано на сообщениях некоторых поздних татарских рукописей, легенд и преданий о разрушении Аксак-Тимуром города Болгара. Однако целый ряд исследователей, среди которых и автор этого очерка, считают, что поход Тамерлана на Болгар не подтверждается ни одним ранним историческим источником — ни арабо-персидским, ни русским. Более того, о подобных завоеваниях нет ни одного сообщения у тех персидских авторов, которые, будучи биографами Тимура, подробно описывали каждый его поход, ведя записи иногда день за днем. Однако бывшая болгарская земля, особенно ее южные пределы, в какой-то мере пострадали при этих завоеваниях, особенно в результате известного сражения 1391 г. в бассейне реки Кондурчи. Не исключена возможность набега одного из отрядов Тимура на Болгар и в 1395 г. Еще сильнее пострадали бывшие болгарские земли от походов русских ушкуйников, начавшихся одновременно с первыми смутами в Сарае, ибо разбойники почувствовали ослабление центральной власти. Наряду с ограблением своих, русских городов, например Костромы, Углича, Нижнего Новгорода, эти русские «викинги» ходили с походами на Болгар, Джукетау (Жукотин), Кирменчук и некоторые другие города по Каме в 1360, 1366, 1374 и 1375 гг. Они грабили их, получали выкупы, уводили людей в плен. Не оставались в стороне и русские князья, совершавшие походы на среднюю Волгу в 1370, 1376 и 1431 гг. Последний поход, совершенный Федором Пестрым, воеводой Великого князя Василия II, явился разрушительным для Болгара, после чего этот город навсегда сошел с исторической арены[34].

В связи с сообщениями о походах русских князей и ушкуйников на Болгар и другие города Среднего Поволжья, о чем мы говорили чуть выше, крайне необходимо обратить особое внимание на одно важное сведение русских же летописей. Новгородская IV летопись сообщает под 1395 г.: «Они же (русские. — Р.Ф.), шедше ратью, плениша землю Татарскую и взяша град Болгары, и Жюкотин, и Казань, Кеременчук, и пребыша 3 месяца воюще и ни-ктоже не помнит толь далече воевала Рус Татарскую землю, и возвратишася с мною корыстью (богатством. — Р.Ф.)»[35]. Это событие зафиксировано в целом ряде и других летописей: Софийской I, западно-русских, Никаноровской, сокращенных летописных сводах XIV в., Русском хронографе и т.д. Такое частое употребление русскими летописями этнонима «татары», «татарский»

по отношению к событиям конца XIV в. объясняется тем, что в то время, когда редактировались эти летописные своды, этноним «татары» заменил уже этнонимы «кыпчаки» (половцы) и «болгары». Вообще, в развитый золотоордынский период болгарская земля, болгарские города названы в источниках татарскими. Следовательно, и город Болгар этого и последующих времен был уже татарским, но со своим прежним названием «Болгар»!

Не только болгары, даже более многочисленные кыпчаки были ассимилированы татарами. До распада Золотой Орды в 30-40-х годах XV в., до образования поздне-золотоордынских татарских ханств основное население этого огромного мира уже называлось татарами. Хотим кратко обратить внимание читателя на круг источников трех больших регионов тех времен.

Исторические источники, в которых достаточно богато освещена этнополитическая история Золотой Орды (русские летописи, записки европейских путешественников и дипломатов, средневековая арабо-персидская историческая география), четко и ясно констатируют победу этнонима «татары» не только над «болгарами», но и над «кыпчаками» — названием основного тюркоязычного, также домонгольского населения «Дешт-и-Кыпчак» — этнотерри-ториальной основы Золотой Орды. Эти источники четко и ясно называют ее основное тюркоязычное население — государствообразующую, государство-державную, «титულную нацию» Улуса Джучи — татарами.

Только в одной русской летописи, хотя и самой объемной пятитомной Никоновской, где подробно описывается история Руси и ее восточного соседа Золотой Орды, в качестве основного тюркского населения последней постоянно фигурируют татары. Вот далеко не полный перечень названий и определений, связанных с его этнонимом: «татары», «земли татарские», «страна татарская», «цари татарские», «татарское войско», «язык татарский», «вера татарская», «кровь татарская», «обычаи татарские», «сила великая татарская» и т.д.

В русских источниках, в которых представлены те или иные периоды истории Руси, Русского государства, России и их взаимоотношения с другими государствами и народами, все исторические народы названы своими именами, этнонимами: русские — русскими (русские, русти), немцы — немцами (немцы), чехи — чехами (чехи), сербы — сербами (сербы), литовцы — литовцами (литва), греки — греками (греки), армяне — армянами (армены), турки — турками (турки), ясы (аланы) — ясами (ясы), черкесы — черкесами (черкасы), мордва — мордвой (мордовичи) и т.д. Болгары названы болгарами, татары — татарами!

Подобные определения часто встречаются в исторических источниках, притом двух абсолютно самостоятельных миров — арабского Востока и Западной Европы. В качестве первоисточника приведу отрывки из сочинений двух людей, побывавших в первой половине XV в. у татар и видевших все своими глазами. Эти источники имеют еще просто познавательный интерес, особенно для тех, кто привык читать и слушать о Золотой Орде и татарах только отрицательное. Итак, два просвещенных человека почти одновременно, но совершенно самостоятельно побывали в Татарии, у татар. Один из них — европеец, венецианский путешественник и купец Иосифат Барбаро, который в 1436-1452 годах жил в городе Азаке (ныне Азов), позднее — видный политический деятель и крупный дипломат Италии. Живя в Азаке, он часто

выезжал в различные области уже позднейшей Золотой Орды, вернее ее правопремницы Большой Орды, и общался с татарами. Вот некоторые отрывки из его книги о своем путешествии в тогдашнюю Татарию: «В степях Татарии в 1438 г. правил хан по имени Улумахмет (Улу-Мухамед. — Р.Ф.), что значит великий Магомет император. Правил он много лет... Военные люди в высшей степени храбры и отважны... В их войске есть ремесленники — ткачи, кузнецы, оружейники и другие, и вообще, есть все необходимые ремесла... Татары прекрасные охотники... земли там плодородны и приносят урожай пшеницы сам — пять-десять... Татар очень много... Эдиль (Идель — Волга. — Р.Ф.) — многоводная и необычайно широкая река; она впадает в Бакинское (Каспийское. — Р.Ф.) море... Если плыть по этой реке... следуя пути в Москву, то в продолжении пятнадцати дней вдоль берегов будут встречаться бесчисленные племена Тартарии[36] (в Западной Европе слова «татары» и «Татария» писались через «р» в середине. — Р.Ф.).

Другой автор — Ибн Арабшах, арабский историк и литератор, также XV в., секретарь турецкого султана Мухамеда I, позднее писал биографию знаменитого Тамерлана и с целью сбора материала для своей будущей книги специально побывал в Хорезме и собственно Золотой Орде — Сарае, Астрахани и Крыму. «Эта область, — писал он, — исключительно Татарская... со [всех] сторон огражденная (охраняемая. — Р.Ф.) и во всех частях возделанная, обширная по объему, здоровая водой и воздухом. Люди ее — мужи [в полном смысле], воины ее [превосходные] стрелки. По языку это самые красноречивые турки, по жизни — самые праведные, по челу — самые прекрасные, по красоте — самые совершенные...»[37]

Со всей ответственностью хочу отметить, что «татары» золотоордынского периода не политический термин, более того — не прозвище, как пытаются утверждать некоторые «знатоки истории» наших дней. «Татары» эпохи Золотой Орды — это этноним, самоназвание совершенно определенного этноса, сложившегося в народность со всеми своими известными атрибутами, т.е. общностью языка, территории, экономики и культуры. Бесспорно, все это имеет прямое отношение и к болгарам — основному тюркоязычному населению северного улуса Золотой Орды, с чем мы ознакомились выше, обратившись к источникам историческим и археолого-нумизматическим.

После описанных событий еще какое-то время в Болгаре теплилась жизнь. Известно, например, что татарские поэты XIV и XVII столетий Муха-медьяр и Мавля Кольй писали некоторые свои сочинения в Болгаре. По археологическим данным, на городище есть небольшой культурный слой периода Казанского ханства. Однако при этом он уже не был большим городом с постоянным населением. Скорее всего, Болгар являл собой полуразрушенный городок, своего рода религиозный центр, куда приходили и временно проживали разного рода служители культа, паломники, дервиши, искавшие вдохновения странствующие поэты.

1 Фахрутдинов Р.Г. Домонгольский Болгар в письменных источниках // Древности Вол-го-Камья. Казань, 1977. С. 64-77.

2 Фахрутдинов Р.Г. Булгарские города: город Булгар // Казан утлары. 1972. № 9. С. 170-181 (на татар, яз.); Он же. О столице домонгольской Булгарии // СА. 1974. № 2. С. 137-140; Он же. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975. С. 125-127. - (Свод памятников.

- № 740); Он же. Мелодия камней. Казань, 1978. С. 95-118 (на татар, яз.); 1986. С. 103—130 (на рус. яз.); Он же. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 46-М, 109-116, 120-124; Он же. Болгар в письменных источниках // Город Болгар: очерки истории и культуры. М, 1987. С. 8-31. Он же. Здесь наши деды. Казань, 1992. С. 69-85 (на татар, яз.); Он же. История татарского народа и Татарстана. 1-е изд. Казань, 1995. С. 71-73 (на рус. яз.); 1996. С. 73-75 (на татар, яз.); переизд.: Монреаль, 1998. С. 73-75 (на татар, яз.); Он же. История татарского народа и Татарстана. 2-е изд. Казань, 2000. С. 71-73 (на рус. яз.); 2002. С. 81-85 (на татар, яз.); Он же. Шахи Болгар. Великий Булгар. Great Bulgar: фотоальбом / введ., литерат. часть, науч. консульт. Казань, 1997. С. 489; Он же. Великий Булгар // Мусульмане. М., 1999. № 1(2). С. 33-37; Он же. Атлас истории Татарстана и татарского народа / отв. ред., автор разд. по средневековью. Казань; М., 1990; Fahrutdinov R.G. History of the Tatars. Kazan, 2004. P. 48-50.
- 3 Джованни дел Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997. С. 116. Далее ссылки на авторов этой книги будут даны отдельно по авторам, напр.: Гильом де Рубрук. Путешествие...
- 4 Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. Т. I. С. 306.
- 5 Идегей: татарский народный эпос/ пер. С. Липкина. Казань, 1990. С. 6.
- 6 Здесь обычная транскрипция.
- 7 Erdmann F.J. Beitrage zur Kenntnis der Jnnern v. Russland. I. S. 301.
- 8 Шпилевский СМ. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 31, 163.
- 9 Рубрук действительно сообщает о зимней кочевке Бату-хана выше по Волге от «нового поселка» Уека к северу, в «Великой Болгарии».
- 10 Казанская история / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Г.Н. Моисеевой. М.; Л., 1954 С. 46.
- 11 Книга Марко Поло. С. 192.
- 12 Там же. С. 192.
- 13 Библиографию см. в кн.: Федоров-Давыдов Г.А. Клад монет XIII в. из Волжской Булгарии // Проблемы археологии Евразии. М., 1991. С. 189.
- 14 Фахрутдинов Р.Г. Земля кладов // Социалистах Татарстана. 1988. № 17 (на татар, яз.); Он же. Новые клады древних монет // Советская Татария. 1988. № 32.
- 15 Федоров-Давыдов Г.А. Клад монет... С. 181.
- 16 Там же. С. 188.
- 17 См.: Смирнов А.П. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 4-13.
- 18 Тизенгаузен В. Сборник материалов... Т. I. С. 236.
- 19 Там же. С. 237.
- 20 Там же. С. 378.
- 21 Вопросительный знак после слова «Иртыш» поставлен самим автором - ал-Муфадда-лом.
- 22 Тизенгаузен В. Сборник материалов... Т. I. С. 197.
- 23 Там же. С. 206. Арабский «фарсак» соответствует современному расстоянию 5-6 км.
- 24 Это сочинение по всеобщей истории, посвященное тимуриду Искандеру, сыну Омар-шейха, управляющему Фарсом и Исфаханом в 1409-1414 гг., было условно названо В.В. Бартольдом «Аноним Искандера». Впоследствии он, академик Бартольд, на основании упоминания у Давлетшаха, установил, что автором этого сообщения является Муин ад-дин Натанзи, написавший также биографию

- Искандера (см.: Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: извлечения из персидских сочинений. М., 1941. Т. П. С. 126). Учitando то, что названные сочинения давно распространены под названием "Аноним Искандера", мы также придерживаемся традиции в этом вопросе.
- 25 Тизенгаузен В. Сборник материалов... Т. И. С. 127.
- 26 Об этом см. подробнее: Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 141-144.
- 27 Тизенгаузен В. Сборник материалов... Т. П. С. 211. Гаффари пользовался более полной редакцией "Анонима Искандера".
- 28 Эволюцию социальной терминологии, в том числе и «улуса» в Монгольской империи и Золотой Орде, см.: Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй... С. 43-67, 109-117.
- 29 Идегей. С. 5.
- 30 Фахрутдинов Р.Г. Земля кладов; Он же. Новые клады древних монет. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // НЭ. Т. 1. С. 111. Там же. С. 113.
- 31 Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // НЭ. Т. 1. С. 111.
- 32 Там же. С. 113.
- 33 Названный клад был найден 26 мая 1986 г. при дорожно-ремонтных работах к северо-востоку от ж/д станции Каратун. Рабочие, нашедшие клад, передали его в РОВД Апастовского райисполкома; оттуда сообщили о кладе в Институт языка, литературы и истории (г. Казань). От имени Института клад принял автор этих строк с обязательством последующего введения его в научный оборот после подсчета общего числа монет и нумизматического определения всего состава клада. Определить клад с последующим изданием его, по моей просьбе, взялся выдающийся историк, археолог, нумизмат и историк искусства Г.А. Федоров-Давыдов. Герман Алексеевич 11 лет определял его, отреставрировал и подготовил для издания. Однако, к великому сожалению, преждевременная смерть помешала ему завершить работу по описанию клада и издать этот огромный клад в виде отдельной книги. За эту окончательную работу по описанию клада и подготовке его к изданию взялся нумизмат и эпиграфист Д.Г. Мухаметшин, который исполнил эту трудоемкую работу. Рукопись книги в соавторстве Г.А. Федорова-Давыдова и Д.Г. Мухаметшина (ответственный редактор доктор исторических наук Р.Г. Фахрутдинов) передана в издательство.
- 34 Более подробно об этом см.: Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 119-125.
- 35 ПСРЛ. Т. IV. С. 102. Это отмечено и в ряде других летописей.
- 36 Барбаро и Контарини о России: к истории итало-русских связей в XV в. / вступ. ст., подгот. текста, перевод и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 137 и сл.
- 37 Тизенгаузен В. Сборник материалов... Т. I. С. 459.

ТОРГОВЛЯ БОЛГАРА

М.Д. Полубояринова

Волжская Болгария находилась в выгодном для торговли географическом положении. Благодаря рекам Волге и Каме она оказалась на перекрестке важнейших путей средневековой Восточной Европы и Азии, тянувшихся с севера на юг и с запада на восток. Это способствовало не только посреднической торговле, но и развитию болгарского ремесла, продукция которого также становилась товаром. В стране уже в ранний период стали появляться торгово-ремесленные поселения по левому берегу Волги и Камы. Исследователь их Е.П. Казаков насчитывает в этом районе до 10 таких пунктов; наиболее крупные среди них Измерский и Семеновский комплексы (970-е и 1080-е годы)[1].

Огромный материал по домонгольской международной торговле дает крупнейший город Волжской Болгарии Биляр[2].

Большой фактический материал по монетам, слиткам, весам, гирькам и другим свидетельствам активной торговой деятельности содержит книга Р.М. Валеева, посвященная торговле и денежно-весовым системам Волжской Болгарии домонгольского периода[3]. Также много данных по торговле Волжской Болгарии и ее северных соседей — областей Прикамья и Приуралья — представлено в книге А.М. Белавина о Камском торговом пути[4].

Изучение торговли древнерусских городов позволяет в деталях рассмотреть болгарско-русские торговые взаимоотношения, лишь в общих чертах известные по письменным источникам. Некоторые сведения, касающиеся восточного направления торговых интересов новгородских купцов, ориентированных в большей степени на Запад, можно найти в книге Е.А. Рыбиной о торговле средневекового Новгорода[5]. Круг восточных находок, поступавших на Северную Русь, в основном через Болгар, возможно, в будущем будет расширен.

Основное направление торговых устремлений московских купцов — по Волжскому пути на восток, в Болгар и другие города Волжской Болгарии, а через них в страны Азии — прослежено в книге А.М. Кользина о торговле Москвы[6]. Перечень находок импорта с Востока во Владимиро-Суздальские земли содержится в книге М.Е. Родиной[7].

Самые первые упоминания Болгара в сочинениях восточных авторов характеризуют его как крупный торговый центр.

Ибн Фадлан рассказывает о посещении царя болгар, остановившегося во время своей кочевки в местности, называемой Три озера: «Между этим местом и (их) огромной рекой, текущей в страну хазар (находится) место рынка, который бывает бойким во всякий (благоприятный) момент. На нем продают многочисленные ценные вещи»[8]. Деревня Три озера до сих пор существует неподалеку от Болгарского городища. К западу от Болгара на Волге находится урочище Ага-Базар, где была торговая пристань Болгара, возникшее как место торга, возможно, раньше, чем сам город. Видимо, именно здесь приставали корабли русов, и купцы направлялись к сооруженному где-то поблизости языческому святилищу, чтобы принести жертвы богам.

Другой автор X в. ал-Балхи говорит: «Внешний Булгар — маленький город, не занимающий большого пространства, и известен только тем, что он главнейший торговый пункт этого государства»[9].

Ибн Хаукаль сообщает в своем сочинении: «Булгар небольшой город, не имеет большой территории. Он был некогда знаменит, так как был складочным местом торговли тамошнего государства. Но русские разрушили его в 358 г.»[10] (968-969 гг.). И еще: «Русские продавали (меха) в Булгаре, пока этот город не был ими разрушен в 358 г.»[11] В сочинении Ибн Русте говорится о прибытии в Болгар мусульманских судов: «...если приходят к ним мусульманские суда для торговли, берут с них десятину»[12].

Испанский араб ал-Гарнати в 30-50-х годах XII в. совершил большое путешествие, и в том числе побывал в Поволжье. Он говорит о Булгаре как о крупном торговом городе, рассказывает, что из мест, богатых солью в низовьях Волги, ее перевозят на судах по этой реке в Булгар[13]. Затем ал-Гарнати сообщает подробности о том, как проходит закупка мехов в стране Вису, о продаже ее жителям мечей, «которые привозят из стран ислама в Булгар»[14].

Сведения восточных источников о торговле города Болгара немногочисленны. Гораздо больше они рассказывают о торговле Волжской Болгарии в целом. Страну болгар в X в. уже довольно хорошо знали и в Средней Азии, и на Ближнем Востоке именно благодаря торговле. Древние авторы пишут в основном о тех товарах, которые не может выявить археология и о которых можно было бы только гадать, не будь письменных источников.

Основным товаром, интересующим среднеазиатских, арабских, иранских купцов, были меха. Торговля мехами сделала Болгар на раннем этапе крупным центром международной торговли. Здесь сходились пути болгарских, славянских, скандинавских купцов и торговцев с Востока. За мех платили серебряными монетами, что обеспечило громадный приток серебра на Волгу в IX-X вв., гораздо меньше в XI в. Именно восточного купца, имеющего серебряные дирхемы и динары, просит послать ему купец-рус, торгующий мехами и невольниками, обращаясь к своему боже-ству[15]. «А белые круглые дирхемы привозят из областей ислама и совершают на них сделки», — пишет Ибн Русте[16]. Гардизи сообщает, что болгары ломают дирхемы, которые отдают русам и славянам, так как те не продают товары иначе, чем за чеканенные дирхемы[17].

Ради драгоценных шкурок соболей, бобров, горностаев, выдр, чернобу-рых лисиц, песцов, которые поставляли рынки Волжской Болгарии, арабские купцы предпринимали трудные и дальние поездки на север, в самую крайнюю точку мусульманского мира. О меховой торговле упоминают все авторы, которые пишут о Волжской Болгарии. Ибн Фадлан сообщает, что меха к болгарам привозят из страны Вису и купцы-русы[18]. «Хазары торгуют с ними и совершают сделки, также и русы привозят к ним свои товары, и все те, кто обитает на обоих берегах этой реки, привозят к ним (болгарам) свои товары, как то: соболей, белок и другое», — говорит Ибн Русте[19]. Марвази, описывая природу Болгарии, отмечает, что в местных лесах водятся белка, соболь и другие ценные пушные породы[20]. Это может означать, что болгары торговали и своими мехами.

Одним из основных торговых партнеров Волжской Болгарии на протяжении всей ее истории был Север. Это известные по арабским источникам страна Вису (большинство исследователей помещают ее в Приуралье), страна Йуру (Северное Зауралье — «югра» русских летописей — манси, вогулы, остяки), страна Чулыман (Прикамье). Именно о народе Вису, о том, что ночь у них летом длится менее часа, а путешествие от болгар к ним занимает три месяца, рассказал Ибн Фадлану болгарский царь. Из страны Вису, по сообщению, полученному Ибн Фадланом, привозят соболей и черных лисиц[21]. Об этих северных народах говорят Якут, Казвини, Бируни, Марвази[22]. Ал-Гарнати называет расстояние от Болгара до области Вису — месяц пути. Он определяет области Вису и Ару как данников Болгарии: «платят харадж» (поземельный налог). За страной Вису на море Мраков (Северный Ледовитый океан) Гарнати помещает область Йура[23]. Область Ару, где охотятся на бобров и горностаев, это, по-видимому, земли древних удмуртов — более поздняя «Арская земля» русских летописей. По сообщению Истахри, земля Арса прилежала к северной необитаемой пустыне и из нее вывозили мех черного соболя и свинец[24].

В рассказе ал-Гарнати отразился поэтапный характер торговли — болгарские купцы ездят в область Йура, а люди йура продвигаются к морю Мраков и там происходит немая меновая торговля: «И приносят товары, и кладет (каждый) купец свое имущество отдельно, делает на нем знак и уходит; затем после этого возвращаются и находят товар, который нужен в их стране... И не знают кто такие те, у кого они покупают эти товары». Дорога к Йура, по описанию Гарнати, идет по земле, с которой никогда не сходит снег, поэтому купцы идут на лыжах, которые так же подробно описаны, как и снежный покров, который никогда не слеживается и ходить по нему могут лишь легкие животные. «И если это не выдумка», — предупреждает ал-Гарнати. Поэтапная торговля отмечена ал-Гарнати и при описании продажи мечей, привозимых в Болгарию из стран ислама: болгары везут их в Вису, где водятся бобры, жители Вису везут их в Йуру, и ее жители покупают их за соболиные шкуры и невольников[25].

В золотоордынское время путешественник Ибн Баттута писал о том, что вход в страну Мрака лежит через Болгар и между ними 40 дней пути. Он тоже описывает немую меновую торговлю, но, по его признанию, со слов людей, встреченных в Болгаре. Сам Ибн Баттута предполагал совершить подобное путешествие, но отказался от него «вследствие больших хлопот (потребных) на это и малой пользы». И все-таки у Ибн Баттуты есть описание каравана из саней, запряженных собаками, на котором богатые купцы путешествуют на Север[26].

О том, что сношения с северными охотниками были привилегией болгарских купцов, и о поэтапном характере торговли свидетельствует текст ал-Омари: «Купцы наших стран... не забираются дальше города Булгара; купцы булгарские ездят до Чулымана, а купцы чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера»[27].

Таким образом, торговлю с Севером болгарские купцы держат в своих руках на протяжении столетий «и получают от этого огромную прибыль», в частности торгуя мечами в обмен на меха[28]. Цена шкурок была очень высока. Ибн Русте сообщает, что шкурка куницы приравнивается у болгар к двум с половиной дирхемам[29]. Об огромной прибыли говорит позднее Ибн Баттута: шкуры соболей и горностаев стои-

ли в Индии соответственно 400 и 1000 динаров[30]. В перечне подарков, которые ордынский хан Тохта посылал хула-гуйдскому хану, названы болгарские соболя и «соколы дальнелетные»[31]. Послы Джанибека в Египет в 1357 г. привезли в числе подарков соболя меха и хищных птиц. По сведениям Герберштейна, лучшие кречеты и черные соболя водились на Югре[32]. Пермские соколы доставлялись в Европу через итальянскую колонию Тану (Азов)[33].

Болгары вывозили на Север две группы товаров — предметы посреднической торговли и продукцию болгарского производства.

Посредническая торговля Волжской Болгарии давала, вероятно, на ранних этапах истории государства основной доход. Наиболее яркий материал об этой торговле представляют клады и отдельные находки восточной и византийской серебряной утвари, арабских и других монет, находимые на всей территории Прикамья и Зауралья. Топография серебряных сосудов, найденных в Приуралье и Зауралье, изучена В.Ю. Лещенко[34]. Им учтено 104 клада. Больше всего кладов найдено на верхней Каме — 58; они датируются концом VII-IX в., IX-XI вв., XI-XIII вв. Наибольшее число кладов относится ко второму периоду (IX-XI вв.). Через болгарское посредничество попадали в северные земли стеклянные и каменные бусы восточного происхождения. Болгарские купцы привезли, вероятно, на Каму ткань самит, изготовленную в Константинополе в XII в. [35]. Через них попадали на территорию мари раковины каури[36]. В Приобье найден фрагмент шерстяного ковра, попавшего за Урал через тех же купцов[37].

Значительную часть товарного потока на Север составляли изделия болгарских ювелиров. Это серебряные пластинчатые браслеты со вставками на концах, плетеные браслеты, серьги, подвески, височные бусенные кольца, лунницы, украшенные сканью и зернью, перстни с черненым орнаментом, шейные гривны, зооморфные бронзовые замочки, бляшки поясного набора. Свидетельства этого производства, в том числе литейные формы, найдены в Биляре, Болгаре и на Измерском комплексе. Следы изготовления подобных поясных накладок есть на I Семеновском селище[38]. О болгарском импорте на Север говорят находки железных и медных котлов и другой металлической посуды[39]. В настоящее время предполагается, что медь для изготовления различных изделий болгарские ремесленники получали от своих северных соседей — из Среднего и Верхнего Прикамья, где найдены следы добычи и обработки медной руды, а также литейные формы для отливки медных слитков. На болгарской территории такие свидетельства пока не открыты[40]. Сообщение Истахри о вывозе свинца из земли Арса приводилось выше.

Безусловно, болгары изготавливали многие ювелирные изделия, подражая вкусам финно-угорского населения в расчете на сбыт в землях соседей. М.В. Талицкий опубликовал каменную литейную форму с Болгарского городища для отливки бронзовых проносок со вздутиями — украшений, характерных для обитателей верхнекамских городищ[41]. Однако находки очень большого числа украшений, в том числе местных форм, — след своего серебро- и бронзолитейного ремесла. И это заставляет многих исследователей, например древнеудмуртских древностей, более осторожно подходить к вопросу о месте изготовления части ювелирных изделий, а в связи с этим и вообще к оценке роли Волжской Болгарии в культуре местного населения[42]. К.А. Руденко прослеживает

различия между болгарскими ювелирными украшениями и теми вещами, которые находят на территории Прикамья и Зауралья. На этом основании он делает вывод о наличии в Прикамье собственного ювелирного производства[43].

Особое место занимает болгарская керамика, как тарная, так и парадная столовая и кухонная посуда. Количество ее на многих памятниках очень велико, что говорит о проживании здесь болгар, связанных с торговлей и, вероятно, с ремеслом. Парадная керамика и товары, помещенные в керамическую тару, также, вероятно, служили предметом торговли[44].

В середине XIII в. в земли Камского бассейна увеличился приток болгарского населения, спасавшегося от монгольских завоевателей[45]. О торговых отношениях в этот период говорят находки нескольких монет, чеканенных в Болгаре первыми золотоордынскими ханами[46]. Появились серьги в виде знака вопроса, львиноголовые пластинчатые браслеты, кашинная поливная керамика, которая изготавливалась в нижневолжских золотоордынских Центрах.

Наиболее удаленной областью, куда доходило северное направление болгарской торговли, является Зауралье, бассейн нижней Оби. Этот путь был продолжением Волжского пути, и по нему, начиная с I тысячелетия н.э., шли товары — вначале прикамские, вместе с ними и из более удаленных стран, позднее — болгарские, когда Волжская Болгария стала посредником в торговле Зауралья с развитыми странами Востока, Византией. Болгары-купцы доходили только до Верхнего Прикамья. Дальше их сменяли купцы-коми, чьи фактории зафиксированы на нижней Оби с X в. [47]. находка каролингского меча в Западной Сибири заставляет вспомнить сообщение ал-Мукаддаси о том, что западноевропейские мечи через Болгар и Хорезм продавались в страны Востока. Видимо, и в страны Севера. В настоящее время в Зауралье найдено более 20 серебряных сосудов, около 200 болгарских сканных украшений, несколько десятков болгарских украшений с чернью и прикамские украшения, относящиеся к XI–XIV вв., армянская сабля XII–XIII вв. мастера Хачатура[48]. С XI–XII вв. появляются железные замки и ключи, стеклянные и хрустальные бусы. В X — первой половине XI в. находки болгарских вещей единичны, в XII–XIII вв. их больше. Максимум импорта в регионе падает на золотоордынский период (конец XIII–XIV в.) — это поливная керамика, оружие и орудия европейского облика[49]. Все эти товары были произведены в Золотой Орде, в том числе и на территории Волжской Болгарии. С XV в. наблюдается спад импорта.

Большинство описываемых находок происходит из таежного Зауралья[50]. Украшения изготовлены без применения литья. Основа украшения вырезалась из серебряного листа. Сверху напайвалась скань и зернь — пирамидки, ромбы, розетки. Фон покрывался позолотой. Работа грубая. Технология с XI по XV в. почти не менялась. Домонгольские вещи сделаны из хорошего серебра и более массивны, золотоордынские — тоньше, серебро темнее, декор беднее. Из анализа зауральских находок следует вывод, что болгарские ювелиры работали специально для внешней торговли[51].

Вероятно, продукцией болгарских ремесленников являются несколько серебряных пластин, защищающих запястье лучника, их характеризует северный стиль и болгарская техника. Пластины были найдены в Тобольской губернии на Оби[52]. Подобные костяные пластины найдены в Биляре и в Болгаре[53].

Болгары также вывозили очень хорошо выделанные кожи. Они на Руси позднее назывались «юфть», а в Средней Азии получили по месту их производства название «булгари». Кожи «булгари» упоминаются в среднеазиатских источниках с древности до XIX в. Даже когда это ремесло распространилось в России и в Бухаре, все равно за такими кожами сохраняется название «булгари»[54].

Из Зауралья в Волжскую Болгарию вывозили меха, мамонтовую кость моржовые клыки, рабов (по сведениям ал-Гарнати), а из Приполярного Урала — соколов для охоты, которая была очень распространена в X в. на арабском Востоке. Ловчих соколов, Мамонтову кость в числе прочих товаров вывозили из своей страны средневековые хакасы[55]. Возможно, эти товары попадали и на рынки Волжской Болгарии.

Самым ходовым товаром, имеющим непреходящую ценность в течение многих веков, были невольники. О существовании работорговли и о крупном рабском рынке в Болгаре источники сообщают с X по XV в. О привозе купцами-русами на продажу в Болгар невольников рассказывает Ибн Фадлан[56]. Ибн Русте на эту тему сообщает следующее: «Они (русы) нападают на славян; садятся на суда, отправляются к ним, полонят их, вывозят в Хазаран и Булгар, продают их...»[57]. То же пишет и Гардизи[58]. Эти же авторы говорят о нападениях болгар на буртасов, которых они берут в плен[59], вероятно, также для продажи. Ал-Гарнати рассказывает, что жители северной страны Йуру расплачиваются за поставляемые им мечи не только мехами, но невольниками и невольницами. В другом месте этот же автор говорит о походах царя болгар во время сильных морозов против неверных, который уводит в плен их жен, сыновей, дочерей и лошадей[60].

Восточные источники дают сведения и о товарах, которые ввозились в страну болгар. Ибн Фадлан говорит, что многие болгарские купцы отправляются в страну тюрок и привозят овец[61]. Возможно, это происходило летом, когда, как сообщает Ибн ал-Асир, племена огузов откочевывали на запад и проводили лето со своими стадами около Болгарии[62].

На взгляд арабских и персидских географов, Болгария предстает лесистым краем, а жители обитают в зарослях и дремучих чащобах. О составе лесов наиболее подробно пишет Марвази: он называет орешник и дерево «ха-данк»[63]. У соседей-буртасов растет дерево «халандж» и они вывозят его в Хорасан (Исхак ибн ал-Хусейн)[64]. Относительно пород деревьев, скрывающихся под этими названиями, мнение исследователей текстов расходятся. Френ полагал, что это береза. Видимо, это дерево имел в виду Ибн Фадлан, когда описывал, как болгары пробуравливают ствол его и, подставляя сосуд, собирают сок для приготовления хмельного напитка.

В других местах своих записок Ибн Фадлан называет дерево хаданк, из которого изготовлены весло, гроб, подпорки для погребальной лады, надгробие. Это, видимо, другое лиственное дерево - осина, дуб или тополь.

В источнике XII в., персидской энциклопедии Наджиба Хамадани, сообщается, что халандж растет в окрестностях Туркестана и до страны Хорезм, и из этого дерева делают тарелки, чаши и другие вещи. А дерево хаданг растет в стране русов. Его корой обкладывают футляры копий, ножны для сабель, так как древесина хаданга мягкая и податливая[65].

По-видимому, болгары торговали и лесом. Б.Н. Заходер на основании описанных ал-Гарнати больших деревянных домов, построенных из ели и сосны в Саксине на нижней Волге, замечает, что сосновые и еловые бревна не могли быть доставлены в Саксин иначе, как путем сплава со средней Волги в низовья[66]. В более раннее и более позднее время так же могли сплавливать из Болгарии древесину для продажи в Среднюю Азию или на Ближний Восток, где своих лесов не было. О том, что болгарский лес ценился на Востоке, говорит А. Мец[67].

Еще одним предметом торговли для болгар мог быть мед. Об их занятиях бортничеством сообщает Ибн Фадлан: «В их лесах много меда в жилищах пчел, которые они знают и отправляются (к ним) для сбора этого (меда)»[68]. «Мед у них дешевый», — пишет ал-Гарнати[69]. Истахри говорит, что к хазарам ввозят мед и свечи, которые привозят от русов и болгар[70].

Со слов Ибн Фадлана известно, что из Волжской Болгарии вывозили кость, вероятно мамонтовые бивни. Ему сообщили, что три большие миски, которые он видел у царя болгар, сделаны из основания рога носорога[71]. По более реалистичным сведениям ал-Гарнати, «...под землей есть бивни слонов, белые как снег, тяжелые, как свинец... не знают из какого зверя они выломаны. И вывозят их в Хорезм и Хорасан. Из них изготавливают гребни и Шкатулки и другое, так же как изготавливают из слоновой кости, но только крепче слоновой кости, не ломается»[72]. Мамонтовая кость доставлялась в Болгар из Западной Сибири, где туши мамонтов до сих пор иногда вытаскивают в берегах рек[73]. В.Н. Чернецов сообщает, что манси (югра) считают клыки мамонта рогами. По их древним сказаниям, мамонты живут под землей, а их клыки встречаются на поверхности[74]. Есть также сообщение, что за страной Йура в море водится рыба, клыки которой используют на различные поделки — ручки кинжалов и т.д.[75]. Имеется в виду морж, клыки которого болгарские купцы получали от северных народов и продавали восточным торговцам.

Благодаря ал-Гарнати мы знаем, что в Болгар привозили мечи из мусульманских стран, из городов Зенджан, Абхар, Тебриз. Там изготавливали специально клинки мечей, очень сильно закаливали их, но не украшали и не приделывали к ним рукояти. «И эти мечи как раз те, которые годятся, чтобы везти их в Йуру»[76]. Ниже автор дает фантастическое объяснение этому: каждый житель страны Йуру каждый год должен бросить меч в море Мраков (Северный Ледовитый океан). За эту жертву море выбрасывает им огромную рыбу, от которой каждый, принеся жертву, может отрезать мяса и сделать запасы. В другом месте ал-Гарнати возвращается к этой теме при описании меновой торговли болгар с жителями страны Вису: «И выезжают купцы из Болгара в страну неверных, которых называют Вису, из нее идут превосходные (шкурки) бобров, а к ним привозят мечи, которые делают в Азербайджане не в виде клинков без полировки»[77]. Д.А. Хвольсон также нашел объяснение этому рассказу — мечи служили гарпунами при охоте на китов[78]. Возможно, не все мечи употреблялись как гарпуны. По данным А.М. Белавина, в Сургутском Приобье найдено 10 сабель IX-XIII вв., большинство из которых имеют рукояти и ножны, изготовленные местными мастерами[79].

О том, как нуждались в железных клинках северные охотники, повествует и русский источник. В «Повести временных лет» под 1096 г. помещен рассказ новгородца Гюряты Роговича о его отроке, посетившем югру, и о том, что далеко на Севере можно видеть в скале в маленьком окошке северных людей, которые делают знаки, прося железа, за которое они дают меха[80].

Интересно, что через Болгар идет и другой поток — западноевропейские мечи, обладающие лучшими боевыми качествами. Они продавались в страны Востока через Болгар и Хорезм. Свидетельство об этом есть у ал-Мукадда-си[81]. Вероятно, именно через болгарских купцов попал в Западную Сибирь каролингский меч XII — начала XIII в. с латинской надписью[82], как и армянская сабля XII—XIII вв. в Приполярный Урал.

Ал-Гарнати рассказывает об одном экзотическом товаре, ввозимом «в страну болгар и в страну славян», — дубленых добела шкурах дельфинов, которые разрезают на узкие ремни. Их добывают и обрабатывают румийцы (византийцы). Здесь ал-Гарнати соединяет в одном животном моржа и дельфина, так как описывает его с бивнями[83].

Но основными статьями ввоза на рынки Волжской Болгарии должны были быть предметы роскоши, так как именно они могли обеспечить купцам высокую прибыль. Что из товаров Востока ценилось в это время, можно понять из описания подарков, которые подносило посольство Ибн Фадлана военачальникам огузов и болгарскому правителю: динары, сапоги из красной кожи, мускус, мервские одежды, шелковые и парчовые одежды; для жены — покрывало, перстень для Этрэка, начальника войска огузов. Царь болгар, помимо официальной одежды и тюбана, какие носят придворные в Багдаде, получил в подарок благовония, одежды, жемчуг, оседланную лошадь (вероятно, арабского скакуна)[84].

Возможный список товаров, поставляемых в Волжскую Болгарию, можно извлечь из перечня наиболее известных предметов роскоши, которые изготавливали ремесленники Востока. Ал-Истахри сообщает, например, что в Нишапуре производятся одежды из хлопка и шелка, которые вывозят в остальные страны ислама и некоторые страны многобожия. Лучшие льняные ткани делают в Мерве[85]. По словам ал-Мукаддаси, различные ткани, одежды, покрывала и плащи делают в Нишапуре, там же — пряжу и железные вещи. В Нисе и Абиверде — шелк и хлопчатобумажные одежды. В числе прочей продукции разных городов упоминаются, мыло, кунжут, благовония, ковры, седельные сумки, парча, вышивки[86]. Дорогие привозные изделия — византийскую парчу, армянские ковры, разные ткани «кумачи» упоминает Ибн Фад-лан при описании шатра болгарского царя и похорон богатого руса[87].

Основные сведения о торговых отношениях Волжской Болгарии и Руси содержатся в русской летописи. Знакомство русских княжеств с волжским путем как дорогой на Восток обнаруживается уже в очень раннее время. В недатированной части «Повести временных лет» есть известная фраза: «...ис того же льса [из Оковского] потечеть Волга на вѣсток и вѣтче седьмьюдесять жерель в море Хвалшское, темь же из Русі можеть ити по Волзь в Болгары и в Хвлисы и на вѣстокъ дойти въ жребии Симовъ...»[88]. «Хвалисы» толкуются по-разному, это или Хорезм, или Хазаран

(часть Итиля, где жили купцы, в том числе славяне и русы). Упоминание о возможности попасть по Волге в «жребий Симов» говорит о знакомстве автора летописного текста с Волжским путем как дорогой к восточным народам, в частности к арабам. Последние десятилетия X в. — время активных походов киевского князя Владимира на болгар, с захватом добычи и пленных — 985, 994, 997 г. [89]. По В.Н. Татищеву, в 1006 г. был заключен торговый договор между Владимиром и болгарскими купцами, которые просили, чтобы им позволили свободно торговать по Волге и Оке. Болгары получили право торговать по всем русским городам, а русские купцы, также с торгом, ездить без опасения в Болгарию[90].

Одной из значительных статей вывоза на Русь из Волжской Болгарии было зерно. Под 1024 г. летопись сообщает, что во время голода в Северо-Восточной Руси «... вси людие» (видимо, суздальские купцы) пошли по Волге в Болгары «... и приведоша пшеницу и жито, и тако ожиша»[91], т.е. покупка болгарского хлеба спасла край от голода.

После серии победных походов владимиристо-суздальских князей на Болгарию заключались мирные соглашения в 1183, 1220, 1229 гг.[92].

В.Н. Татищев сообщает, что в 1229 г. по случаю голода на Руси болгарский князь прислал в дар Великому князю Юрию Всеволодовичу 30 насадов «с житами», а во всех русских городах по Волге и Оке болгары продавали жито. Юрий отдался сукном, парчой, «рыбьей костью» (т.е. моржовыми клыками)[93].

Ю.А. Лимонов считает, что болгарские купцы упоминаются Ипатьевской летописью при описании убийства Андрея Боголюбского[94]. Однако внимательное прочтение текста, на который он ссылается, показывает, что болгары, действительно упомянутые в этом месте, не причислены к купцам[95].

Торговые отношения с Русью продолжались и в золотоордынский период. О русских купцах в Болгаре неоднократно упоминается в летописях. В 1360 г., как сообщает летопись, в Болгаре по воле ордынской администрации были ограблены купцы-христиане, видимо, русские[96]. Упоминание о купцах-христианах на Волге содержится и в описании разбойничьего набега новгородских ушкуйников в 1375 г. Ушкуйники продавали пленных, захваченных в русских и болгарских городах, на русских рынках Болгара и нижеволжских городов[97].

В 1382 г. русские купцы в Болгаре были ограблены по распоряжению хана Тохтамыша, который готовился к походу на Москву. У русских отняли суда с товарами[98]. Насколько велико было для русских купцов значение Болгара как ключевого пункта волжской торговли, говорит запись летописца под 1361 г. о том, что во время ордынской смуты князь Булак-Тимур захватил Болгар и «... отънял бо Волжьскы путь»[99].

Приведенные выше указания источников в ряде случаев подтверждаются и дополняются археологическими материалами. Детальное представление о торговых связях Болгара дает рассмотрение импортных находок. Обзор этих вещей дается по материалу, из которого они изготовлены. Приведены возможные аналогии, позволяющие в большинстве случаев определить, в какой стране и в какое время был изготовлен тот или иной предмет, какими торговыми путями Средневековья он был доставлен в Болгар.

ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛ

Изделия из цветного металла, найденные в Болгаре, собраны и изучены в работе Г.Ф. Поляковой[100], которая выделила среди них привозные вещи. Для раннего этапа города (X — начало XI в.) это, в частности, два скандинавских предмета. Плоская подвеска с изображением человеческой маски с усами и круглыми глазами в окружении плетенки и оскаленных звериных морд по сторонам датируется в скандинавских древностях X в. Равноплечая фибула, покрытая плетенкой, с оформленными в виде звериных морд концами, датируется второй половиной X в.; подобные встречаются и на Руси, в частности — в Ярославском Поволжье[101]. Эту фибулу И.Л. Измайлов не относит к товарам, считая ее принадлежностью женского костюма, которая имеет сакральную сущность[102]. К XI-XII вв. относится бронзовая литая подковообразная фибула с расширенными концами из Прибалтики[103].

Большинство инородных вещей в ранний период истории Болгара происходят из Прикамья. Найдено три бронзовые финно-угорские рукояти кресал, известные с конца I тысячелетия н.э. до середины XI в. Одна из них арочной формы с ажурным орнаментом, ее Г.Ф. Полякова датирует концом X — первой половиной XI в. как схематизированную форму более древних рукоятей с двумя всадниками или двумя медведями в противостоянии[104]. Две другие представляют собой, по мнению Л.А. Голубевой, схематизированное изображение коней и датируются X в.[105].

К XII — началу XIII в. относится височное кольцо с трехоставными бусами, украшенными зернью и сканью, характерное для позднего этапа родановской культуры. К этому времени относятся и шумящие привески прикамского происхождения: якорьковые, арочные, кольцообразные и в виде изогнутой планки[106]. К прикамским относит Г.Ф. Полякова и некоторые наконечники ремней. XII — началом XIII в. датировано кочевническое погребение на Бабьем Бугре, где были найдены серебряные серьги, сделанные из пластины серебра и украшенные сканью и янтарными вставками[107].

К произведениям среднеазиатских или иранских мастеров X-XI вв. отнесена поясная бляха с арабской благопожелательной надписью. Бляшка, украшенная чернью и позолотой, прямоугольная, с арочным верхом, поделена на три зоны: в верхней и нижней — надпись, в средней — две обращенные друг к другу птицы[108].

К иранским (хорасанским) изделиям XII-XIII вв. отнесена бронзовая ступка, массивная, с выпуклым дном, украшенная двумя рядами миндалевидных выступов и гравированным эпиграфическим и геометрическим узором[109].

Золотоордынским периодом датируются несколько импортных сосудов. Бронзовая чаша была найдена А.П. Смирновым при раскопках бани Красная палата. Она сделана в технике инкрустации серебром. Широкую полосу по краю занимает эпиграфический орнамент, причем на верхних концах букв помещены человеческие лица, выполненные серебром; остальное пространство занимает переплетение растительного орнамента[110]. Эпиграфический орнамент с изображением человеческих голов на металлических изделиях в Иране существовал со второй половины XII до начала XIV в.[111]. К золотоордынскому периоду относит В.П. Даркевич и знаменитую чашу с изображением игроков в конное поло, охотников и звериного гона, найденную в Болгаре. На чаше имеются также благопожелательные надписи и сложные

узоры. Инкрустация выполнена золотом и серебром. В.П. Даркевич датирует чашу второй половины XIII в. и считает ее изделием мастеров Мосула[112]. К XIII в. (Иран?) отнесен В.П. Даркевичем обломок бронзового сосуда с гравированным орнаментом и арабской надписью[113].

Иран как место производства определен и для основания бронзового подсвечника с инкрустацией серебром и гравировкой. Подсвечник был найден Рядом с церковью в Армянской колонии около Болгара, датируется первой половиной XIV в.[114]. На центральной полосе подставки подсвечника в шести медальонах изображены пирующие мужчины. Человеческие фигурки перемежаются изображениями сказочных существ — сфинкса, гарпий и крылатого четвероногого зверя. Между медальонами помещены цветы лотоса и орнаментальные арабские буквы с человеческими головами на верхних концах и заячьими — на нижних. Подобные буквы встречены, кроме сосуда из Красной палаты, на обломке бронзовой чаши с серебряной инкрустацией из Болгара, хранящемся в Государственном Историческом музее[115].

К XIV в. В.П. Даркевич относит два бронзовых котелка, найденных в составе клада 1889 г. на Болгарском городище. Один из них, украшенный гравировкой и серебряной инкрустацией, несет благожелательную арабскую надпись, медальоны с розетками, растительный и геометрический орнамент. Этот котелок определен как иранское изделие. Другой котелок, с гравировкой, но без инкрустации, также содержит в орнаменте благожелательную надпись и сложный узор из растительных частично геометризированных элементов. Этот котелок В.П. Даркевич считает изделием сиро-египетского художественного ремесла[116].

Восточное происхождение обнаруживает ручка от ложки, украшенная циркульным и ямочным орнаментом. Место ее изготовления — Хорасан и дату — X-XI вв. Г.Ф. Полякова устанавливает по розетке из семи кружков, которая считается знаком хорасанских мастеров этого времени[117].

Хорасанское происхождение имеют и три ранних бронзовых замочка в виде фигурки льва с рогом на затылке. Аналогии ему найдены в Биляре и в окрестностях Мерва. В Мерве также есть фигурки льва, схожие с замочками[118]. Мерв расположен недалеко от иранских ремесленных центров. В экспозиции Берлинского музея Востока подобные замочки отнесены к иранским.

В Болгаре была найдена бронзовая матрица для изготовления небольших круглых блях с изображением всадника в окружении животных, птиц и рыб[119]. Рисунок сделан в стиле верхнекамского и зауральского искусства. Подобные бляхи из серебра и бронзы найдены на верхней и нижней Каме, в Пермской губернии и в Западной Сибири[120]. Всего к настоящему времени известно 14 таких блях[121], они датируются в пределах от X-XI вв. до второй половины XIII-XIV в. Их болгарское происхождение до недавнего времени не оспаривалось никем из исследователей. Это одна из многих категорий изделий, которые болгарские мастера изготавливали для жителей Прикамья и Зауралья. Только три из этих блях А.М. Белавин трактует как местное подражание болгарским изделиям. Сюжет охотящегося всадника с соколом на руке заимствован из иранского и среднеазиатского искусства. Традиционно эти бляхи исследователи относят к предметам шаманского культа, как имеющие магическое значение. А.М. Белавин считает

Рис. 1. Русские вещи из Болгара:
1-6, 9 – цветные металлы; 7 – шифер; 8 – кость

их знаками вассальной зависимости местных вождей или старейшин от Волжской Болгарии, а позднее — от Золотой Орды. Одновременно они должны были означать высокий ранг их владельцев. Животных, помещенных около всадника, А.М. Белафин трактует как тотемы тех родов, которые находятся в подчинении у владельца бляхи[122]. Интерпретация блях в качестве знаков вассальной зависимости сомнительна. Такие знаки были бы сделаны в традициях культуры сюзерена, а не в прикамской и западносибирской манере. Тем более официальные знаки не могли вызвать местные подражания. Не убеждает и трактовка животных вокруг

всадника как тотемов подчиненных родов. Более вероятным представляется предположение, что возле охотника помещены звери, на которых он охотится, т.е. само изображение было магическим, призванным сделать охоту успешной. Не подтверждает предположение А.М. Белавина и топография находок блях[123].

Археологические находки в Болгаре дают довольно разнообразный перечень вещей, изготовленных на Руси и ввезенных в город в качестве товара. Другая часть русских находок — металлические предметы православной религии (крестики, лампы, иконки) и керамика — принадлежала русским поселенцам в Болгаре[124].

К товарам можно отнести ряд металлических украшений. И.И. Толстым и Н.П. Кондаковым были опубликованы найденные в Болгаре два серебряных височных кольца и звездчатый колт[126]. Колт и одно из колец входили в состав клада, найденного в Болгаре в 1869 г. Височные кольца (рис. 1, 1,3) имеют три напускные серебряные бусины, украшенные на одном кольце зернью и сканью., а на другом только зернью. Бусины разделены обмоткой из серебряной проволоки. Аналогии этим височным кольцам имеются в Старо-Рязанском кладе 1887 г. и Киевском кладе 1885 г.[126]. Звездчатый семилучевой колт также сделан из серебра и украшен зерненым узором (рис. 1,5). Близкую аналогию ему представляют шестилучевые колты из Тверского клада 1906 г. и колт из клада 1903 г. из Киева (Михайловский монастырь)[127]. Эти дорогие украшения относятся к домонгольскому периоду.

Еще одно трехбусинное серебряное височное кольцо было найдено в русском жилище середины XIV в. на раскопе IV 1953 г. в заречной части Болгара (рис. 1, 2) [128]. Сохранились целиком лишь две бусины, полные круглые, спаянные из двух полушарий. Узор выполнен сканью. Застежка обычная для русских височных колец - конец раскован в ромбический щиток, который входит в петельку. Близкое кольцо есть в кладе из Старой Рязани 1868 г.[129]. В этом районе Болгара был найден обломок еще одного височного кольца такого же типа, серебряного позолоченного[130].

Среди случайных находок в Болгаре А.Ф. Лихачев опубликовал бронзовую полулю коньковую привеску[131] из числа тех, которые с конца XII, а особенно с середины XIII по XIV в., изготавливались в Новгороде, откуда распространялись в среде финно-угорских племен[132]. Подобная двухголовая привеска найдена и на Ага-Базаре (рис. 1, 4). В Болгаре была также найдена привеска, так называемый владими́ро-суздальский петух. Такие привески производились в Северо-Восточной Руси в XI-XII вв. (рис. 1, 4а).

Еще одна группа русских украшений, найденных в Болгаре, — это медные перстни. Три относятся к золотоордынской эпохе. У них на овальном щитке изображена свастика, фон на некоторых экземплярах покрыт беловатой эмалью, концы перстня не сомкнуты (рис. 1, 9). У четвертого перстня близкой формы на щитке изображена рука, он найден в русском жилище XIV в. (рис. 1, 6). В Новгороде на Неревском раскопе была открыта мастерская конца XIV — начала XV в. по изготовлению таких перстней с изображением свастики или руки[133]. Подобные перстни встречаются иногда в могильниках финских племен Поволжья, в Прикамье[134], в золотоордынских поселениях нижней Волги, куда они поступали из Новгорода. Перстни с изображением руки встречены в Новгороде в слоях XIII-XIV вв.[135].

* Все рисунки к статье М.Д. Полубояриновой выполнены Н.С. Сурвилло

Довольно часто находимые в Волжской Болгарии, в том числе встреченные и в Болгаре, серебряные перстни с чернью очень близки русским[136], но из-за многочисленности их находок на болгарской территории и близости в свою очередь к изделиям болгарских ювелиров они, по-видимому, не могут считаться русским импортом. Некоторые исследователи склоняются к мысли, что это местная продукция, но сделанная под влиянием русских ювелирных традиций[137] или даже русскими мастерами, живущими в Волжской Болгарии[138].

ЖЕЛЕЗО

В огромной массе железных изделий — оружия и орудий, бытового инвентаря — выделить русские вещи невозможно, так как по формам они одинаковы для этого времени на территории Руси и Волжской Болгарии. Отдельные находки кистеней или булав можно отнести к русскому производству, но их трудно считать товаром. Возможно, углубленное технологическое изучение железных изделий позволит в будущем назвать предметы русской торговли. В настоящее время исследование черного металла Болгара не дает русских вещей[139].

СТЕКЛО

Бусы. Среди многочисленных стеклянных изделий, найденных в Болгаре, многие относятся к импорту. Домонгольское производство бус в Волжской Болгарии нельзя считать установленным, вопреки мнению С.И. Абдуловой. Ни в Биляре, ни в Суваре, ни в Болгаре пока не открыты следы их изготовления. Находки на памятниках Пермского Приуралья стеклянных бус вместе с болгарскими ювелирными украшениями ничего не доказывают[140]. Поэтому к привозным предметам, видимо, пока нужно относить все бусы X-XI вв., найденные, в частности, в Болгаре. Стоимость бус была чрезвычайно высока. Одна бусина стоила столько же, сколько шкурка куницы. Такую цену называет Ибн Фадлан[141].

К X-XI вв. относятся бусы из тянутых трубочек. Так называемые лимонки близки по форме к шарообразным, с бугорками у отверстий. Их учтено в болгарской коллекции 94 экземпляра[142]. Такие бусы в Новгороде датируются X — первой половиной XI в. По всей Восточной Европе они известны в конце I — начале II тысячелетия н.э. Другим типом бус этой техники являются многочастные пронизки. В Болгаре их учтено более 120 экземпляров. Подобные бусы в Старой Ладогe относятся к VIII-XI вв. В X в. они особенно широко распространены в северных и центральных районах Восточной Европы. Третий тип (цилиндрические) объединяет рубленый бисер (19 экз.) и тонкие Цилиндрические пронизки (4 экз.). Рубленый бисер в Новгороде датируется X — первой половиной XI в.

К этому же периоду (X-XI вв.) относятся бусы из тянутых ребристых трубочек с бугорками вокруг отверстий (32 экз.). В Старой Ладогe и в Новгороде они также датируются X-XI вв. Орнаментированные бусы этой техники в Болгаре представлены несколькими типами. Лимоновидных двухслойных продольнополосатых с бугорками у отверстий найдено 9 экземпляров; в Новгороде они датируются X — первой поло-

виной XI в. Лимоновидных с металлической прокладкой найдено 36 экземпляров (4 — с золотой, 32 — с серебряной). Другой тип бус с металлической прокладкой — многочастные пронизки, их насчитывается 19 экземпляров. Общая дата бус с металлической прокладкой для Восточной Европы X — начало XII в., пик их распространения приходится на XI в.

К ранним типам бус относятся также бусы, сделанные из трубочек, сформованных способом навивки. Это черные неправильно округлые бусы с выпуклыми реснитчатыми глазками «в овалах», или медальонах, образуемых нитями белого или цветного стекла (40 экз.). Они известны по всей Восточной Европе от Бирки до Северного Кавказа с IX до начала XI в. Другой тип бус — так называемые «бородавчатые» — подцилиндрической формы с выпуклыми глазками (4 экз.). В Белоозере они датируются X — началом XI в.

К еще более раннему времени относится некоторое количество бус, изготовленных способом навивки. Бочонкообразные печоночно-красные бусы в Северной Европе датируются VIII-X вв. Одна такая бусина найдена в Болгаре в домонгольском слое. Одна черная кольцевидная и одна черная битрапецеидная, отличные по пропорциям от найденных в более поздних слоях, встречены также в слое XII — начала XIII в. Одна из 90 бусин, черных шарообразных со спиральным узором, происходит также из домонгольского слоя, что согласуется с датой таких бус на Руси и в некоторых памятниках Средней Азии, где они относятся к XII-XIV вв. Синих эллипсоидных бус со спиральным узором в домонгольском слое Болгара найдено 7 штук. Аналогии существуют в Белоозере в слоях конца XI — начала XII в.

Единичны находки бус (4 экз.), изготовленных из мозаичных стерженьков, из которых делали глазки; они имеют разную форму. Такие бусы датируются в Старой Ладoge VIII-IX вв., на Северном Кавказе — X-XI вв. Видимо, в Болгаре они также происходят из раннего слоя.

В болгарской коллекции есть несколько бус, изготовленных холодным способом — резьбой. Это четырнадцатигранные бусы (5 экз.). Подобные бусы в Старой Ладoge датируются X-XI вв., в Средней Азии известны с первых веков новой эры. Другой тип резных бус — призматические, подражающие каменным (3 экз.). Дата их по Старой Ладoge — IX-X вв.; по всей Руси — X - начало XI в.

М.В. Фехнер обратила внимание на совпадение ареалов большинства типов ранних бус с ареалом арабских серебряных монет, поступавших в Восточную Европу в этот период[143]. Восточное происхождение подобных бус подтверждается и составом стекла. По-видимому, их производили где-то на арабском Востоке и доставляли в Волжскую Болгарию по Волжскому пути. Далее они расходились на Русь, в Скандинавию, частично на Кавказ. В Средней Азии подобные бусы почти не встречаются. При просмотре коллекции с Афрасиаба обнаружены некоторые из вышеназванных типов бус в количестве одного-двух экземпляров.

Возможно, направление распространения описанных бус было другим. По предположению, впервые высказанному З.А. Львовой, из Средиземноморья такие бусы доставлялись по рекам Европы на Северное побережье — в Швецию, Готланд, Старую Ладogu. Кроме готовых бус могли везти брак или сырье, из чего на месте делали бусы[144]. Мнения о возможном производстве некоторых типов бус в Бирке

и других ремесленно-торговых поселениях Северной Европы придерживается И. Янссон[145].

В Болгаре найдена одна белоромбическая бусина. Форма таких бус — прямоугольный параллелепипед, на боковых гранях которого инкрустирован белый ромб. Такие бусы встречаются на широкой территории Восточной Европы в слоях X — начала XI в. Их относят к византийским.

Ко второму этапу домонгольского периода — XII - началу XIII в. — относятся в основном бусы, изготовленные способом навивки.

По-видимому, к русским можно отнести крупные желтые прозрачные шарообразные бусы, подражающие хрустальным и распространенные особенно у вятичей (конец XI — начало XIII в.). Анализ такой бусины из Биляра дал калиево-свинцово-кремнеземный состав стекла, свойственный русскому ремеслу[146]. Однако оказалось, что этот состав стекла, как и свинцово-кремнеземный, нельзя безоговорочно, как считалось ранее, относить к русскому ремеслу. Выяснилось, что, например, так называемые треугольные бусы, изготовленные из свинцово-кремнеземного стекла, широко распространены в Польше, на нижнем Дунае, в Чехии, в Словакии, в Бирке, что заставляет считать их византийскими, по крайней мере для XI в. Так же следует, видимо, рассматривать и бусы с пластичным узором — часть их византийские, остальные польские и русские. По мнению Ю.Л. Щаповой, в XI в. византийские бусы были широко распространены в Восточной Европе, а с XII в. их стало заметно меньше, кроме бус с пластичным узором и золотостеклянных[147].

Непонятно, по каким признакам можно различать одинаковые по форме и составу стекла бусы, изготовленные в разных странах. В Болгаре таких бус найдено 19 экземпляров. «Треугольных» бус — кольцевидных, с тремя очень выпуклыми слоистыми глазками, в Болгаре учтено 5 штук, одна найдена в домонгольском слое. На Руси они датируются XI — началом XII в. При анализе Двух подобных бусин с болгарских памятников (из Биляра, Лаишевского, Мурзихинского, Измерского селищ) получен такой же состав стекла — свинцово-кремнеземный[148].

Овальные бусы с валиками вокруг отверстий и без них, называются бусами с пластичным узором. В Болгаре их учтено 6 экземпляров. На Руси их дата XII — первая половина XIII в. Несколько таких бус с русской территории Дали тот же состав стекла, что и подобные бусы из Биляра и с I Мурзихинское селища[149]. Возможно, калиево-свинцово-кремнеземными окажется хотя бы часть так называемых «рыбовидных» бус, которых в Болгаре найдено Штук. При единичных анализах таких бус с русской территории обнаружился русский рецепт стекла, но такие бусы встречаются и в Средней Азии.

В домонгольском слое найдена одна крупная зонная прозрачная синяя бусина (остальные 15 — в более поздних слоях). На Руси синие прозрачные зонные и шарообразные бусы относятся к домонгольскому времени, но в Средней Азии они встречаются вплоть до XIV в. В то же время синие и черные зонные и шарообразные домонгольские бусы в Поволжье могли быть привезены из Византии. На Руси такие бусы датируются XI в. В Болгаре одна черная шарообразная бусина найдена в домонгольском слое. При этом нужно учитывать сильную перемешанность культурного слоя этого памятника. Большая часть бус Болгарского городища относится к

золотоордынскому времени. Все они имеют аналогии в золотоордынских поселениях нижней Волги и Средней Азии. Их производство зафиксировано на Селитренном городище и в самом Болгаре, где открыта мастерская по изготовлению стеклянных украшений — нескольких типов бус, а также перстней. Часть бус могла попасть в Болгар в результате внутренней торговли Золотой Орды. Это относится и к стеклянным подвескам, по технике, декору и цветовому составу не отличающимся от бус.

Браслеты (учтено 157 экз.). Встреченные в домонгольском и золотоордынском слоях Болгара браслеты на вид неотличимы от русских и среднеазиатских. Различие состоит только в составе стекла. Из 17 стеклянных браслетов из Болгара, которые Ю.Л. Щапова подвергла спектральному анализу, 11 определены ею как русские по составу стекла, десять относятся к золотоордынскому слою, один — к домонгольскому. Во второй половине XIII-XIV в. стеклянные браслеты продолжали изготавливаться в русских городах, избежавших разрушения при татаро-монгольском нашествии, например в Новгороде.

При анализе состава стекла Ю.Л. Щапова обнаружила, что, кроме русских и золотоордынских браслетов (среднеазиатского состава), в Болгаре встречаются и византийские, привезенные, видимо, из Крыма и с Кавказа.

Перстни. Многочисленность находок в Болгаре этой категории изделий стала объяснима, когда была открыта мастерская XIV в. по производству бус и перстней[150]. В домонгольских слоях достоверно зафиксированы два перстня — синий прозрачный плосковыпуклый рифленный со щитком и бирюзовый непрозрачный плосковыпуклый без щитка. Это привозные экземпляры. По форме они схожи и с русскими, и со среднеазиатскими, анализу не подвергались. Перстни золотоордынского времени, изготовлявшиеся в обнаруженной мастерской, — плосковыпуклые в сечении, имеют в подавляющем большинстве случаев овальный щиток, образованный путем прижимания разогретого перстня к плоскости. Основные цвета — непрозрачный и прозрачный бирюзовый (59,49%), черный (32,33%), но есть синие, зеленые, желтые и фиолетовые перстни.

К русскому ремеслу, по мнению Н.Н. Бусятской, относились круглые в сечении перстни[151], их в Болгаре найдено три — коричневые и фиолетовый (один — в позднезолотоордынском слое); они датируются на Руси XIII-XIV вв. Ю.Л. Щапова предполагает новгородское происхождение этих перстней[152].

Оконное стекло (176 обломков). В Болгаре в золотоордынском слое часто встречаются фрагменты стеклянных дисков; стекло в основном неокрашенное, с голубоватым или зеленоватым оттенком, с пузырьками. Диаметр дисков — 16-24 см, это отличает их от дисков из нижневолжских городов XIV в., меньших по размеру, и сближает со среднеазиатскими. Пока в Болгаре не найдена мастерская по производству оконного стекла; его нужно считать привозным, видимо, из Средней Азии. В Биляре в слое XII в. открыта мастерская, где, кроме посуды, делали и оконные диски[153]. Возможно, часть болгарских оконных стекол относится к домонгольскому периоду и привезена из Биляра.

Цветное оконное стекло в Болгаре находят значительно реже, чем бесцветное. Цветные стекла отличаются особой формой диска с узкой плоской закраиной, большими размерами (диаметр 25–27 см) и прекрасным качеством. Цветные стекла совершенно прозрачные и окрашены в очень яркие цвета — красный, синий, зеленый, коричневый. Всего учтено 58 фрагментов, и все находки сосредоточены в центре города, возможно, они происходят из одного здания. Анализ цветных стекол дал состав, близкий Византии или Египту. Цветные оконные стекла встречены в Средней Азии, где исследователи определяют их как импорт[154]. Безусловно, они были импортными и для Болгара. Мастерских по изготовлению цветных оконных стекол пока не обнаружено нигде.

Стекланные сосуды. В Болгаре сосуды из стекла представлены множеством форм. В основном они распределяются по двум большим группам: 1 — неокрашенное стекло с голубоватым или зеленоватым оттенком, с пузырьками в толще, изредка синее монохромное; 2 — совершенно бесцветное, синее или фиолетовое прозрачное, хорошего качества, зачастую расписанное эмалями.

Стекло изделий первой группы схоже по оттенкам и по наличию пузырьков с оконным бесцветным стеклом и также имеет среднеазиатское происхождение. Возможно, такие сосуды в золотоордынское время изготавливались в самом Болгаре или в нижневолжских городских центрах по среднеазиатским рецептам и даже среднеазиатскими мастерами. В то же время в домонгольском Биляре найдено очень много посудного стекла зеленоватого цвета, которое, по мнению С.И. Валиулиной, изучавшей его химический состав путем проведения массовых анализов, изготавливалось, начиная с XII в., на месте и составило большую часть бытовой и технической билярской стеклянной посуды, а также оконного стекла. С.И. Валиулина считает, что билярское стеклоделие развивало ближневосточную традицию на местной сырьевой базе. Процесс становления проходил под влиянием и закавказской, и среднеазиатской школ[155]. Небольшое число фрагментов посуды Болгара, упоминаемых в отчете как находки в домонгольских слоях, не подвергалось специальному исследованию. Вполне вероятно, они обнаружат сходство с билярскими изделиями как по составу, так и по формам.

Посудное стекло второй группы, безусловно, является импортом. Оно представлено 150 фрагментами сосудов с росписью эмалями, а также ламп. Лампы имели форму прозрачных сосудов с шестью ручками по тулову, за которые лампу подвешивали к потолку в мечети, а может быть, и в богатом доме. Роспись на лампах располагается поясами — зоны эпиграфического орнамента перемежаются с зонами, заполненными тонкими арабесками или растительным орнаментом с пятнами цветной эмали (вкл., ил. IV, 6, 7). На фрагментах одной лампы сохранились следы росписи с изображением звериного гона (рис. 2, 7)[156]. Лампы из Болгара очень близки египетским и сирийским лампам[157] и представляют собой импорт из этих стран, что подтверждается анализами стекла, проведенными Ю.Л. Щаповой.

Остальные 215 фрагментов бесцветного стекла принадлежат посуде, 40 из них хранят следы росписи. Восстанавливается форма цилиндрического стаканчика с

Рис. 2. Стекланные изделия, найденные в Болгаре

полосой орнамента по краю, выполненного красной и золотой краской (рис. 2,4; вкл., ил. IV, 5). Встречены фрагменты стаканов с воронкообразно расширенной верхней частью. В орнаментации использовался эпиграфический узор в сочетании с полосами цветных точек, растительные мотивы. Плетенка, исполненная золотой фольгой и закрепленная красной краской, украшает венчик толстостенного сосуда (рис. 2, 3).

Эти стекла, бесцветные с росписью эмалями, происходят, по всей вероятности, из Египта и Сирии.

Встречены также сосуды синего и фиолетового стекла, с очень тонкими стенками и белым «елочным» узором, — флаконы (рис. 2, 2; вкл., ил. IV, 1, 2). Есть сосуды такой же окраски, но с толстыми стенками, возможно — чернильницы (аналогичный сосуд найден в Сарае). Аналогии флаконам встречены в Новогрудке (XII — начало XIII в.), на Кипре (XII в.), в Коринфе (XI-XII вв.). Видимо, это синее и фиолетовое тонкое и толстое стекло византийского производства.

К этой же группе импортных стекол принадлежат два массивных предмета из прозрачного зеленого стекла. Один из них имеет форму пестика, возможно, он относится к аптекарской посуде (рис. 2, 5). Другой изготовлен в форме шара (рис. 2, 6). Оба не имеют полости внутри. Назначение непонятно. Аналогии найти не удалось. Можно предположить, что они связаны с занятиями медициной или алхимией.

Очень интересна случайная находка с Болгарского городища стеклянного медальона (БГИАЗ № 13/2). Он представляет собой диск из прозрачного сиреневого стекла с вдавленным кружком в центре и выпуклым валиком по краю, обратная сторона плоская (рис. 2, 7). Диаметр медальона 2,2 см. Внутри кружка, образованного штампом, неясные выпуклые значки — два кружочка, точка, изогнутый знак. По сведениям Ю.Л. Щаповой, такие медальоны служили на арабском Востоке в IX-X вв. гирьками; по-видимому, они имели и другое применение. На некоторых ближневосточных сосудах этого времени медальоны с оттиснутыми в центральном кружке изображениями птиц, зверей или надписями применены в качестве орнамента[158].

Из русских земель ввозилась стеклянная посуда киевского производства, хотя ее в Болгаре немного. Найдено три донца из светло-желтого прозрачного стекла. Два из них двойные массивные, какие часто находят в древнерусских городах. Такие донца принадлежат бокалам, датируются XII — началом XIII в. Третье донце относится к сосуду с прямыми стенками, его анализ дал русский состав стекла.

По внешнему виду браслеты, некоторые бусы, перстни Волжской Болгарии не отличаются от русских. Реальное определение места производства тех и других возможно только на основе массового анализа стекла.

КАМЕНЬ

Среди товаров, привозимых в Болгар на всем протяжении его истории, выделяются своей красочностью изделия из полудрагоценных камней. Подавляющее большинство их поступило уже готовыми, но есть и некоторые свидетельства обработки камней на месте. Наиболее часто встречаются при раскопках украшения из сердолика, который во все времена был особенно популярен.

Бусы. В коллекциях из Болгара насчитывается 245 сердоликовых бусин^[159]. Наиболее многочисленны пирамидальные (75 экз.) и битрапециодные (68 экз.) бусы; много шарообразных (20 экз.), кольцевидных (14 экз.) и призматических (15 экз.). Остальные типы представлены единицами. Бипирамидальные сердоликовые бусы датируются на территории Восточной Европы XI-XII вв., отдельные экземпляры доживают до первой половины XIII в. Битрапециодные бусы датируются X-XIII вв. (более крупные), более мелкие известны и в золотоордынское время (вторая половина XIII-XIV в.). Шарообразные мелкие бусы в Новгороде датируются X — серединой XII в. и второй половиной XIV в., призматические — X-XI вв., иногда встречаются в XII в. Таким образом, все перечисленные формы датируются домонгольским временем, кроме битрапециодных и шарообразных, которые поступали в Восточную Европу, видимо, в два этапа.

Из ранних сердоликовых бус других форм в болгарской коллекции есть одна дисквидная бусина с поперечным каналом (рис. 3, 4), по Старой Ладоге и Бирке датированная X в.; четыре монетообразные бусины (рис. 3, 2), их дата по славянским курганам X-XII вв.; пять четырнадцатигранных бусин, датирующихся X-XII вв. Кроме того, в Болгаре найдено девять редких сердоликовых бусин с белым щелочным узором (рис. 3, 8-12). Они встречаются иногда в памятниках Восточной Европы конца I тысячелетия н.э. Производство таких орнаментированных сердоликовых бус существовало в Индии с глубокой древности до XIX в.

С Болгарского городища известно 16 хрустальных бус. Наиболее многочисленный тип этих бус — шарообразные крупные (9 экз.). Их дата X — середина XIII в. Остальные хрустальные бусы — эллипсоидные, битрапециодные с пояском, бипирамидальные — представлены одним-двумя экземплярами. Их датировка — X-XII вв., т.е. все это домонгольские формы.

Халцедоновые бусы в Болгаре встречаются довольно редко (6 экз.). Они имеют шарообразную форму. По восточноевропейским памятникам это VIII-XIII вв.

Из ранних бус можно также отметить мраморную четырнадцатигранную (IX-XI вв.), бусину-разделитель из лазурита (VIII-IX вв.) и монетообразную бусину из змеевика (X-XII вв.).

В Болгаре жемчуг помногу находили в комплексах золотоордынского времени. Так, например, были найдены нитка бус из 273 жемчужин, золотые серьги в виде знака вопроса с гроздьём мелкого жемчуга, нитка из 84 жемчужин, височные проволочные подвески с нанизанным жемчугом.

Подвески. С Болгарского городища известно 30 экземпляров сердоликовых подвесок различной формы: каплевидные (5 экз.), треугольные (12 экз.), ромбовидные (7 экз.), прямоугольная плоская (1 экз.), шестиугольные (2 экз.) и фигурная (1 экз.). Последняя находка (рис. 3, 3) происходит из позднезолотоордынского слоя и представляет собой обломок подвески, сходной с лазуритовыми кочевническими подвесками X-XI вв. Еще больше болгарская подвеска похожа на сердоликовые изображения скарабеев, приведенных О.И. Давидан в качестве аналогии сердоликовому скарабею из Старой Ладogi, — из Швеции (IX-X вв.) и из Дагестана (X-XI вв.). Болгарская находка, видимо, также датируется X-XI вв.

Рис. 3. Украшения из полудрагоценных камней и золотой перстень со вставкой из мастики

Из четырех лазуритовых подвесок с Болгарского городища две ромбические, какие встречаются в кочевнических древностях X-XI вв. (рис. 3, 18), одна треугольная, одна каплевидная плоская (найдена в позднезолотоордынском слое и, видимо, к нему относится).

Подобную форму имеет и агатовая подвеска из позднезолотоордынского слоя. Каменные подвески каплевидной формы на Руси встречаются и в домонгольское время. Подвеска из аметиста имеет неправильную каплевидную форму.

Довольно много найдено подвесок из раковин каури, с отверстиями для подвешивания.

Перстни. Все перстни найдены в золотоордынском слое, в том числе один сердоликовый в мавзолее XIV в. Этот перстень (рис. 3, 1) имеет на щитке четко выгравированную надпись, выполненную степными рунами, содержащую имя владельца — «Башку» (прочтена Д.Д. Васильевым). Все остальные перстни также имеют щитки и плосковыпуклое в сечении кольцо. Они разнообразны по форме и изготовлены из разных пород: сердолика (6 экз.); халцедона (1 экз.); змеевика (1 экз.); гагата (1 экз.); роговика (2 экз.). В описях археологических коллекций ГМТР есть упоминание о хрустальном перстне с Болгарского городища, найденном при раскопках А.П. Смирнова и не сохранившемся.

Вставки для металлических перстней. В Болгаре найдены четыре обломка круглых плосковыпуклых сердоликовых вставок; одна круглая плоская лазуритовая; одна из подражающей лазуриту мастики — прямоугольная массивная с арабской надписью, в вычурной оправе из золота (рис. 3, 26; вкл., ил. IV, 4); одна прямоугольная из роговика; одна круглая плосковыпуклая из неопределимого камня. Золотой перстень со вставкой из мастики синего цвета хранится в ГИМе (Инв. № 85-533. Оп. В - 2250/1).

Наиболее многочисленная группа вставок с Болгарского городища — хрустальные (10 экз.) (рис. 3, 13-15); они круглые, овальные, овалы со срезанной вершиной, прямоугольные, восьмиугольные со срезанной вершиной. Подобные хрустальные вставки известны в городах Золотой Орды, в Казахстане и Средней Азии и, что особенно интересно, их много в Новгороде в слоях второй половины XIII-XIV в. Отдельные хрустальные вставки есть и в домонгольских слоях Новгорода и в некоторых других русских городах. В Новгороде неоднократно находили такие вставки склеенными из двух линзочек тонким слоем ярко-красного вещества. В Болгаре, по свидетельству А.Ф. Лихачева, также находили хрустальные вставки склеенными — «дублеты», как их назвал А.Ф. Лихачев[160]. За десятилетия хранения в музее они, видимо, распались, а красное клеящее вещество стерлось. Следы подобного вещества есть на одной хрустальной вставке с золотоордынского Селитренного городища.

Арабский ученый ал-Бируни (XI в.) рассказывает о ювелирах-ремесленниках, которые клали под бесцветный камень подкладку для придания цвета: «Жители Индии то же самое делают с хрусталем... Подкладки из лака, которые придавали ему красный цвет»[161]. «Лак» — это продукт жизнедеятельности насекомых, который вывозился из Индии. Видимо, о нем говорит Афанасий Никитин, называя Конбат (Камбай) — индийский портовый город в Гуджера-те: «... а тут ся родить краска да лекь»[162]. «Краска» — это индиго, а «лек» — красное клеящее вещество. Ал-Бируни и Афанасий Никитин свидетельствуют об одном и том же. Индийское происхождение хрустальных вставок с ярко-красным слоем между двумя линзочками, видимо, не должно вызывать сомнений.

Накладки. Из цветных камней сделано несколько накладок: сердоликовая прямоугольная, нефритовая накладная бляшка в виде четырехлепестковой розетки с двумя отверстиями для гвоздиков (рис. 3, 16). Подобные накладки найдены на Селитренном городище и в Казахстане. Они могли украшать кожаный пояс или шкатулку. Из нефрита сделана и пряжка-распределитель с Болгарского городища (рис. 3, 17). Это также часть поясного набора. Находки их датируются золотоордынским временем.

Почти все перечисленные каменные украшения привезены в Болгар издалека. Залежи сердолика, хрустала, лазурита, халцедона и бирюзы в средние века разрабатывались в Индии, в Средней Азии. Нефритовые изделия могли поступать из Китая, а также из восточных областей Средней Азии или Забайкалья.

По сведениям Казвини (XIII в.), одним из лучших сортов горного хрустала считался согдийский[163]. Бируни сообщает, что горный хрусталь, обработанный и необработанный, вывозят из Бадахшана и Кашмира[164]. Афанасий Никитин называет среди товаров с Востока алмазы, рубины, агат, яхонты, сердолик, хрусталь, жемчуг[165].

По данным, почерпнутым из итальянских источников о торговле Каффы, драгоценные камни, жемчуг, золото в огромных количествах поступали в итальянские колонии в Крыму из Персии, Индии, Китая, Центральной Азии, Бадахшана по Каспийскому и Азовскому морям. Западные купцы отправлялись за жемчугом, добытым в Индийском океане, в Ормуз, где его обрабатывали, или в Тану (Азак) и Хаджитархан[166]. Безусловно, через Азак и Хаджи-тархан камни поступали и на Волжский путь, в том числе в Болгар, оттуда в Прикамье и на Русь. Торговля восточными драгоценными и полудрагоценными камнями была очень выгодна из-за их высокой цены. Она давала до 200-500% прибыли[167].

Для Восточной и Западной Европы Восток был основной сокровищницей в Средние века. Предположение А.М. Колызина о поступлении на домонгольскую Русь горного хрустала из месторождений в районе Коростеня Житомирской области едва ли можно принять, так как оно основано на современных геологических знаниях[168]. Нет никаких данных о древних разработках в этом районе.

ЯНТАРЬ

Янтарь поступал в Волжскую Болгарию из Прибалтики через Русь, через Новгород. Подтверждением этому служит открытое в Биляре жилище, в котором, помимо огромного запаса янтаря, найдено много русских вещей, в том числе княжеская вислая печать. Все находки говорят о присутствии русской ремесленника, работавшего с янтарем, или торговца русскими товарами, возможно выполнявшего и дипломатические поручения.

В Болгаре встречаются как необработанные кусочки янтаря, так и изделия из него.

Бусы. В Болгаре учтено 25 янтарных бусин. Шарообразные и зонные бусы (4 экз.) (рис. 3, 19) по Новгороду датируются серединой XI-XIV в. Дисковидна бусина круглая в поперечном сечении, уплощенная в продольном (1 экз.) (рис. 3, 21) датируется по Восточной Европе IX-XIV вв. Подобная бусина XIII в. найдена в Кара-Коруме. Дисковидная уплощенная бусина найдена в слое X в. В Биляре такая бусина тоже

отнесена к X в., встречаются они и в XI-XII вв. Цилиндрическая янтарная бусина одна, по Старой Ладоге дата таких бус — IX - начало XI в. Единственная монетообразная бусина (рис. 3, 20) происходит из слоя XIV в. и, судя по новгородским древностям, тоже относится к XIV-XV вв.

Больше всего в Болгаре граненых уплощенных эллипсоидных бус (12 экз.) (рис. 3, 22); по Новгороду их дата — конец XIII - первая половина

XV в. К этому же времени относятся две найденные в слое XIV в. янтарные битрапециодные бусины.

Подвески. В Болгаре найдено 12 янтарных подвесок: каплевидные (3 экз.); прямоугольные плоские (2 экз.), листовидная (1 экз.), ромбические (рис. 3, 25). Остальные подвески представляют собой бесформенные кусочки янтаря с просверленным отверстием.

Перстень. Единственный экземпляр (рис. 3, 24) найден вблизи скопления нескольких перстней, изготовленных из разных пород камня, но одинаковых по форме. Возможно, это объясняется тем, что их изготавливали в одной мастерской. У янтарного перстня прямоугольный щиток и орнамент в виде ямок.

Вставки для металлических перстней. Из известных трех янтарных вставок одна с гранью посередине (рис. 3, 23). В кочевническом домонгольском погребении на Бабьем Бугре в Болгаре были серебряные серьги с миндалевидными янтарными вставками[169].

В Болгаре при раскопках А.П. Смирнова в 1954 г. был найден золотой(?) перстень с круглой вставкой синего цвета, на которой изображена выпуклая фигурка лягушки (вкл., ил. IV, 3). Диаметр вставки 1,2 см. В настоящее время местонахождение перстня неизвестно; сохранился только рисунок художника Д.И. Архангельского, работавшего в те годы в Болгарской экспедиции. Вставка, вероятно, изготовлена из так называемого египетского фаянса, плотной массы многокомпонентного состава, и покрыта синей кобальтовой глазурью. Подобные изделия в качестве амулетов появились еще в древнем Египте и широко распространились по миру в римское время[170]. На нашей территории они встречены на нижней Волге, в Ростовской области, даже на Печоре и в Пермском крае. Есть среди них и изображения лягушек[171]. Вещи римского времени очень редко, но попадают в золотоордынских памятниках. Вставка с лягушкой из Болгара принадлежит к числу таких находок. В какое время она попала в Болгар — определить невозможно. Оправа перстня, вероятно, относится ко времени Золотой Орды.

ШИФЕРНЫЕ ПРЯСЛИЦА

Самым известным русским товаром в Среднем Поволжье являются шиферные пряслица. Из старых и современных сборов к 1980-м годам насчитывалось более 50 экземпляров беспаспортных пряслиц и 24 пряслица из раскопок, в том числе восемь из домонгольских слоев X - первой половины XIII в. Раннезолотоордынском слое

найдено девять пряслиц, в позднезолотоордынском — четыре, в слое русской деревни XVI-XVIII вв. — два. Все находки времени после монгольского завоевания происходят из районов, входящих в черту домонгольского города, т.е. попали в поздние слои из более древних. Из шифера сделана, и потому должна быть отнесена к русским, игральная кость (рис. 1, 7). Следов обработки привезенного шифера на болгарской территории пока не найдено. И.В. Якимов упоминает находку шиферной литейной формы для отливки ложновитых перстней на Болгарском городище. Всего, по подсчетам И.В. Якимова, на территории Волжской Болгарии найдено 415 шиферных пряслиц[172].

КАМЕННЫЕ КОТЛЫ

Каменные котлы находят в домонгольских слоях Болгара и Биляра, золотоордынских слоях Болгара и других золотоордынских городов Поволжья, Северного Кавказа. Это очень частая находка в Средней Азии — на поселениях Хорезма, Южной Туркмении, Ферганы, Восточного Приаралья[173].

Среднеазиатское происхождение каменных котлов подтверждается открытием горных разработок тальковой породы в горах Хорезма Султан-Уиздаг. Исследованы каменоломни и мастерские по изготовлению каменной посуды[174].

О добыче «горшечного камня» в Хорезме и в Хорасане говорят восточные источники. Ибн Хаукаль, арабский путешественник X в., сообщает: «В горах Нукана рудники камня, из которого делают горшки, его вывозят в другие города Хорасана»[175]. Сведения о хорезмийских залежах тальковых пород содержатся в книге ал-Бируни «Минералогия» (середина XI в.)[176]. О Хорезме, как месте производства котлов, упоминает и ал-Омари (первая половина XIV в.): «Находится там каменоломня, из нее добывают камни, из которых делают котлы (для варки), держится такой котел около 60 лет, не портясь»[177].

Время разработок рудников Султан-Уиздага исследователи определяют как X-XIV вв., при этом в золотоордынский период производство каменной посуды было особенно развито. В Иране ее использовали до XX в.

В Болгаре обломки каменных котлов встречаются нечасто и только в богатых комплексах[178]. Целая форма одна, но отдельные обломки дают полный профиль изделия. Все котлы — это вместительная кухонная посуда, в которой варили пищу на костре или на очаге. Есть один фрагмент сковороды. О том, насколько ценились каменные котлы, говорят частые находки фрагментов со следами ремонта — просверленными отверстиями, в которые вставляли медные гвоздики, вокруг них обматывалась скрепляющая обломки проволока (рис. 4, 4). Подавляющее большинство болгарских фрагментов котлов найдено в золотоордынском слое. Но и в домонгольских отложениях отмечены отдельные находки, например в 1984 г. на раскопе ХС стенка каменного котла была найдена в яме, относящейся к домонгольскому слою (XII - начало XIII в.).

Типологию котлов из-за отсутствия целых форм можно построить только по верхней части сосудов и по днищам. По верхней части выделяются два типа — без венчика и с прямым утолщенным венчиком. В первом случае стенки

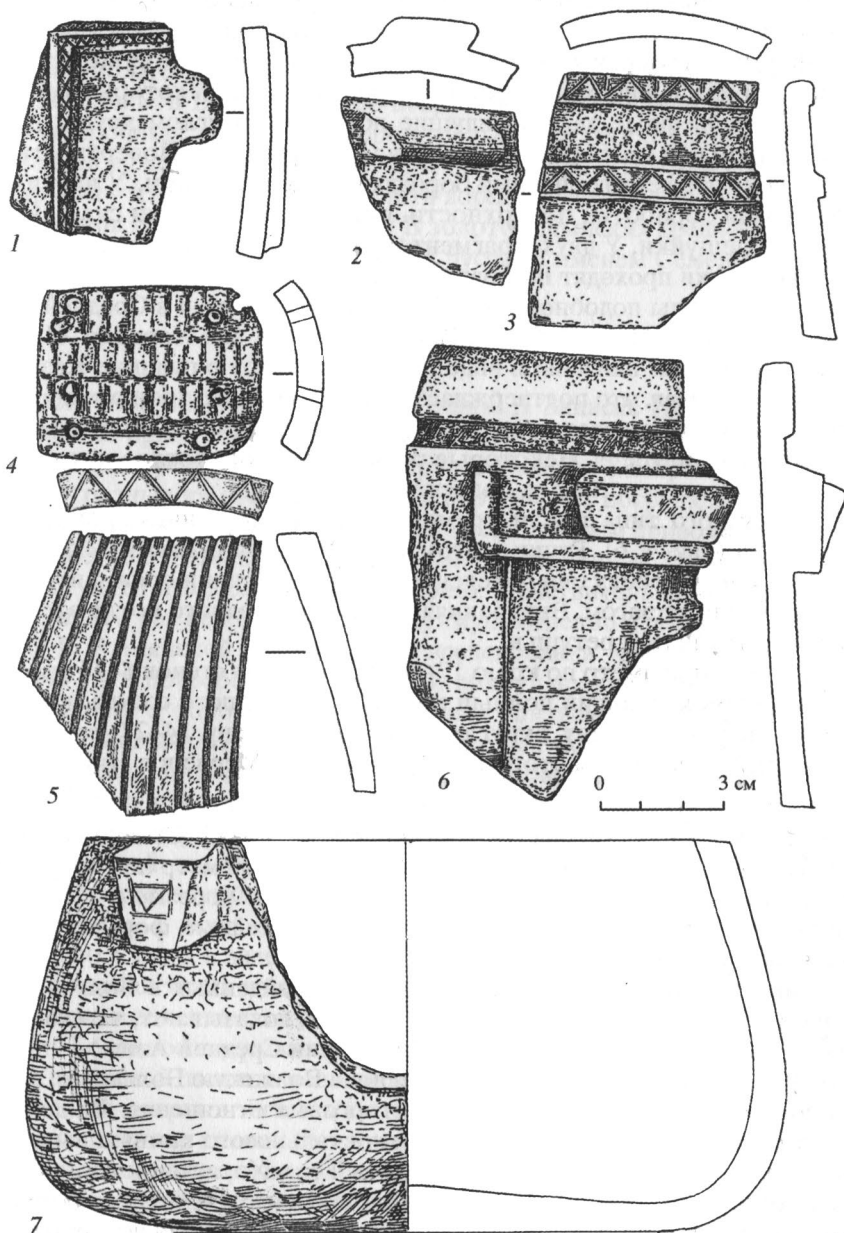

Рис. 4. Каменные котлы

наклонены внутрь, они ровные по толщине или утолщаются ко дну (рис. 4, 5). Ручки-выступы помещаются у самого края сосуда (рис. 4, 2). Ручки имеют разную форму — четырехугольные с ребром по внешней стороне, треугольные с ребром или в виде многогранника (рис. 4, 7). На некоторых обломках котлов есть рельефные валики, идущие под прямым углом друг к другу в горизонтальном или вертикальном направлении (рис. 4, 1). Поверхность сосудов часто покрыта вертикальными бороздками-каннелюрами. У других котлов панцирная обработка поверхности, при которой рядами скалываются квадратные чешуйки. У двух фрагментов орнаментальные полосы из зигзага или косой сетки проходят по краю сосудов.

Каменные котлы подобной баночной формы известны в Средней Азии — в Хорезме, Мерве и Нисе[179]. Они более характерны для Хорезма XI-XII вв. Котлы такой формы найдены в виде полуфабрикатов в руднике Казантау в горах Султан-Уиздаг, что подтверждает их хорезмийское происхождение. На среднюю Волгу они попадали еще в домонгольское время, о чем свидетельствуют находки в Биляре[180]. Некоторые ручки билярских котлов имеют, как и среднеазиатские, отверстия для подвешивания.

Котлы другого типа имели прямой утолщенный венчик, наклоненные внутрь стенки (рис. 4, 6). Ручки в этом случае расположены на 3,5 см ниже края сосуда, снизу и сбоку они обведены валиком. Венчики орнаментированы косой сеткой или зигзагом. Внутренняя поверхность одного котла этого типа обработана струйчатой ретушью.

Котлы имеют диаметр по краю 17-30 см. Толщина стенок 8-15 мм. Единственный обломок, дающий полный профиль небольшого сосуда, имеет высоту 15 см, переход ко дну округлый. Диаметр по дну 14-27 см, толщина 7-14 см. Котлы с венчиком этого типа встречены в Мерве и в Нисе[181].

Кроме котлов в Болгаре встречена сковорода (1 экз.). Стенки наклонены наружу, ручки оформлены в виде выступа по краю. Диаметр по верху — 21 см, толщина стенки — 7 мм. Такие сковороды известны в Хорезме.

На Болгарском городище найдены четыре литейные формы, вырезанные из обломков талькохлоритовых сосудов.

Рассмотрение обломков каменных сосудов, найденных в Болгаре, как и опубликованные находки из Биляра, безусловно, доказывают, что каменные сосуды в Поволжье были импортом с территории Средней Азии.

С государствами среднеазиатского региона Волжскую Болгарию, а позже всю Золотую Орду связывали прочные торговые отношения. Выделенные исследователями два древних района добычи талькового камня и выделки из него котлов и других предметов — местность Туе в Хорасане и горы Султан-Уиздаг в Хорезме — давали, вероятно, не вполне идентичную продукцию, как по материалу, так и по деталям формы, орнаментации. Однако их различие пока не установлено. Поэтому не представляется возможным точно определить место изготовления того или иного сосуда, найденного в Поволжье. Находки каменных котлов определяют восточное направление торговых связей волжско-болгарского региона.

КОСТЯНЫЕ ПЕЧАТИ

Предположительно к русским изделиям можно отнести две костяные печати, найденные в Болгаре в слое второй половины XIV в. Печати резные, сложного профиля, на нижней стороне рельефные изображения, которые оттискивались на воске или мастике: на одной — зверь кошачьей породы (рис. 1, 8), на другой — птица. Подобные печати хорошо известны на Руси в слоях второй половины XIII — начала XV в. [182]. В золотоордынских древностях они пока не встречены, кроме печати из У века с русским именем Семен [183].

ТКАНИ

К восточному импорту относятся ткани. В Записке Ибн Фадлана упомянуты дорогие привозные ткани в юрте болгарского царя и на погребальной ладье богатого руса — византийская парча и армянские ковры. Кроме того, говорится о «разных кумаках», которыми был покрыт погребальный шалаш [184]. Ал-Балхи сообщает, что материи для платья к хазарам привозят из Джурджана, Табаристана, Армении, Азербайджана, Византии [185]. Эти ткани должны были поступать и в Волжскую Болгарию. Действительно, при раскопках в Болгаре много раз находили ткани, преимущественно в погребальных сооружениях. В Армянской колонии при исследовании христианского храма в 1945-1946 гг. в погребениях в крипте и вокруг церкви были найдены фрагменты тканей с золотым и серебряным шитьем. Находки относятся к XIV в. [186]. Были выявлены фрагменты шелковых тканей типа тафты с вышивкой пряженым золоченым серебром, т.е. шелковой нитью, обвитой узенькой полоской золоченого серебра. На одной такой ткани узор состоял из веточек, расположенных горизонтальными рядами, шестилепестковых цветков и бутонов, на другой тоже растительный орнамент, сгруппированный в круги. Здесь же присутствовала темно-коричневая ткань более сложного переплетения — подкладка. В двух могилах найдена такая же ткань с вышивкой, но серебро сохранилось лишь в виде спутанных нитей. В одном из погребений встречена бумажная черная ткань из толстых крученых нитей. Фрагменты гобеленовой ткани с использованием золоченых пряденых нитей несли эпиграфический орнамент. Головное покрывало в одном из погребений сделано из тонкой прозрачной шелковой ткани с полосами тканого золоченого серебра. Часть покрывала была покрыта зигзагами, вышитыми металлическими нитями, между которыми этими же нитями была вышита надпись или эпиграфический орнамент. Наиболее интересными были фрагменты ткани с изображением в рамке двух человеческих фигур, вышитых шелком и пряженым золоченым серебром. Над фигурами — ветки с золотыми листочками и вышитыми шелком плодами. На другом куске этой ткани с вышивкой — изображение кошачьего хищника с полосами по шуре, вышитыми шелковыми и металлическими нитями.

Позднее Р.М. Джанполадян опубликовала ткани из погребения девочки в Ани. Обнаружилось большое сходство этих тканей с найденными в некрополе Армянской колонии в Болгаре [187]. Здесь тоже было тонкое полосатое покрывало с вышивкой шелком и золотом. Фигуры двух зверей, тигра и льва — друг против друга, похожи на

болгарского зверя. Есть также лента, вышитая зигзагами. Болгарские ткани сделаны грубее, но, безусловно, в той же технике. Сравнение этих тканей подтверждает связи Болгарии с Арменией. Армянские города славились шелковыми тканями. Владелец фамильного склепа в Ани был, судя по надписи на надгробии, богатым купцом. Возможно, он вел торговлю с Болгаром.

В городах Золотой Орды — в Старом Крыму, Маджаре, Азове, Сарае, как, по-видимому, и в Болгаре, было армянское население: археологические и письменные свидетельства об этом собрал И.В. Волков[188]. Вероятно, многие из них занимались торговлей.

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА

В Болгаре поливная керамика встречается постоянно, как глиняная, так и кашинная. Хотя доказательств производства на месте красноглиняных поливных сосудов пока нет, предположение, что оно существовало вполне обосновано. Изготовление красноглиняной неполивной керамики стояло на очень высоком уровне. Открытие в 1990-е годы стеклодельной мастерской доказывает, что употребление поливы вполне могло быть освоено местными ремесленниками. Кашинная же керамика, по всей вероятности, привозилась из столичных нижеволжских городов Золотой Орды, где была раскопана мастерская (Селитренное городище) и откуда она расходилась по всей огромной территории Золотой Орды. Ее находки очень легко определяются. Не исключено, что оттуда поступала и часть красноглиняной поливной гончарной продукции.

Кроме этой поливной керамики среди находок с Болгарского городища есть привозная парадная посуда, происходящая из разных ремесленных центров*, — поливная красноглиняная и желтоглиняная, кашинная поливная, люстр, селадон. Ее находки фиксируют обширные культурные, политические и торговые связи Волжской Болгарии.

КРАСНОГЛИНЯНАЯ И ЖЕЛТОГЛИНЯНАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА

Не все находки красноглиняной поливной керамики пока удалось атрибутировать достаточно точно. Опишем наиболее яркие импортные образцы.

Среди красноглиняной поливной керамики есть несколько фрагментов, которые можно отнести к азербайджанскому производству.

Красноглиняная чаша, от которой найден очень широкий (3,7 см) горизонтально отогнутый венчик. Она была покрыта желтовато-зеленой поливой по белому ангобу (вкл., ил. V, 1). Орнамент нанесен подглазурной гравировкой и расцвечен красками. Внутренняя поверхность украшена зелеными и коричневыми полосами. Венчик расписан черными треугольниками по зеленому полю; вершины треугольников заходят

* В определении импортной керамики из Болгарии я постоянно пользовалась консультацией И.В. Волкова и В.Ю. Ковалева, за что приношу им глубокую благодарность

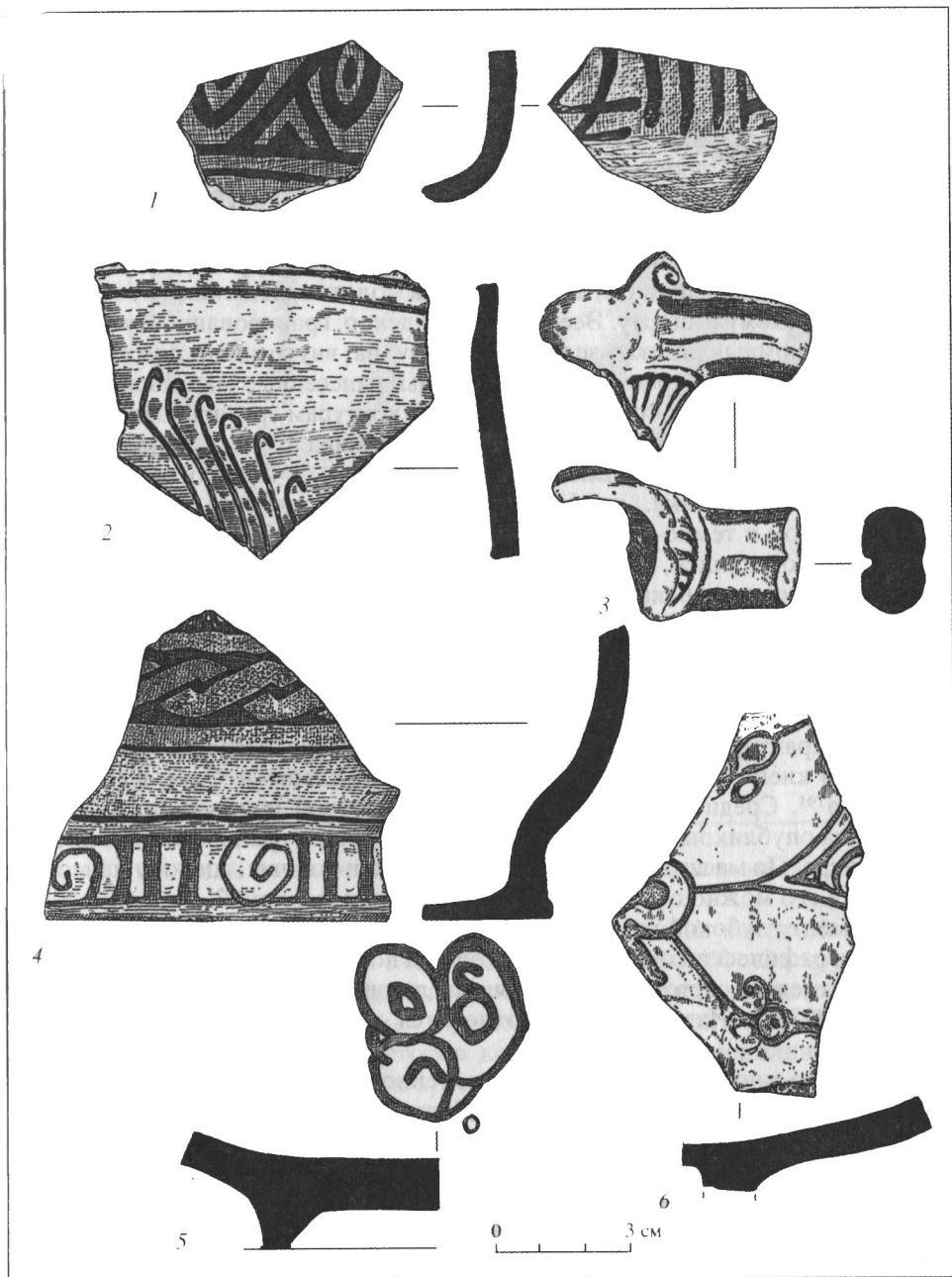

Рис. 5. Поливная красноглиняная керамика

на нижнюю сторону венчика. Снаружи орнамент состоит из двух параллельных линий и арочек, нанесенных гравировкой, треугольники между арками раскрашены пятнами зеленого и желтого цвета. Краска нанесена небрежно, с подтеками. Треугольный или фестончатый орнамент по венчику чаш широко распространен в азербайджанской керамике[189]. И.В. Волков относит чаши с таким широким горизонтальным утолщенным венчиком, найденные на золотоордынских городищах, к азербайджанскому импорту. Все они имеют декор, гравированный тонкой линией, полихромные, светло-зеленую поливу на внутренней поверхности и зеленую снаружи. По краю венчика фестоны, нанесенные марганцем, вершинами вниз; раскраска не точно соответствует контурам гравированного рисунка. В обеих нижеволжских столицах такая керамика представлена широко[190].

Также азербайджанским надо признать блюдо, от которого сохранилась часть дна (рис. 5, 5; вкл., ил. V, 2). Блюдо красноглиняное, было покрыто сверху ангобом и темно-зеленой глазурью (БГИАЗ № 24/257). Орнамент нанесен широкой линией, сграффито в центре блюда, состоит из трех неправильных овалов, примыкающих друг к другу. Внутри овалов помещаются короткие волнистые линии и небольшие круги. Возможно, это растительная композиция. Поддон вырезан из монолита. Снизу в центре дна оттиснуто клеймо мастера, представляющее схему креста в круге. Диаметр клейма 2,8 см. Помещение клейма на оборотной стороне донца поливных чаш и блюд является характерной особенностью азербайджанского средневекового ремесла. Это клеймо близко по схеме некоторым клеймам Орен-Кала, Баку, Байлакана[191]. Среди красноглиняных чаш с зеленой поливой по ангобу из Орен-Кала опубликован фрагмент чаши с небольшой гравированной плетенкой в центре. По масштабу рисунка, цвету теста и поливы, способу нанесения орнамента его можно сопоставить с болгарской находкой[192].

Фрагмент глубокой чаши с вертикальными стенками, на котором сохранился эпиграфический орнамент по внешней поверхности и зона геометрического орнамента, состоящего из прямых линий и овалов, — по внутренней (ГИМ № 82871). Изделие также относится к азербайджанскому импорту (рис. 5, 1).

Довольно много находок можно уверенно отнести к продукции мастерских Юго-Восточного Крыма, городов Солхат, Каффа, Солдайя.

По обломкам восстанавливается облик красноглиняной чаши на кольцевом поддоне, с фестончатым краем (вкл., ил. VI, 2). Поверхность покрыта белым ангобом и прозрачной желтоватой поливой. Изнутри по краю чаши проходит светло-зеленая полоса, нанесенная небрежно, местами она спускается до дна. В центре дна помещается нанесенный двумя гравированными линиями кружок, в который вписан треугольник с короткими отрезками, отходящими от середины каждой стороны. Рисунок внутри кружка выполнен в технике резерва. Радиальные линии, у основания которых имеется петелька-завиток, есть на обломках еще двух красноглиняных чаш с желтой и зеленой поливой из Болгара (ГИМ № 5919 29 П, БГИАЗ №247/61). От кружка отходят восемь гравированных радиальных линий, на четырех из них петельки у кружка. Орнаментальная схема — кружок в центре чаши с вписанным в него треугольником, от середины сторон которого отходят дополнительные линии — встречается на поливных красноглиняных

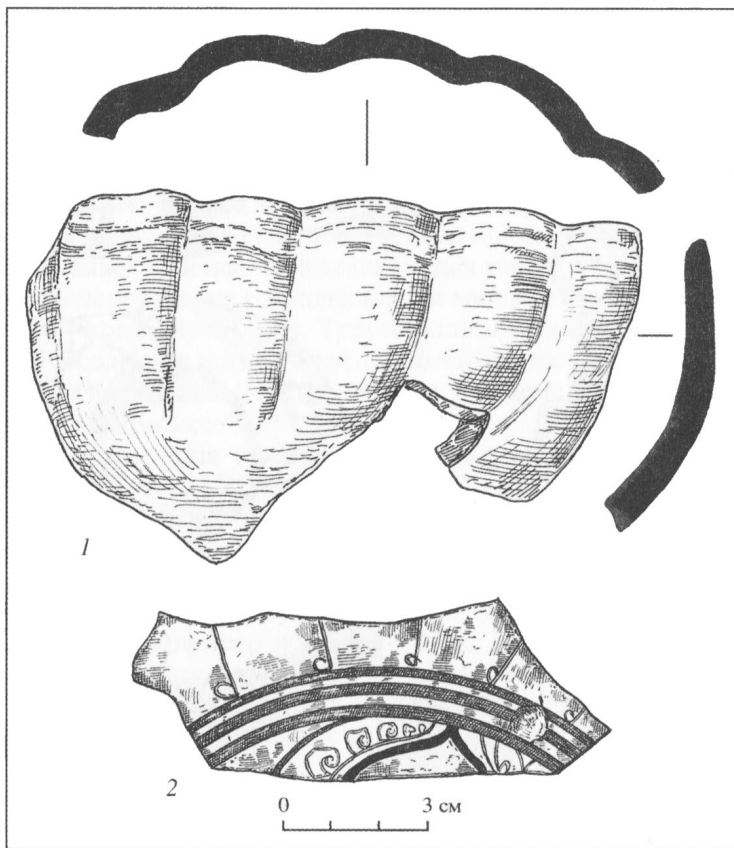

Рис. 6. Фрагменты красноглиняных чаш с зеленой поливой

чашах Херсонеса, отнесенных к XIII в. [193]. По цвету поливы и составу теста эта чаша относится к импорту из Крыма, возможно — из Херсонеса.

Обломком представлена верхняя часть другой чаши также с фестончатым краем (БГИАЗ № 562/283). Диаметр чаши 19 см, поверхность покрыта ангобом и поливой — светло-зеленой снаружи и совсем светлой, фисташковой, внутри. По ангобу на внутренней поверхности чаши от края нанесены гравировкой радиальные линии, соответствующие фестонам. Снаружи сохранилась одна радиальная линия, идущая от дна и не достигающая края (рис. 6, 1). По поливе и тесту эта чаша может быть отнесена к крымскому ремеслу.

Найден крупный обломок стенки и большая часть дна красноглиняной чаши с ангобом, желтой поливой внутри и зеленой снаружи (БГИАЗ № 769-144/290) (рис. 7,3; вкл., ил. VI, 7). Она имела вертикальный бортик и узкий горизонтально отогнутый венчик; диаметр -21 см. Глина ярко-красная, с небольшим содержанием мелкого шамота, орнамент нанесен гравировкой под поливой узкими и широкими линиями. По краю чаши с внешней стороны идут неглубокие насечки под зеленой поливой,

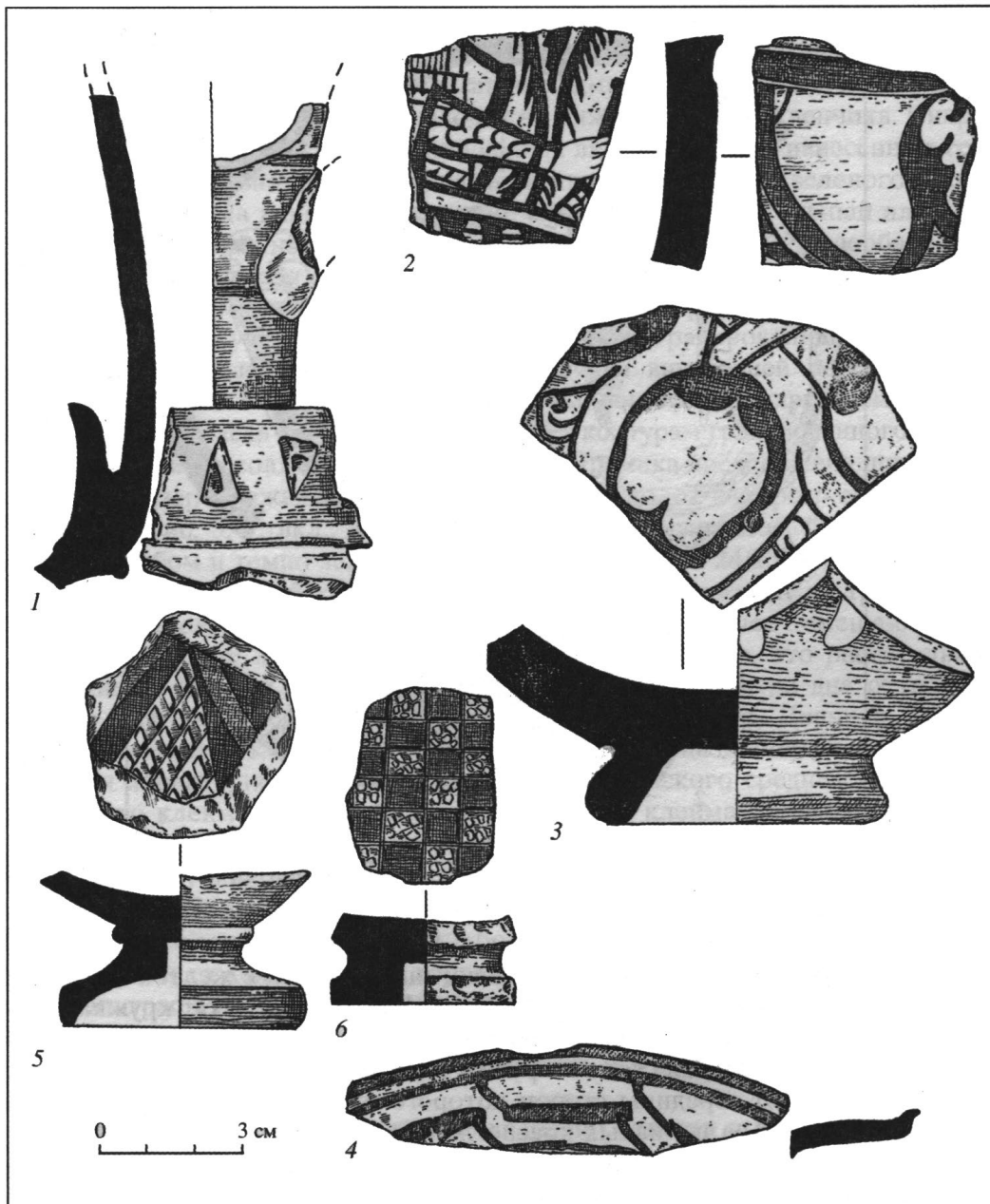

Рис. 7. Поливная красноглиняная керамика

полива положена полосой шириной 1,8 см. С внутренней стороны, под венчиком, проходит полоса со снятым ангобом, ниже — линия, ограничивающая рисунок в центре чаши. Рисунок состоит из чередования сердцевидных и миндалевидных лепестков, внутри последних — косяя штриховка. Треугольники между фигурами заполнены спиралями. Абсолютно идентичный орнамент встречен на красноглиняной чаше из Азака[194]. Начиная с XIII в. близкая по схеме орнаментация встречается в Крыму, в Херсонесе[195].

Красноглиняная чаша с вертикальным бортиком и отогнутым наружу венчиком (БГИАЗ № 217/95) имеет диаметр 20 см. Чаша покрыта белым ангобом внутри и по верхней части снаружи; глазурь светлая желто-зеленоватая. Под глазурью раскраска пятнами и потеками буроватого цвета (марганец) (вкл., ил. VI, 4). Глина с примесью шамота.

Красноглиняная чаша полусферической формы на кольцевом поддоне (БГИАЗ № 150/97). Диаметр поддона — 4 см. Диаметр по венчику — 16 см. В центре — два concentрических круга, нанесенных двойным контуром. От круга отходят радиальные двойные линии, делящие поверхность на восемь секторов, внутри которых изображены спирали (вкл., ил. VI, 7). По краю также горизонтальные линии. Полива желтая по белому ангобу, пятна зеленой краски нанесены беспорядочно. По мнению А.Л. Якобсона, деление поверхности чаши на сектора довольно широко распространено в керамике Херсонеса[196], как, впрочем, и в других районах. По всем признакам эта чаша также происходит из Крыма.

Обломок края красноглиняной чаши с желтой поливой по белому ангобу (БГИАЗ № 205/43). Чаша с вертикальным бортом и загнутым внутрь приостренным венчиком. Диаметр чаши — 22 см. Орнамент, выполненный гравировкой тонкой и толстой линиями по краю чаши, представляет так называемую сельджукскую цепь (рис. 7, 4). Совершенно такой же орнамент, но по наружному краю, есть на чаше, найденной на Ратском городище в Курской области (В.Ю. Коваль относит чашу к восточно-крымскому производству[197]), а также в комплексе XIV в. в Крыму — в Сугдее[198].

Донышко красноглиняной чаши с зеленой поливой и подглазурной гравировкой. На донышке, в центре, — пятилепестковая розетка из плетенки, в каждом лепестке розетки и между ними — выгравированный завиток (вкл., ил. III, 5). Мотив розетки из плетенки, помещенной в центре чаши, часто встречается в восточной керамике. По тесту данная чаша относится к восточно-крымскому производству.

Встречено несколько фрагментов чаш, покрытых желтой поливой, с тонким гравированным рисунком, оставляющим много свободного фона.

Один обломок представляет край открытой чаши или блюда диаметром 25 см (БГИАЗ № 56/29). Сохранившаяся часть орнамента — шесть параллельных изогнутых линий с завитками и точками на конце — возможно, изображение хвоста большой птицы (рис. 5, 2). Другой фрагмент является обломком придонной части сильно открытой чаши (БГИАЗ № 69/7). Тонкой линией изображен кружок, от которого отходят радиальные линии, одна из них, раздваиваясь, образует угол (рис. 5, 6). Подобный элемент орнамента — раздваивающаяся радиальная линия, образующая угол или ромб, заполненный завитками, кружками, — встречается, например, в Крыму[199], в Грузии[200].

Зеленой поливой покрыт фрагмент чаши с тремя концентрическими окружностями, гравированными по краю донца, с отходящими от них радиальными линиями с петельками на концах (БГИАЗ № 247/61).

Зеленой поливой снаружи и внутри покрыт отогнутый край чаши с гравированным орнаментом в виде скобок и горизонтальных линий; ниже идет коричневая полива снаружи и кремовая внутри.

Также к продукции крымских ремесленников относится край блюда или тарелки, раскрашенной зеленой и коричневой краской по гравированным прямоугольным контурам (вкл., ил. V, 4) (ГИМ № 82871).

Имеет аналогии в Крыму и орнамент на фрагменте толстостенной полихромной чаши, с изображением овалов с точками внутри (вкл., ил. V, 5) (БГИАЗ № 53/62).

Среди поливной красноглиняной керамики, найденной в Болгаре, представляет интерес обломок горла одноручного кувшина, покрытого зеленой поливой (рис. 7, 7). Горло расширено кверху. Высота фрагмента 9 см, диаметр по верху 5 см, диаметр у основания 3 см. На верхней части обломка сохранился след ручки, по горлу прочерчены три горизонтальные линии. Вокруг основания горла вертикальный бортик высотой 2,8 см, в котором прорезан ряд треугольных отверстий (БГИАЗ № 55/179).

Описывая керамику Орен-Кала[201], А.Л. Якобсон упоминает об оборочке (гдебешке) с треугольными прорезьями вокруг горла сосуда. Подобная грузинская форма из слоя XI—XIII вв. опубликована М.Н. Мицишвили[202]. Прорезные треугольники есть на кольцевом поддоне кувшина из Двина[203]. Обломок горла кувшина с подзором (оборочкой), прорезанным треугольниками, найден в Москве в слое XIV-XV вв. [204]. В.Ю. Коваль относит кувшин к азербайджанскому импорту, хотя состав теста не исключает его крымское происхождение[205]. И.В. Волков упоминает в числе продукции Солхата узкие горла кувшинов иногда с дополнительным прорезным бортиком на плечике[206]. М.Г. Крамаровский отмечает в материалах Солхата серию красноглиняных штампованных кувшинов с высоким горлом и прорезным бортиком у шейки[207]. Видимо, этот способ орнаментации употреблялся и в Крыму, и в Закавказье.

Среди поливной керамики Болгарского городища есть два фрагмента с изображением человека.

Один фрагмент является обломком красноглиняного блюда, покрытого белым ангобом и желтоватой прозрачной глазурью (БГИАЗ № 139/214)[208].

Рисунок нанесен гравировкой широкими и узкими линиями на внутренней поверхности (рис. 7, 2). На обломке сохранилось изображение руки и части торса человека. Рука до кисти покрыта пластинчатым панцирем или облегающим рукавом из узорной ткани. Человек облачен в кафтан, обе полы которого оторочены бахромой. Внешняя поверхность блюда покрыта растительным орнаментом, сгруппированным в зоны. Изображение исполнено довольно грубо.

Фигура человека на поливной керамике в Северном Причерноморье иногда встречается и на посуде, изготовленной в крымских мастерских XIII-XIV вв. [209]. Среди персонажей имеются и латиняне (находки из Солхата)[210]. Можно предположить, что на болгарском блюде, относящемся по тесту, поливе, технике орнаментации к продукции крымских мастеров, также изображен человек Запада. Небольшие сохранившиеся детали костюма сходны с одеждой человека на солхатской чаше[211].

Несколько поливных красноглиняных сосудов определяются как византийские.

В коллекции имеются два фрагмента очень похожих друг на друга красноглиняных поливных сосудов (рис. 5, 4). Это обломки нижней части кувшинчиков (БГИАЗ № 13-77, 582-213/254). Большой по размеру обломок имеет высоту 8 см; диаметр поддона — 3,5 см, его высота — 2 см. Второй имеет диаметр поддона — 3,5 см, его высота — 3,5 см. Оба сосуда представляют собой небольшие кувшины с округлым туловом, переходящим в донную часть, расширенную книзу. Внутри поливы нет, снаружи белый ангоб и бледно-желтая глазурь. У большего обломка глазурью покрыта только верхняя часть сосуда. Там сохранилась часть орнамента, состоящего из плетенки, заключенной между двумя горизонтальными полосами. Рисунок выполнен техникой резерва. Другой орнаментальный пояс проходит по усеченно-коническому поддону, он также ограничен гравированными горизонтальными линиями и состоит из чередующихся волют и трех вертикальных линий. На втором фрагменте по поддону идет орнаментальная зона такой же схемы из двух более широких вертикальных полос и волют.

Очень близкую форму представляет нижняя часть кувшина, найденного в Херсонесе в слое XIV в., орнамент на поддоне имеет ту же схему, а узор, расположенный по тулову, также состоит из плетенки, выполненной техникой резерва. По сообщению А.И. Романчук, такие кувшины есть в музеях Западного Причерноморья, в частности — в Несебре, где они датируются XIII-XIV вв. [212].

По классификации А.Н. Масловского, кувшины с подобной нижней частью входят в группу 15 подгруппу Б — византийская керамика с орнаментом, выполненным в технике резерва и сграффито. Это кувшины в основном с Двусторонним покрытием темно-желтой поливой — узкогорлые, с усеченно-коническим поддоном. На ручках и рядом с местом их прилепа имеются полушаровидные налепы, имитирующие металлические заклепки. Такие кувшины находят в Белгороде, Судаке, Кафе, Херсонесе, а также в Варне, Несебре, Константинополе [213]. На азовских находках орнаментация поддона точно такая, как на болгарских [214].

Из Болгара происходит обломок горла с ручкой от кувшина, подобного описанным выше (БГИАЗ № 137/303). Горло диаметром 3,5 см слегка расширено книзу. Глиняное тесто красное, полива желтая по белому ангобу. Орнамент на ручке нанесен толстой линией гравировки — две полосы сверху и две снизу. Вверху, в месте прикрепления ручки, гравированный завиток. Снизу на ручке и частично на горле — полукруг с частыми радиусами. В разрезе ручка овальная или «двуствольная», как бы слепленная из двух жгутов (рис. 5, 3). Похожая двуствольная ручка кувшина с круглыми лепешечками-налепами по месту скрепления жгутов найдена в Азове [215]. Белоглиняная двуствольная ручка от чашки найдена в Киеве [216]. Она покрыта желтой поливой и красными и зелеными брызгами. У основания ручки рельефный завиток, возможно соответствующий гравированному завитку на ручке из Болгара. Этот сосуд отнесен Т.И. Макаровой к византийскому импорту X-XII вв. Такая форма есть в Коринфе [217]. Другая подобная находка — край чашки с двуствольной ручкой происходит также из Киева. Тесто желтое, полива бирюзовая. В месте прикрепления ручки имеется налест в виде завитка. Эта ручка опубликована В.Н. Зоценко [218] и отнесена В.Ю. Ковалем к византийскому импорту. Бело-глиняные поливные чашки с двуствольными ручками есть в византийской керамике X-XII вв. [219].

В коллекции из Болгара имеется еще одна двуствольная ручка от красно-глиняного сосуда с голубой поливой по ангобу. Ее ширина — 1,7 см, диаметр каждого ствола — 0,8 см; поверх желобка, разделяющего стволы, у основания ручки есть налепы в виде лепешечек (вкл., ил. VI, 6).

Обломок двуствольной ручки кувшина с наклепленными на стыке круглыми табличками, украшенными гравированными спиралями, найден на селище Ближнее Константинове (сообщение В.Ю. Ковалея).

По сведениям С.И. Валиулиной, подобные двуствольные ручки встречены в Биляре. Отнюдь не оспаривая византийское происхождение таких ручек с Болгарского городища, хочу привести более древнюю аналогию двуствольной ручке с налепами. Е.И. Пещерева публикует сведения из отчета А.Ю. Якубовского о работах в Средней Азии в 1939 г. — находку из Пайкенда, которую он датировал VII-IX вв., двуствольной ручки с двумя налепами в виде лепешечек со штампованным орнаментом[220].

Два обломка доньшек с кольцевым поддоном из Болгарского музея (БГИАЗ № 75/25,66/12) (вкл., ил. III, 3) принадлежат красноглиняным чашам, покрытым белым ангобом со светло-желтой поливой внутри, оба имеют одинаковую схему орнамента. Снаружи поддон покрыт зеленой поливой. Орнамент нанесен тонкой гравировкой и представляет собой круг, очерченный несколькими линиями и разделенный пополам. На большем по диаметру доньшке (5,5 см) каждый полукруг занят S-видной фигурой с концами, закрученными в виде волют. Фрагмент другой чаши снаружи покрыт только ангобом. Круг в центре (диаметр — 4 см) также очерчен несколькими линиями и разделен на два полукруга, в которых помещен цветок или лист в овале, а вокруг растительные побеги. Рисунок на обеих чашах выполнен довольно небрежно.

Очень близкое изображение встречено на донце красноглиняной чаши с желтой поливой, найденном на Селитренном городище[221]. По мнению В.Ю. Ковалея, эти чаши византийского производства.

Подобный орнамент — круг, разделенный пополам двойной линией, а в каждой половине S-видная фигура, — встречен на донце чаши, происходящей из Северной Африки и датированной автором публикации X-XI вв. Рисунок нанесен коричневой краской по оранжевому фону без гравировки[222].

Необычной формы поддон, найденный среди подъемного материала в Болгаре, принадлежал, возможно, керамическому кубку (БГИАЗ № 177/642). Поддон высокий (2 см), вогнутый снизу, в центре имеется цилиндрическое углубление диаметром 0,8 см, глубиной 0,9 см. Диаметр поддона 5 см. Снаружи он отделен от придонной части валиком (рис. 7, 5). Внутри на дне сосуда сохранилась часть орнамента в виде ромба, расчерченного косой сеткой. Глина желтая, полива светлая прозрачная. Такая форма поддона на золотоордынских памятниках как будто не встречается.

В Египте найден более высокий поддон подобной формы от кубка, отнесенного к мамлюкскому периоду (XIII-XIV вв.)[223]. Египетский кубок также имеет валик на фигурной ножке. Форма самого кубка — низкий цилиндр. Он покрыт зеленой поливой, под которой на наружной поверхности нанесен гравированный растительный орнамент. Диаметр поддона — 6,5 см, высота ножки — 4 см. Возможно, поддон, найденный в Болгаре, также принадлежал египетскому кубку, но меньшего размера.

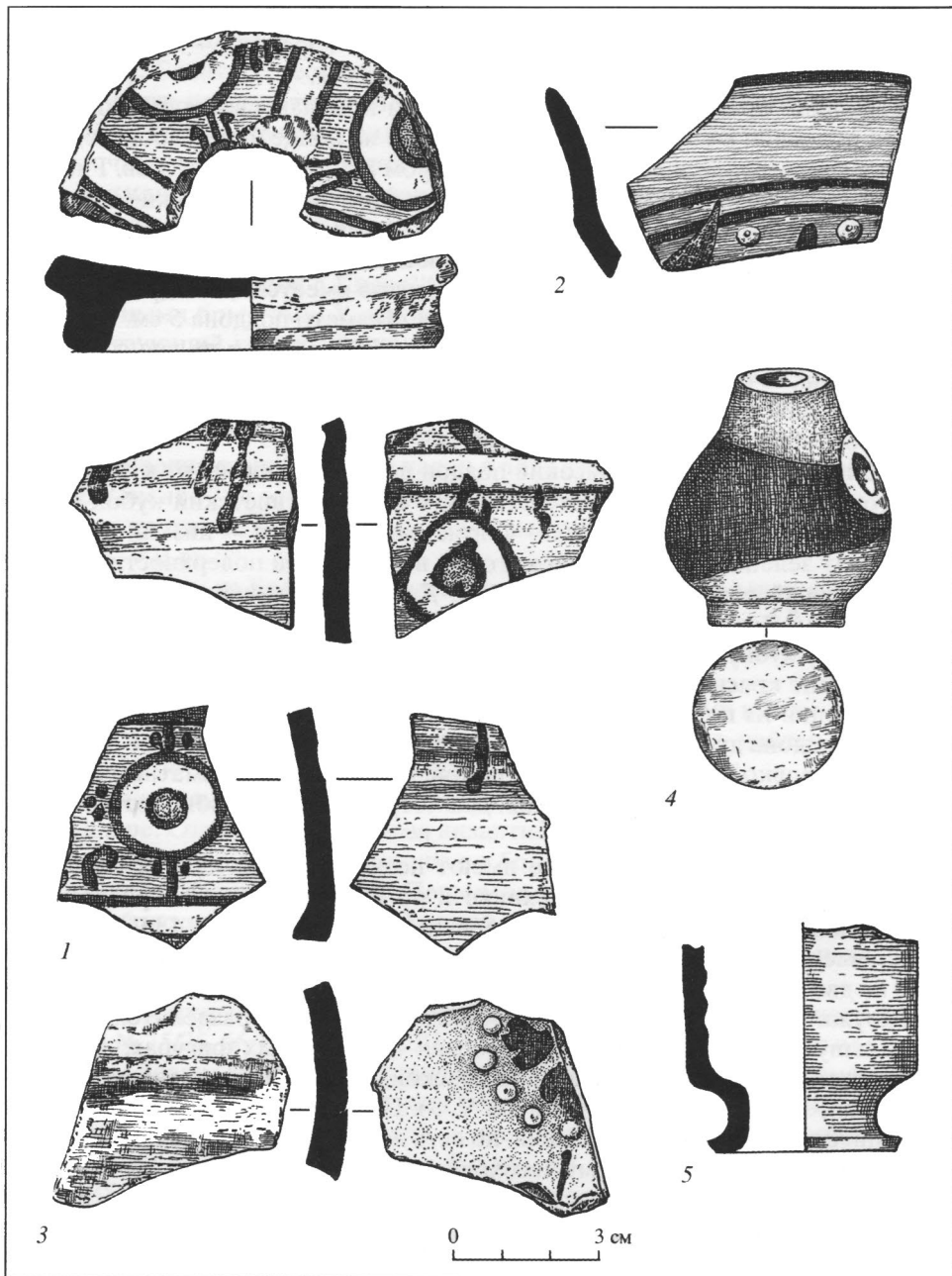

Рис. 8. Поливная керамика:
1, 2 – красная глина; 3, 5 – желтая глина; 4 – белая глина

Фрагмент красноглиняной чаши с зеленой поливой (БГИАЗ № 177/365), происходящий из подъемного материала, имеет цилиндрическое углубление в центре поддона дисковидной формы (рис. 1, 6). Орнамент в центре донца нанесен гравировкой в виде сетки, но прямой, на которой в шахматном порядке расположен узор из мелких кружков. Диаметр поддона (он обколот по краю) примерно 4,5 см.

Казахстанское происхождение имеют несколько фрагментов поливных чаш, сходных между собой по технике и по цветовой гамме. Три обломка красноглиняной чаши (БГИАЗ № 568-127/257, 562-41/253, 139/203) дают представление об орнаменте на внутренней поверхности. Стенки чаши разделены на две зоны, в которых помещаются круглые или миндалевидные фигуры с кружком в центре. Фон желтый, круглые фигуры и разделительные линии — выпуклые белые, серединки (ростки ?) в крупных фигурах, зеленые. Все контуры выполнены коричневой краской, как и мелкие детали орнамента — точки, завитки (рис. 8, 1, вкл., ил. V, 3). Полива бесцветная. Снаружи на имеющихся фрагментах нет поливы, но есть потеки коричневой краски — возможно, от полосы по внешнему несохранившемуся краю чаши.

Вероятно, такого же происхождения поливная желтоглиняная чаша, от которой найден крупный обломок (БГИАЗ № 766-301/237). Чаша глубокая с утончающимся отогнутым краем. Диаметр по венчику — 33 см. Орнамент на внутренней поверхности состоит из коричневого петлеобразного узора с дополнительными мелкими деталями и пятнами бирюзовой краски по желтому фону. Бирюзовым цветом окрашен и край чаши. Внешняя поверхность чаши также покрыта желтой поливой, редкий узор нанесен коричневой краской и расцвечен бирюзовыми пятнами (вкл., ил. VII, 7).

Здесь же можно упомянуть две поливные чаши, от одной из которых, красноглиняной (ГИМ № 2064/129), найден венчик, а от другой, желтоглиняной (БГИАЗ № 17/187), два фрагмента стенок. Их объединяет желтая окраска и круглые белые выпуклины под бесцветной глазурью. Красноглиняный венчик от открытой чаши диаметром 14 см имеет коричневую полосу по краю, ниже ряд круглых белых выпуклин из сгустков ангоба, чередующихся с мазками зеленой и коричневой краски (рис. 8, 2). На желтоглиняном обломке на желтом фоне расположена часть радиальной композиции с белыми круглыми выпуклинами и коричневыми лепестками между ними (рис. 8, 5). Внешняя поверхность без поливы, но с рисунком по краю в виде коричневых полос по желтому фону. Орнамент из белых выпуклых кружков встречен на поливной керамике из Кара-Булака^[224]. Подобная деталь орнамента имеется на некоторых черепках из золотоордынского памятника Сарайчик, продемонстрированных в докладе О.В. Кузнецовой на конференции «Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X-XVIII вв.» в Ялте в ноябре 2007 г.

Все вышеописанные фрагменты поливной керамики по цветовой гамме (белый, желтый, коричневый, немного бирюзового или зеленого цвета) близки между собой, несмотря на различие в цвете теста. Их объединяет также наличие выпуклых белых элементов орнамента, нанесенных густым ангобом, и отсутствие аналогий в крымской или закавказской поливной керамике.

Вероятно, такое же происхождение имеет еще одна желтоглиняная чаша с вертикальным бортиком и ребром при переходе к тулову (БГИАЗ № 134/18). Светло-желтая полива покрывает чашу с обеих сторон. Особенностью является сложный

орнамент, выполненный одинаково тщательно по обеим сторонам (вкл., ил. VII, 2). Внутри и снаружи чаши узор помещен в двух зонах, граница между которыми проходит по ребру. На внутренней поверхности верхняя зона заполнена завитками и точками, выполненными коричневой краской по желтому фону между выпуклыми вертикальными полосками белого ангоба. Зона ниже ребра разделена выпуклыми арочками, также нанесенными ангобом, вокруг которых по желтому фону коричневые точки, волуэты, а также кружки, заполненные круглыми белыми пятнышками ангоба. Дополнительный декор — редкие пятна зеленой краски. На внешней поверхности чаши в верхней зоне, окрашенной светло-коричневым цветом, нанесен темно-коричневый узор в виде вьющегося растительного побега, а в нижней — коричневые волуэты по желтому фону. Поверх рисунка в обеих зонах нанесены выпуклые круглые пятнышки из ангоба.

К этой группе поливных сосудов, предположительно относимой к импорту из Отрара, принадлежит округлый белоглиняный сосудик на дисковидном поддоне с утраченными носиком и горлом (БГИАЗ № 24/240). Диаметр дна — 3 см, тулова — 5 см; сохранился на высоту 5 см. Верхняя часть покрыта зеленой, нижняя — коричневой краской под слабоокрашенной поливой (рис. 8, 4).

Такое же происхождение имеет и альборелло из серо-желтой глины с зеленой поливой (БГИАЗ № 1608). Сохранилась только нижняя часть сосуда с кососрезанным краем поддона. Диаметр тулова 5,5 см, диаметр поддона 4 см (рис. 8, 5).

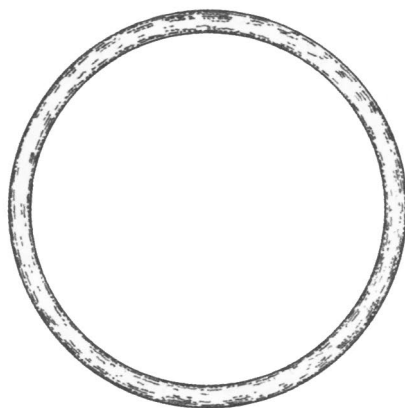
Подводя итоги рассмотрения импортной глиняной поливной посуды Болгара, можно отметить, что чаще всего здесь встречается продукция Крыма. Византийские образцы также поступали через Крым. Привозили поливные чаши из Азербайджана. К среднеазиатским изделиям, по мнению А. Масловского, возможно, принадлежит фрагмент сероглиняной чаши с цветком лотоса на дне, окрашенным в коричневый и желтый цвет, с зеленой серединкой (БГИАЗ № 926-511/270). Чаша на кольцевом поддоне диаметром 5 см, в центре дна имеется конический выступ.

ПОЛИВНАЯ КАШИННАЯ ПОСУДА

Среди привозной кашинной керамики Болгара выделяются изделия иранских мастеров. К ним можно отнести сосуд с белой поливой, от которого найдено доннышко (ГИМ № 83237). Фаянсы с белой поливой изготавливались в Иране во второй половине XIII-XV в. Кольцевой поддон необычного профиля, его диаметр 9 см, полива покрывает дно и сверху, и снизу (рис. 9, 2). Возможно, выше на сосуде была какая-то роспись, но он мог быть и целиком белым.

В Московском Кремле найден один фрагмент такого сосуда, который по стратиграфии и качеству теста отнесен В.Ю. Ковалем к XIV в. Это также донная часть, имеющая сложную профилировку поддона, целиком покрытого белой поливой. Монохромная белая полива по всей чаше, поддону и нижней поверхности дна характерна для Ирана конца XII — начала XIII в. [225].

Изображение человека, кроме как на красноглиняном блюде, описанном выше, встречено в болгарской коллекции и на кашинной поливной чаше (БГИАЗ № 6/50). Кашин желтоватый, полива светло-зеленая прозрачная, роспись полихромная, бело-голубая с черным. На обломке сохранился торс человека и кисть его правой

0 3 см

Рис. 9. Фрагменты поливных кашинных чаш:
1 – люстр; 2 – с белой поливой

руки (вкл., ил. VIII, 7). Возможно, человек сидит, может быть — с поджатой ногой, так как контуры фигуры сильно расширяются ниже пояса, как если бы колени были раздвинуты. Не исключено, что это расширение дает нижняя сборчатая часть одеяния, так как от пояса радиально отходят две тонкие линии, может быть обозначающие складки. Правая рука согнута в локте, пальцы сжаты, над кистью — облегающий манжет рукава. Рука опирается, возможно, на подлокотник кресла, покрытый черными значками. Торс человека обтянут одеждой с горизонтальными синими и белыми полосами. От правого плеча отходит косая двойная линия, обозначающая запах. Пояс показан такой же тонкой двойной линией. К поясу на тонком ремешке подвешена, по-видимому, сумка прямоугольной формы, на которой виден орнамент. Одежда ниже пояса также раскрашена горизонтальными синими полосами, но более редкими. С правого плеча человека спускается короткая накидка или верхняя одежда, окрашенная синим цветом с черными очками. Кусочек этой же ткани сохранился и с правой стороны фигуры, а может быть это второй подлокотник.

Рисунок в целом необычайно тонок и изящен, особенно кисть руки. Он напоминает иранские миниатюры.

М.В. Горелик определяет костюм этого человека, как характерный монгольский халат второй половины XIII-XIV в. По его мнению, мужские халаты с отрезной «плиссированной» юбкой появились у монголов в результате их знакомства с европейской модой[226].

ЛЮСТР

Люстр представляет собой вершину керамического искусства средневекового Востока. Он появился у арабов в IX-X вв., а в XII в. широко распространился, достигнув совершенства, в Иране. Центром его изготовления считается город Кашан, где найдены следы производства[227]. После монгольского погрома искусство люстра в Иране возродилось и продолжилось[228]. Находки посуды с люстровой росписью в Болгаре служат свидетельством связей Поволжья с Ираном.

В коллекции БГИАЗ за 1969-1990 гг. насчитывается более 130 фрагментов сосудов с люстровой росписью. Еще 20 фрагментов взято из фондов ГИМ. Стратиграфическая дата большинства находок — XIV в. В домонгольском слое Болгара люстр встречается редко, обычно в богатых жилищах золотоордынского типа.

Сосуды с люстровой росписью покрыты белой поливой, иногда с кремовым или голубоватым оттенком. Рисунок имеет красноватый, коричневый, оливковый, горчичный, желтый цвет и металлический отлив. Определяется несколько форм сосудов: кувшинчики или вазы, блюда и, главным образом, чаши (рис. 10).

Кувшины (8 фрагментов), как закрытые сосуды, внутри покрыты только белой поливой. Снаружи по бело-голубоватому фону идет коричневая роспись. Найдена одна овальная в сечении ручка, окрашенная люстром горчичного цвета с синим пятнышком (БГИАЗ № 12/1). Несколько крупных фрагментов (например, БГИАЗ № 33/67) дают некоторое представление о форме и орнаментации кувшинов (вкл., ил. VIII, 2, 5, 6). Орнамент — эпиграфический, растительный, геометрический — каждый расположен в отдельной зоне (БГИАЗ № 90/136; 33/67; 234/243; 247/111). Фон часто заполнен мелкими завитками или точками. На одном фрагменте голубая полоса разделяет зоны.

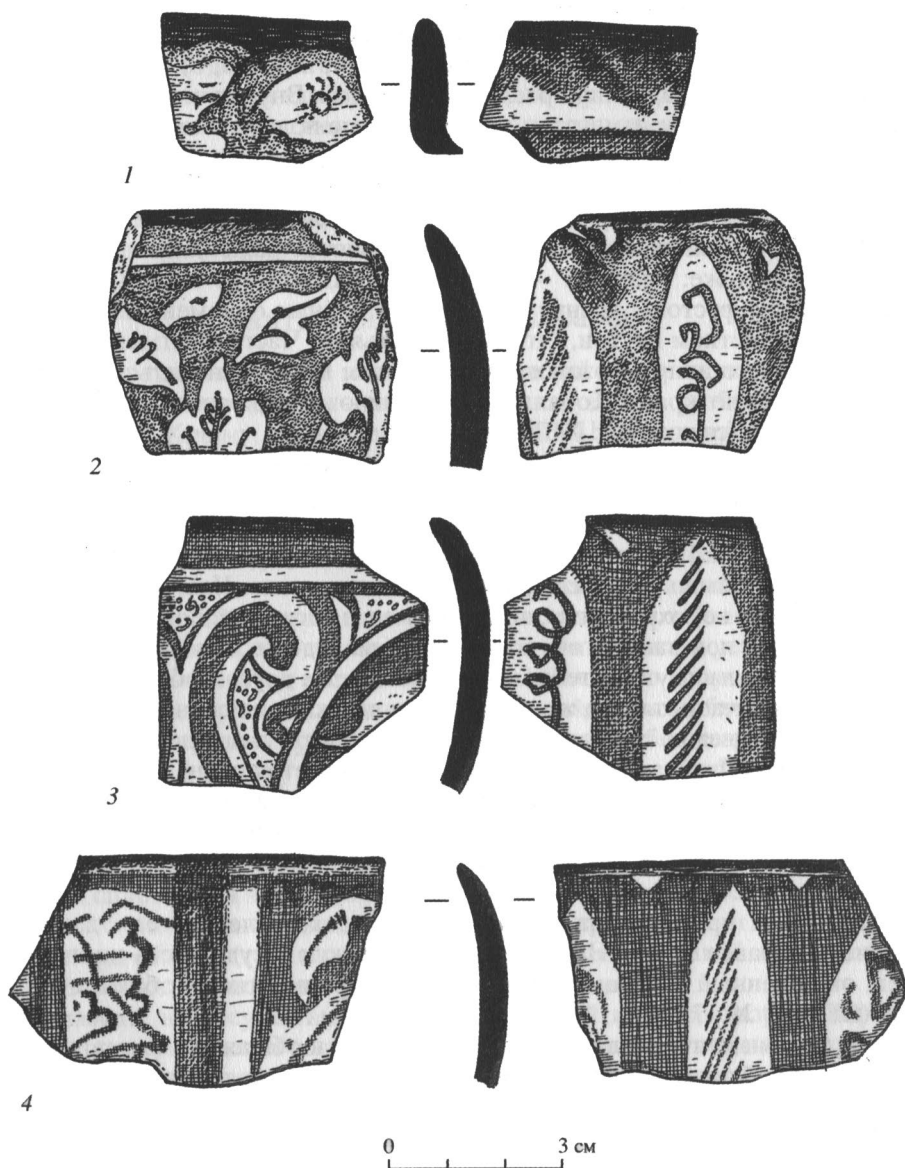

Рис. 10. Венчики люстровых чаш

Блюда (2 фрагмента) по нижней поверхности покрыты белой глазурью или расписаны голубыми радиальными полосами, идущими от поддона. Сверху по краю одного блюда проходит гирлянда из трилистников, а ниже полоса эпитафического орнамента (вкл., ил. VIII, 4). Диаметр блюда 19 см.

Чашы (90 фрагментов) имеют полусферическую форму. Диаметр 14—23 см. Донца кольцевидные, 5-13 см в диаметре, довольно высокие — 1,5-2,5 см. У большинства чаш по краю нанесена синяя кобальтовая полоса.

Иногда синий цвет присутствует и в рисунке. Снаружи чаши расписаны остроугольными арочками, внутри которых вертикальная надпись или ее имитация чередуются с косой штриховкой (вкл., ил. VIII, 8). Иногда вместо арочек от доньшка радиально расходятся полосы. Внутри чаш часто есть зона эпитафического орнамента, горизонтальные полосы — коричневые и белые, иногда узор заключен в сектора, часто это растительный орнамент — бутоны с семенами, побеги, листья. В отдельных случаях поверхность имеет синеватый отлив, иногда рисунок подцвечен бирюзовыми пятнами.

Чашы без синей полосы по краю встречаются реже. Схема орнамента примерно такая же: снаружи — арочки или радиальные полосы, по краю полосы, иногда фестоны, а внутри — горизонтальные орнаментальные зоны, медальоны с цветком внутри, «ягоды» с листьями. Часть фрагментов, на которых нет синего или бирюзового цвета, также могла относиться к чашам с синей полосой по краю. Кобальтовая и бирюзовая краска на люстровых сосудах появляется только с XIII в.

К этой группе относится придонный фрагмент чаши (БГИАЗ № 202/102), на котором по внутренней поверхности золотисто-коричневой краской изображена газель в цветущем саду (рис. 9, 7). У газели прямые длинные рога, острые уши, нос и глаза обозначены точками, шея длинная, мускулистая, шкура покрыта точками и пятнышками. Передние ноги тонкие, сухие. Изображение задней половины газели не сохранилось, но тем не менее рисунок полон движения. Поверхность земли показана дугой, почва точками. Рядом с животным растет высокий цветок на изогнутом стебле с листочками. На другом обломке чаши сохранилась лишь часть такого же маленького цветка, а за спиной газели — еще один большой цветок с пятью лепестками и изогнутым листиком, под копытами — трава. Изображенный за спиной газели цветок очень похож на фрагмент растительного орнамента с обломка иранской чаши из Ани[229]. Рогатое или безрогое копытное животное, пасущееся в саду (картина рая), — очень распространенный сюжет на восточной поливной керамике и на люстровых изразцах[230].

Рельефный орнамент на люстровых сосудах исследователи датируют временем не ранее XIV в. На одном из болгарских сосудов есть конический налlep, окрашенный полосами оливкового люстра и пятном кобальта на вершине (БГИАЗ № 171/72).

Детали орнамента на люстровых чашах, как и общая его схема, находят аналогии в опубликованных материалах. Так, например, пятилопастный изогнутый лист с точками на лопастях (вкл., ил. VIII, 6) имеется на сирийской чаше XII-XIII вв. из галереи Фрир в Вашингтоне[231]. На многих фрагментах фон рисунка заполнен мелкими завитками, что характерно для люстровой посуды,

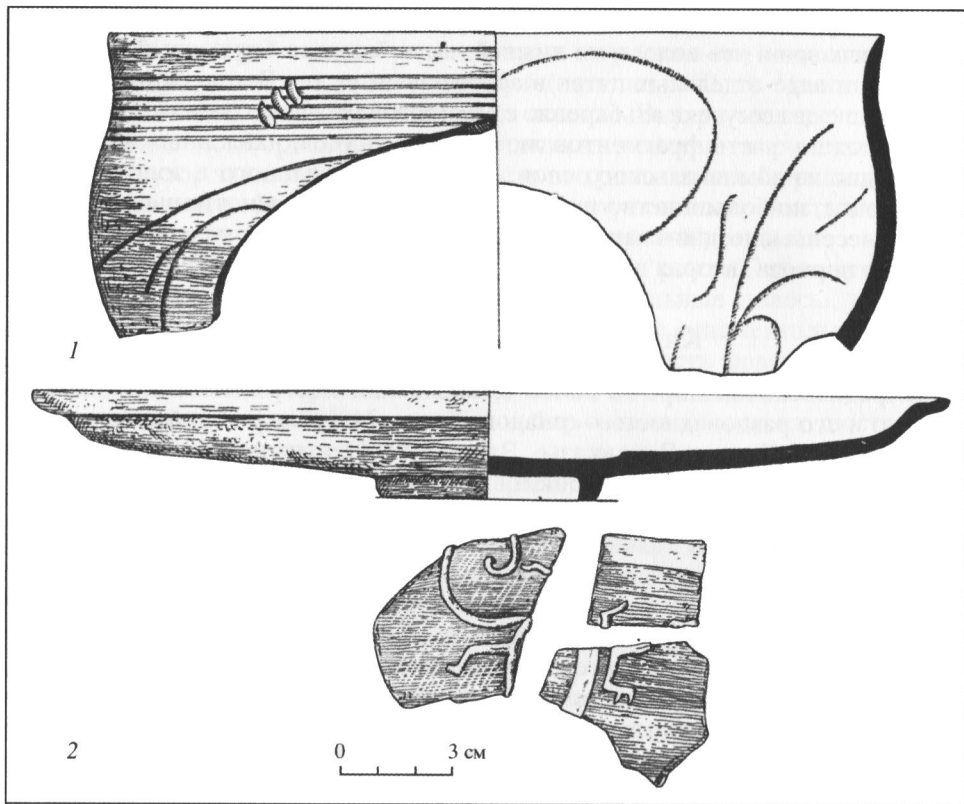

Рис. 11. Фрагменты селадоновых чаши и блюда

в частности на чаше XII в. из Метрополитен-музея и на двух кашанских чашах с датами 1210 и 1269 гг., содержащимися в надписях, отмечаются такие завитки[232]. Трилистники, которые составляют гирлянду по краю одного болгарского блюда, встречены на наружной поверхности иранской чаши XIII-XIV вв. [233]. Присутствие синей кобальтовой и бирюзовой краски наблюдается на фрагменте большого блюда из коллекции музеев Востока (ГМИНВ № 4092/53611). Здесь синим цветом даны узкие перегородки на одной из орнаментальных зон и две полосы из нижней части блюда, а бирюзовый цвет присутствует в виде отдельных пятен в арабесковом узоре. В коллекции БГИАЗ имеется еще два сосудика альбарелло с люстровой росписью (вкл., ил. VIII, 1, 3). Возможно, часть фрагментов люстровых сосудов, найденных в Болгаре происходит из домонгольского слоя, сильно перекопанного в золотоордынский период, но большинство находок представляются однотипными и могут быть отнесены к поздним вариантам иранских люстров так называемого иль-ханского периода (вторая половина XIII — первая половина XIV в.).

КИТАЙСКИЙ СЕЛАДОН И ФАРФОР

В средневековом мире не менее чем иранский люстр ценились китайский фарфор и его разновидность — селадон. Его находят на арабском Востоке, в Средней Азии, Крыму, Закавказье, Западной и Центральной Европе, на Руси. Довольно много таких находок и в городах Золотой Орды, в том числе в Болгаре.

Находки 1969-1991 гг. из раскопок Болгарского городища, хранящиеся в БГИАЗ, в настоящее время описаны и опубликованы [234]. Все они происходят из золотоордынского слоя и часто связаны с богатыми жилыми комплексами. Учтено более 350 фрагментов изделий из селадона и более 70 из фарфора. Особенность селадона состоит в том, что при обжиге в результате соединения железистых частиц теста со шпатовой глазурью получается серовато-зеленый цвет поверхности. Большая часть найденных обломков селадона принадлежит открытым формам сосудов — чашам и блюдам. Чаши обычно полусферической формы с различно оформленным венчиком. Встречаются чаши с ложковой поверхностью, возможно изображающие цветок лотоса, с фестонами по краю. Диаметр чаш — 5—34 см, высота — 5—18 см. Все чаши, как и блюда, имеют кольцевой поддон диаметром 3-19 см, высотой 0,5-1,0 см. Поддоны сплошь или частично покрыты поливой. Свободные от поливы донца имеют буро-красный цвет, что объясняется проступанием частиц железа из теста при обжиге (так называемая «железная пята»). Такой же эффект наблюдается иногда и по краю венчика («железный рот»).

Орнамент на сосудах выполнен гравировкой или подглазурным рельефом. Тонкая гравировка создает очень нежный рисунок, так как углубление заполняется более толстым слоем поливы, чем окружающая поверхность. Наружная сторона чаш орнаментирована скромно — параллельные линии вдоль края, иногда пересеченные штампом из трех овальных ямок, или радиальные линии от дна до венчика, иногда свободно изогнутые линии (рис. 11, 1). Внутри чаши украшены также гравированными линиями или растительными мотивами, а также подглазурным рельефом в виде реалистических или схематичных изображений цветов, бутонов, листьев побегов, а также арочек, овалов (вкл., ил. IX, 2).

Меньшую группу селадоновых сосудов Болгара составляют блюда и блюдца. Они плоские, с горизонтально отогнутым краем, на кольцевом поддоне, диаметром 5-10 см. Диаметр венчика блюда, хорошо реконструируемого из обломков — 24 см, его высота 3 см. Блюдо было украшено надглазурным рельефом (единственный случай) из нитей красного цвета (БГИАЗ № 3: 290; 1302). Различается большая волюта, отдельные кусочки орнамента (рис. 11, 2). Подобный способ орнаментации встречен на опубликованном селадоновом блюде темно-серого цвета, где орнамент также нанесен красными нитями и есть изображение дракона [235]. Дата этого блюда — эпоха монгольской династии Юань (1279-1368 гг.). Возможно, на болгарском блюде также было рельефное изображение дракона.

Изображение дракона встречено на найденном в Болгаре фрагменте другого, очень плоского блюда зеленоватого цвета (диаметр поддона — 10 см). Этот рисунок выполнен подглазурным рельефом. У дракона разинутая пасть, круглые глаза, рога и мохнатое ухо. Шея и спина покрыты выпуклой чешуей (рис. 12, 3; вкл., ил. IX, 1). Драконы часто изображались на китайском фарфоре и селадоне. В Сарае

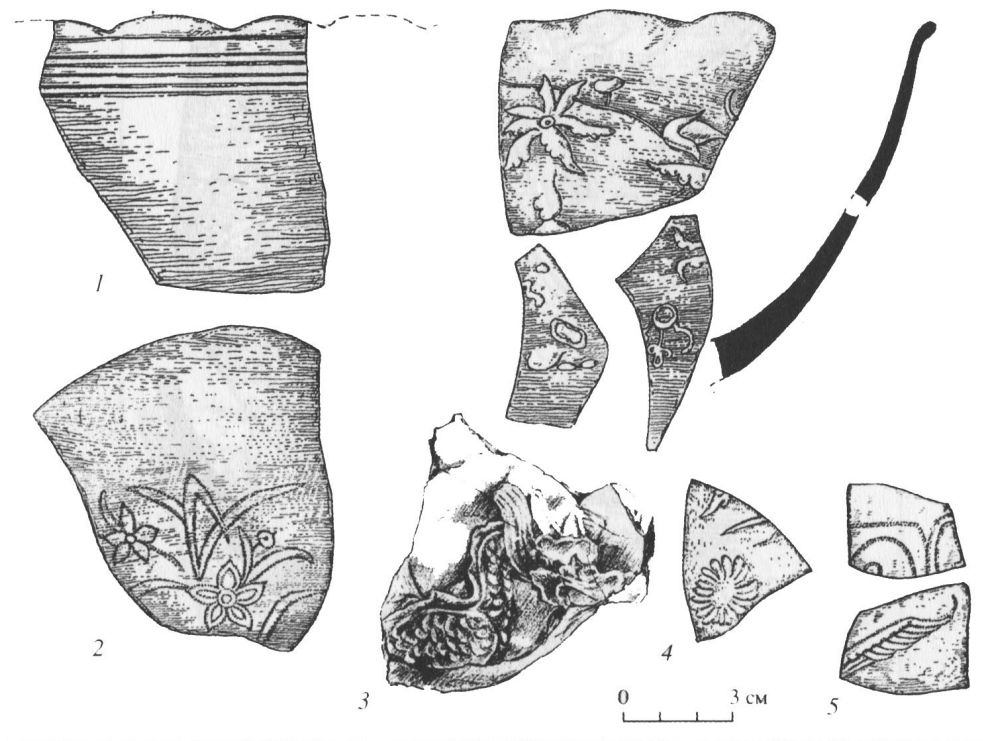

Рис. 12. Фрагменты селадоновых чаш

(Селитренное городище) также найден фрагмент селадонового блюда с драконом, выполненным подглазурным рельефом[236].

В коллекции есть одна ручка от селадонового сосуда, вероятно, закрытой формы — кувшинчика, чайника или вазы. Ручка овальная в сечении, с боковыми ребрами. Диаметры — 1,0 и 0,8 см.

Китайский фарфор в Болгаре встречается реже, чем селадон. Фарфор подразделяется на монокромный (белый, серовато-белый, голубой разной интенсивности) и расписной.

Монокромный фарфор представлен чашами и блюдами. Чаши разных диаметров на кольцевых поддонах орнаментированы подглазурной гравировкой и рельефом. В качестве сюжетов росписи использован растительный орнамент на внутренней поверхности, необычайно красивые цветы, гравированные побеги и изогнутые линии на внешней поверхности (рис. 13).

Расписной фарфор это, во-первых, сосуды с кобальтовой подглазурной росписью. Полива на них белая, серовато-белая, голубовато-белая и бесцветная. Найдено шесть фрагментов блюд и чаш и одна круглая в сечении ручка (БГИАЗ № 754/270). Ручка имеет диаметр 0,7 см, на ней в два столбика нанесены знаки. Чаши и блюда

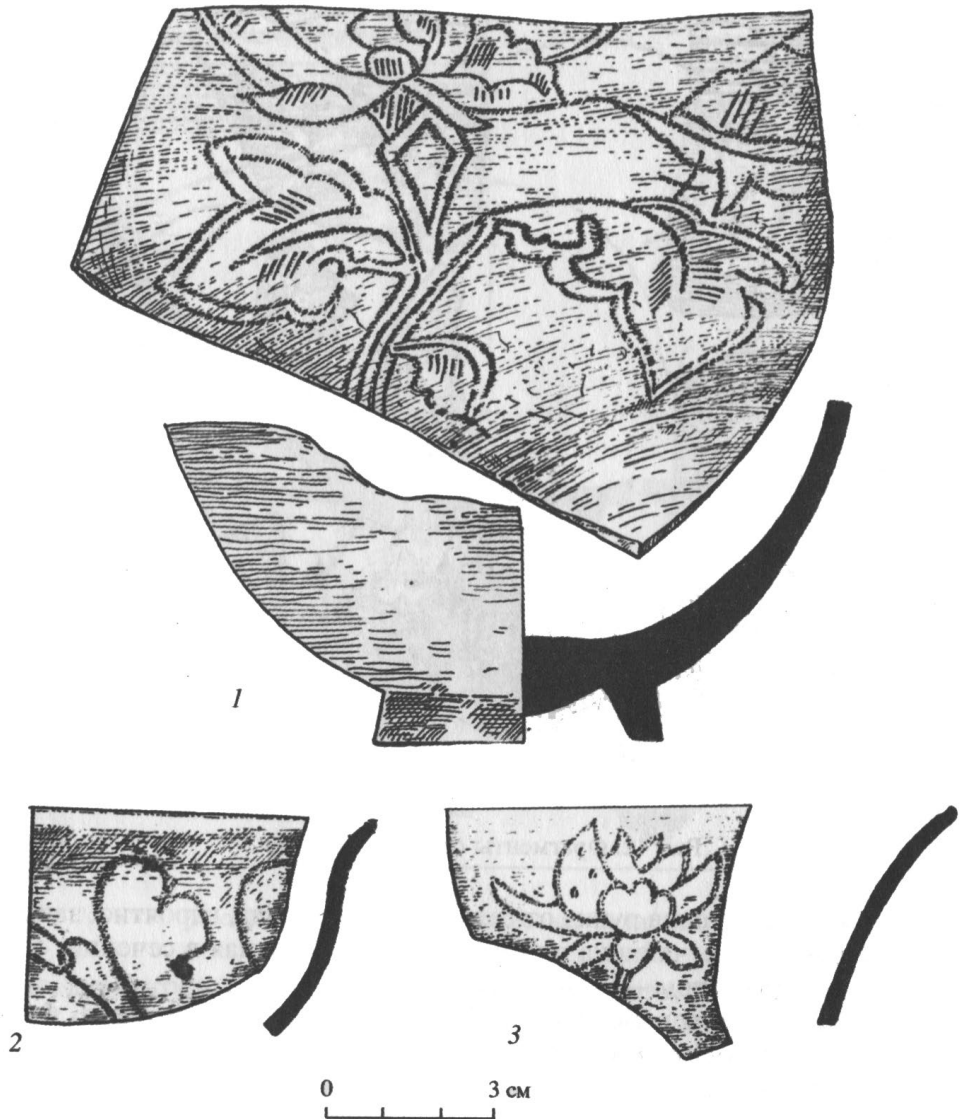

Рис. 13. Фрагменты фарфоровых чаш

покрывает растительный орнамент, реалистичный и схематизированный, нанесенный синей краской разной интенсивности (рис. 14, 2-4; вкл., ил. IX, 3).

Вторую группу расписного фарфора составляют сосуды типа цычжоу (8 фрагментов и один почти целый сосуд). Это керамика из плотного фарфоровидного теста с белой, кремовой, сероватой поливой и с подглазурной росписью (рис. 14,1).

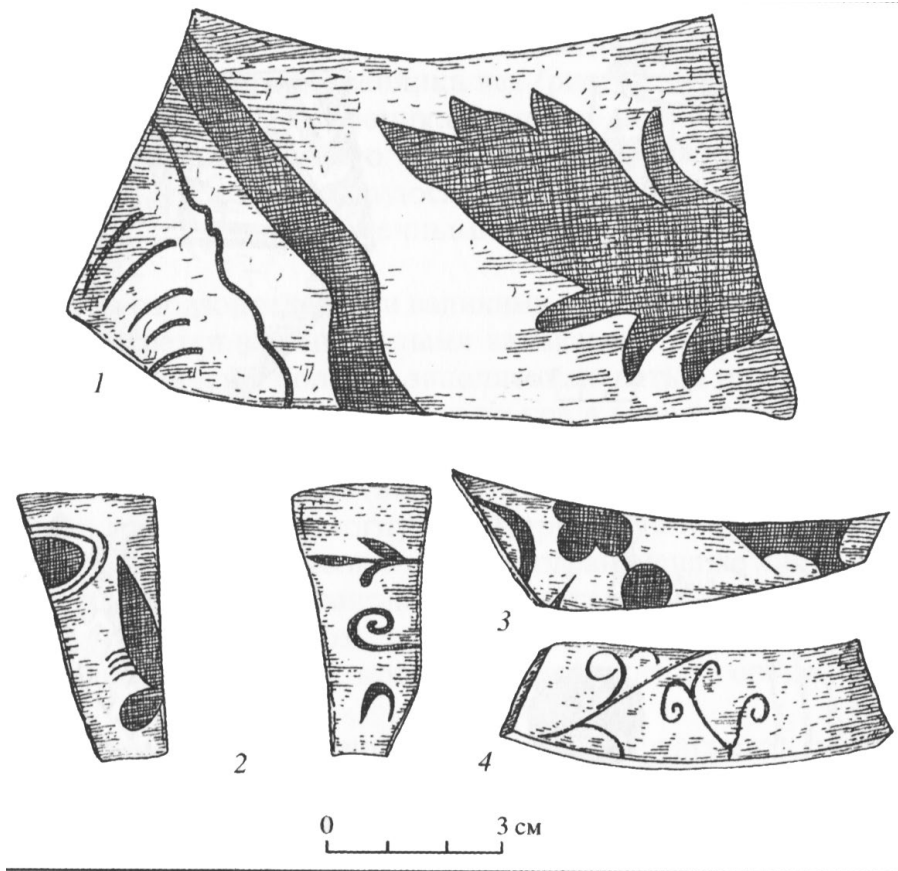

Рис. 14. Образцы китайских поливных сосудов:

1 – типа цычжоу; 2 – белый фарфор с кобальтовой росписью

Толстостенные фрагменты происходят, видимо, от больших закрытых ваз с росписью на внешней стороне и с горизонтальным рифлением стенок на внутренней (с поливой или без нее). Крупный растительный орнамент на внешней поверхности нанесен коричневой краской. Он состоит из листьев, веток, закрученных в спираль побегов.

Единственный почти целый сосуд это маленький кувшинчик на кольцевом поддоне. У него узкое горловое отверстие; сохранилось основание ручки (вкл., ил. IX, 4) Высота — 16 см, диаметр в средней части — 16 см (БГИАЗ № 247/77). Полива не доходит до дна. Нижняя часть сосуда покрыта только белым ангобом. Под поливой — коричневые круглые пятна разной величины и две узкие зоны линейного орнамента, также исполненные коричневой краской (БГИАЗ № 247/77). Кувшин цычжоу с ручками у горла и коричневой росписью найден в Каракоруме[237].

НЕПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА

Среди многообразных форм неполивной керамики Болгарского городища есть сосуды, явно привезенные издалека. Наиболее многочисленны фрагменты амфор, которые в этой работе не рассматриваются.

Уникальным для Болгара представляется большой красноглиняный сосуд из позднезолотоордынского слоя, от которого найдены два крупных фрагмента, представляющих большую часть тулова (БГИАЗ № 57/53). Сосуд округлый, сохранился на высоту 16 см, диаметр дна 12 см, диаметр максимального расширения тулова 20 см, горла и венчика нет (рис. 15, 1, 2). Орнаментирована верхняя половина сосуда. По плечикам и ниже на 5,5 см идут два горизонтальных валика. Выше верхнего валика проходит желобок, отделяющий верхнюю почти не сохранившуюся орнаментальную зону. Видны два треугольника, заполненные точечными наколами, разделенные гладкой полосой.

Между двумя горизонтальными валиками проходит орнаментальная зона, разделенная на отрезки вертикальными валиками и гравированными линиями. Валиками ограничены полосы, заполненные пятью рядами прорезанных насквозь треугольников, поставленных по три в ряду вверх и вниз вершинами. Стенка под полосой с ажурными треугольниками состоит из двух слоев, разделенных воздушной линзой так, что сквозь отверстия просвечивает внутренняя стенка сосуда, слегка вогнутая внутрь. На расстоянии 2,5 и 4,0 см от этих полос проходят вертикальные полосы, ограниченные линиями, которые заполнены гравированными зигзагами и покрыты точечными наколами. Одна — одним крупным зигзагом, заполненным наколами, другая — тремя небольшими гладкими зигзагами, пространство между которыми покрыто наколами.

На Болгарском городище есть два подобных фрагмента с гравировкой, наколами и элементами штампа и от сероглиняного сосуда (БГИАЗ № 190/8).

Красноглиняная поливная ваза с орнаментом по плечикам в виде прорезных треугольников была найдена в Старой Гяндже в слое XII-XIII вв. Из описания и фотографии неясно, имелся ли внутренний слой стенки[238]. А.Я. Якобсон упоминает ряд сосудов с прорезным треугольным орнаментом, неполивных и покрытых зеленой поливой, из Орен-Кала[239]. Верхней датой этого памятника считается первая треть XIII в., хотя там есть и более поздние находки.

Прорезной треугольный орнамент встречается и в других областях. Так, например, опубликованы зеленый поливной (XIII-XIV вв.) и неполивной красноглиняный (XII-XIII вв.) светильники из Отрара с таким декором[240]. В золотоордынском Азаке найдена поливная красноглиняная фляга с коническим выступом на боку. Выступ покрыт прорезными отверстиями и отделен стенкой от емкости сосуда. Авторы публикации относят флягу к крымской продукции[241].

Другие элементы орнамента на сосуде из Болгара — гравировка и наколы — также отмечены на азербайджанской керамике. В Баку найдены обломки сероглиняного кувшина с «игольчатым орнаментом», заполняющим фон, на котором прочерчены гладкие полосы, образующие рисунок, может быть, надпись. Общая дата слоя — XI-XIII вв. [242]. Отдельные редкие фрагменты тонкостенной бело- и сероглиняной керамики с наколами найдены на Царевском городище[243].

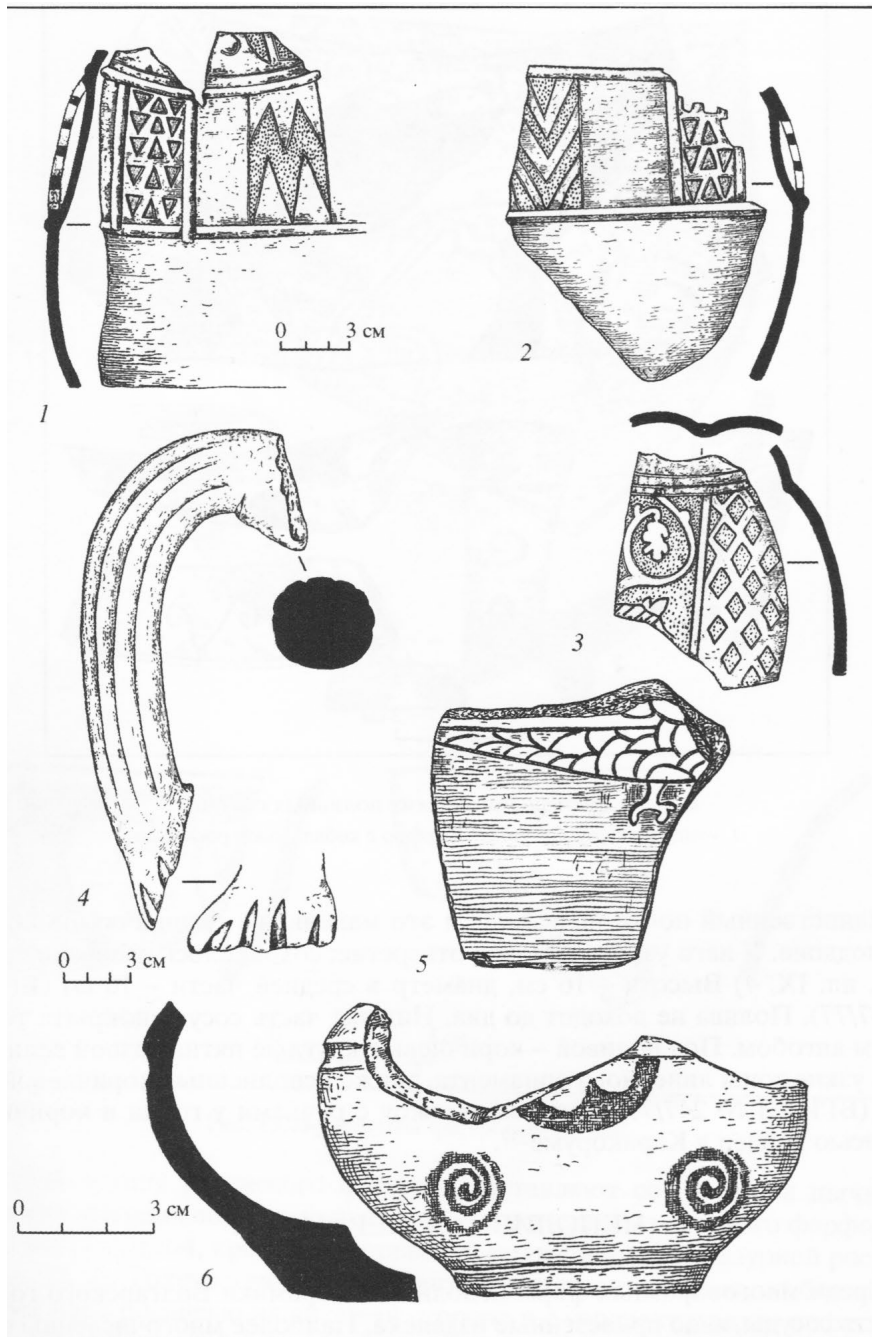

Рис. 15. Неполивная импортная керамика

Все аналогии относятся к светлоглиняной штампованной керамике. Форму большого красноглиняного болгарского кувшина (БГИАЗ № 57/53) Н.А. Кокорина связывает с влиянием среднеазиатских штампованных кувшинов, но предполагает его местное производство[244]. Однако единичность такой находки заставляет считать ее импортом.

В коллекции БГИАЗ имеется фрагмент еще одного красноглиняного кувшина, в декоре которого присутствуют наколы (БГИАЗ №769-34/290). Форма сосуда — с ложками по тулову, поверхность лощеная (рис. 15, 3). Орнамент идет по плечикам. Ложки украшены попеременно рядами гравированных ромбов, каждый из которых покрыт наколами и резным узором, изображающим, вероятно, виноградную лозу с кистью ягод. Фон растительного орнамента также заполнен наколами. Этот кувшин следует отнести к импорту, так как болгарских сосудов с ложковой поверхностью нет. Резной растительный орнамент по плечикам изредка встречается в домонгольской болгарской керамике на крынках и кружках[245]. Г.А. Федоров-Давыдов упоминает о таком элементе орнаментации на редких фрагментах тонкостенных светлоглиняных сосудов с нижеволжских памятников[246].

Одна из редких находок 238 ручка темно-серой глины (БГИАЗ №18/147) от большого кувшина. Ручка круглая в сечении (диаметр 4 см), имеет по внешней стороне бороздки продольного рифления. По нижнему концу в месте прилепа к тулову проходят четыре надреза (рис. 15, 4). Такие ручки были у больших тарных кувшинов, имевших горизонтальное рифление по верхней части тулова и отдельные вертикальные и наклонные полосы по этому рифлению[247]. Фрагменты таких кувшинов находят на золотоордынских городищах нижней Волги, а изготавливались они в Хорезме[248].

Очень редко среди материалов Болгарского городища встречаются фрагменты неполивных сосудов с росписью по поверхности. Возможно, их было больше, но рисунок без защищающего слоя поливы очень непрочен и плохо сохраняется. Один фрагмент (БГИАЗ № 460/77) принадлежит придонной части горшкообразного красноглиняного сосуда (рис. 15, 6). Диаметр его донца 6 см. Роспись нанесена темной краской и состоит из двух спиралей, расположенных у дна, и полукруглой фигуры выше. На обломке другого красноглиняного сосуда сохранилась нижняя часть изображения птицы, нанесенного светлой краской в темном контуре. Видна когтистая лапка и над ней длинное крыло или тело птицы, покрытое перьями (рис. 15, 5). Рисунок сделан умелой рукой. Ввиду редкости такой орнаментации, оба неполивных сосуда следует, вероятно, отнести к импорту.

Роспись без поливы иногда встречается на сосудах в Юго-Западном Крыму. Отдельные экземпляры есть в Азове и в Сарае (Селитренное городище).

ШТАМПОВАННАЯ КЕРАМИКА

Штампованная керамика представляет собой один из ярких компонентов материальной культуры Среднего и Ближнего Востока. Штампованным орнаментом украшались кувшины, фляги и сфероконусы. В Волжской Болгарии такие кувшины и фляги встречаются только в золотоордынский период. В Биляре их нет[249], как и в домонгольских слоях Болгара. Штампованные сфероконусы появились в Среднем Поволжье раньше.

В Болгаре XIV в. уже существовало собственное производство штампованной керамики, о чем свидетельствуют находки форм-кальпов в комплексе гончарной мастерской[250]. Эти формы изготовлены из красной глины и служили для формирования верхних и нижних половин кувшинов. Находок красно-глиняных штампованных изделий в Болгаре немного, как и на Селитренном и Царевском городищах, где также найдены красноглиняные колыпы в гончарных мастерских[251]. Со времени открытия этих мастерских считается, что сероглиняная штампованная керамика изготовлялась на месте, но руками хорезмийских мастеров, поскольку сходство этих сосудов с хорезмийскими по цвету, фактуре, орнаментации, формам представляется полным. В Болгаре нет никаких данных о производстве своей штампованной сероглиняной керамики. Можно думать, что ее, как и основную массу поливной кашинной посуды, привозили в город с нижней Волги, что свидетельствует о внутренней торговле Золотой Орды. Нельзя исключить и предположение, что сероглиняная штампованная посуда поступала в Поволжье из Хорезма[252]. Г.А. Федоров-Давыдов считал, что светлые (белоглиняные) штампованные сосуды привозили из Средней Азии, а серые изготавливали на месте[253]. Помимо сероглиняных штампованных изделий изредка встречаются и желтые или серо-желтые, а также розоватые, что объясняется разным режимом обжига[254].

Наиболее разнообразным цветом теста отличаются штампованные сфероконусы. В Болгаре, кроме красноглиняных, все остальные, видимо, были привозными.

В качестве импорта можно отметить желтоглиняный кувшин, от которого целиком сохранилось горло на высоту 14 см (БГИАЗ № 57/66). В верхней части, выше места прикрепления ручки, горло мягко раздуто. Диаметр по верху — 3,8 см, по низу — 4,8 см, по уровню максимального расширения — 5,3 см. Ручка овальная в разрезе. Подобные горловины принадлежат штампованным одноручным светлоглиняным кувшинам. Такой кувшин, найденный в Азове, определен как импорт из Восточного Крыма[255]. Оттуда же происходит и болгарская находка. Похожее горло отмечено у кувшина без штампованного орнамента из Орен-Кала. Тесто серовато-розовое. Датируется XI в.[256].

СФЕРОКОНУСЫ

Сфероконусы чаще другой штампованной керамики привлекали внимание исследователей в силу своей загадочности. Было высказано множество предположений об их назначении. Их появление в культуре Средней Азии и Ближнего Востока, Египта и Малой Азии уходит в глубокую древность. Несмотря на общее название, характеризующее форму, сосуды эти очень различны по внешнему облику. Общим для большинства сфероконусов является зауженное дно, очень толстые стенки и маленькая головка с узким отверстием. Отверстие легко заткнуть или залить, например, смолой.

Необычайная прочность, форма, приспособленная для сохранения жидкого содержимого (вытряхнуть из сфероконуса налитую жидкость довольно трудно), наконец, присутствие на многих сфероконусах знаков, процарапанных после обжига, как это отмечается на тарной керамике, в основном — на кувшинах, заставляет утверждать, что сфероконусы служили для хранения и перевозки каких-то ценных жидкостей, в

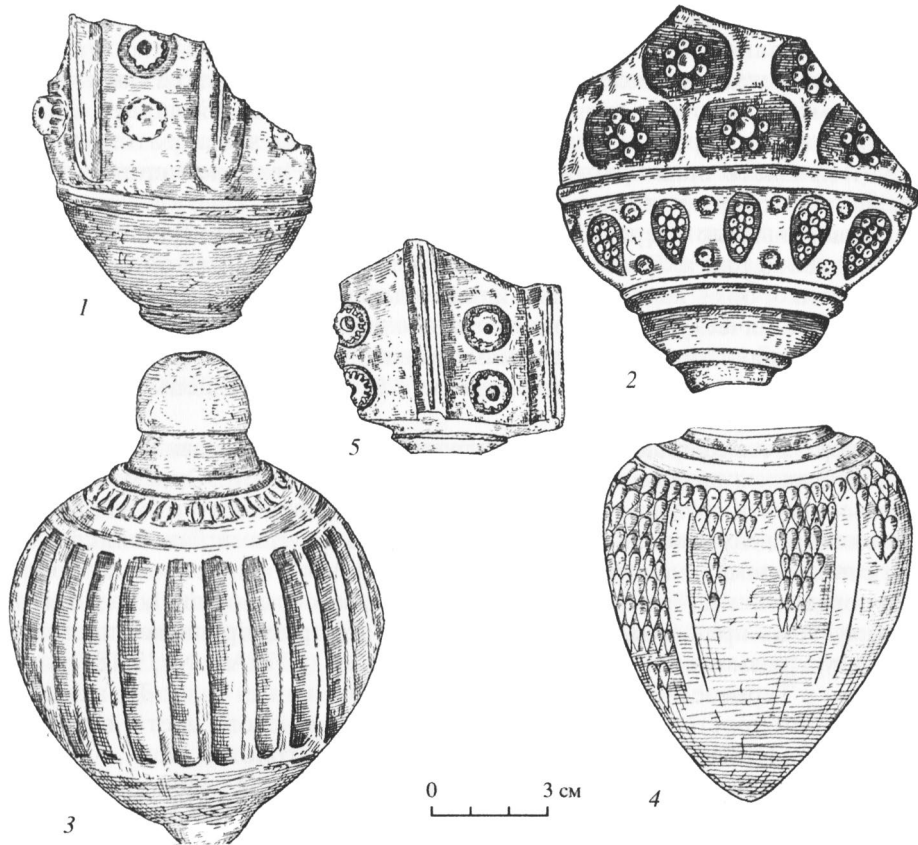

Рис. 16. Штампованные сфероконусы:

1, 2, 5 – серо-зеленоватое тесто; 3 – серое тесто; 4 – темное тесто

том числе, возможно, благовоний Сфероконусы часто находят в производственных комплексах. В них несколько раз обнаружены следы ртути, нефти и других ценных жидких веществ. Об использовании сфероконусов для хранения и перевозки ртути говорит их среднеазиатское название — «симаб-кузача» — узкогорлый сосуд для серебряной воды (ртути).

И. Пославский, изучавший сфероконусы Средней Азии, Термеза, Отрара нашел внутри сфероконуса, хранящегося в Казани (вероятно, болгарского или биллярского) следы ртути и Озокерита — керамического битума который добывали в Закавказье, Туркмении, Узбекистане и использовали в медицине и косметике, а также в производстве²⁵⁷.

Можно предположить, что для перевозки ценных жидкостей из отдаленных мест использовались те многочисленные сфероконусы, которые целыми и в обломках

находят на всех памятниках средневековья, связанных с культурой Востока. При транспортировке на кораблях, например, их могли укладывать рядами, как амфоры. Перевозка их сухопутным путем во въюках также удобна[258].

Многие сфероконусы орнаментированы. Орнамент обычно штампованный или налепной. Иногда отмечается лощение — обычно на неорнаментированных экземплярах, но бывает, что лощение сочетается со штампом. Встречаются сфероконусы частично или полностью украшенные поливой.

Многочисленные сфероконусы, найденные в Болгаре, как в и других центрах Поволжья, различаются по цвету, форме и орнаментации, если она имеется. Большинство находимых в Болгаре сфероконусов красноглиняные, остальные серо-зеленоватого цвета, серые и темные.

Серо-зеленоватые сфероконусы изготовлены из тонкодисперсной глины и прекрасно обожжены. Обжиг этот называется клинкерным. Глина доводится до полного спекания и приобретает темно-зеленую или темно-серую окраску и большую прочность. Клинкерный обжиг достигается медленным повышением температуры в печи и медленным охлаждением[259]. Раскопанные в Мерве мастерские, где изготавливались в числе прочей керамики и сфероконусы, позволили С.Б. Луниной утверждать, что этот обжиг производился в обычных печах, но с соблюдением особого температурного режима [260]. Из Болгара известно более двадцати подобных сфероконусов целых и в обломках. Выделяется формой цилиндрический в средней части сфероконус с выпуклыми вертикальными ребрами, пространство между которыми заполнено штампованными звездочками (рис. 16, 1). Подобные сфероконусы известны в Биляре, среднеазиатском городе Иштихана (IX-XII вв.), в Афрасиабе в Двине[261] и Кара-Коруме. СИ. Валиулина считает, что в домонгольский период сфероконусы поступали в Волжскую Болгарию главным образом из Закавказья, особенно из Двина.

Опубликован один фрагмент серо-зеленого сфероконуса из Болгара с изображением всадника в высокой шапке и с натянутым луком [262]. фигуры людей и коней (крылатых) изредка встречаются на штампованной керамике Мерва[263]. Кони изображены на кувшине из Отрара (XIII-XIV вв.)[264]. Человеческие маски есть на сфероконусе из Увека[265], согнутые в поклоне человеческие фигурки представлены на сфероконусе с Царевского городища[266].

Наиболее частым элементом орнамента на серо-зеленых сфероконусах являются миндалевидные фигуры и розетки, составленные из кружков (рис. 16, 2). В двух случаях серединки розеток расцвечены поливой: на одном — зеленой, на другом — бирюзовой (ЦМТР 6433-1 АА 54-4). В Ани найден сфероконус с узором в виде розеток, расцвеченных зеленой и голубой поливой[267]. Миндалевидные фигуры внутри иногда заполнены мелкими кружками, вероятно изображающими виноградную кисть, или фигурой в виде елочки. И.В. Волков считает выделение поливой деталей орнамента на штампованной керамике спецификой маджарского ремесла, но там тесто должно быть желтоглиняным[268].

Сфероконусы серо-зеленого цвета исследователи находят главным образом на домонгольских памятниках — в Мерве, Карабулаке, Биляре[269]. Видимо, для поволжских городов, для Болгара сфероконусы зеленоватого оттенка следует при-

знать привозными из Средней Азии. Наличие поливы на двух фрагментах этому не противоречит.

Темноглиняные сфероконусы бывают темно-лилового, графитно-серого и коричневого цвета. В нашей коллекции три почти целых образца и семь фрагментов. Форма изделий яйцевидная; один коричневый экземпляр имеет удлинненно-коническую нижнюю часть и очень толстое дно (5 см), на его верхней половине имеются вертикальные наклепные валики (рис. 16, 4). Сфероконусы вытянутой формы, в том числе с валиками, найдены в Биляре, на Селитренном городище[270].

Поверхность сфероконусов этой группы иногда блестящая, как поливная, что достигалось, видимо, специальным режимом обжига. Орнамент в большинстве случаев состоит из сети мелкого миндалевидного штампа, идущего по плечикам и спускающегося ко дну полосами или углами. Темные сфероконусы с подобным «кольчужным» или «чешуйчатым» орнаментом найдены на золотоордынских памятниках Поволжья (Царевское городище), на Днестре и в Крыму[271], в Сирии (Баальбек) и в Египте[272]. Узор из крупных миндалевидных фигур, размещенных в шахматном порядке (БГИАЗ № 17/184), имеет аналогию в Термезе[273].

На одном толстостенном обломке темно-коричневого цвета, видимо, от сфероконуса (БГИАЗ №138/16) изображена рыбка головой вниз.

С.Е. Михальченко считает сфероконусы темного теста с кольчужным орнаментом привозными[274]. Н.С. Гражданкина объясняет темный цвет некоторых I среднеазиатских штампованных сосудов наличием железа в составе глины[275].

Серые сфероконусы представлены тремя целыми формами и пятью крупными обломками. У одного из целых сосудов под выпуклым валиком у горла идет ряд миндалевидных оттисков, ниже — ряд «сердечек», помещенных заостренной стороной вверх, еще-ниже — ряд миндалевидных фигур, но более крупных. Таким образом украшена верхняя треть сосуда (ГМТР 12333 АА 380 № 284). Другой целый сфероконус (БГИАЗ №175/212) также имеет маленькое плоское дно. По горловине проходят два выпуклых валика. Между ними пояс из ряда овалов. Ниже валика на две трети высоты сосуд покрыт вертикальным рифлением. Третий сфероконус имеет яйцевидную форму, близко к донной части процарапан знак N (ГМТР № 8834-157). По плечикам сосуда идет ряд концентрических кругов. Внутренний круг разделен на четыре сектора, внутри каждого выпуклая точка. Сфероконусы с отдельными концентрическими кругами по плечикам встречаются в мастерской в Мерве[276], на сфероконусах в Биляре есть такой же штамп[277].

На двух фрагментах серых сфероконусов имеется «кольчужный» орнамент, в одном случае он деформирован. Встречены и отдельно помещенные миндалевидные фигуры. На одном из обломков от плечиков спускаются наклеи, пространство между которыми занимают вертикальные ряды из крупных выпуклых звездочек с точкой в центре (БГИАЗ № 71/90). На фрагменте другого сфероконуса по тулову идут уплощенные овалы с четырехлепестковой розеткой внутри (БГИАЗ № 80/10).

К группе сероглиняных сфероконусов относятся, вероятно, несколько экземпляров серо-желтого оттенка. Один из них покрыт по всему корпусу оттисками круглого штампа с крестовидной фигурой внутри (БГИАЗ № 90/87). У другого (сохранилась только нижняя часть) от дна радиально отходят ложбинки, между которыми поме-

щен горизонтальный ряд звездочек (БГИАЗ № 216/5). Два обломка придонных частей сосуда покрыты сплошь миндалевидными фигурами с «виноградной кистью» внутри. Один из серо-желтых фрагментов, украшенный миндалевидными фигурами, весь облицован зеленой поливой (БГИАЗ № 177/297). Серо-желтые сфероконусы имеются в Биляре[278].

Желтоглиняные сфероконусы представлены только двумя фрагментами от одного сосуда, с орнаментом в виде миндалевидных фигур, часть которых с «елочками» внутри.

Красноглиняные сфероконусы в Болгаре, по-видимому, надо относить к местному производству, так как они найдены в очень большом количестве, в том числе в комплексах гончарных мастерских XIV в.[279]. Большинство их не орнаментированы. Отдельные экземпляры с орнаментом дают картину, отличную от других групп. Возможно, часть красноглиняных сфероконусов поступала в Болгар из нижневолжских городов или из Азова.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Очерк денежного обращения Болгара был написан Г.А. Федоровым-Давыдовым[280]. Чеканка монет в небольших размерах началась в Болгаре в X в., когда главным средством обращения были арабские монеты. Монеты чеканились в Болгаре и Суваре, выпускались и подражания с названиями этих городов. Такие монеты находят на территории Волжской Болгарии и у ее ближних и дальних соседей, в том числе северных[281]. На территории древних удмуртов в Дубровском и Починковском могильниках найдены три монеты середины X в. — две чеканенные в Болгаре и одна в Суваре. А.М. Белавин приводит список болгарских монет этого времени, найденных в Приуралье[282]. Болгарские подражания арабским дирхемам найдены в Киевском монетном кладе начала X в.[283]. В XI в. болгарские монеты уже не выпускались.

На Ага-Базаре найдено подражание серебряному европейскому денарию XI в. В безмонетный период деньгами могли служить бусы, шиферные пряслица или раковины каури. Обращались в этот период и денежные слитки.

В середине XIII в. в Болгаре, ставшем первой столицей Золотой Орды, начали чеканку монет. В период со второй половины 40-х годов до середины 60-х годов XIII в. Болгар был единственным городом Золотой Орды, чеканившим монету[284]. Выпуск денег в Болгаре продолжался до 60-х годов XIV в., когда их полностью заменили монеты южных золотоордынских городов. Если в самом Болгаре золотоордынских монет последней четверти XV в. нет, то на Ага-Базаре они встречаются.

Монеты середины XIII в., чеканенные в Болгаре, находят в Прикамье[285]. На территории Московского княжества в окрестностях г. Рузы найдены две монеты, чеканенные в городе Болгаре в XIII в. [286].

В Болгаре в золотоордынских слоях найдено несколько золотых монет делийских султанов, одна медная монета Палеологов (1294-1340 гг.), есть несколько суздальско-нижегородских монет конца XIV в., а также иранских Хулагидов и Джалаиридов. В 1863 г. в Болгарах был найден золотой итальянский флорин 1329 г., хранящийся в НМРТ (№ КП - 1у - 75; сообщение Л.Ф. Недашковского). В качестве курьеза можно упомянуть находку в золотоордынском слое римской провинциальной монеты.

Суммируя данные письменных источников и археологии можно очертить круг стран, с которыми болгары имели торговые отношения на разных этапах своей истории. В X–XI вв. город Болгар был значительным центром международной торговли, связывающим Европейский Север с мусульманским Востоком. С.Г. Кляшторный полагает, что среди упомянутых Ибн Фадланом болгарских поселений, обозначаемых словом «биляд» (город), одно, имеющее пристань на Волге, было основным торговым центром страны[287]. Этим городом мог быть только Болгар.

Монетное серебро и художественная утварь, золотая, серебряная, бронзовая, из Средней Азии, Ирана, Ирака и других восточных стран, сокровища, захваченные арабами в результате завоевательных войн, отдавших под их власть огромные и богатые территории[288], стали той ценой, которую арабы платили за добытые северными охотниками драгоценные меха, поступавшие в Арабский халифат через посредство болгар.

С Ближнего Востока (Сирия, Египет) через Болгар поступала в X в. масса стеклянных бус, которые наравне с серебряными монетами предназначались главным образом для закупки мехов. Меха, купленные в Болгаре, переправлялись в самое западное среднеазиатское государство Хорезм, который на раннем этапе был основным восточным торговым партнером Волжской Болгарии в силу географического положения и активности хорезмийских купцов. Ибн Хаукаль сообщает, что меха, добытые в странах русов, славян и болгар, попадают в Хорезм «... по причине частого проникновения хорезмийцев в Булгар...»[289]. И еще: «Караваны постоянно ходят от них (болгар) в Хорезм, что в Хорасанской земле...»[290].

Связь со Средней Азией, с Хорезмом осуществлялась двумя путями: во-первых, по Волге до ее устья, дальше Каспийским морем до полуострова Мангышлак и сухопутным путем к Ургенчу; во-вторых, дорогой, которой прибыла на место будущего Болгара миссия Ибн Фадлана, но в обратном направлении — по заволжским степям, пересекая многие реки, через землю башкир и огузов, через плато Устюрт к Ургенчу. Б.Н. Захoder считал, что этот путь не был традиционным, основываясь на сообщении Ибн Фадлана о том, что огузские военачальники не слышали, чтобы здесь про двигались когда-либо на запад караваны, в то время как по Каспийскому морю плавали купцы и воины многих стран[291]. Однако в Хорезме, видимо, знали, что этот путь займет три месяца, так как арабы запаслись едой именно на этот срок[292]. Это же время называет Марвази[293]. Ал-Масуди (первая половина X в.) рассказывает, что путь болгар к Хорезму шел через области кочевий тюрков и торговые караваны охранялись ими[294]. Близким путем шел в XIII в. Марко Поло — от средней Волги, от Увека на юго-восток через закаспийские степи к Ургенчу. Из Хорезма лежала дорога в Самарканд и Бухару, далее в Мерв, Нишапур, Рей, Багдад, или от Рея до портов южного берега Каспийского моря. По этим путям на среднюю Волгу шли серебряные монеты и бусы этого времени. М.В. Фехнер сопоставила ареал находок этих предметов торговли в X в. и сделала вывод об их близких источниках и одинаковых путях распространения в Восточной Европе[295]. Существует и другая гипотеза, выдвинутая З.А. Львовой. Бусы из Средиземноморья по рекам Европы шли на ее северное побережье, в Швецию, на Готланд, оттуда распространялись скандинавскими купцами по Южному Приладожью в обмен на меха, а меха везли в Болгар, чтобы продать

за дирхемы[296]. Возможно, существовали оба пути доставки бус, широко распространенных в Восточной Европе. Надо отметить, что в Средней Азии бусы этих типов редки.

В золотоордынский период Болгар сохраняет свое значение как центр меховой торговли. Баварский солдат Иоанн Шилбергер, попавший в плен в 1396 г. при разгроме султаном Баязетом крестоносцев, упоминает увиденный им во время скитаний «...город Болгар, богатый разного рода зверьями»[297]. Кроме мехов, важнейшим предметом торговли с Востоком были рабы. О том, что в Болгаре был крупный рабский рынок, говорят письменные источники.

Путь со средней Волги на Ближний Восток через Ургенч действовал и в последующие века. Для XIV в. интересны свидетельства торговых книг Каф-фы, сообщающие о привозимой в Крым (и, вероятно, далее в Италию) «ургенчской белке»[298]. По-видимому, и в это время меха из Поволжья иногда попадали в Причерноморье окружным путем — через Хорезм. Через Новый Сарай в Ургенч добирался посланец папы Джованни Мариньолли в 1338 г. [299]. Среди находок Болгарского городища к товарам из Средней Азии можно отнести большую часть посудного стекла, возможно, стеклянные оконные диски, некоторые виды керамики, отдельные художественные изделия из металла, каменные котлы, украшения из драгоценных и полудрагоценных камней.

Большинство стеклянных изделий Болгара сделаны из голубоватого или зеленоватого специально не окрашенного стекла. Это посуда, оконные диски, приспособления для детских люлек — сунаки. Размеры оконных дисков совпадают со среднеазиатскими и отличаются от дисков из золотоордынских городов, где также пока не найдены изготавливавшие их мастерские. Стеклодельная мастерская была раскопана в Биляре[300]. Возможно, оконные диски в домонгольских слоях Болгара происходят из Биляра, а более поздние — из Средней Азии.

К импорту из Хорезма относятся фрагменты больших темноглиняных тарных кувшинов с круглыми в сечении ручками. Определенно отнести какую-либо группу поливной керамики к среднеазиатскому импорту пока не удалось.

В предмонгольское и золотоордынское время на среднюю Волгу поступали каменные котлы из талькопирита, добывавшегося в горах Хорезма и там же обрабатываемого. В Болгаре найдено довольно много такой каменной посуды. Такие же котлы изготавливали в Иране.

Исследователи относят к произведениям среднеазиатских (или иранских?) ремесленников серебряную с позолотой поясную бляху XII — начала XIII в. с арабской надписью.

Яркую картину связей Болгара со Средней Азией дают многочисленные украшения из полудрагоценных камней. В Бадахшане добывались в древности и горный хрусталь, и лазурит, и халцедон, и змеевик. На Болгарском городище украшений из этих камней довольно много.

В золотоордынских слоях регулярно находят сероглиняную штампованную керамику — кувшины, фляги, сфероконусы. По тесту, формам и орнаментации найденная в Болгаре штампованная керамика ближе всего к среднеазиатской, к хорезмийской. В Сарае открыта гончарная мастерская, где производилась, возможно, хорез-

мийскими мастерами штампованная сероглиняная посуда. Не исключено, что часть ее все же привозилась из Хорезма. Г.А. Федоров-Давыдов предполагал, что белоглиняная штампованная керамика привезена из Средней Азии, а более темная — сероглиняная — производилась на месте. Определенно изготовлены в Средней Азии сфероконысы серо-зеленого, серого и темного цвета, найденные в Болгаре.

Связь болгарских городов с Ираном могла осуществляться не только через Хорезм, но и по Каспийскому морю — от устья Волги по воде до иранских портов на южном берегу, или через Северный Кавказ, Дербент, Закавказье. К товарам из Ирана относится фаянсовая (кашинная) керамика, в основном расписанная люстром. В Иране люстр производился с XII в. В Болгаре преобладает люстр XIII-XIV вв., который отличается более темным и рыхлым тестом и наличием в декоре синего и бирюзового цвета. Из всей найденной здесь поливной кашинной керамики, кроме нижне-волжской, сосуды с люстровой росписью иранского происхождения представлены самым большим числом.

Из Ирана происходят и три бронзовых замочка в виде львов с рогом на шее, их дата X—XI вв.; бронзовые сосуды с инкрустацией, подсвечник. Из Ирака (Мосула), по определению В.П. Даркевича, происходит бронзовая чаша.

Через посредство среднеазиатских рынков в Волжскую Болгарию поступали товары из Индии — страны чудес. Это были главным образом украшения из полудрагоценных камней — сердолика, горного хрусталя. В Болгаре найдены сердоликовые бусы, которые, безусловно, можно отнести к индийским, с так называемым «содовым узором» — белым орнаментом, протравленным щелочью. Находки таких бус на среднеазиатских памятниках появляются с рубежа нашей эры, а позже — в слоях XI-XIII вв.; изредка они встречаются в древнерусских курганах, куда они попали через посредство болгар. Домонгольским временем датируются и находки большинства каменных бус из Болгара.

Из Индии на Волгу привозили и хрустальные вставки. В Болгаре они встречены пока только в золотоордынских слоях, но на Руси, куда их болгары перепродавали, они изредка попадают в городских слоях XII в. — в Муроме, Торопце, Изяславе. В то же время в Новгороде ко второй половине XIII-XIV в. относится целая серия хрустальных вставок, идентичных найденным в Болгаре и других городах Золотой Орды. Некоторые из них состоят из двух линзочек, склеенных розовым веществом. О таких двойных вставках из Болгара писал А.Ф. Лихачев. Розовое вещество — это, вероятно, выцветший красный лак, добывавшийся, по сведениям Афанасия Никитина, в Индии. Путь хрустальных вставок из Индии в Восточную Европу прослеживается по находкам в среднеазиатских городах, в столицах Золотой Орды на нижней Волге, в Болгаре и в тот же период — в Новгороде. Вероятно, хрустальные бусы в Восточную Европу также попали из Индии через Волжскую Болгарию.

В Индийском океане водятся моллюски каури^[301], их находят в Болгаре, как и во всей Восточной Европе, иногда с отверстиями для ожерелья, чаще — без; возможно, они служили в какие-то периоды деньгами.

Тесные торговые взаимоотношения связывали Волжскую Болгарию с ее ближайшими соседями — населением Прикамья, Приуралья и Зауралья.

Привозимые в Болгар серебряные дирхемы и товары — серебряная утварь, стеклянные и каменные бусы — расходились по северу Восточной Европы. По Каме, верховьям Вятки, по Чепце болгарские купцы везли эти товары местным финно-угорским племенам. Коми-пермяцкие торговцы переправляли восточные и болгарские товары за Урал, в Западную Сибирь, где на среднем и нижнем течении Оби, даже на полуострове Ямал находят эти вещи.

Исследователи западносибирских древностей отмечают, что торговля местных племен приобрела регулярный характер с X в. [302]. Путь камских купцов на Обь мог идти либо по северу через Приполярный Урал, либо из бассейна Камы через Уральский хребет. Б.Б. Овчинникова намечает несколько возможных переходов из бассейна Камы в бассейн Оби: от верховьев Усы (притока Печоры), от притоков Печоры — Шугур и Илыч — к верховьям Сосьвы (притока Оби), с Вишеры на Лозьву (приток Оби), по рекам Вишера и Чусовая к р. Туре, от р. Уфы к р. Исеть, от р. Белой к р. Миас[303].

С Севера на рынки Волжской Болгарии поступали меха, соколы для охоты (с Приполярного Урала), бивни мамонтов, рабы. О связях Болгара с северными соседями говорят такие находки, как матрица для изготовления круглых блях со сценами охоты и некоторые виды украшений прикамского типа и бронзовые рукояти кресал, которые изготавливались для продажи на Север. Высказывалось мнение, что бурное развитие меднообрабатывающего ремесла в Волжской Болгарии базировалось на собственных месторождениях меди[304], однако пока не обнаружены средневековые разработки медной руды на болгарской территории. Медью были богаты области Среднего и Верхнего Прикамья, откуда, по-видимому, и поступал металл в города Волжской Болгарии, что обеспечивало бурный рост медницкого дела в стране и массовое изготовление различных предметов, поставлявшихся в те же Прикамские земли[305].

Другим ближайшим соседом и постоянным торговым партнером была Русь. В болгарские города из славянских земель привозились невольники, меха, льняные ткани, продукты пчеловодства. Болгары поставляли восточные монеты и подражания им, чеканенные в Болгаре и Суваре, зерно, вероятно, кожи. С X века в городах Северо-Восточной Руси появляется болгарская керамика как тара для каких-то товаров (бус, например) или как личные вещи болгарских купцов. Зафиксированы находки нескольких зооморфных болгарских замочков.

Киевская Русь поставляла на среднюю Волгу массу шиферных пряслиц. В Болгаре их находят довольно регулярно, однажды найдена шиферная игральная кость. Последнее десятилетие украинскими археологами на Волини исследуются производственные поселения, где происходила добыча и обработка пиррофиллитового сланца — так называемого шифера[306]. Производственные комплексы расположены в местах древних разработок и содержат отходы производства, полуфабрикаты пряслиц, а также крестиков, образков. Открыты жилища и мастерские, большинство которых датируются XII-XIII вв. Так, в одной из мастерских этого времени найдено более 2500 бракованных остатков и отходов пряслиц и около 50 обломков и заготовок крестиков и бус. Эти исследования говорят о том, как широко в Киевской Руси была поставлена разработка шифера и изготовление из него пряслиц, которые расходились по всей Восточной Европе. Вопреки мнению А.П. Моци[307], и шиферные пряслица, и бронзовые зооморфные замочки, безусловно, были товаром, не менее выгодным, чем, скажем, бусы. Только торговыми

интересами можно объяснить широкое распространение пряслиц на территориях восточных соседей Руси, в частности, Волжской Болгарии. Их находят, буквально, «в товарных количествах», например на торгово-ремесленном поселении Измери.

Из Киева привозили стеклянную посуду и ювелирные изделия. В нескольких городах Киевской Руси XI-XII вв. найдена болгарская керамика, как тарная, так и кухонная и столовая.

Среди стеклянных изделий Болгара определяются как русские некоторые виды бус XII — начала XIII в., браслеты. В Новгороде, в Москве и других русских городах в слоях XIV в. найдены биконические бусы, черные и бирюзовые[308]. Такие бусы в большом количестве выпускала мастерская, недавно открытая в Болгаре. К продукции этой мастерской относятся и непрозрачные бирюзовые и черные плосковыпуклые стеклянные перстни, найденные в слоях конца XIII-XIV вв. Новгорода и предположительно отнесенные Ю.Л. Щаповой к западному импорту[309]. Подобные перстни найдены и в других русских городах в слоях XIV в.[310]. Химический состав стекол, исследованных Ю.Л. Щаповой, по ее мнению, не противоречит предположению о происхождении этих перстней из мастерской Болгара.

Из Новгорода в Болгар завезены в XIV в. медные овальнощитковые перстни с несомкнутыми концами и с изображением свастики или руки на щитке. Вероятно, русскими были две костяные печати, найденные в Болгаре в золотоордынском слое.

Русь и Волжская Болгария осуществляли, таким образом, транзитную, посредническую торговлю. Так, янтарь из Прибалтики поступал через Новгород в болгарские города и дальше на Восток вплоть до Китая. Возможен и другой путь для янтаря — Днепровский: Бируни называет янтарь «румийским»[311], т.е. византийским. Следовательно, Центральная Азия могла получать янтарь и через Киев и Византию.

Русские земли снабжались ближневосточными стеклянными бусами и индийскими а также среднеазиатскими каменными. Иранский люстр в XII — начале XIII в. также шел на Русь по Волжскому пути. По данным В.Ю. Коваля, в южные земли Руси его поступало гораздо меньше, чем в северо-восточные и северо-западные[312], так же как византийской поливной керамики. Во Владимире в комплексе конца XII — начала XIII в. была найдена поделка из мамонтовой кости, которую болгары получали из полярного Приуралья и Зауралья и перепродавали, в частности, на Русь[313].

Во второй половине XIII-XIV в. на Русь, по всей вероятности, через Болгар поступала золотоордынская поливная керамика, иранский и сирийский люстр, китайский селадон, а также, возможно, часть штампованной керамики, костяные безмены для взвешивания монет, каменные котлы. Фрагмент каменного котла, как и штампованного сероглиняного сосуда, найден во Владимире[314]. Русь и Волжскую Болгарию связывали водные пути: по Волге, Оке, Сейму и Десне — в Киевскую Русь, а по Волге и Клязьме — в Северо-Западную и Северо-Восточную Русь. Существовали и сухопутные пути. Такой путь из Болгара в Киев, намеченный Б.А. Рыбаковым, был уточнен украинско-татарской экспедицией 1989-1991 гг. [315].

Кости верблюда, найденные в Киеве, Вышгороде, на Боршевском городище, на городище Титчиха, показывают, как далеко заходили иногда караваны с Востока[316]. Кость верблюда найдена даже в Суздале[317]. В самом Болгаре, как и в Биляре, кости верблюдов находят довольно часто.

Через Русь пролегла дорога от Болгара в скандинавские страны. Несколько находок норманских вещей в Болгаре, как и в других пунктах болгарской территории, подтверждают данные письменных источников о торговых связях со Скандинавией. Скандинавские купцы-воины шли через Старую Ладугу, Новгород и мелкие опорные центры: Любшу, Новые Дубовики, Городище, Холопий городок, Покровское, Тимерево. Болгар был обычно последним пунктом для норманских купцов, хотя некоторые из них иногда достигали Каспия, Средней Азии и даже Багдада.

Южное и юго-западное направления торговых связей Болгара документируются находками крымской и византийской поливной керамики XIV в.

Из Крыма происходит несколько красноглиняных поливных чаш, найденных на городище. Надо думать, что через Крым в это время поступали в Болгар и византийские красноглиняные сосуды (на городище найдены фрагменты двух кувшинчиков, двух двустольных ручек, двух донышек от чаш).

Поливная керамика из Закавказья, Крыма, Византии, Средней Азии, безусловно, могла быть предметом торговли в Поволжье в силу своей красоты, яркости и отличия от местной глазурованной посуды. Сомнения в этом, высказанные А.Ф. Кочкиной и некоторыми другими исследователями[318], мне представляются неосновательными: перевозилась же стеклянная посуда, намного более хрупкая. О способе перевозки кашинной посуды (а вероятно, и фарфоровой) позволяют судить деревянные футляры, найденные в Белореченских курганах[319].

В Болгаре византийскими по составу стекла оказались четыре стеклянных браслета из 17 найденных в Болгаре и подвергнутых анализу.

В более раннее время (XI в.) из Византии поступали стеклянные бусы: синие кобальтовые различных форм, в том числе белоромбические; некоторая часть «лимонок», бус с золотой и серебряной прокладкой; некоторые формы желтых и зеленых бус; возможно, бусы с «пластичным узором» и «треугольные». Теперь, когда рецепт калиево-свинцово-кремнеземного и свинцово-кремнеземного стекла перестал считаться у специалистов по стеклу исключительно русским, а признан отчасти и византийским[320], круг находок византийских бус на Руси и в Волжской Болгарии сильно расширяется.

Торговые пути, связывающие Болгар с Крымом, а через него — с Византией, проходили через Киев и по Днепру до Черного моря. Существовал путь с переходом с Волги на Дон в месте их максимального сближения и далее степью до Крыма.

Во второй половине XIII в., и в особенности в XIV в., большое значение для Поволжья приобрела причерноморская торговля. Отсюда вывозили рабов в Египет, в Италию, во Францию, в том числе рабов, купленных в Болгаре. Связь Болгара с Причерноморьем осуществлялась по Волге и Ахтубе до обеих столиц Золотой Орды, оттуда по степи до Азака (Азова), далее Азовским морем в Черное. Другой путь — по Волге до места ее сближения с Доном, через волок на Дон, до Азака, далее — как в первом случае. Существовала и сухопутная степная дорога от нижней Волги до Крыма. По ней проехало, но в обратном направлении, посольство султана Египта к хану Берке в 1263 г., причем поездка от Крыма до Волги заняла 20 дней[321]. Путь к Причерноморью от низовьев Волги шел и через Северный Кавказ, через город Маджар.

На Болгарском городище найдены фрагменты керамики, доказывающие наличие торговых связей города с Закавказьем. Ремеслу Азербайджана принадлежат несколько поливных чаш. Одна из них имеет снизу (на дне) рельефный знак, что характерно для поливных чаш этой страны. Не исключено, что темные сфероконусы с кольчужным орнаментом также азербайджанские. В них могли перевозить нефть из Бакинских месторождений.

Существованию армянской колонии у валов Болгара давно установлено. Здесь в погребении были найдены фрагменты ткани, изготовленной в Армении. Два стеклянных браслета из 17, проанализированных Ю.Л. Шаповой, оказались закавказскими. Связь Болгара с Закавказьем осуществлялась по Волге и Каспийскому морю через Дербент.

Установление дипломатических связей с Египтом, договоры между правителями Золотой Орды и Египта давали торговые привилегии купцам обеих стран[322]. В результате в Болгаре в большом количестве появились египетские и сирийские стеклянные лампы, бронзовый котелок, предположительно вставка в перстне в виде фигурки лягушки из египетского фаянса, возможно - керамический кубок.

Находки селадона, китайского фарфора и, возможно, некоторых украшений из нефрита указывают на участие Болгара в торговле с Китаем в золотоордынский период. Посланный папой на Восток французский монах — миссионер из ордена проповедников Журден де Северак пишет о китайской империи Юань, что там нет ничего достойного внимания (кроме ревеня и мускуса), но «там есть глазурированные чаши, прекрасные, знатные и отменные»[323]. Справедливости ради надо сказать, что Журден, совершив два далеких путешествия в 1318 и 1330 гг., посетив Индию и много других стран, в Китае не был и видел поразивший его китайский фарфор в какой-то другой стране. В Китай из Болгара можно было проехать через Хорезм, Самарканд, Бухару, Хаган. Существовал более северный путь — на Отрар, Алмалык и далее — в Каракорум и в Китай. Еще севернее из Болгара можно было проследовать, обогнув Южный Урал, степями до Каракорума. И, наконец, ал-Омари указывает самый северный путь от Болгара — через Уральский хребет, на среднюю Обь, на ее правый приток Чулым и далее до Каракорума. Причем этот автор сообщает, что если этим путем пойти на запад, то придешь в землю русских, франков и обитателей Западного моря. Таким образом, для XIV в. это был путь через весь материк с востока на запад[324].

Торговые пути, связывающие Болгар с разными странами, пролегли на огромные расстояния. Путешествия были сопряжены со многими опасностями. Поэтому обычно передвигались большими караванами — на лошадях, верблюдах, мулах. В караване насчитывалось иногда до нескольких сотен животных и приблизительно столько же людей — служба, охрана, сами купцы. Купцы могли объединяться во временные компании и закупать товары коллективно. Вместе с караванами могли передвигаться путешественники, ученые, ремесленники[325]. Преодолевать такие огромные расстояния помогала поэтапная организация торговли[326]. Товары свозили в ключевые пункты, такие как Болгар, Ургенч, иранские города южного берега Каспия. Там их покупали, переформировывали и отвозили в нужном направлении уже другие купцы. Такую схему торговли с Севером дает ал-Омари. Для путешествий по морю также собирались караваны кораблей.

Анализ археологических материалов позволил очертить те области средневекового мира, с которыми Болгар имел торговые отношения. Но не надо забывать о внутренней торговле Волжской Болгарии, а позднее Золотой Орды.

В конце XI — начале XIII в., когда выгодное географическое положение Болгара на Волге обернулось для него непрекращающимися нападениями русских, Биляр стал крупнейшим ремесленным центром государства. Надо думать, что билярская продукция, особенно та, которой не было в Болгаре, поступала и на его внутренний рынок, например посуда и оконные диски из стекла.

Торговля Болгара второй половины XIII - начала XIV в. — это часть торговли Золотой Орды. Ханы покровительствовали купцам, так как получали большие доходы от торговых оборотов. Они поощряли торговлю, обеспечивая почтовую связь и безопасность дорог. Флорентийский купец Ф. Пегалотти писал в XIV в.: «Путь из Таны (Азак. — М.П.) в Китай, по словам купцов, совершающих это путешествие, вполне безопасен и днем, и ночью»^[327]. Поэтому торговля развивалась в этот период особенно бурно.

Пережив полное разрушение при монгольском нашествии и заново отстроившись, став фактически первой столицей Золотой Орды, Болгар активно включился в международную и внутреннюю торговлю. Интенсивность участия Болгара в торговом процессе, охватившем огромные пространства Евразии, сказывается в резко возросшей насыщенности культурного слоя этого времени предметами импорта.

Исключительно выгодное географическое положение Болгара позволило ему во все века своей истории сохранять положение одного из крупнейших торговых центров тогдашнего мира.

- 1 Казаков Е.П. О волжско-болгарском компоненте в системе древностей Великого Волжского пути // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Казань, 2002. Ч. 2. С. 53-62.
- 2 Валиулина С.И. Международная торговля Биляра по археологическим материалам // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков: материалы междунар. симп. Казань. 8-10 окт. 1998 г. Казань, 1999.
- 3 Валеев Р.М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX — начала XIII века. Казань, 1995.
- 4 Белавин А.М. Камский торговый путь. Пермь, 2000.
- 5 Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода: историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001.
- 6 Колызин А.Н. Торговля древней Москвы (XII — середина XV в.). Москва, 2001.
- 7 Родина М.Е. Международные связи Северо-Восточной Руси в X-XIV вв.: (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи): историко-археологические очерки. Владимир, 2004.
- 8 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. С. 138.
- 9 Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн Даства. СПб., 1869. С. 82.
- 10 Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 219.
- 11 Там же. С. 66.
- 12 Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Горган и Поволжье в IX-X вв. М., 1962. [Т. I]. С. 24.
- 13 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.) / публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайт. М., 1971. С. 30.

- 14 Там же. С. 33.
- 15 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 138.
- 16 Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М., 1967. С. 34.
- 17 Бартольд В.В. Извлечение из сочинения Гардизи "Зайн ал-Ахбар": Соч. Т. VIII: Работы по источниковедению. М., 1973. С. 58.
- 18 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 138, 142.
- 19 Заходер Б.Н. Каспийский свод... Т. II. С. 29.
- 20 Там же. С. 39.
- 21 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 135, 138.
- 22 Заходер Б.Н. Каспийский свод... Т. II. С. 61.
- 23 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 31.
- 24 Заходер Б.Н. Каспийский свод... Т. II. С. 102.
- 25 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 32-34.
- 26 Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 297.
- 27 Там же. С. 236.
- 28 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 24.
- 29 Заходер Б.Н. Каспийский свод... Т. II. С. 34.
- 30 Тизенгаузен В. Сборник материалов... Т. I. С. 297.
- 31 Тизенгаузен В. Сборник материалов... Т. I. С. 441; Т. II: Извлечения из персидских сочинений. М.; Л., 1941. С. 83, 84.
- 32 Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 131, 161.
- 33 Тихомиров М.Н. Средневековая Россия на международных путях в XIV-XV вв. М., 1966. С. 32, 33.
- 34 Лещенко В.Ю. Восточные клады на Урале в VIII—XIII вв.: (по находкам художественной утвари): автореф. канд. ... дис. ист. наук. Л., 1971.
- 35 Иванова М.Г. Удмуртско-болгарские связи в конце I - начале II тыс. н.э. // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. С. 118.
- 36 Валеев Р.М. Волжская Болгария... С. 56.
- 37 Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. Екатеринбург, 1994. С. 67.
- 38 Казаков Е.П. О характере связей волжских болгар с финнами и уграми в X-XII вв. // Древние этнические процессы Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1985. С. 29.
- 39 Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII-XIV вв. Казань, 2000. С. 83; Белавин А.М. Камский торговый путь. С. 128.
- 40 Кузьминых С.В., Семькин Ю.А. Цветная металлообработка // История татар с древнейших времен. Т. П. Волжская Болгария и Великая Степь. Казань, 2006. Ч. IV. Гл. 2.2. С. 258-260.
- 41 Талицкий М.М. Верхнее Прикамье в X-XIV вв. // МИА. 1951. № 22. С. 50.
- 42 Иванова М.Г. Удмуртско-болгарские связи... С. 121; Голдина Р.Д., Ютина Т.К. Хронология погребальных комплексов Агафоновогo II могильника (IX-XII вв.) // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск, 1987. С. 54.
- 43 Руденко К.А. Булгарские ювелирные украшения XI-XIV вв.: проблема идентификации и датировки // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: материалы междунар. науч. конф. Пермь. 2003. С. 171-173.
- 44 Заходер Б.Н. Каспийский свод... Т. II. С. 63.

- 45 Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. М., 1952. № 28. С. 216.
- 46 Белавин А.М. Камский торговый путь. С. 135; Казаков Е.П. О характере связей волжских болгар... С. 27.
- 47 Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. С. 67.
- 48 Джанполадян Р.М., Кирпичников А.Н. Средневековая сабля с армянской надписью, найденная в Приполярном Урале // ЭВ. Л., 1969. Т. XIX. С. 23 ел.
- 49 Федорова Н.В. Булгарские сканные украшения Зауралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. С. 136.
- 50 Могильников В.А. Культура племен лесного Прииртышья IX-XIII вв. // Тр. Камской археологической экспедиции. Пермь, 1968. Вып. 4. С. 280, 284. - (Уч. зап. ПГУ. № 191).
- 51 Фёдорова Н.В. Булгарские сканные украшения... С. 136.
- 52 Смирнов Я.И. Восточное серебро: атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909. Табл. СШ. Рис. 37; Сыркина И.А. Клад с городища Лорвож (XII в.) // СА. 1983. № 4. С. 188-197.
- 53 Лихачев А.Ф. Скифские элементы в чудских древностях Казанской губернии // Тр. IV АС (1884 г.). Одесса, 1905. Т. 1; Полубояринова М.Д. Костяные детали снаряжения средневекового всадника и лучника из Болгара // СА. 1986. № 2. С. 254-256.
- 54 Мукминова Р.Г. Из истории названия «булгари»: (к взаимосвязи казанских и бухарских мастеров-кожевников) // Культура, искусство татарского народа. Казань. 1993. С. 93.
- 55 Кызласов ИЛ. Аскизская культура (средневековые хакасы X-XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 204. — (САИ).
- 56 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 142.
- 57 Заходер Б.Н. Каспийский свод... Т. II. С. 81.
- 58 Там же. С. 82.
- 59 Там же. С. 31.
- 60 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 30, 34.
- 61 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 138.
- 62 Якубовский А.Ю. Хозяйственная жизнь туркмен и караванная торговля Средней Азии с Поволжьем и Древней Русью в X-XI вв. // Очерки по истории туркменского народа и Туркменистана в VIII-XIX вв. Ашхабад, 1954. С. 41.
- 63 Заходер Б.Н. Каспийский свод... Т. П. С. 39.
- 64 Там же. С. ПО.
- 65 Извлечение из энциклопедии Наджиба Хамадани "Диковинки творений" // Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана...С. 151, 152.
- 66 Заходер Б.Н. Каспийский свод... Т. П. С. 163.
- 67 Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1966. С. 386.
- 68 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 138.
- 69 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 30.
- 70 Заходер Б.Н. Каспийский свод... [Т. I]. С. 168.
- 71 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 62.
- 72 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 30.
- 73 Федорова Н.В. Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985. С. 128.
- 74 Чернецов В.Н. Вогульские сказки // Сборник фольклора народа манси (вогулов). Л., 1935.С. 55.
- 75 Заходер Б.Н. Каспийский свод... [Т. I]. С. 29.

- 76 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 33.
- 77 Там же. С. 58.
- 78 Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах... С. 190.
- 79 Белавин А.М. Камский торговый путь. С. 178.
- 80 ПСРЛ. М.; Л., 1950. Т. I. С. 167, 168.
- 81 Якубовский А.Ю. Хозяйственная жизнь туркмен...
- 82 Кызласов Л.Р. Торговые пути и связи древнехакаского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 83; Дрбоглав Д.А., Кирпичников А.Н. Европейский средневековый меч, найденный в Западной Сибири // Памятники культуры: новые открытия: ежегодник. Л., 1981.
- 83 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 54.
- 84 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 129, 131.
- 85 Якубовский А.Ю. Хозяйственная жизнь туркмен... С. 71.
- 86 Там же. С. 70.
- 87 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 132, 144.
- 88 ПСРЛ. СПб., 1908. Т. П. Стб. 6.
- 89 ПСРЛ. Т. II. Стб. 71; ПСРЛ. М., 1965. Т. IX. С. 65, 66.
- 90 Татищев В.Н. История Российская с самых древних времен. М.; Л. 1963. Т. 2. С. 69.
- 91 ПСРЛ. Т. II. Стб. 135.
- 92 ПСРЛ. М., 1962. Т. I. Стб. 390; ПСРЛ. СПб., 1856. Т. IV. С. 128; ПСРЛ. М., 1965. Т. X. С. 98.
- 93 Татищев В.Н. История Российская... С. 225.
- 94 Лимонов А.Л. Из истории восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества // Международные связи России до XVII в. М., 1961.
- 95 ПСРЛ. СПб., 1908. Т. П. Стб. 591.
- 96 ПСРЛ. М., 1965. Т. XV, вып. 1. Стб. 70.
- 97 Там же. Стб. 106.
- 98 ПСРЛ. М., 1963. Т. XI, вып. 1. С. 24.
- 99 Там же. С. 170.
- 100 Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.
- 101 Там же. С. 188, 200, 256. Рис. 63, 23; 65, 24.
- 102 Измайлов И.Л. Русы в Среднем Поволжье: (этапы болгаро-скандинавских этно-социальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков. Казань, 1999.
- 103 Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов. С. 200. Рис. 65, 25.
- 104 Там же. С. 252. Рис. 78, 9-11.
- 105 Голубева Л.А. Огнива с бронзовыми рукоятками // СА. 1964. № 3. Рис. 2, 7, 15.
- 106 Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов. С. 257. Рис. 64, 9-12, 15.
- 107 Там же. С. 256. Рис. 60, 26.
- 108 Там же. С. 207, 256. Рис. 67, 1.
- 109 Там же. С. 245.
- 110 Смирнов А.П. Армянская колония города Болгара // МИА. 1958. № 61. С. 358, 359. Рис. 10.
- 111 Даркевич В.П. Медные и бронзовые изделия из Волжской Болгарии (XIII-XIV вв.) // СА. 1975. № 2. С. 239.

- 112 Там же. С. 232 ел. Рис. 1,1; Даркевич В.П. Художественный металл Востока. М., 1976. С. 48, 49. Табл. 48, 49.
- 113 Даркевич В.П. Медные и бронзовые изделия... С. 237. Рис. 1, 4.
- 114 Там же. С. 237, 238. Рис. 2.
- 115 Там же. С. 239. Рис. 1, 4.
- 116 Там же. С. 240, 241. Рис. 3.
- 117 Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов. С. 245.
- 118 Там же. С. 248, 250, 251. Рис. 76, 75, 17.
- 119 Смирнов А.П. К вопросу о месте производства шаманских привесок // КСИА АН СССР. М., 1964. Вып. 99. Рис. 24.
- 120 Лещенко В.Ю. Бляхи с охотничьими сценами из Поволжья // СА. 1970. № 3.
- 121 Белавин А.М. Камский торговый путь. С. 91.
- 122 Там же. С. 95, 97.
- 123 Мельничук А.М. Бляхи и медальоны с охотничьим сюжетом из Верхнего Прикамья - назначение, семантика, происхождение // Древность и Средневековье Волго-Камья. Казань-Болгар, 2004. С. 121.
- 124 Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X-XV вв. М., 1993.
- 125 Толстой И.И., Кондаков И.П. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1897. Вып. 5. Рис. 198.
- 126 Там же. Рис. 184; Гуцин А.С. Памятники художественного ремесла. Л., 1936. Табл. XXVIII, 4, 6-10; XXIX, 8, 9.
- 127 ЗОРСА. Пг., 1915. Вып. II. Табл. I, /, 2; ОАК за 1903 г., табл. V, 25.
- 128 Хлебникова Т.А. Древнерусское поселение в Болгарах // КСИИМК. М., 1956. Вып. 62. С. 146.
- 129 Гуцин А.С. Памятники... Табл. XXVII, 18.
- 130 Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов. С. 170. Рис. 60, 8.
- 131 Лихачев А. Ф. Бытовые памятники Волжской Болгарии // Тр. II АС. СПб., 1876. Вып. 1.
- 132 Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981. С. 31.
- 133 Рындина Н.В. Технология производства новгородских ювелиров X-XV вв. // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М., 1963. Т. П. С. 226, 241. Рис. 16. - (МИА. № 117).
- 134 Белавин А.М. Камский торговый путь. С. 150. Рис. 83, 75, 16.
- 135 Седова М.В. Ювелирные изделия... С. 135. Рис. 51, 19-22.
- 136 Т.И. Макарова отнесла к русским серебряный черненный перстень с шестиугольным щитком из Болгарского клада 1869 г. См.: Макарова Т.И. Черное дело Древней Руси. М., 1986. С. 43.
- 137 Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария... С. 23, 30.
- 138 Беговатов Е.А., Руденко К.А. Несколько перстней с чернью из Волжской Булгарии // Город Болгар и его округа: тез. докл. науч. конф., посвящ. 25-летию БГИАЗ. Болгар, 1994. С. 46-51.
- 139 Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996; Семькин Ю.А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Там же.
- 140 Абдулова С.И. Бусы Волжской Булгарии в материалах средневековых памятников Пермского Приуралья // Проблемы хронологии волжских болгар: тез. науч. конф. Казань, 1998. С. 20, 21.
- 141 Херрман И. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986; Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 141.
- 142 Здесь и далее данные приводятся по: Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 151-219. Данные дополнены материалами раскопок до 2004 г.
- 143 Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях русской деревни X-XIII вв. // Тр. ГИМ. М., 1959. Вып. 33. С. 170.

- 144 Львова З.А. К вопросу о причинах проникновения стеклянных бус X — начала XI в. в северные районы Восточной Европы // АСГЭ. Л., 1977. С. 106.
- 145 Янссон И. Восточный импорт в Скандинавии VIII—XII вв. и Волжская Булгария // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII вв. Казань, 1999. С. 124.
- 146 Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии по материалам Билярского городища. Казань, 2005. С. 88.
- 147 Шапова Ю.Л. Византийское стекло: очерки истории. М., 1998. С. 152.
- 148 Там же. С. 162.
- 149 Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии... С. 103.
- 150 Полубояринова М.Д. Стеклодельная мастерская XIV в. в Болгаре // РА. 2006. № 4.
- 151 Бусятская Н.Н. Стеклянные изделия городов Поволжья XIII-XIV вв. // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С. 46 сл.
- 152 Шапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972. С. 99.
- 153 Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии... С. 131.
- 154 Абдуразаков А.А., Безбородое М.А., Заднепровский Ю.А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963. С. 151, 166.
- 155 Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии... С. 167.
- 156 Полубояринова М.Д. Арабские лампы из Болгара // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.
- 157 Kuhnel E. Islamic Arts. L., 1970. Tabl. 15.
- 158 Carboni S., Whitehouse D. Glass of Sultans. New Haven; L., 2001. P. 22. Fig. 10; P. 115, N 34.
- 159 Здесь и дальше использованы данные из работы: Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991, дополненные материалами раскопок до 2004 г.
- 160 Лихачев А.Ф. Бытовые памятники... С. 37.
- 161 Ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей: (минералогия) / пер. А.М. Беленицкого. Л., 1963. С. 81.
- 162 Хожение за три моря Афанасия Никитина (1466-1472 гг.). М.; Л., 1958. С. 13; Петрушевский И.П. Комментарий географический и исторический к сочинению Афанасия Никитина // Хожение за три моря Афанасия Никитина... С. 208.
- 163 Ал-Бируни. Собрание сведений... Примеч. к переводу А.М. Беленицкого на с. 460.
- 164 Там же. С. 172.
- 165 Хожение за три моря Афанасия Никитина... С. 452, 457, 458, 463.
- 166 Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII-XIV вв. Тюмень, 1995. С. 85 сл.
- 167 Там же. С. 90.
- 168 Кользин А.М. Торговля древней Москвы (XП - середина XV в.). М., 2001. С. 77.
- 169 Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов... С. 174. Рис. 60, 25.
- 170 Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975. С. 23-28. - (САИ).
- 171 Пиотровский Б.Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА. 1958. № 1. С. 26, 27.
- 172 Якимов И.В. Изделия из розового шифера на территории Волжской Булгарии // Путь из Болгара в Киев. Казань, 1992. С. 91, 98.
- 173 См.: Хузин Ф.Ш., Дроздова Г.И. Каменная и металлическая посуда // Посуда Биляра. Казань, 1986. С. 86 сл.; Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959-1966 гг. // Поволжье в средние века. М., 1970. С. 102; Гражданкина Н.Г., Ртвеладзе Э.В. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордын-

- ского города Маджара // СА. 1971. № 1. С. 130, 131; Вактурская Н.Н. Раскопки города Ургенч в 1952 г. // Тр. ХАЭЭ. М., 1958. Т. П. С. 488; Қдырғиязов М.-Ш. Материальная культура городов Хорезма в XIII-XIV вв. Нукус, 1989. С. 99 сл.; Атагарриев Е. Материальная культура Шехр-Ислама. Ашхабад, 1973. С. 82; Кураева Л.А. Средневековая привозная каменная утварь из Мерва и Нисы // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1969. XIV. С. 217 сл.; Ахбаров И.А. Каменные котлы средневековой Ферганы // Из истории культуры народов Узбекистана. Ташкент, 1965. С. 9 сл.; Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1969. С. 85.
- 174 См.: Массон М.Е. К истории горного дела на территории Узбекистана // Изв. АН УзССР. 1953. С. 10, 15, 18, 24; Юсупов Н., Манылов Ю.Л. К изучению горного дела Сул-тан-Уиздага // Вестник Кара-Калпацкого филиала АН УзССР. 1968. С. 61-67; Пругер Е.Б. К истории разработки месторождений тальковых пород в Узбекистане // СА. 1975. № 2. С. 229, 230.
- 175 Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I: VII-XV вв. Арабские и персидские источники. М.; Л., 1939. С. 183.
- 176 Ал-Бируни. Собрание сведений... С. 156.
- 177 Тизенгаузен В. Сборник материалов... Т. I. С. 242.
- 178 Здесь описаны около 50 фрагментов каменных котлов, хранящихся в БГИАЗ, из раскопок 1969-1989гг. См.: Полубояринова М.Д. Каменные котлы из Болгара // Восточная Европа в Средневековье. М., 2004. С. 316-323.
- 179 Қдырғиязов М.-Ш. Материальная культура... С. 100. Рис. 24, 5.
- 180 Хузин Ф.Ш., Дроздова Г.И. Каменная и металлическая посуда. С. 88. Рис. 1, 7, 9, 11, 12.
- 181 Кураева Л.А. Средневековая привозная каменная утварь... С. 218.
- 182 Полубояринова М.Д. Две костяные печати из Болгара // КСИА. 1983. Вып. 175. С. 95.
- 183 Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 62.
- 184 Ковалевский А.Л. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 132, 144.
- 185 Хвольсон Д.А. Известия... С. 199.
- 186 Смирнов А.Л. Армянская колония города Болгара // МИА. 1958. № 45; Видонова Е.С. Ткани и шитье XIV в. из раскопок в Болгарах // КСИИМК. 1947. Вып. XXI. С. 112-117.
- 187 Джанполадян Р.М. О двух армянских тканях из Булгара и Ани // КСИА. 1972. Вып. 132.
- 188 Волков И.В. Армяне в Золотой Орде (археологические свидетельства) // Сб. тезисов региональной научной конференции «Проблемы взаимодействия национальных культур: межэтническое общение в полиэтничном регионе». Астрахань, 1995. Ч. 2. С. 24 ел.
- 189 См.: Яacobсон А.Л. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала): (по материалам раскопок 1953-1955 гг.) // Тр. Азербайджанской (Орен-калинской) археологической экспедиции. М.; Л., 1959. Т. I. Табл. IX; XXII, 2; XXIII, 1. Рис. 3, а; Наджафова Н. Художественная керамика Азербайджана XII-XV вв. Баку, 1964. Рис. 87, 96; Минкевич-Мустафаева Н.В. Раскопки ремесленного квартала на юго-западной окраине Байлакана в 1956-1958 гг. (Раскоп IV) // Средневековые памятники Азербайджана. М.; Л., 1965. Рис. 10, 3. - (МИА. № 133); Фоменко В.П. Раскопки мавзолея и некрополя близ городища Орен-Кала // Там же. Рис. 6, 2.
- 190 Волков И.В. Ширванский керамический импорт в золотоордынских городах // Средняя Азия: археология, история, культура. М., 2000. С. 45, 46. Рис. 1, 7-5; 3, 9.
- 191 Яacobсон А.Л. Художественная керамика... С. 288. Рис. 10, 49; 11, 55, 54; Исмизаде О.Ш., Ибрагимов Ф.А. Художественная штампованная керамика средневекового Баку. Баку, 1983. Табл. XXVII, 1; Минкевич-Мустафаева Н.В. Раскопки ремесленного квартала... Рис. 16, 2.
- 192 Яacobсон А.Л. Художественная керамика... Табл. XXXV, 4.

- 193 Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // МИА. М.; Л., 1950. № 17. Табл. VIII, 38, 38а, 38б; IX, 41; Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С. 133. Рис. 83, 1, 2.
- 194 Перевозчиков В.И. Некоторые данные о поливной керамике Азака // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв.: по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998. С. 164. Рис. 3, 2.
- 195 Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство... С. 135. Рис. 84, 4.
- 196 Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес. Табл. XXV, № 95.
- 197 Коваль В.Ю. Керамика Востока и Византии на Руси (конец IX-XVII в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 161. Альбом, рис. 76.
- 198 Баранов И.А., Майко В.В. Комплекс поливной керамики XIV в. из раскопок храма Девы Марии в Сугдее // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья... Рис. 2, 3.
- 199 Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики // Феодалная Таврика. Киев. 1974.
- 200 Джапаридзе В.В. Художественная глазурованная керамика Грузии XI-XIII вв. // СА. 1953. XVII. С. 202-204. Рис. 2, 2.
- 201 Якобсон Я.Л. Художественная керамика Байлакана... С. 286.
- 202 Мицишвили М.Н. Поливная керамика древней Грузии (IX-XIII вв.). Тбилиси, 1969. Табл. LVII, 1.
- 203 Кафадарян К. Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952. Рис. 163, 164.
- 204 Коваль В.Ю. Керамика Востока в средневековой Москве. Ч. II: полумайолика, фарфор, неполивная посудная, техническая, декоративная и архитектурная керамика // РА. 1997. № 3. С. 100. Рис. 3, 4.
- 205 Коваль В.Ю. Керамика Востока и Византии на Руси... С. 181.
- 206 Волков И.В., Панина Э.Л. Штампованная керамика золотоордынских городов // Средняя Азия: археология, история, культура. М., 2000. С. 90.
- 207 Крамаровский М.Г. Нейзацкий клад: Крым и Малая Азия в XIV веке // Византия и Ближний Восток: (памяти А.В. Банк). СПб., 1994. С. 136.
- 208 Полубояринова М.Д. Раскопки богатого дома золотоордынской эпохи в Болгаре // КСИА. 1987. № 190. С. 60. Рис. 5, 2.
- 209 Залеская В.Н., Крамаровский М.Г. Изображение человека в керамике Среднего Причерноморья XII-XIV вв. Л., 1990. С. 28, 30.
- 210 Там же. Рис. 14, 15.
- 211 Там же. Рис. 15.
- 212 Романчук А.И. Итоги раскопок в портовом квартале II Херсонесского городища // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997. С. 235. Рис. 131, 4.
- 213 Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов. 2006. С. 397. Рис. 36.
- 214 Там же. Рис. 36, 1, 8.
- 215 Там же. Рис. 36, 3.
- 216 Макарова Т.И. Поливная посуда: из истории керамического импорта и производства Древней Руси // САИ. 1967. Вып. EI-38. С. 22. Табл. V, 8.
- 217 Morgan C.H. The Byzantine Pottery // Corinth. Cambridge, 1942. Vol. 11. Fig. 39a.
- 218 Зоценко В.Н. Амфорна тара Києво-Подолу XII - початку XIII ст. // Морська торгівля в Північному Причерномор'ї Київ, 2001. С. 193. М. 34.
- 219 Коваль В.Ю. Византийская керамика на Руси в IX-XV вв. // Русь в IX-XIV вв. Взаимоотношения Севера и Юга. М., 2005. С. 165.

- 220 Пещерева Е.И. Гончарное производство Средней Азии // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. XLII. Н.С. М.; Л., 1959. С. 88. Рис. 29, 4.
- 221 Fyodorov-Davydov G.A. The Culture of the Golden Horde Cities. Oxford, 1984. S. 269. 111. 40, 2.
- 222 Fehervari G. Ceramics of the Islamic world in the Fareq Rajab Museum. L.; N.Y., 2000. P. 76. N79.
- 223 Ibid. P. 254. N 317.
- 224 Брыкина Г.А. Кара-Булак. М., 1974. Рис. 53, 1, 2.
- 225 Коваль В.Ю. Керамика Востока в средневековой Москве: (опыт систематизации): фаянсы и полуфаянсы // РА. 1997. № 2. С. 107.
- 226 Горелик М.В. Монголы между Европой и Азией: (взаимовлияния в costume в XIII-XIV вв.) // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Нальчик. 2006. С. 64-66.
- 227 Кверфельд Э.К. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947. С. 56.
- 228 Watson O. Persian lustr ware. L., 1985. P. 37-14; Коваль В.Ю. Керамика Востока в средневековой Москве: (опыт систематизации). С. 58.
- 229 Шелковников Б.А. Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван, 1957. С. 62. Рис. 37.
- 230 Lane A. Early Islamic pottery. N 26; Kuhnel E. Islamic Arts. L. S. 112. F. 76; Новрузлу А.И. Средневековая керамика Азербайджана (IX-XVII вв.). Баку, 1993. С. 79. Рис. 32, 6; Шелковников Б.А. Фаянсы, расписанные люстром по белой непрозрачной глазури из Орен-Кала // МИ А. № 67. Табл. XI, I, Atil E. Ceramics from the world of Islam // Freer Gallery of art fiftieth anniversary exhibition. Wash., 1973. T. III. Cat. № 34.
- 231 Atil E. Ceramics... Cat. N 69.
- 232 Lane A. Early Islamic pottery. N 236, 58b, 64b, 65b.
- 233 Atil E. Ceramics... Cat. N 69.
- 234 Полуобяринова М.Д. Китайский селадон из Болгара // РА. 2000. № 2. С. 155-164; Она же. Китайский фарфор с Болгарского городища // РА. 2003. № 3. С. 136-144.
- 235 Beurdeley C., Beurdeley M. La ceramique chinoise. 1974. P. 157. Pl. 46.
- 236 Бурханов А.А. Отчет о раскопках на Селитренном городище в 2000 г. // Архив И А РАН. № 23898.
- 237 Евтюхова Л.А. Керамика Каракорума // Древние монгольские города. М., 1965. С. 228. Рис. 126.
- 238 Наджафова Н. Художественная керамика Азербайджана XII-XV вв. Баку, 1964. С. 33. Рис. 29.
- 239 Якобсон А.П. Художественная керамика... С. 286. Табл. XXXVIII; Ахмедов Г.М. Неполивная керамика Орен-Кала IX-XIII вв. // Тр. Азербайджанской (Орен-калинской) археологической экспедиции. М.; Л., 1959. Т. I. Рис. 1,3.
- 240 Байпаков К., Ерзакович Л. Керамика средневекового Отрара. Алма-Ата, 1991. Табл. на с. 140, 163.
- 241 Белинский И.В., Масловский А.Н. Раскопки в г. Азове по улице Толстого в 2000 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1999-2000 гг. Азов, 2001. Вып. 17. Рис. 2, 3.
- 242 Исмизаде О.Ш., Ибрагимов Ф.А. Художественная штампованная керамика... С. 19. Табл. VII, 7-9, 11.
- 243 Fyodorov-Davydov G.A. The Culture... 111. 56, 10; Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Сарая в 1959-1962 гг. // СА. 1964. № 1. Рис. 12, 3.
- 244 Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI - начала XV века. Казань, 2002. С. 130.
- 245 Там же. Рис. 31, 9; 33, 9.
- 246 Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья... 1994. С. 142.
- 247 Fyodorov-Davydov G.A. The Culture... 111. 60, 2.
- 248 Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XVII вв.) // Тр. ХАЭЭ. Т. IV. С. 322. Рис. 22, 6; 36, 21; Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. 2001. С. 310. Табл. 105, 2; 106.
- 249 Григорьев Г.В., Терехина Л.С., Терехин Н.А., Халиков А.Х. Гончарная керамика Билярского городища: (по материалам раскопок 1967-1972 гг.) // Исследования Великого города. М., 1976. С. 109.

- 250 Хованская О.С. Гончарное дело Болгара // МИА. 1954. № 42. С. 353. Рис. 5.
- 251 Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 120; Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских царей и древние города Поволжья. М., 1989. С. 225.
- 252 Волков И.В., Панина Э.Л. Штампованная керамика... С. 89.
- 253 Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Сарая в 1959-1962 // СА. 1964. № 1. С. 264.
- 254 Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X - начала XIII в. // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1962. Т. XI.
- 255 Масловский А.Н. Раскопки в Азове // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Азов, 2002. Вып. 18. С. 216. Рис. 1, 6.
- 256 Ахмедов Г.М. Неполиванная керамика Орен-Кала... Табл. XI, 5.
- 257 Пославский И. О глиняных сосудах с коническим дном // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. (1904—1905). Ташкент, 1905. Т. X.
- 258 Лунин Б.В. К вопросу о функциональном назначении сфероконических сосудов в связи с одним рукописным источником XVI в. // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1952. Вып. II. С. 226.
- 259 Там же.
- 260 Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве... Т. XI. С. 259.
- 261 Халиков А.Х. Сфероконические сосуды // Посуда Биляра. Казань, 1986. Рис. 1, 24; Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Ташкент, 1989. Рис. 85; Джанполадян Р.М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани // СА. 1958. № 1. Табл. XIX, 13, 15.
- 262 Трубникова Н.Б. Обломок сфероконического сосуда из Булгар // Тр. ГИМ. М., 1940. Вып. XI. С. 137. Рис. 1.
- 263 Лунина С.Б. Гончарное производство... Рис. 61, 65-70.
- 264 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XIV вв. С. 165. Рис. 64.
- 265 Михальченко С.Е. Сфероконусы Поволжья // КСИА. 1974. Вып. 140. Рис. 1, 2.
- 266 Fyodorov-Davydov G.A. The Culture... 111. 52, 1.
- 267 Джанполадян Р.М. Сфероконические сосуды... С. 204. Рис. 4.
- 268 Волков И.В. Штампованная керамика... С. 89.
- 269 Лунина С.Б. Гончарное производство... С. 258; Брыкина Г.А. Карабулак. С. 68; Халиков А.Х. Сфероконические сосуды. С. 76.
- 270 Халиков А.Х. Сфероконические сосуды. Рис. 1, 24; Fyodorov-Davydov G.A. The Culture... 111. 52, 3.
- 271 Михальченко С.Е. Сфероконусы Поволжья. С. 48.
- 272 Sarre F. Keramik und andere Kleinfunde der Islamischenzeit von Baalbek. Leipzig, 1925. Taf. 66,1, 2; Лещ Э. О глиняных сосудах с коническим дном, находимых в пределах мусульманского Востока // ЗВРАОА. СПб., 1904. Т. XV. С. 0101. Табл. V, 1, 2.
- 273 Гене Ю.Б. Сфероконический сосуд из Термеза // СА. 1969. № 2. С. 273. Рис. 1, 2, 3.
- 274 Михальченко С.Е. Сфероконусы Поволжья. С. 48.
- 275 Гражданкина Н.С. К истории керамического производства... С. 195.
- 276 Лунина С.Б. Гончарное производство... Рис. 81.
- 277 Халиков А.Х. Сфероконические сосуды. Рис. 1, 4; 2, 22.
- 278 Там же. С., 76.
- 279 Хованская О.С. Гончарное дело Болгара. С. 356, 359.
- 280 Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар: очерки истории и культуры. М., 1987. С. 158-204.

- 281 Федоров-Давыдов Г.А. Находки восточных монет VIII—XIII вв. в Восточной Европе // Эпиграфика Востока. Л., 1988. XXIV. С. 45.
- 282 Белавин А.М. Камский торговый путь. С. 127.
- 283 Заценко В.Н. Волжская система путей сообщений в истории Южной Руси // Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992. С. 50.
- 284 Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII века. Казань, 2003. С. 59.
- 285 Смирнов А.П. Очерки по истории волжских булгар // Тр. ГИМ. М., 1940. Вып. IX. С. 216.
- 286 Кользин А.М. Торговля Москвы. М., 2001. С. 160.
- 287 Кляшторный С. К вопросу о времени основания Казани // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII вв.: материалы междунар. симп. Казань, 1999. С. 247.
- 288 Даркевич В.П. Художественный металл Востока... С. 184.
- 289 Якубовский А.Ю. Хозяйственная жизнь туркмен... С. 51, 52.
- 290 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X-XI вв. М, 1963. С. 196.
- 291 Заходер Б.Н. Каспийский свод... Т. II. С. 36.
- 292 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 124.
- 293 Заходер Б.Н. Каспийский свод... Т. II. С. 36.
- 294 Калинина Т. Ал-Масуди о булгарах // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья. С. 17.
- 295 Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни... С. 70.
- 296 Львова З.А. К вопросу о причинах проникновения стеклянных бус X - начала XI в. в северные районы Восточной Европы // АСГЭ. Л., 1977. № 18. С. 106, 107.
- 297 Иоанн Шильбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г. Баку. 1984. С. 44.
- 298 Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции. Тюмень, 1995. С. 80.
- 299 После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий // пер. с лат. и старoit. яз., введ. и примеч. Л.М. Света. М., 1968. С. 122.
- 300 Валиулина СИ. Стекло Волжской Болгарии. Казань. 2005. С. 131.
- 301 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. 28. С. 771.
- 302 Федорова Н.В. Импортное серебро в Западной Сибири // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985. С. 126, 128; Мизинова В. Новые поступления с реки Сын (Западная Сибирь) // СГЭ. Л., 1958. Вып. XIII.
- 303 Овчинникова Б.Б. Историко-культурные контакты Новгорода с югрой (IX-XV вв) // Сб. научных трудов серии «Проблемы истории России». Екатеринбург, 2007.
- 304 Хлебникова Т.А. Надписи на металлических изделиях // Город Болгар: ремесло металлургов... Казань, 1996. С. 259.
- 305 Кузьминых С.В., Семькин Ю.А. Цветная металлообработка // История татар с древнейших времен. Т. II: Волжская Болгария и Великая Степь. Казань, 2006. С. 272.
- 306 Павленко С.В. Исследования древнерусских специализированных поселений по обработке пиррофиллитового сланца: (на примере поселения Прибытки-1) // Сельская Русь в IX-XIV веках: от новых методов изучения к новому пониманию М., 2008.
- 307 Моця А.П. Общие закономерности торгово-экономических взаимоотношений Киева и Булгара в IX-XIII вв. // Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992. С. 9.
- 308 Такие бусы из раскопок хранятся в Новгородском музее . Инв. № КП-19300/А2/210; КП-25293/А8/11(2); НИАМ-17а/941; НИАМ-17а/94/КП25293; КП-20043/А61-372; КП-20043/А6-373.

- 309 Щапова Ю.Л. Стекланные изделия древнего Новгорода // МИ А. 1963. № 117. С. 106. См. также: Колызин А.М. Торговля Древней Москвы (XII - середина XV в.). М., 2001. С. 85.
- 310 Колызин А.М. Торговля Древней Москвы... С. 85.
- 311 Ал-Бируни. Собрание сведений... С. 197.
- 312 Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси в XIII в. // Русь в XIII в.: древности темного времени. М., 2003. С. 362.
- 313 Жарнов Ю.Э. К вопросу о косторезном производстве в домонгольском Владимире-на-Клязьме // РА. 2003. № 2. С. 41.
- 314 Родина М.Е. Новые находки предметов восточного и западноевропейского импорта во Владимире // РА. 1997. № 3. С. 149. О находке штампованной керамики любезно сообщила Н.Н. Мошенина.
- 315 Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992.
- 316 Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Древнерусские поселения на Дону // МИА. 1948. № 8. С. 57; Кропоткин В.В. Караванные пути в Восточной Европе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 230.
- 317 Седова М.В. Суздаль в X-XV вв. М., 1977. С. 184.
- 318 Конкина А.Ф. Причерноморско-Средиземноморские связи Волжской Булгарии в X начале XIII в.: (археологические данные о торговых путях) // Международные связи... С. 137
- 319 Левашова В.П. Белореченские курганы // Тр. ГИМ. М., 1953. Вып. XXII. С. 174.
- 320 Щапова Ю.Л. Византийское стекло. С. 136-138, 159.
- 321 Тазеигузэн В. Сборник материалов...Т. I. С. 63
- 322 Амин ал-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIX-XIV вв. М. 1960. С. 18.
- 323 После Марко Поло: путешествия западных чужеземцев... С. 155, 168. Примеч. ЭУ.
- 324 Тизенгаузен В. Сборник материалов... Т. I. С. 237, 238.
- 325 Якубовский А.Ю. Хозяйственная жизнь туркмен... С. 45.
- 326 Даркевич В.П. Художественный металл Востока... С. 150.
- 327 Pegalotti F.B. La pratica della mercatura. Cambridge, Massachusetts, 1936. С. 21-23.

Пример1

РОЛЬ БЛАГОУСТРОЙСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО БОЛГАРА

В.С. Баранов

Как явление, кардинальным образом меняющее облик среды обитания человека и влияющее на сущность человеческих отношений в рамках населенного пункта, благоустройство сказалось на становлении и развитии культуры Болгара - одного из крупнейших городских центров средневековья. Сфера этого влияния охватывает круг вопросов, затрагивающих самые разные проблемы, касающиеся планировки и застройки, теории и практики возведения гидротехнических и общегородских объектов, бытовой культуры и образа жизни населения, санитарии и медицины, управления городским хозяйством, метрологии, стимуляции ремесленной деятельности, внешних связей и многого другого. Благоустройство города непосредственно сказывается на его облике и отражает способность населения и власти организовать свою жизнь в соответствии с принятыми в данном обществе нормами и установками.

Как явление яркое и самобытное, сложившееся на фоне обширных связей населения Волжской Болгарии в средневековом мире, благоустройство Болгара определялось необходимостью решать хозяйственные задачи, связанные с природно-ландшафтными условиями города, а также вытекающие из природы городской жизни, среди характерных особенностей которой следует отметить скученность населения, концентрацию производства и управления, сложную картину социальных, профессиональных, этнических и конфессиональных связей.

Город Болгар занимает часть коренной волжской террасы, сложенной из четвертичных пород. Высота террасы составляет 30 м. По характеру рельефа площадка городища представляет собой равнину с небольшими всхолмлениями и низинами, которая в северо-восточной части пересечена обширной овражной сетью, образованной отрогами Большого и Малого Иерусалимского оврагов. Низовая часть Болгара, расположенная севернее подножия коренной террасы, в настоящее время затопленная Куйбышевским водохранилищем, входит в состав Камско-Волжской поймы и занимает площадки первой и второй надлуговых террас.

Климат этих мест отличается выраженной континентальностью: умеренно холодная зима, теплое лето, короткая, с бурным нарастанием тепла, весна, мягкая осень. По количеству осадков и испаряемости район относится к зоне недостаточной увлажненности. Среднее количество выпадающих осадков -420 мм. Зимой их вдвое меньше, чем летом, и мощность снегового покрова в разные года может сильно отличаться. Таяние снега протекает интенсивно и заканчивается в начале второй декады апреля. Особенности рельефа в северо-восточной части городища способствуют быстрому стоку талой воды, исключая естественные низины, где вода задерживается до конца апреля, образуя сезонные водоемы. Уровень воды некоторых из них относительно стабилен (ныне — озера Британкино, Голландское, Черноморье). В западной и юго-западной части городища нерасчлененность рельефа создает благоприятные условия для инфильтрации влаги.

Почвенный покров составляют супесчаные, слабоподзолистые почвы и суглинки. Низовая сторона Болгара (подгорье и заречье) как часть Камско-Волжской поймы сложена из глинистых наносов этих рек. Некогда она была занята обширными лугами, лиственными лесами и перелесками, а также озерами и протоками Волги и Камы. У подножия коренной террасы с востока на запад протекала р. Меленка, которая еще в начале XX в. упоминается в списках рек, имеющих значение для сплава и судоходства в весеннее время. Раскопки в русле Меленки, проведенные в 1938 г., показали ее заболоченность уже в средневековье, что не исключает образования здесь в период снеготаяния сезонных водоемов. Состав почв в низовой части характеризуется горизонтами намывного песка и черноземов. Глубина залегания грунтовых вод различна. Если на верхней площадке городища она составляет 30-40 м из-за хорошей фильтрующей способности четвертичных напластований, то в подгорье и заречье — 2-4 м. В подгорье к тому же отмечены выходы многочисленных родников, способствующих разрушению склонов террасы[1].

Из такой характеристики Болгара вытекает ряд особенностей, влияющих на облик благоустройства данного населенного пункта.

- Относительная нерасчлененность рельефа (равнинный характер) в сочетании с его неоднородностью (наличие мощной овражной сети и природных водоемов) при естественном расширении застройки, росте городской площади являлись факторами, влияющими на градостроительную практику, определяя направление городских коммуникаций и складывание районов города.
- Характерные особенности почв и грунтов, распределение водных ресурсов с наименьшим расходом и стоками в весенний период предполагали проведение противоэрозийных действий, в основном по краю террасы и на берегах водоемов, делали необходимой регулировку сезонных стоков и стимулировали попытки водосбережения.
- Глубина залегания водоносных горизонтов во многом определяла способы решения проблем водоснабжения, выбор конструкции и соответствующих типов объектов (колодцы, водоемы).

Характер действий, проводимых в целях благоустройства города, их качество в немалой степени были связаны со значением Болгара как одного из главных центров болгарской государственности, а затем — крупнейшего центра Золотой Орды в Среднем Поволжье, который в силу своей значимости являлся местом сосредоточения и распространения городской культуры. Развитие благоустройства ставило задачи перед городским хозяйством, ремеслом и требовало определенных организационных мероприятий со стороны городского управления. Проблемы водоснабжения, регулирования стока сезонных вод, утилизации отходов и санитарии, планировки и упорядочивания городского пространства становятся обычной составляющей городской жизни.

Попытки решить эти проблемы мы видим уже в материалах раннего Болгара. Об этом свидетельствует наблюдаемая исследователями регулярность застройки домонгольского города и ряд объектов благоустройства, относящихся к этому времени, например мощная ограда и колодец в центральной части города, следы улицы южнее здания Соборной мечети, укрепление береговой полосы Британкина озера,

строительство плотин в устье Малого Иерусалимского оврага и по течению р. Меленки. Эти объекты, различные по своему назначению и конструкции, известные пока в небольшом количестве, указывают на уже наметившуюся тенденцию формирования, организации и упорядочивания городского пространства путем его инженерного освоения и способы приспособления его к нуждам жителей.

Монгольское нашествие, по археологическим свидетельствам, стало губительным для города. «...Для того чтобы люди могли вновь поселиться на этом выжженном пространстве, необходимо было как-то изолироваться от дымящегося пепелища, над которым ветер поднимал тучи угольной пыли. Вероятно, с этой целью пожарище повсеместно было засыпано слоем песка, иногда суглинка. Этот песок привозили из поймы Волги или брали из ям, вырытых в материке»[2].

Восстановление городской жизни после разгрома и активный рост территории города дали новый импульс для развития городского благоустройства во второй половине XIII — первой половине XIV в. В этот период происходит освоение районов подгорья и заречья, юго-восточной части городища и расширение застройки в западном и юго-западном направлении. Огромное значение для создания облика города сыграло возведение Соборной мечети и формирование рядом с ней городского центра, интенсивное каменное строительство, в частности сооружение бань и других зданий. Строительство в конце XIII — начале XIV в. дренажно-ряжевой системы создало возможности для планомерной застройки в основании склона террасы в центральной части Болгара.

В первых десятилетиях — середине XIV в. происходят некоторые изменения в планировке городского центра: окончательно оформляется центральный городской рынок, проводятся новые улицы в юго-восточной части центра. В этот период строится и функционирует основная часть известных бань подгорья и связанных с ними объектов, строится баня, известная как Белая палата. По-видимому, в это время начинают планомерно вывозить мусор к городским окраинам и утилизировать его в специальных ямах и котлованах пришедших в негодность сооружений. Этот период следует считать временем

наибольшего распространения объектов благоустройства в Болгаре. Высокий уровень ремесла и администрирования, активное привлечение труда местных и иноземных мастеров позволили достичь высокой степени инженерной подготовки городской территории, особенно в общественных и социально-значимых районах, таких как городской центр, места расположения общественных бань и домов городской знати. Значительную роль в этом играла, очевидно, сильная административная власть, в условиях которой стала возможна необходимая концентрация управленческих усилий и производительных сил. Не последнее место в становлении благоустройства города и расцвете его в золотоордынское время сыграло наличие традиций городского хозяйства предшествующей эпохи.

События 1361 г. и времена «великой замятии» значительно подорвали ведение городского хозяйства в Болгаре. Были разрушены и уже не восстанавливались многие объекты, среди которых большинство бань подгорья. В этот период население покидает некоторые городские районы. Вместе с разрушением бань приходят в негодность и связанные с ними сооружения. Площади покрываются мусором и

застраиваются второстепенными постройками, нарушающими планировочный рисунок, перестают функционировать трубопроводы, засыпаются колодцы, многие сооружения получают вторичное использование. Строительство новых объектов благоустройства не ведется, проводится только некоторый объем ремонтных работ на постройках, сохранившихся с прежнего времени. Культурные отложения второй половины XIV — начала XV в. на целом ряде участков городища свидетельствуют о нерегулируемом мусорном сбросе. В этих слоях нередко находки захоронений, совершенных под завалами стен и в случайных ямах. Вместе с тем в южной части городища наблюдается значительное увеличение площади могильников, расширяется строительство мемориальных комплексов. Прилегающее к ним пространство иногда отделялось от окружающей территории частоколами. Могильники наступают на ремесленные и жилые комплексы, чаще всего уже прекратившие существование и используемые для сброса производственного и бытового мусора.

Болгар конца XIV — начала XV в. переживает упадок городского хозяйства, вызванный общим экономическим упадком города и Золотой Орды, происходившим на фоне серьезных внешнеполитических осложнений и кризиса Золотоордынского государства. Одной из характерных черт этого кризиса стало увеличение числа военных конфликтов, усиление давления на Болгар и Болгарский улус со стороны ушкунных ратей и русских князей. Их военные походы на Болгар все чаще заканчивались разгромом последнего или выплатой контрибуции, что в значительной мере подрывало экономический потенциал города. В этой обстановке усилия и средства городской власти уже не могли быть направлены на нужды благоустройства, задачи которого отходят на второй план по сравнению с проблемами выживания города как такового.

Разгром города в 1431 г., во время которого были разрушены последние объекты благоустройства — бани Красная палата, Белая палата, — означал коллапс городской жизни и превращение Болгара в эпоху Казанского ханства в небольшой поселок, занимающий территорию бывшего городского центра. Таким образом, явление благоустройства, характеризующее уровень жизни и облик Болгара, с прекращением его существования как города деградирует или принимает более архаичные формы, типичные, скорее, для поселений сельского типа.

Значение благоустройства, как культурного феномена, до последнего времени оставалось в тени проблем социально-экономической истории. В археологической литературе эта проблема до последнего времени рассматривалась как второстепенная, хотя круг работ, посвященный изучению инженерных сооружений, выполняющих задачи благоустройства, весьма велик. Исключения составляют работы А. Анарбаева и А.Н. Сорокина, касающиеся благоустройства городов Средней Азии и Новгорода Великого[3]. Археологические исследования Болгарского городища, систематически ведущиеся с 1938 г., подготовили значительную источниковую базу, чтобы с точки зрения изучения различных инженерных объектов и сооружений, служивших целям благоустройства, рассмотреть городское хозяйство Болгара X-XV вв. [4].

Городское благоустройство как часть культуры находится в жесткой взаимосвязи и взаимозависимости с экономикой, внешними отношениями, управлением города. Влияние этого явления прослеживается в самых разных областях городской жизни и городского хозяйства средневекового Болгара.

Теоретические и практические знания. Санитария и гигиена. Строительство и внедрение объектов благоустройства было тесно связано с накоплением и использованием специальных знаний и представлений. Необходимость планировочных мероприятий, предполагающих разметку строительных участков или определение длин трубопроводных линий, жестко увязанное с производством необходимого количества керамических секций, требовали умения вести расчеты, что не могло не сказаться на развитии практической математики и геометрии, не говоря уже о применении точных расчетов при строительстве городских общественных бань. Возведение гидротехнических сооружений обязывало изучать свойства грунтов, их устойчивость к явлениям эрозии, требовало наблюдений за поведением водотока в период снеготаяния и обильного выпадения осадков для определения, например, сдерживающей возможности дамб или эффективности дренажных систем. С широким внедрением общественных бань происходило накопление и своеобразное осмысление медицинских знаний в том их разделе, который касается гигиены и санитарии. Врач и писатель XIII в. Григорис из Армении, с которой Волжская Болгария имела тесные связи, в своем труде «Анализ природы человека и его недугов» пишет о значении воды в поддержании личной гигиены человека[5].

В банях обеспечивался проточный характер воды, что соответствовало требованиям ислама к ритуальной чистоте воды и отвечало рекомендациям средневековых медиков. В фольклорной традиции казанских татар сохранилась легенда о чудесном исцелении при помощи бани и березовых веников Туйбике — дочери правителя Болгара Айдархана[6].

Уровень благоустройства Болгара, его инженерное обустройство, несомненно, сказывались на санитарном состоянии города. Организация водоснабжения, широкое использование общественных бань, благоустройство рынков должно было способствовать сдерживанию инфекционных заболеваний. Посещение общественных бань, проведенные там части свободного времени свидетельствуют о появлении у жителей города новой формы досуга, характеризующей именно городское население.

Проблема утилизации отходов в Болгаре периода его расцвета, по-видимому, решалась вполне успешно. Хотя не существовало общей канализационной системы города или его отдельных районов, были налажены стоки грязных вод от бань. Уборка мусора производилась путем захоронения его в специальных ямах или вывоза.

Планировка и застройка городской территории. Благоустройство как область градостроительства затрагивает формирование и развитие городской структуры — центра и периферии, коммуникаций. Городское пространство — переулки, улицы и площади — рассматриваются как места сосредоточения городской жизни и характеризуют инженерную подготовленность территории города. К сожалению, на современном уровне изученности Болгарского городища вопросы планировки нельзя считать достаточно исследованными. Однако и сейчас мы можем говорить о ее сложности, вызванной как разнообразием городского ландшафта, так и многоэтапностью развития города. Изучение Болгара показало органичность его формирования с учетом факторов природно-географического и социально-исторического порядка. Уже на ранних этапах городской жизни проявляются тенденции к внутриго-

родскому межеванию и установлению системы коммуникаций, выделяется городской центр и районы периферии, выразившие облик и направленность социальных связей и способствовавшие складыванию определенных традиций городского строительства и местного своеобразия городской структуры. Для городов Восточной Европы в X-XIV вв. были характерны разные виды планировки, в рамках которых наиболее полно осуществлялась связь между различными социально-экономическими очагами города. На примере Древней Руси исследователи выделяют города с линейно-поперечной и радиально-кольцевой планировкой, что естественно является относительным ввиду индивидуальности ландшафта и особенностей исторического развития населенных пунктов.

Для небольших городов, складывающихся в результате роста территории города от детинца-кремля, зажатого между двумя водными преградами, более приемлемой являлась радиально-кольцевая планировка[7]. Болгарское городище, наиболее ранняя часть которого приходится на район Коптелова бугра и примыкающую к нему территорию, демонстрирует сходную картину. Выявленные здесь укрепления начала домонгольского периода отсекали участок в виде мыса между руслом Большого Иерусалимского оврага и р. Меленкой, протекавшей в древности у основания склона коренной волжской террасы[8]. Коммуникации раннего города, по всей видимости, шли перпендикулярно линии городских валов и параллельно направлению дороги к торговой пристани Ага-Базар. Таким образом, первоначальный центр формирующегося города складывается к востоку от построенной позднее Соборной мечети на месте современного хозяйственного двора Болгарского заповедника. Здесь были выявлены следы мощной ограды, прослеженной за время изучения на протяжении 42 м, и остатки мощной деревянной постройки, относящейся к начальным этапам существования Болгара[9].

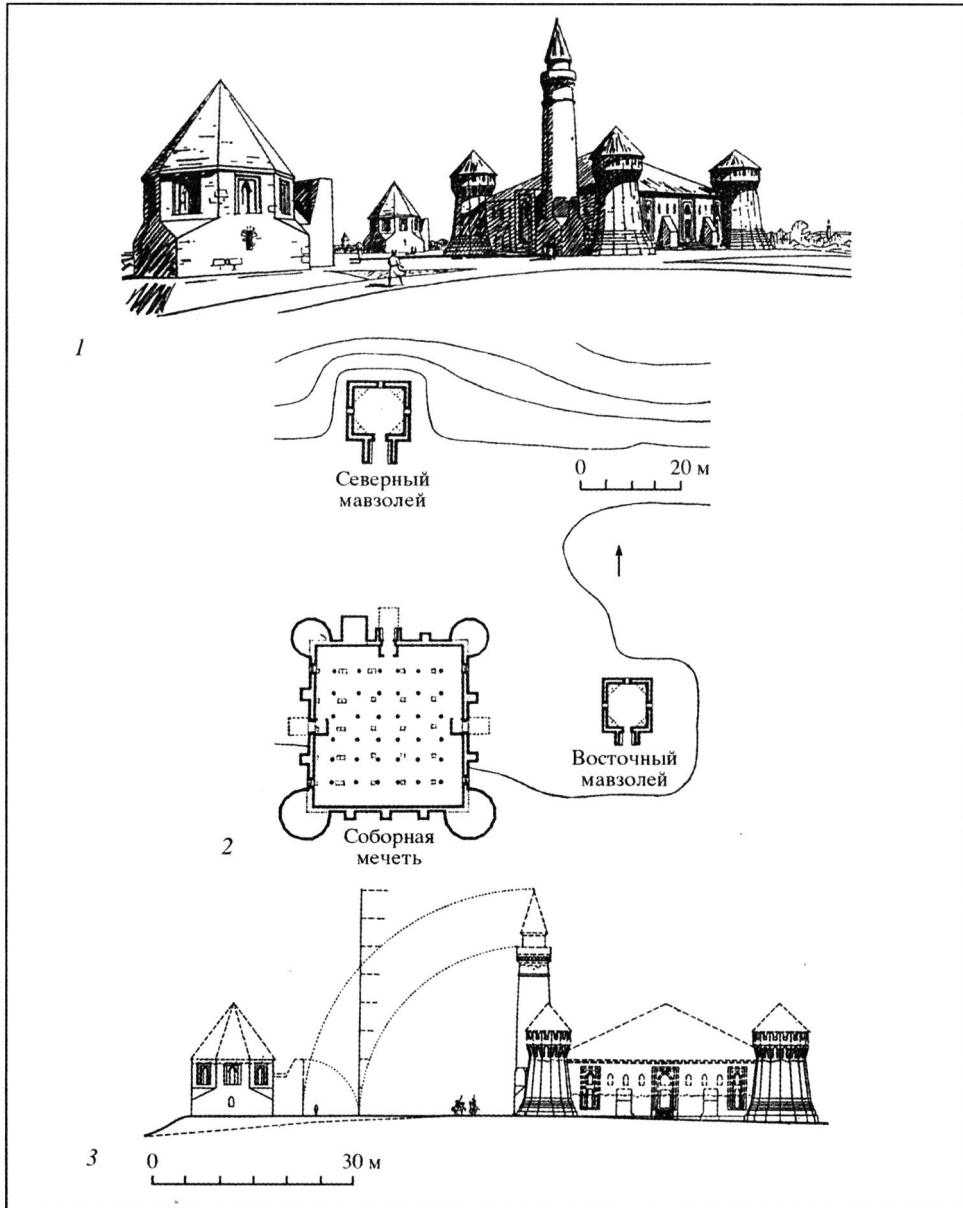
Разрастание городской территории в XП-XШ вв. подготавливает создание нового центра, оформившегося уже в конце XIII — первой половине XIV в. вокруг монументального здания Соборной мечети с Большим минаретом, ставшим архитектурной доминантой города. К 30-м годам XIV в. это уже прекрасно оформленный в инженерном отношении участок города, выполняющий самые различные функции городской жизни. Здесь концентрируется религиозная, общественная жизнь горожан. Рядом, в построенных к началу XIV в. торговых рядах, активно развивается деловая и ремесленно-торговая деятельность. Следует отметить выделение при этом локальных центров, складывающихся рядом со зданиями городских общественных бань, отличающихся высоким уровнем инженерной подготовленности и внешнего оформления. Будучи местами сосредоточения городской жизни, они, наряду с культовыми сооружениями, становятся своеобразными узлами города, формирующими его облик и влияющими на застройку. Кроме зданий монументального характера, на складывание городского пространства повлияли расположенные на его территории водоемы, которые служили как источниками воды, так и фактором градообразования, группируя рядом с собой, как и в некоторых городах Средней Азии, городскую застройку. Облик Болгара создавали и разнообразные типы оград, выполнявшие задачи внутригородского межевания. Они выделяли имущественные, территориальные, хозяйственные, административные или культовые комплексы, во многом определяя их социальную значимость, личную или общественную необходимость.

С переносом центра города в район Соборной мечети, переориентацией связей в сторону центральной площади, а также усложнением застройки, распространившейся на районы подгорья, заречья, в юго-восточную часть городища, усложняется и планировка города. Можно предположить, что, сохраняя радиальный принцип в центре, планировка периферии (в подгорье, заречье и в юго-восточной части) приобретала черты линейно-поперечной структуры, будучи в нижней части города сориентированной вдоль подножия коренной террасы, а в юго-восточной — по сторонам света, как изученные там жилища [10]. Таким образом, юго-восточный поселок с доминирующей застройкой золотоордынского типа, отделенный от центра города Большим Иерусалимским оврагом, был спланирован и развивался независимо. Для западной части Болгара, застроенной в позднезолотоордынское время отдельными комплексами построек, скорее всего была характерна свободная планировка. Плотность застройки в этом районе была гораздо меньшей, чем в центре или в восточной части Болгара. Весьма возможно тяготение строений к сезонным водоемам и дороге, ведущей в сторону Ага-Базара, которая, проходя через западную часть города, сама должна была приобретать облик улицы.

В связи с тем, что разнообразные способы городской застройки предполагали различные типы внутренних коммуникаций, направление улиц Болгара представляется достаточно вариативным. Плотная застройка центра делала необходимым наличие множества небольших переулков, обеспечивающих выход на более широкие магистральные улицы. Менее застроенная периферия могла предполагать наличие как небольших улиц, так и относительно свободных площадей — пустырей, отмечающих пространство между отдельными жилыми, ремесленными или культовыми комплексами. Однако и здесь должны были сохраняться устойчивые направления дорог, ведущих к проездам в оборонительной системе города.

Таким образом, наряду с элементами сельского домостроительства, характерными для средневековых городов Восточной Европы, в облике Болгара появляются черты, составляющие исключительно городское своеобразие. В период его расцвета в начале — середине XIV в. объекты благоустройства в значительной степени формируют облик города. Комплексы общественных бань, развитая система коммуникаций, мощные площади, организующие пространство рядом с монументальными постройками, водоемы и фонтаны создают картину, свидетельствующую об элементах урбанизации в городской культуре Восточной Европы.

Инженерное дело и строительство. Для уличного строительства были разработаны и применялись устойчивые технологические схемы мощения, предполагающие засыпку неровностей и ям песчано-суглинистой субструкцией, использование подушек из глины и извести, употребление для вымостки площадей нерегулярного и квадратного известняка, песчаника, мелкодробленого туфа, а также кирпича. Для мощения улиц зафиксировано использование деревянных плах длиной 2,2 м, уложенных на лаги, что не исключало применения с этой целью кирпичного боя и каменного щебня. В ряде случаев можно предполагать оформление краев уличного настила каменными бордюрами.

Реконструкция городского центра Болгара (вторая половина XIII – первая треть XV в.) по С.С. Айдарову:

1 – общий вид с северо-запада; 2 – план; 3 – вид с запада (пунктиром показаны несохранившиеся части)

В городском хозяйстве Болгара использовались гидротехнические сооружения, которые в силу своего функционального назначения отличались большим разнообразием, — колодцы, водоемы-накопители, сети трубопроводов, фонтаны и водоразборные сооружения, плотины, противозерозийные объекты (дренажно-ряжевая система, линии берегозащиты).

Для строительства колодцев применялись в основном дубовые доски и тесаные плахи, реже — бревна. Использовались различные способы углового соединения — в обло, в лапу, в стык. В зависимости от глубины колодезной шахты, конструкции срубов отличались различной степенью сложности (односекционные, трехсекционные). Колодцы снабжались отстойниками, изготовленными в виде деревянных дощатых камер или простых углублений в грунте, расположенными между дном колодца и его срубом. В качестве водоподъемных устройств могли применяться разнообразные сооружения типа шеста или «журавля», при значительной глубине колодца могли использоваться конструкции ворота или подъемного колеса. Наиболее сложные из них, видимо, были построены для колодцев, обслуживающих бани, так как именно в этом случае необходимы большое количество воды и максимальная скорость ее извлечения.

На склоне волжской террасы, где располагалась центральная часть города в XIII-XV вв., мастерами Болгара была создана уникальная дренажно-ряжевая система, предохранявшая края склона от оползней и размывания грунтовыми водами.

Строительство этих объектов свидетельствует о высоком уровне инженерной мысли, позволяющем верно определить конструкцию и выбрать материал в зависимости от назначения и особенностей сооружения, а также качественно выполнить необходимые операции, что предполагает наличие квалифицированных инженеров, мастеров и исполнителей. По всей видимости, проведение этих работ требовало высокой степени развития деревообработки, с применением известных в то время технологических, инженерно-технических навыков и приемов, а также с привлечением труда местных специалистов, опыта ближних и дальних соседей.

Устройство керамических трубопроводов в Болгаре стало возможным в условиях развитого гончарного ремесла, позволяющего выполнять крупные партии изделий заданной формы и размеров. В свою очередь выполнение подобных заказов требовало определенной организации производства, разработки соответствующих схем формовки и обжига, при необходимости — проведения модернизации печей, что могло быть сделано только при наличии крупных ремесленных мастерских. Работы по сборке и укладке трубопроводных линий требовали учета глубины промерзания грунта, правильного уклона труб для подачи воды самотеком, а также регуляции скорости водостока. Необходимость сведения к минимуму потерь воды при транспортировке предполагала разработку рецептов водостойких растворов для крепления отдельных секций трубопровода. Широко практиковалось использование известково-алебастровой обмазки. В некоторых случаях (зафиксированных для магистральных линий) секции стыковались без применения специального раствора, перекрываясь лишь слоем глины, что предполагало строительство дополнительных сооружений из древесины.

Общественные бани и связанные с ними комплексы сооружений инженерно-технического и пространственно-планировочного назначения стали объектами, наиболее наглядно демонстрирующими влияние благоустройства на городское строительство. Их возведение позволило реализовать целый ряд инженерных и планировочных идей и решений, которые сделали эти объекты отвечающими требованиям как рядового населения города, так и городской верхушки.

Бытовая культура. Оценивая влияние благоустройства на культуру быта жителей Болгара, следует отметить ее дифференцированный характер, зависимость от социального и имущественного положения ее носителей, их взглядов на это явление с точки зрения своего этнического, конфессионального и профессионального положения. Мера благоустройства города, очевидно, накладывала отпечаток на облик бытовой культуры, создавая ту городскую среду, в которой проходила жизнь различных групп населения. Однако степень воздействия ее на отдельные социальные страты жителей, уровень интеграции людей с городской средой можно проследить пока только в общих чертах. Учитывая концентрацию объектов благоустройства в социально-значимых районах города, можно, по-видимому, говорить о том, что городская верхушка, властный аппарат и их окружение являлись той частью населения города, которая была наиболее восприимчива к новациям в области благоустройства и в период расцвета города достаточно быстро откликнулась на проблемы, стоящие перед городским хозяйством.

Культура производства. Развитие ремесленного производства в городском пространстве требовало организованного размещения производственных комплексов, чтобы не нарушать безопасность и комфортность жизни горожан. В первую очередь это касалось ремесел, которые были связаны с использованием огня (металлургия, кузнечное дело, производство керамики). Наиболее крупные из них устойчиво тяготели к городской окраине. Вокруг этих объектов в ряде случаев практиковалась санитарная зона. Складирование шлаков, брака и отходов деятельности мастерских производилось в специальные ямы, кроме того, эти материалы могли использоваться для мощения улиц и нивелировки поверхности (засыпки ям, оврагов и т.п.). Интересам организации ремесла и минимизации его влияния на городскую среду отвечало и сведение лавок-мастерских, где параллельно с производством происходила торговля, в крупные крытые рынки — тимы, подобные исследуемым в центральной части Болгарского городища[11].

Метрология. Благоустройство города во многом повлияло на развитие и совершенствование метрической системы, применяемой в Болгаре. Это коснулось и стандартов длины, на которые ориентировались городские ремесленники и зодчие при планировке и строительстве разнообразных типов трубопроводных линий, предназначенных как для внутренних сетей общественных бань, так и для внешних магистральных и промежуточных линий. Производству подобных изделий был свойствен массовый характер, предполагавший изготовление вещей, близких по размерам и параметрам. Попытка метрического изучения этих предметов позволяет говорить об

использовании при их изготовлении определенных стандартов длины, которые основывались на различных разновидностях локтя — 25–27 и 36–38 см[12]. Некоторые из них использовались ремесленниками Волжской Болгарии еще с домонгольского времени. Кроме того, было возможно применение канонического локтя, который, согласно расчетам В. Хинца, составлял 49, 875 см[13]. Построение пропорций изделий проводилось исходя из деления метрических величин на 2, 4, 8. Для некоторых метрических групп искомые параметры выводились путем деления величины локтя на 3, что могло быть связано с влиянием метрики мусульманского Востока, где известны случаи построения мер длины подобным образом.

Следует отметить сопоставимость болгарских вариантов локтя с общемусульманскими. Локоть 25–27 см в своем меньшем значении (25 см) близок половине канонического, а в большем значении (27 см) — половине «черного» локтя, равного 54,04 см[14]. Величине «черного» локтя близко большее значение болгарского локтя, который равен 52–54 см. Кроме того, меньшая величина последнего (52 см) сопоставима с употребляемой на Кавказе армянской линейной мерой — локтем в 51–52 см[15].

Управление городским хозяйством. Судя по масштабам проводимых по благоустройству работ, которые затрагивали всю городскую территорию, касались общегородских объектов и имели общегородское значение, следует предположить наличие в Болгаре службы, занимающейся вопросами городского хозяйства, подобно службе мухтасиба в городах Средней Азии[16] или «базардэ – турханы» в нижневолжских городах Золотой Орды[17]. Отсутствие письменных источников, к сожалению, не позволяет четко определить круг обязанностей этой службы, однако анализируя то, что известно о работе подобных служб в городах Средней Азии, мы можем представить ее деятельность и по материалам Болгара.

В компетенцию мухтасиба входило наблюдение за чистотой на улицах. По свидетельству аль-Газани (XII в.), «мухтасиб должен был следить за чистотой на улице, чтобы не выбрасывали арбузных и дынных корок и другого мусора, чтобы после поливки она не стала скользкой и опасной для прохожих, чтобы сточные трубы не пачкали прохожих, мясники не резали скот перед лавкой и не пачкали улицу кровью. Снег, сброшенный на улицу с крыши определенного дома, должен был быть убран хозяином»[18].

В обязанности мухтасиба входил контроль за санитарным состоянием базаров, чистотой бань, сменой воды в бассейнах[19]. Аналогичные обязанности, очевидно, исполнялись подобной службой в Болгаре. Кроме того, она могла заниматься организацией тушения пожаров и ликвидацией их последствий, нивелировкой городской территории, вывозом мусора из центра города. Можно предположить, что эта служба следила за состоянием колодцев и ведала их расчисткой.

Важным условием благоустройства города была способность городского управления концентрировать необходимые людские ресурсы. Это стало возможным в условиях сильной государственной власти, которая обеспечивала строительство и обслуживание объектов благоустройства материальными средствами и рабочей силой в лице захваченных в плен ремесленников, а в случае необходимости для решения различных хозяйственных задач могла переселять целые группы населения.

Стимулирование внешних связей. Масштабное каменное строительство, а затем и крупные работы по перепланировке и благоустройству Болгара требовали привлечения большого числа инженеров, мастеров и рабочих, владевших необходимыми знаниями и навыками. Эта проблема решалась путем использования труда местных ремесленников и специалистов из других регионов, которые имели опыт в строительстве подобных объектов и привнесли с собой не только привычные формы изделий и технологические приемы, но и удобные для них метрические нормы и стандарты. Контакты, происходившие при этом, способствовали широкому внедрению культурных и технических новаций, расширению географии связей средневекового Болгара.

Прототип болгарских водопроводных сооружений исследователи находят в Средней Азии, в Крыму, на Кавказе, не без основания сравнивая их с широко применяемыми в среднеазиатских городах кубурными линиями[20] и трубопроводными системами Армении и Грузии[21]. Исследованные в Болгаре линии трубопроводов сопоставимы с кавказскими по форме труб, размерам, строительным приемам их закладки. Особенно это касается труб, использованных при устройстве общественных бань.

Устройство внутренней водопроводной сети этих сооружений, а также проведение водопроводов от удаленных водоемов О.С. Хованская считает основными показателями участия кавказских мастеров в возведении бань Болгара[22].

Изучение магистральной линии трубопровода в западной части городища выявило черты сходства с водопроводными сооружениями Южного Казахстана. Водопроводы городища Актобе, прочно вошедшие в систему благоустройства города с X-XI вв., дают примеры инженерно рассчитанного уклона труб, достаточного для подачи воды самотеком и водоснабжения при наличии отрицательных уклонов. Трубы близки к болгарским по форме, размерам, орнаментации[23]. Ирригационные системы VII—XIII вв., исследованные в районе городища Актобе, демонстрируют способ регулировки скорости водопотока при помощи изменения направления канала поочередно с меридионального на широтное[24]. Такой же принцип использовался при укладке труб на склонах террасы в Болгаре. Использование инженерного опыта и традиций благоустройства городов Южного Казахстана могло осуществляться путем привлечения специалистов из этого региона.

С.С. Айдаров обращает внимание на градостроительную общность Болгара и древнерусских городов, которая проявлялась «в выборе территории для города, размещении посадок вокруг укрепленного “детинца”, выделении среди массовой деревянной застройки каменных культовых и дворцовых построек в качестве главных опорных элементов для создания силуэтной выразительности, устройстве вокруг города оборонительной системы»[25].

А.М. Ефимова отмечает ряд общих моментов, характерных как для болгарских гидротехнических сооружений, так и для новгородских, где изучено большое количество водоотводных дренажных систем[26]. Это единство строительного материала: древесина; общая конструктивная схема: водосборные сооружения — коллектор (или соединительный колодец) — водоотводный канал — поглощающий колодец (или река); сходное устройство водозабора: создание полого пространства (бочка, зарытая в грунт, или бассейн с дренирующим грунтом), заполняемого водой по принципу сообщающихся сосудов и имеющего выводную трубу.

Говоря о возможности знакомства болгарских мастеров с опытом новгородцев, исследователь подчеркивает оригинальность и самобытный характер гидротехнических сооружений Болгара, не имеющих аналогий среди объектов подобного назначения[27]. Некоторое сходство наблюдается в конструкции берегозащиты Британкина озера и ряжей Красного пруда в Москве, построенных в XV-XVII вв., где крепление берегов прудов и рек осуществлялось преимущественно рядами врытых вертикальных столбов[28]. Следует отметить, что объекты, выявленные в Болгаре, относятся к более раннему времени, восходя к домонгольским напластованиям городища[29]. Зная развитые традиции деревообработки Волжской Болгарии, которые выражались и в строительстве колодцев, известных по материалам Билярского городища[30], нам представляется излишним преувеличивать влияние древнерусского деревянного строительства.

Сохранение традиций домонгольской эпохи. Проведение работ по благоустройству города конца XIII — середины XIV в. может служить примером сохранения и использования опыта болгарских мастеров домонгольского времени. Наиболее ярко это прослеживается на примере строительства городских колодцев: их сходство с колодцами домонгольского Биляра весьма значительно. Оно наблюдается в технике сооружения объектов, наличии дополнительных элементов в конструкции (крепление нижней части сруба вбитыми в дно вертикальными плахами, применение опалубки для укрепления колодезных ям).

В Волжской Болгарии домонгольского времени известны объекты, которые можно соотнести по своему назначению с банями. Это каменно-кирпичная постройка на Муромском городке[31], два здания в Биляре, одно из которых, исследованное А.Х. Халиковым, Р.Ф. Шарифуллиным и архитектором С.С. Айдаровым, охарактеризовано как жилое здание караван-сарая[32], возможно, кирпичное здание на городище Сувар[33]. Для объектов, исследованных на Муромском городке и в Биляре, отмечается конструктивная и планировочная близость. Наличие топки, вынесенной за пределы сооружения, подпольная система отопления, конструкция дымоходов, неотпливаемые пристройки с полом, вымощенным кирпичом и затертым алебастрово-известковым раствором, близкие размеры, сходство в топографическом расположении построек за пределами внутреннего города — свидетельствуют, по мнению Г.И. Матвеевой, об их хронологической близости, принадлежности строителей к одной архитектурной школе и одинаковом функциональном значении сооружений[34]. Все они относятся к домонгольскому времени и отличаются от строений подобного рода в Болгаре, хотя можно найти и определенные черты сходства. Кроме наиболее общих элементов конструкции, характерных для большинства сооружений подобного рода (значительная толщина стен, заглубленность в землю, малые размеры дверных проемов), они проявляются в устройстве подпольного отопления, выполненного в виде сети горизонтальных жаропроводящих каналов с вертикальными тягловыми дымоходами, которая предполагает принудительную циркуляцию горячего воздуха[35]. Это отличает бани Болгара от бань нижеволжских городов Золотой Орды, Мохши, Отрара, бани XI в., исследованной в Киеве, где дымоходы были устроены в виде рядов квадратных или подпрямоугольных в плане столбиков, обеспечивающих

свободное движение дыма и жара в системе отопления бани. Более близко по конструкции устройство подпольной системы распределения тепла в некоторых банях средневекового Херсонеса[36] и большинства бань Средней Азии[37]. Подобное сходство в строительных приемах между банями Биляра, Муромского городка и Болгара, восходящее прежде всего к строительным традициям среднеазиатского региона[38], может свидетельствовать о преемственности болгарского зодчества домонгольского и золотоордынского времени.

На фоне городского хозяйства восточноевропейского и среднеазиатского регионов благоустройство Болгара представляется нам явлением ярким и закономерным, ставшим таковым во многом благодаря широкой сети связей Волжской Болгарии с городскими центрами Средней Азии и Южного Казахстана, древнерусских земель, Кавказа и Крыма. В значительной мере творчески переработанные и привитые к местным условиям сведения, практические навыки, градостроительные тенденции позволили создать на территории западного Закамья яркий образец городской культуры восточного типа, адаптированной к условиям лесостепи и несущей черты своеобразия средней полосы восточноевропейского региона.

- 1 Очерки по географии Татарии. Казань, 1957. С. 132-134; Очерки по родиноведению: Казанская губерния. Казань, 1912. С. 6,7,11; Физико-географическое районирование Среднего Поволжья. Казань, 1964. С. 142-144.
- 2 Кавеев М.М., Полуобояринова М.Д., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Отражение монгольского нашествия в напластованиях Болгара // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988. С. 69-70.
- 3 Анарбаев А. Благоустройство средневекового города Средней Азии (V - начало XIII в.). Ташкент, 1981. Сорокин А.Н. Благоустройство древнего Новгорода. М., 1995.
- 4 Подробную историографию вопроса см.: Баранов В.С. Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение // Город Болгар: монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001. С. 311-353.
- 5 Арутюнян Л.А. К истории водоснабжения населенных пунктов средневековой Армении // Вопросы истории науки. Ереван, 1967. С. 335-336.
- 6 Ветры Великих Булгар: легенды, предания, байты и исторические материалы. Казань, 1993. С. 12-13.
- 7 Куза А.В. Древнерусские города // Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985. С. 61, 62.
- 8 Краснов Ю.А. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар: очерки истории и культуры. М., 1987. С. 101, 102.
- 9 Савченкова Л.Л. Отчет о полевых работах на раскопе LXVIII в 1983 году на городище Болгар // Док. фонд БГИАЗ. Инв. № 80-1. С. 6; Хлебникова Т.А. Отчет об исследованиях Болгарского городища раскопом LXVIII в 1980 году // Док. фонд БГИАЗ. Инв. № 65-1. С. 10; Хлебникова Т.А. Исследования Болгарского городища в 1981 г. (раскоп LXVII) // Док. фонд БГИАЗ. Инв. № 69-1. С. 13, 15; Хлебникова Т.А. Отчет о работах на раскопе LXVII // Исследования Болгарского городища в 1982 г., Док фонд БГИАЗ. Инв. № 63-1. С. 14, 15; Хлебникова Т.А. Отчет о работах на LXVIII раскопе в Болгарах в 1979 г. // Док. фонд БГИАЗ. Инв. № 60-2. С, 11; Савченкова Л.Л. Отчет о полевых работах на раскопе ХСП в 1984 году на городище Болгар // Отчет о раскопках Болгарского городища в 1984 году. Док. фонд БГИАЗ 1988 г. Инв. № 85-1. С. 5, 6; Кавеев М.М., Хлебникова Т.А. Отчет об исследовании центральной части Болгарского городища на раскопе ХСШ в 1984 г. // Док. фонд БГИАЗ. Инв. № 87-1. С. 17; Хлебникова Т.А. Отчет об исследованиях Болгарского городища

- раскопом ХСІХ сезона 1986 года // Док. фонд БГИАЗ. Инв. № 90-1. С. 7—11, 17; Кавеев М.М. Отчет об исследовании Болгарского городища на раскопе СХХVII // Док. фонд БГИАЗ. Инв. № 757-6. С. 3, 4.
- 10 Аксенова Н.Д. К итогам археологических работ 1970-1972 гг. в юго-восточной части городища Великие Болгары // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 214.
- 11 Кокорина Н.А., Полубояринова М.Д., Полякова Г.Ф. Исследования торгово-ремесленного квартала в центральной части Болгара (1989-1993) // Болгар и его округа: тез. докл. науч. конф., посвящ. 25-летию БГИАЗ. Болгар, 1994. С. 22, 23.
- 12 Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура (домонгольский период. X - начало XIII в.). Казань, 1990. С. 127.
- 13 Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Давидович Е.А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970. С. 71.
- 14 Там же. С. 71.
- 15 Арутюнян Л.А. К истории водоснабжения населенных пунктов средневековой Армении // Вопросы истории науки. Ереван, 1967. С. 335-339.
- 16 Анарбаев А. Благоустройство средневекового города... С. 74.
- 17 Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 93-100.
- 18 Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 303.
- 19 Там же. С. 304, 309.
- 20 Анарбаев А. Благоустройство средневекового города... С. 35.
- 21 Арутюнян Л.А. К истории водоснабжения... С. 337; Цицишвили И.Н. Водопровод в Назарбазеве // Сообщения АН ГССР. Тбилиси, 1950. Т. XI, № 8. С. 523-530.
- 22 Хованская О.С. Бани города Болгара // МИА. 1954. № 42. С. 422.
- 23 Шалекенов У.Х., Оразбаев А.М. Некоторые данные о водопроводной системе средневекового города Актобе // История материальной культуры Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 24-38.
- 24 Грошев В.А. Ирригация Актобе (Чуйская долина) // Средневековые города Южного Казахстана. Алма-Ата, 1986. С. 129-137.
- 25 Айдаров С.С. Архитектурные комплексы средневекового Болгара // Архитектурное наследство. Вып. 24: Проблемы архитектурного ансамбля. М., 1976. С. 135.
- 26 Медведев А.Ф. Водоотводные сооружения и их значение в благоустройстве Новгорода Великого // МИА. 1956. № 55. С. 211-221.
- 27 Ефимова А.М. Гидротехнические сооружения древнего Болгара // МИА. 1954. № 42. С. 391.
- 28 Смирнов А.П. Древние гидротехнические сооружения Москвы // По трассе первой очереди Московского метрополитена. Л., 1936. С. 149-152; Рабинович М.Г. Деревянные сооружения городского хозяйства в Древней Руси // Средневековая Русь. М., 1976. С. 35. Рис. 2.
- 29 Баранов В.С. Отчет о работах на раскопе СХХIV в 1995 году // Док. фонд БГИАЗ. Инв. № 767-2.
- 30 Шарифуллин Р.Ф. Колодцы центра Билярского городища // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979. С. 102-113.
- 31 Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986. С. 174-179.
- 32 Халиков А.Х. Отчет о полевых исследованиях на Билярском городище в 1970 году. XVI раскоп // Док. фонд БГИАЗ. Инв. № 13-1; Шарифуллин Р.Ф. XVI раскоп // Отчет о работах на Билярском городище в 1971 году. Док. фонд БГИАЗ. Инв. № 30; Айдаров С.С. Архитектурное исследование руин здания караван-сарая в Биляре // Исследования Великого города. М., 1976. С. 101-112; Халиков А.Х. Караван-сарай древнего Биляра // Исследования Великого города. М., 1976. С. 75-1.
- 33 Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X — начало XIII века). Казань, 1997. С. 66.

- 34 Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. С. 177-179.
- 35 Шарифуллин Р.Ф. Бани Болгара и их изучение // Город Болгар: монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М, 2001. С. 257. Там же см. подробную историографию вопроса.
- 36 Якобсон А.Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму: средневековые бани Херсонеса//СА. 1946. № VII. С. 261-278.
- 37 Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Т. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 308. Рис. 97.
- 38 Шарифуллин Р.Ф. Бани Болгара и их изучение. С. 257.

ИСКУССТВО ГОРОДА БОЛГАРА

Д.К. Валеева

За 150 лет исследований Волжской Болгарии и города Болгара, написано немало научных работ. Большой интерес представляет искусство Болгара, которое во многом явилось началом богатого и разнообразного декоративно-прикладного искусства казанских татар.

Пути развития искусства, как и пути развития общества, сложны, противоречивы и зависят от множества разных причин. В них огромную роль играют законы взаимовлияний, взаимодействий, развитию, ускорению и обогащению которых способствует состояние социальных отношений, хозяйства и торговли данного общества.

Искусство города Болгара, так же как и искусство всей Волжской Болгарии в целом, в своем становлении и развитии прошло многовековой, долгий путь. Из исследований, касающихся археологии и истории города Болгара, известно, что в домонгольский период (X — начало XII в.) он не являлся крупным центром[1]. Следы раннего домонгольского Болгара вообще были впервые выявлены лишь в конце 60-х — начале 80-х годов XX в[2].

Вместе с посадом общая площадь города равнялась 120 тыс. кв. м (12 га). Находок в этом раннедомонгольском слое было мало. По данным Т.А. Хлебниковой, обнаружены лишь редкие фрагменты керамики, несколько стеклянных бусин — желтых, глазурованных, рельефных; одна рифленая эллипсоидная бусина из голубого стекла и одна шестигранная сердоликовая бусина[3]. По исследованиям М.Д. Полубояриновой, Л.Л. Савченковой, Г.Ф. Поляковой[4], к раннему периоду относится ряд стеклянных и металлических изделий, среди которых множество бус из стекла — лимонovidных, многочастных, с выпуклыми глазками, ребристых, эллипсоидных. Известны литейные формы для отливки блях и наконечников ремней, грушевидные с рельефным орнаментом подвески с изображением личин человека на фоне плетеньки, звериных морд[5].

Такое немногочисленное количество вещей, которые можно отнести к произведениям искусства, затрудняет основательный анализ искусства раннего Болгара. Почти то же самое можно сказать и о втором периоде домонгольского Болгара (середина XI — начало XIII в.), хотя вещей этого времени гораздо больше. Среди них есть стеклянные и каменные бусы, различные украшения из бронзы, серебра, фигурные замки, зеркала и другие изделия.

Более ярко и оригинально искусство в домонгольской Волжской Болгарии представлено в Биляре, столице государства в эти столетия. Это искусство в определенной степени рассмотрено казанскими исследователями — Ф.Х. Валеевым в книге «Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья». Йошкар-Ола, 1975 (раздел «Искусство домонгольской Волжской Болгарии»), Д.К. Валеевой в монографии «Искусство волжских булгар, X — начало XIII в.» — Казань, 1983; московским искусствоведом С.М. Червонной в монографии «Искусство Татарии с древнейших времен до 1917 года». М., 1987 (раздел «Искусство домонгольских булгар»).

Искусство города Болгара в полной мере раскрылось, получило широкое развитие и достигло расцвета в золотоордынский период, когда город, восстав из руин и пожарищ в середине XIII в., стал одним из цветущих центров Золотой Орды, почти наравне со столицами Улуса Джучи — Сараем-Бату и Сараем-Берке. В эти десятилетия — с 40-х годов XIII — и до середины XV в. — город Болгар начинает играть большую роль в истории не только Волжской Болгарии, но и в самой Золотой Орде и Восточной Европе. Его территория увеличивается почти в десять раз; возникают и строятся великолепные монументальные сооружения: Соборная мечеть, Большой и Малый минареты, Белая, Красная, Черная палаты, Ханская усыпальница, фонтаны (рис. 1; см. также рис. 2-5 в статье Р.Т. Фахрутдинова в настоящем издании). Растет население. Развиваются различные ремесла, в быт людей проникают предметы искусства, привозимые из восточных и южных стран (Египта, Ирана, Китая), Средней Азии, Кавказа, Крыма. В керамических и ювелирных мастерских работают не просто ремесленники, а художники, мастера, которые превращают предметы быта и повседневного пользования в произведения подлинного искусства, что позволяет в полный голос говорить о полноценном и ярком искусстве золотоордынской поры, расцветшем в городе Болгаре.

Золотоордынское болгарское искусство — часть исламской культуры, одна из заметных и ярких ее страниц; искусство, целиком пронизанное духом мусульманского Востока, от которого веет таинственностью и недосказанностью, в то же время оно наполнено чистыми, светлыми красками живого мира, что проявляется в колорите, форме, фактуре различных предметов прикладного искусства и монументальной архитектуры. Особой духовностью овеяны эпиграфические памятники, где эпитафии, выполненные изысканными арабскими шрифтами, а также узоры, окаймляющие их, можно рассматривать как своеобразные художественные композиции.

Считается, что в 1236 г. болгары на несколько столетий оказались в зависимости от татаро-монголов. Словосочетания «оказаться в зависимости», «быть завоеванными» обычно связаны с понятиями террора, угнетения, отсутствия свободы и, естественно, вытекающим отсюда упадком культуры, духовности, наступлением глухих, темных времен для завоеванного народа[6]. Другую картину мы видим в Волжской Болгарии после прихода туда татаро-монголов.

Во-первых, после окончательного подчинения Волжской Болгарии пришельцам в 1240 г. (с 1236 г. болгары еще продолжали сопротивление) в источниках нет никаких сведений о военных столкновениях между болгарскими и татаро-монголами[7]. Видимо, страна нашла свою нишу в системе военно-политических, экономических отношений Золотой Орды, по мнению ряда исследователей, став «житницей и ремесленным цехом» этого государства.

Во-вторых, если еще в самые первые годы покорения Болгарии татаро-монголами болгарские ханы вместе с русскими князьями ходили к татарским ханам за ярлыками, чтобы иметь право управлять своими землями, то очень скоро у болгарских ханов эта необходимость отпадает. Не потому ли, оказавшись в составе золотоордынского государства, у болгар появились общие интересы с тата-

ро-монголами во всех сферах жизни. Начинается своего рода взаимоассимиляция, происходит процесс становления, возникновения новой этнической общности — болгаро-татар. Наблюдается расцвет культуры золо-тоордынских городов. В этот период возникли южные столицы империи на нижней Волге — Сарай-Бату и Сарай-Берке, а также другие города — Уек, Маджар, Сарайчик, Азак. Особенность их заключалась в том, что они, в отличие от многих городов мира, выросли не в результате длительного развития местного края, а возникли по воле татаро-монгольских ханов и быстро превращались в цветущие оазисы пышной восточно-мусульманской культуры[8].

В то же время большое значение в экономике страны имели земли с преобладающим оседло-земледельческим населением, где задолго до прихода татаро-монголов существовали развитые городские центры — в Волжской Болгарии, Хорезме, Крыму.

Город Болгар после разрушения 1236 г. быстро оправился, отстроился и вновь стал важнейшим политическим и культурным центром на Волге. Он оказался нужным Золотой Орде именно в этом своем качестве. Золотоордынский период Болгара — время расцвета его культуры. Здесь строятся мечети, медресе и дворцы, бани, караван-сарайи и другие общественные сооружения. Причем если в домонгольское время Болгар, по свидетельству путешественников, был деревянным городом, то в XIII-XIV вв. многие его строения становятся белокаменными. Остатки строений Великого Болгара свидетельствуют о его былом величии. И сейчас Соборная мечеть, Малый минарет, Черная палата, Ханская усыпальница, каменные надгробия, остатки фонтанов и огромный археологический материал из раскопок, в котором много предметов подлинного искусства, производят неизгладимое впечатление.

Болгар тогда называли «Золотым трон» (Алтын тахт) золотоордынских ханов. Об этом пишет в своей известной книге С.М. Шпилевский, который считает, что это определение относится к Болгару XIII в., когда Батый останавливался в нем как в своей летней ставке[9]. Также и хан Берке, именем которого названа вторая столица Золотой Орды, по сообщениям Марко Поло, правил и в своей столице Новом Сарае и, возможно, в Болгаре[10]. Кстати, в «Сборнике материалов, относящихся к истории Золотой Орды». Т. II (1884) В.С. Тизенгаузена приводится запись, посвященная хану Берке, который встретил иностранных послов в одежде, с ярко выраженными болгарскими элементами: «Вышел хан Берке. На нем шелковый кафтан; на голове его колпак и золотой пояс с дорогими камнями на зеленой булгарской коже, на обеих ногах башмаки из красной шагреновой кожи»[11]. Болгар играл настолько большую роль в Золотой Орде, что в 1250-1260 гг. только здесь чеканились серебряные и медные монеты[12].

Очевидные успехи, отмеченные в экономической и политической жизни Болгара золотоордынского времени, позволяют говорить о том, что на это время пришелся и расцвет культуры и искусства Волжской Болгарии. Сохранив лучшие качества своей самобытности домонгольской поры, искусство приобрело новые черты, благодаря которым мы можем его ставить в ряд с культурой и искусством средневекового мусульманского Востока.

Рис. 1. Архитектурные памятники Болгара XIV в.:
Малый минарет и Ханская усыпальница

Чтобы отметить связь золотоордынского искусства города Болгара с домонгольским искусством края и в то же время выявить в нем новые черты, необходимо кратко охарактеризовать искусство домонгольской Болгарии, в котором город Болгар уже существовал.

В начале XIII в. накануне монгольского нашествия Волжская Болгария находилась на высоком уровне экономического и культурного развития. Складываясь в течение веков, болгарское искусство к концу домонгольского периода уже стало культурным явлением, имеющим свои художественные каноны, выражающие определенную идеологию.

Почти все предметы быта болгар (посуда, замки, топоры), принадлежности одежды и туалета (пуговицы, застежки, гребни, зеркала), украшения (браслеты, перстни, подвески, ожерелья) и т.д. своими эстетическими привлекательными композициями, формами, орнаментами позволяют говорить о них как о произведениях искусства. Эту мысль особенно подтверждают богатство орнаментальных композиций и их стиливое разнообразие. Вырабатываются определенные приемы изобразительности, техники исполнения. Так, один и тот же орнамент (растительный или геометрический) может повторяться в металле, кости, керамике. Сложение стандартных канон, выработка жестких законченных форм с насыщенным декоративным полем — черта, присущая высокоразвитым искусствам Средневековья. Характерна эта особенность и для болгарского искусства.

Ил. I. Северный мавзолей

Ил. II. Укрепления Малого городка

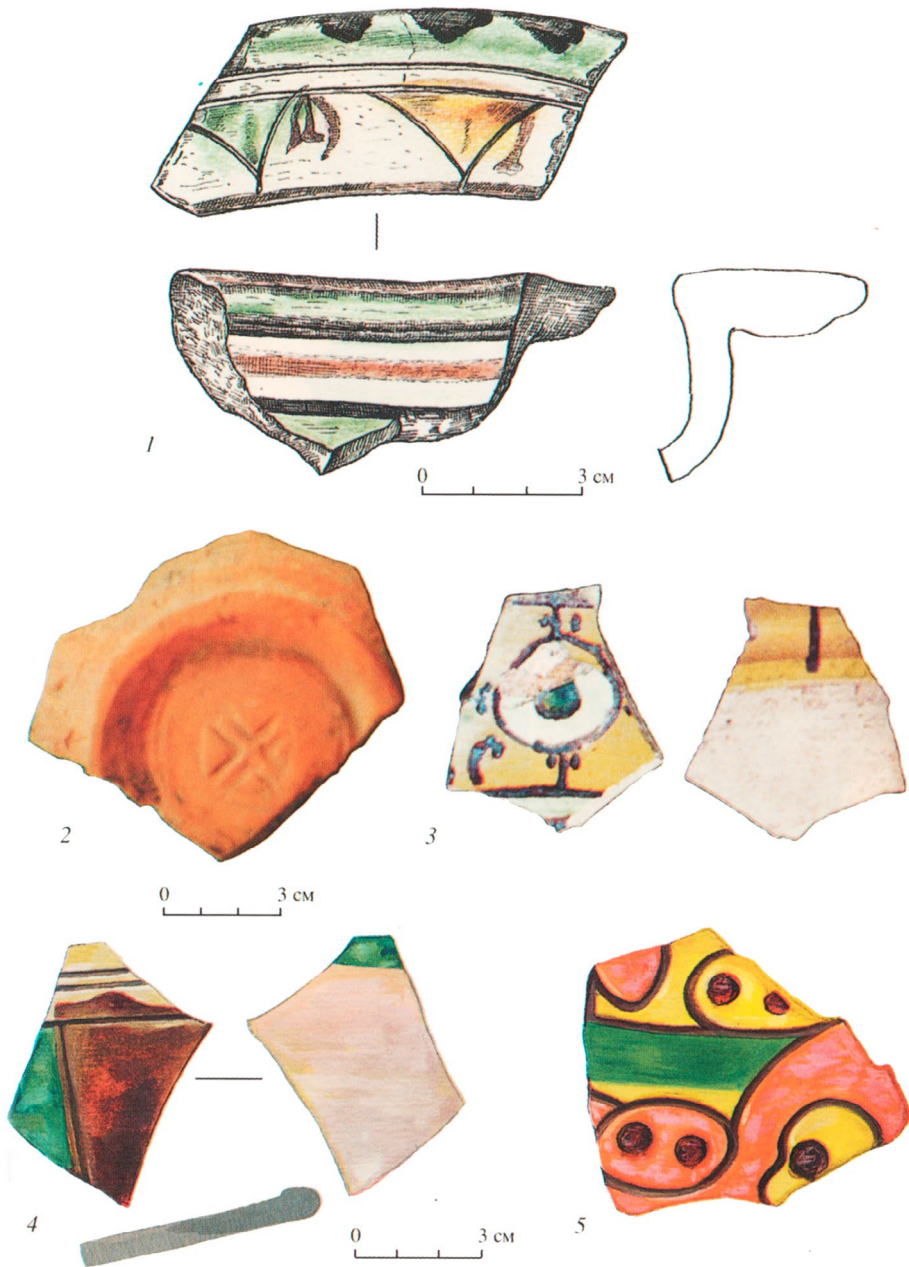

Ил. III. Поливные изразцы и посуда с Болгарского городища

Ил. IV. Стекланные сосуды и украшения из золота, найденные в Болгаре:

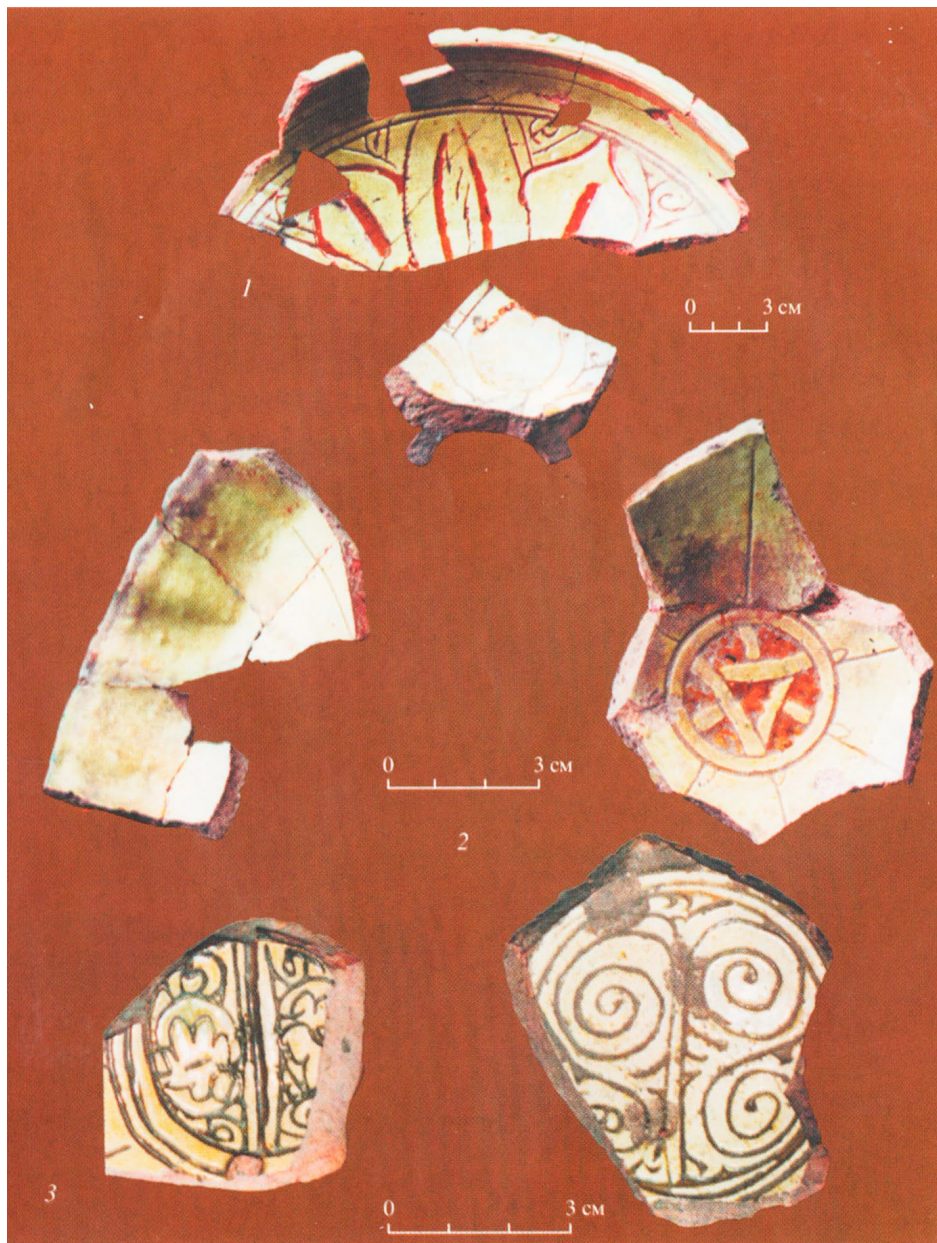
1, 2, 5-7 - стекло; 3, 4 - золото, мастика, египетский фаянс

Ил. V. Поливная красноглиняная керамика из Болгара

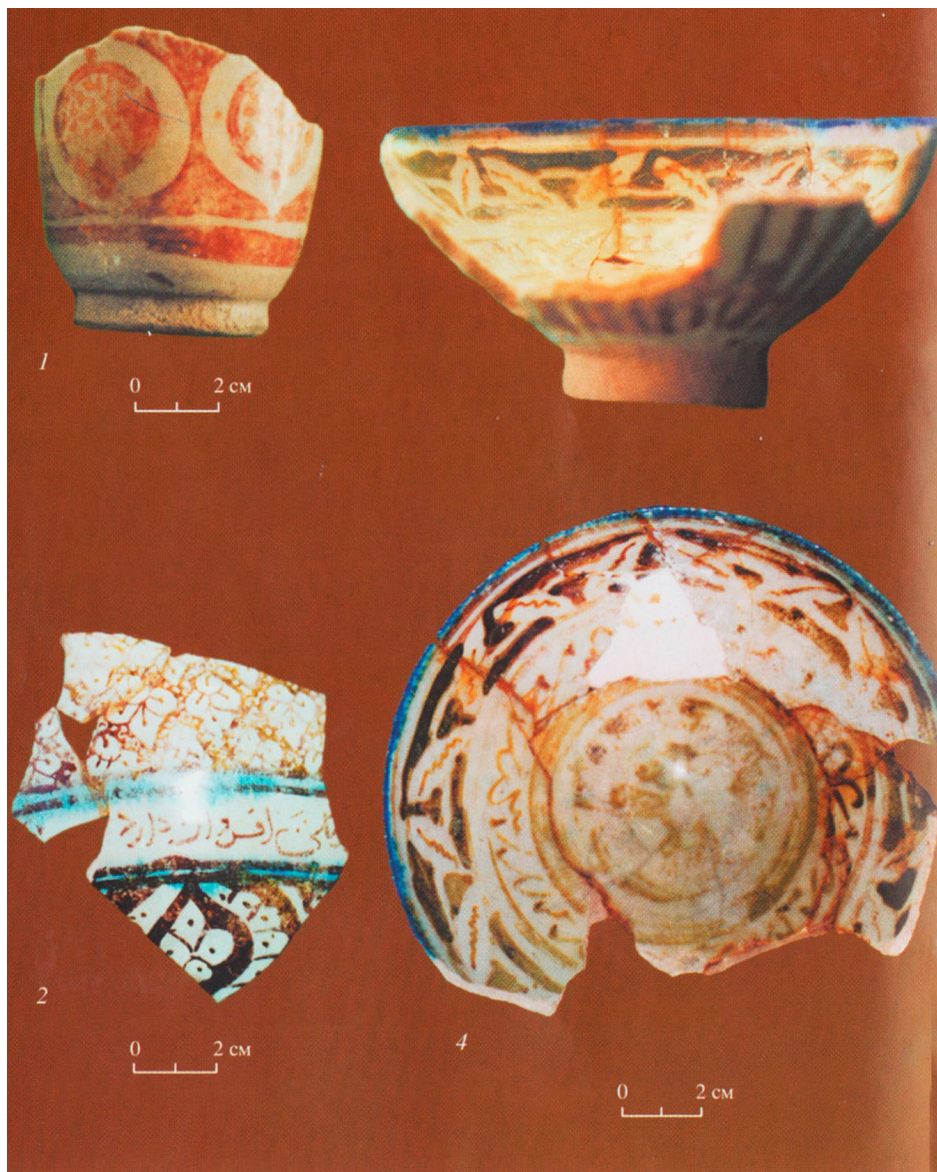
Ил. VII. Обломки двух поливных желтоглиняных чаш из Болгара

Ил. VI. Поливная красноглиняная керамика из Болгара

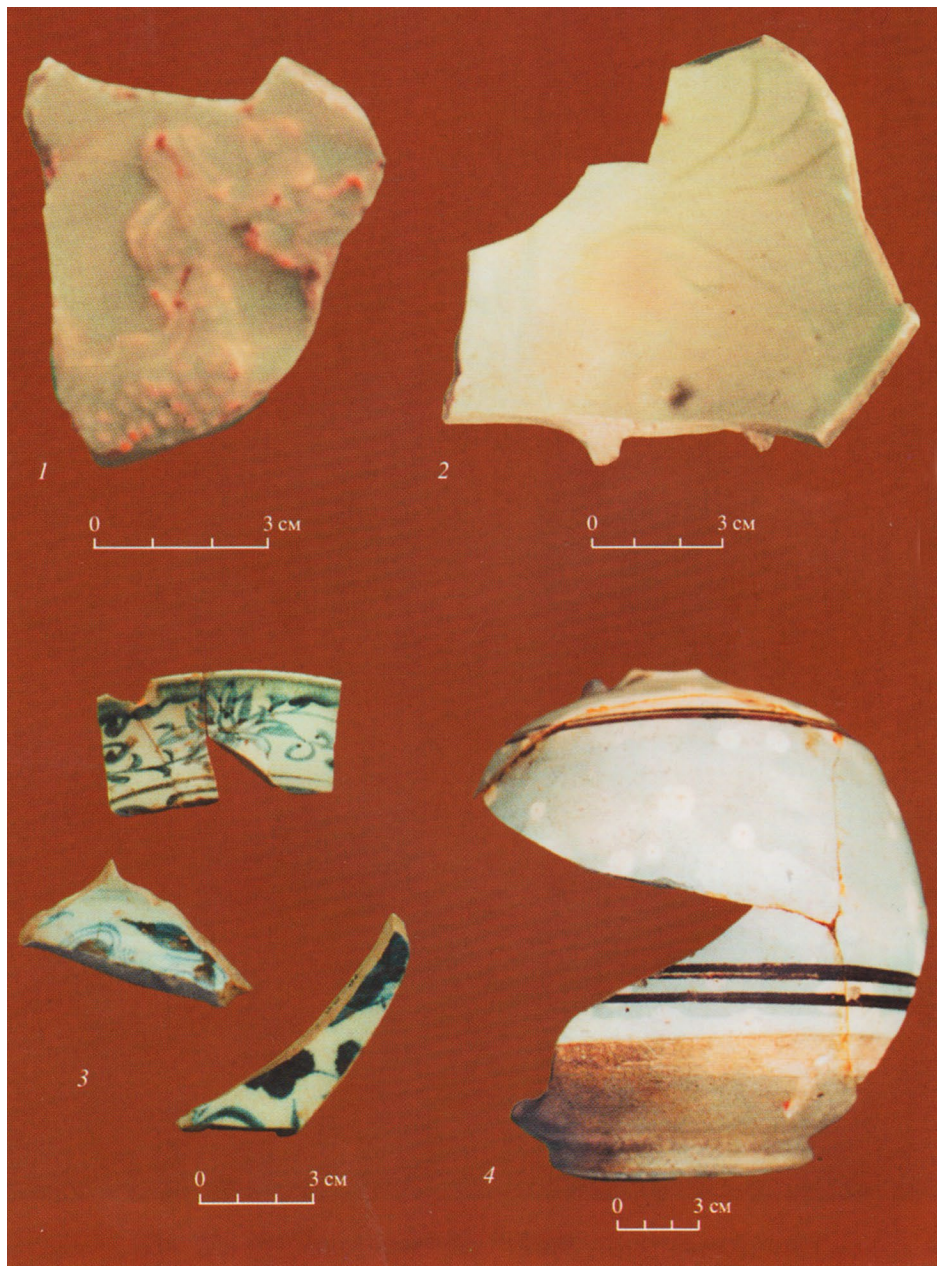
Ил. VI (окончание)

Ил. VIII. Фрагменты кашинных люстровых сосудов из Болгара

Ил. VIII (окончание)

Ил. IX. Китайская поливная посуда из Болгара:
1, 2 – селадон; 3 – фарфор с кобальтовой росписью; 4 – цычжоу

Ил. X. Изделия из металла, середина XIII в.:

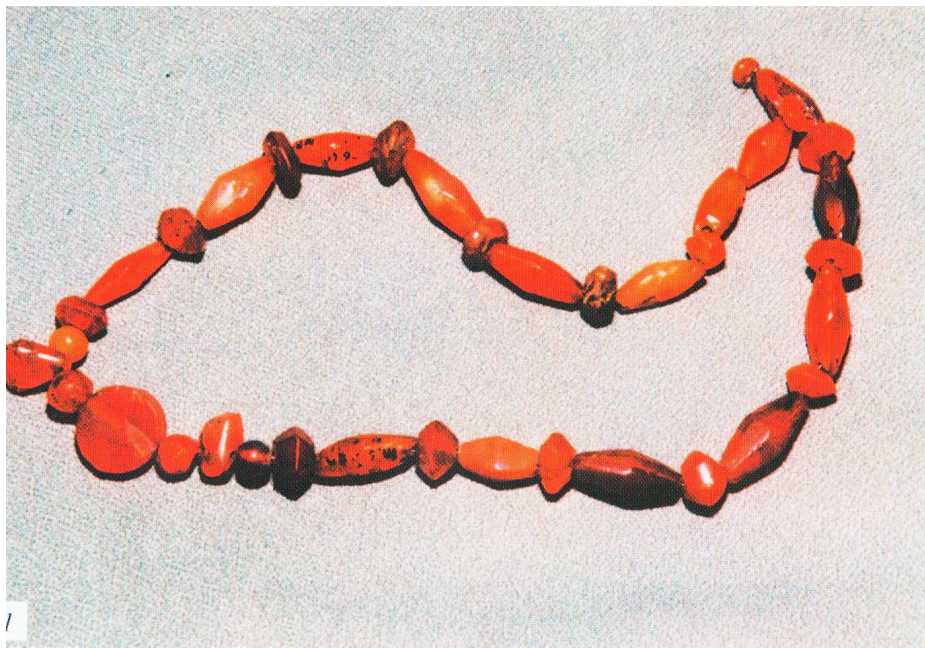
1 – золотой поясной набор. Золотая Орда; 2 – основание бронзового подсвечника. Иран, найден в Болгаре

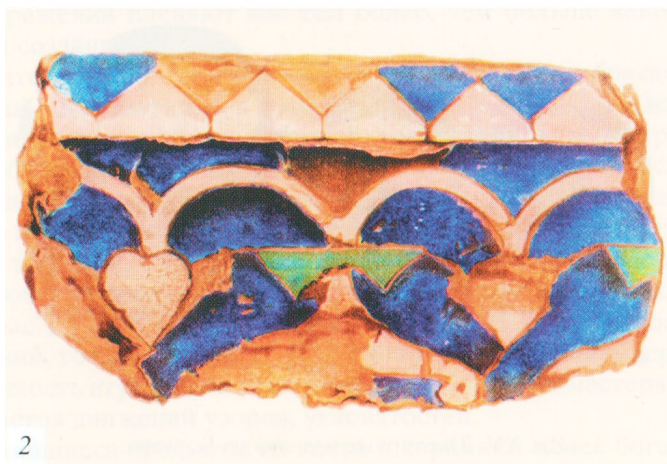
Ил. XI. Поливная керамика:
1 – чаша, Нижнее Поволжье, XIV в.; 2 – чернильница, Болгар, XIV в.

Ил. XII. Поливная керамика и архитектурный декор из Болгара, XIV в.

Ил. XIII. Сердечковые и стеклянные бусы. Болгар, X–XIV вв.

Ил. XIV. Фрагменты поливного архитектурного декора.
Нижнее Поволжье, XIV в.

Ил. XV. Ювелирные изделия из Болгара:

1 – трехбусенное височное кольцо (серебро с позолотой), XII в.; 2 – ожерелье с подвесками в виде желудей (серебро), X–XII вв.; 3 – перстень (серебро), XIV в.; 4 – коранница (серебро с инкрустацией), XIII–XIV вв.; 5 – серьги (золото, жемчуг), XIV в.; 6 – браслеты с зооморфным орнаментом (бронза), XIV в.

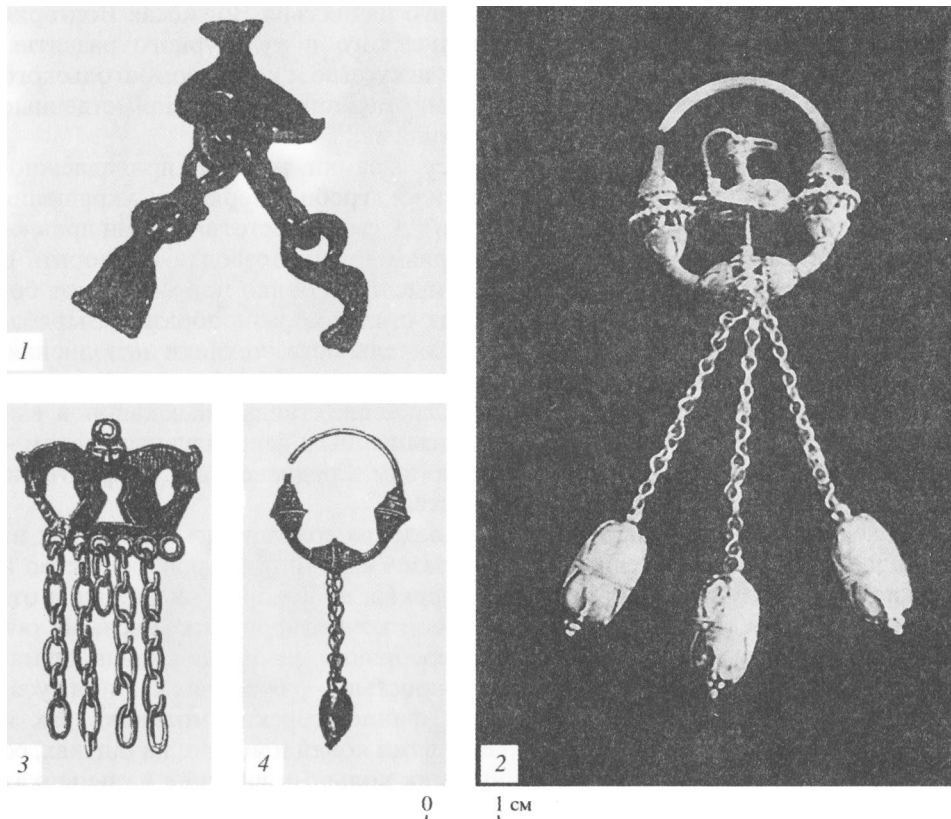

Рис. 2. Болгарские шумящие подвески и височные кольца:
1, 3 – бронза X–XI вв.; 2 – золото XII в.; 4 – серебро XI–XII вв.

Более яркие, запоминающиеся произведения сохранились в изделиях из металла. Здесь проявляется все многообразие стилей и жанров, богатство и сложность композиции, орнаментов. Материал, из которого выполнены отдельные вещи, безусловно, диктует и выбор композиции. Прекрасными образцами искусства являются золотые и серебряные височные кольца, шумящие подвески. Их композиции были как простые — с бубенчиками или гусиными лапками на цепочках (отголоски финно-угорских мотивов), так и сложные — со стилизованными изображениями коней или птиц на щитках, со многими элементами (в виде нанизанных на кольцо и висящих на цепочках желуде- или яйцообразных бусин, с прикрепленными внутри кольца фигурками водоплавающих птиц). Изумительная красота, магическая недосказанность изображений пленяют нас тем более, чем больше веков проходит со времени их создания (рис. 2).

Выразительны многочисленные ожерелья, перстни, браслеты, матрицы, накладки, замки из металла, в которых запечатлены образы животных, рыб; изображения цветов, побегов растений, трилистников; геометрические фигуры. Разнообразная и

богатая техника изготовления металлических предметов (штамповка, гравировка, скань, волочение, литье и т.д.) позволила создать множество интересных композиций, определила свободу выбора художником сюжетов и тем, воплощаемых в том или ином изделии. Кроме того, из металла, обладающего высокими пластическими свойствами, возникли более «одухотворенные», более «живые» образы. Что касается особенностей пластических решений, то здесь, как правило, наблюдается мягкость переходов линий, узоров, тонкость игры «светотени», «текучесть» форм; мастера избегают резких контрастов движений узоров, угловатостей.

Сохранившиеся предметы из кости и керамики менее богаты и разнообразны по формам и сюжетам. В основном это отдельные изображения (вне сюжета) зверей и птиц или просто орнаменты (линейные, кружковые), выполненные в технике гравировки или резьбы. Изредка встречаются объемные изображения птиц или рыб.

Красноглиняная керамика типично болгарская, с хорошим обжигом, чистым «звонком». Поливная керамика, если и встречается, то чрезвычайно редко, и она менее выразительна по своим художественным особенностям, чем неполивная. Темно-зеленый или почти черный тусклый однотонный цвет поливы мало способствует возникновению эстетического образа, хотя сами формы вещи «архитектурно» выстроены и гармоничны (рис. 3). Но зато один из «обыкновенных» красноглиняных светильников (конец XII — начало XIII в.) является подлинным произведением искусства; по красоте формы и тонкости работы он напоминает почти античное изделие. Светильник сделан в виде раскрывшегося цветка (как, наверное, он был красив, когда в центре его горел язычок пламени), по краям и на ручке светильника вырезан волнистый орнамент — мотив растительного побега, а дно с наружной стороны украшено цветком ромашки или, может быть, изображением солнца. Вероятно, светильнику придавался в какой-то мере магический смысл. Этот светильник в полной мере можно считать произведением искусства (рис. 4).

С X в. болгары исповедовали ислам, но в лучших произведениях домонгольского

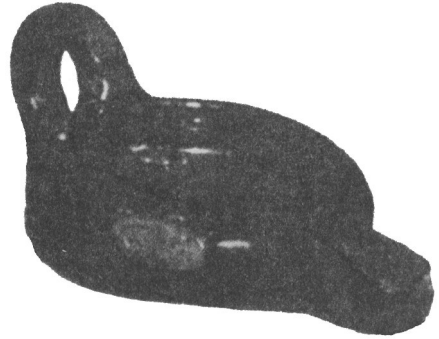

Рис. 3. Поливной глиняный светильник.
Болгар. XII–XIII вв.

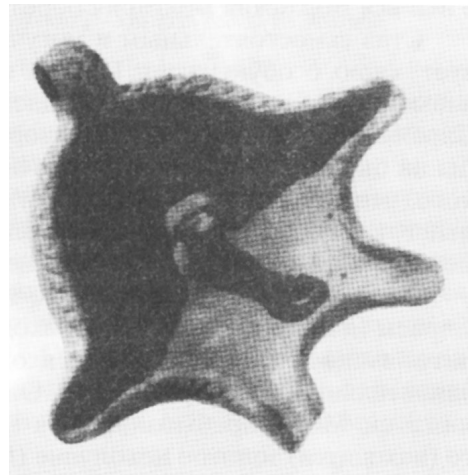

Рис. 4. Глиняный светильник в виде

искусства воплотилось их языческое отношение к миру и его явлениям. Вопрос о языческом или исламском характере болгарского искусства сложен, неоднозначен. Самым легким было бы сказать, что после официального принятия ислама в Волжской Болгарии в 922 г. вся жизнь, в том числе и культура, искусство стали мусульманскими. Но анализ произведений искусства домонгольской поры говорит о языческой душе их даже в начале XIII в. И это происходило при решительном утверждении ислама: на этот счет есть бесспорные археологические данные, которые свидетельствуют, что мусульманская религия прочно утвердилась в XI—XII вв. — тогда языческие могильники в городах и сельской местности были заменены мусульманскими кладбищами-зияратами[13]. Этот факт говорит о том, что ислам проникает во внутреннюю структуру жизни болгар. Но это лишь одна сторона факта. Другая сторона — это языческий характер искусства, и приход исламского монотеизма вначале словно и не затронул его. Может показаться, что возникает противоречие между тем, что языческие могильники заменяются мусульманскими зияратами, и тем, что искусство еще остается языческим. Разумеется, нахождение мусульманских могильников — веский знак наступления мусульманской культуры. Но не менее веским знаком является и то, что эти мусульманские могильники еще содержат реликты язычества[14]. В домонгольской Болгарии мусульманский обряд захоронения еще не сложился во всех своих компонентах, и, естественно, многие стороны духовной жизни болгар, в том числе и искусство, не могли сразу подчиниться новым правилам, идеям. Язычески окрашенные предметы болгарского искусства, видимо, отвечали определенным духовным потребностям общества еще в XII-XIII вв. Видимо, эти потребности являли собой суть существующего строя тогдашних общественных отношений. С приходом же новой религии, новой идеологии, вероятно, лишь постепенно менялись отдельные элементы культуры. Вся же совокупность общественных отношений еще оставалась прежней, о чем как раз и свидетельствует искусство. И поэтому какой-либо символический образ животного на матрице или астральный знак на обратной стороне зеркала — не менее веский аргумент, чем появление мусульманских кладбищ. Кроме того, и сам ислам как религия, как идеология в основном относился более терпимо к иным религиям и верованиям и не спешил огнем и мечом уничтожать те духовные ценности, которые бытовали у народа до его утверждения, тем более что страна болгар была окружена морем языческих народов, с которыми осуществлялись тесные торговые и иные контакты и сохранение элементов язычества в культуре было вполне естественным.

Тем не менее именно в домонгольский период болгарское декоративно-прикладное искусство выступает в своем наиболее оригинальном «чистом» виде. Орнаменты, изображения, формы его символичны и несут отголоски древнего мировоззрения, понемногу впитывая в себя и исламские мотивы которые выразились, например, в использовании каллиграфии (надписей) как орнамента на предметах быта и искусства (рис. 5).

Но в золотоордынское время наступает новый расцвет культуры волжских болгар и города Болгара — уже как неотъемлемой части исламской культуры Улуса Джучи, распространившейся на огромных просторах Евразии. И этот период в жизни Болгара является наиболее значимым, наиболее ярким, ибо благодаря этому пери-

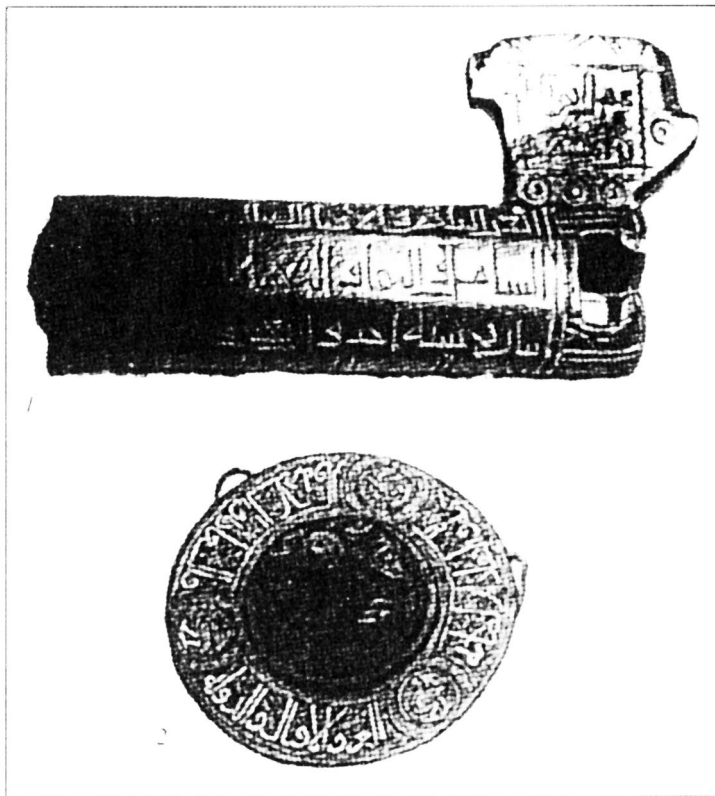

Рис. 5. Бронзовые изделия XII в.

1 – замок мастера Абу-Бекра с благопожеланиями; 2 – крышка сосуда из Болгари

оду своей культуры он становится столицей а с ней вся Волжская Болгария обретает мировую известность.

Став самостоятельным и могучим государством, Золотая Орда «организует свою, особую жизнь. Прежде всего хан Батый строит себе столицу в низовьях Волги на реке Ахтубе и дает ей имя Сарай (в историю он входит как Сарай-Бату). ...Купцы со всех сторон привозили ему [Бату] товары все что бы ни было, он брал и за каждую вещь давал цену в несколько раз большую того, что она стоила. Султанам Рума, Сирии и других стран он давал льготные грамоты и ярлыки, и всякий, кто приходил к нему на службу, без пользы не возвращался» (сообщение Джувейни) [15].

Несколько позднее хан Берке также строит столицу и тоже называет ее Сараем (в историю этот Сарай входит под названием Сарай-Берке он находится выше по Волге, сейчас он входит в Волгоградскую область). Город был удивительным и прекрасным: «...Он (лежит) на солончаковой земле без всяких стен. Место пребывания царя там большой дворец, на верхушке которого (находится) золотое новолуние (полумесяц. — Д.В.). Дворец окружают стены, башни да дома, в которых живут

эмиры его. В этом дворце их зимние помещения... Река Итиль (там); по ней плавают большие суда и ездят к русским и славянам... Он, т.е. Сарай, город великий, заключающий в себе рынки бани и заведения благочестия, место, куда направляются товары. Посередине его (находится) пруд, вода которого (проведена) из этой реки...» (из сочинения Эль-Омари «Путь взоров по государствам разным»)[16].

Таковы были два главных города Золотой Орды. Но Болгар, разрушенный в начале завоевания, во второй половине XIII в. отстраивается заново и становится центром всех болгарских земель и, находясь в районе слияния Волги и Камы, будучи важным перевалочным пунктом, соединяющим южные и северные земли, оказывается необходимым и важным не только самой Волжской Болгарии, но и Золотой Орде[17]. Ордынские ханы не могли не отдать должного Болгару, как городу, имевшему древние традиции городской культуры и как важному торговому, политическому, экономическому и культурному центру.

К сожалению, не сохранилось красочного описания современниками золотоордынского Болгара, но, к счастью, остались развалины его каменных сооружений: Соборной мечети, Черной палаты, Ханской усыпальницы, Малого минарета. Получен богатый археологический материал, по которому мы можем судить, каким прекрасным восточным городом являлся средневековый золотоордынский Болгар. А.П. Смирнов писал, что после разгрома город быстро был восстановлен[18], а культура, искусство в нем и в Волжской Болгарии в целом развиваются, как часть удивительной культуры всей Золотой Орды, блеснувшей на небосклоне истории прекрасной и яркой звездой. Своеобразие культуры и искусства Золотой Орды определилось следующими особенностями:

1. В период между 40-ми годами XIII в. — 1300 г. происходило активное взаимодействие двух пластов — традиционного кыпчакского с новым, отражающим представления и вкусы господствующей метрополии. Наиболее полно чингизидские черты вобрали формы искусства, характерные для кочевнического образа жизни (металлопластика и резная кость). В раннеджучидский период начался процесс урбанизации степной части государства, не знавшей развитой городской жизни до середины XIII в.

2. Второй этап золотоордынской культуры охватывает первую половину и 60-е годы XIV в. Это время взлета городской жизни, в значительной мере окрашенной традициями ислама.

3. К последней трети XIV в. и до падения Золотой Орды во второй трети XV в. относится третий этап, в котором усиливается тенденция к обособленному развитию степных и городских элементов в культуре Золотой Орды. В это время заметно прогрессируют городские ремесла. В гончарном производстве используются сложные технологии: появляются изделия из полуфаянса с подглазурной росписью, поливная посуда с рисунком врезной линией.

Со второй половины XIII в., но особенно с начала 90-х годов вплоть до второй трети XV в. на территории Золотой Орды действовал международный торговый путь, соединявший Европу с городами Центральной Азии и Китая.

Окраинные владения Золотой Орды доходили до Кавказа. Полукочевые племена алан и черкесов то оттеснялись с левобережья Кубани, то вырывались на равнины, к Дону. В XIV в. на эти племена большое влияние оказала Золотая Орда, они также ока-

зались под ее владычеством. Часть западного черноморского побережья, входившая в территорию, занимаемую черкесами, дополняла крымские владения татаро-монголов.

Пути сообщения, проходившие через эти области, использовались для всевозможных связей Золотой Орды не только с арабским Египтом, но и с Западной Европой. Крупнейшими торговыми городами Крыма были Солхат и Кафа (Старый Крым и Феодосия), а на Кавказе — Копа. Общение с Западом принесло в быт местных народов множество новых, изысканных вещей. Среди них были и предметы роскоши.

Характер культуры Золотой Орды зависел от особенностей политической, экономической и социальной жизни государства, образованного татаро-монголами на огромных пространствах Евразии. Таким образом, золотоордынскую культуру определяли следующие качества:

- сосуществование двух противоположных стихий — кочевой степи и города;
- отсутствие этнического единства в пределах джучидского улуса;
- влияние мусульманской феодальной идеологии[19].

Связующей нитью между кочевой степью и городом была ханская кочевая ставка — орда. Она одновременно сосредоточивала в себе и степь, и город. Это объяснимо. Ставка — орда была не только кочевой резиденцией хана, но и центром политической, общественной жизни. Здесь принимали иноземных послов, проводили празднества и торжества, религиозные служители тоже находились при ней. Ставку окружала многочисленная знать, которой всегда нужна была роскошь. Поэтому многочисленные ремесленники-мастера (ювелиры, керамисты и т.д.) тоже располагались рядом.

Кочевые ставки ханов «ломились» от огромных материальных ценностей, среди которых особое место отводилось сосудам из драгоценных металлов — золота, серебра. Было уже обычаем — при дворах великих ханов, в их кочевых ставках иметь драгоценные сосуды, украшенные великолепными орнаментами и композициями. Поэтому при изучении культуры и искусства Золотой Орды ведущее место отводится художественному металлу, так как именно в этой области декоративно-прикладного искусства вкусы степных властителей отразились с наибольшей полнотой.

Золотоордынские ремесла вообще и художественные в том числе развивались в различных формах. Существовал обычный домашний промысел, когда те или иные предметы быта или украшения изготовлялись ремесленниками для собственного пользования. Существовало городское специализированное ремесло, когда мастера одной специальности работали в общей мастерской. Такое производство уже было профессиональным объединением, в котором создаваемые произведения можно было считать изделиями городского профессионального искусства.

Еще одной формой золотоордынского ремесленного производства являлась деятельность мастеров, работавших в кочевой ставке. Эта группа специалистов была довольно многочисленной, ибо ей приходилось обслуживать не только хана, но и всю окружающую его знать, гостей и послов, посещавших его. Не сохранилось записей путешественников и современников Золотой Орды о художественном производстве изделий из драгоценных металлов. Но вещи, дошедшие до наших дней, говорят сами за себя.

Из письменных источников известно, что предметы и вещи, сделанные из золота и серебра, пользовались огромным спросом у ханов и их вельмож. Из таких же металлов изготовлялись и украшения тронов, шатров, конского снаряжения и т.д. Вся эта роскошь была органической частью культуры кочевой знати в эпоху правления Чингизхана и его потомков. Золотая Орда унаследовала благоговейное отношение к изделиям из драгоценных металлов, и прежде всего — сосудам. Такой образ жизни золотоордынской знати полностью относится и к жизни знати города Болгара, о чем свидетельствуют вещи из раскопок; ряд болгарских кладов того времени.

В среде золотоордынской знати существовала строгая дисциплина, основанная на тщательном соблюдении субординации и особого этикета взаимоотношений. При этом все элементы этих взаимоотношений были проникнуты своеобразной символикой. Символичными были и пиры, а в них особое место уделялось посуде из драгоценных металлов: чашам, кубкам, ковшам, блюдам. Именно поэтому они являлись произведениями подлинного искусства, украшались затейливыми орнаментами, сюжетными композициями.

Сосуды из драгоценных металлов уже в ранний период монгольской государственности были частью духовной, художественной культуры, а в золотоордынский период становятся средством закрепления традиций «имперской» эпохи, предметами, которые своим видом должны были напоминать времена прошлого величия. Воспоминания об этом величии, т.е. предостережение о престиже, заставляли даже средние слои воинского сословия собирать целые «сервизы» серебряной посуды. Не случайно находки сосудов XIII-XIV вв. столь многочисленны. Но не только численность драгоценных сосудов, а также формы их, декор и материал должны были напоминать об эпохе великих ханов.

Золотоордынский художественный металл тщательно изучен М.Г. Крамаровским и описан им во многих публикациях[20]. Пользуясь «Атласом» Я.И. Смирнова[21], он определяет некоторые характерные для золотоордынских изделий из драгоценных металлов черты: рельефность декора, сложные фигурные ручки в виде дракона, украшение поверхности изображениями лепестков лотоса, округлые листья побегов, медальоны со своеобразным симметричным орнаментом, точечный чекан, мелкий арабесковый узор и др.

Почти такое же большое значение, как и драгоценные сосуды, имели и другие предметы из металла: поясные наборы, ювелирные изделия, зеркала. В коллекциях музеев поволжских городов (Астрахани, Волгограда, Саратова и Казани) имеется большое количество этих вещей. И все они в основном относятся к XIII — началу XIV в. В орнаментации чаще всего используются лотосовидные цветы, трилистники, облаковидные мотивы, изображения летящих птиц или двух рыб, бегущих оленей, преследующих их хищников. Богатством изображений отличаются поясные наборы и зеркала[22] (рис. 6; вкл., ил. X).

Интересно отметить, что художественные изделия из металла изготовлялись и городскими ремесленниками, и мастерами-кочевниками, и часто предметы городские были более высокого качества, были более изысканными и своеобразными. Кроме того, большинство драгоценных предметов создавали и мастера, которых переселили из завоеванных монголами областей (Средней Азии, Кавказа) и которые

Рис. 6. Бронзовые зеркала XII–XIV вв.,
найденные в Болгаре

являлись представителями профессии с давними художественными традициями. Эти мастера, естественно, в свое производство вносили богатые навыки собственной древней культуры. Как пишет М.Г. Крамаровский, по мере изучения золотоордынского искусства выделяется и пласт улусных (степных) традиций в изготовлении изделий из драгоценных металлов. Именно торовты этого круга создавали предметы роскоши для степной элиты Золотой Орды[23].

Но золотые и серебряные сосуды, бытовавшие в среде кочевников, не обязательно были выполнены в Золотой Орде. На ее территории нередко встречаются и вещи, привезенные из других стран. Они заметно отличаются от золотоордынских изделий своими более древними традициями, приемами изготовления. Такая особенность в эпоху великих ханов характерна для сравнительно хорошо изученной городской

Рис.7 – Бронзовая чернильница, инкрустированная серебром. Иран. XII-XIV вв.

Рис.8 Металлические сосуды:

- 1 - Поднос из Ирака, начало XIII в. (бронза, серебро);
- 2 - сосуд со сливом из Ирана, XII-XIV вв. (медь)

культуры Золотой Орды[24] (рис. 7). В период бытования золотоордынской тюркской культуры несколько раз менялись художественные приемы изображений. Так, если в первые десятилетия развития прикладного искусства в металле была характерна рельефность изображений, то в XIV в. мастера чаще применяют плоскую чеканку и гравировку. Именно гравировка и канфарение, иногда дополняемые скользящим чеканом, составляют главную техническую основу декора золотоордынских изделий (рис. 8). Иногда стремление к технической изощренности проявлялось в создании «двухслойных» изображений. Кроме производства всевозможной посуды из драгоценных металлов, в Золотой Орде производили и нужные простому населению предметы, но из железа и бронзы. И среди них встречается большое количество вещей, представляющих интерес как произведения искусства: это кувшины, чаши, блюда, подсвечники, украшения. Многочисленность находок и следы мастерских свидетель-

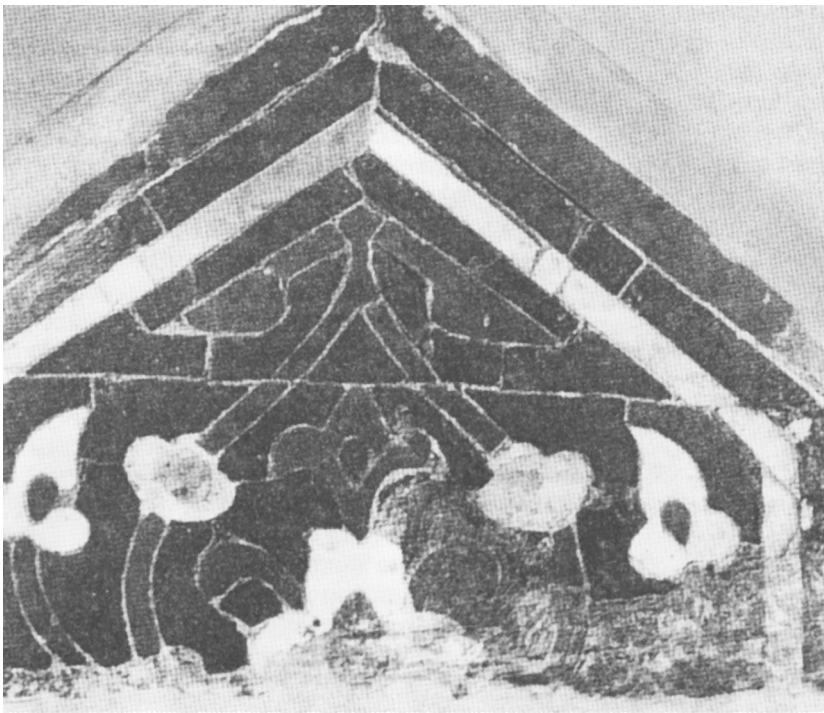

Рис. 9. Фрагмент мозаики.
Нижнее Поволжье. XIV в.

ствуют о том, что производство предметов искусства в металле в Золотой Орде стояло на высоком уровне. Так же хорошо как производство металлических изделий было налажено изготовление керамической продукции: сосудов, украшенных узорами под цветной поливой, и поливных кирпичей — как одноцветных (синих, белых, бирюзовых, зеленых), так и расписных. Особенно часто при раскопках в керамических мастерских встречаются богатые наборы цветных мозаичных вставок (синие, бирюзовые, белые, желтые, красные) (рис. 9). Но больше всего встречается в них неполивной и поливной посуды самой разнообразной формы, раскраски и назначения. Огромное количество золотоордынской сарайской керамики создано по образцам ургенческих мастерских при непосредственном участии самих этих мастеров (вкл., ил. XI). В Сарае работали также мастера из Крыма, Сирии, Египта — и во многих сарайских образцах можно узнать их школу.

Несомненно, однако, что золотоордынская керамика достаточно своеобразна. Так, более простая красноглиняная неполивная керамика — от больших хумов до небольших кувшинчиков и чашек — не имеет ничего общего с посудой Средней Азии или какой-либо другой области. Она изготовлялась тут же на месте или по соседству еще до прихода сюда татаро-монголов и основания Старого и Нового Сараев. Большая распространенность этой местной керамики говорит о том, что на землях

Рис. 10. Неполивная керамика из Нижнего Поволжья. XIV в.

Нижнего и Среднего Поволжья ко времени прихода татаро-монголов уже существовало развитое ее производство (рис. 10).

Итак, два вида искусства — изготовление серебряной, золотой посуды, украшений и керамики (в том числе наиболее престижной поливной) — были в высокой степени развиты во времена Золотой Орды.

Культура и искусство на огромных пространствах Орды в главном не имеют больших различий — это общая мусульманская культура. Но локальные различия в болгарском искусстве все же имеются. И они зависят от того, какая культура, какие художественные традиции имели место в тех или иных землях, странах или государствах до прихода татаро-монголов? Если это было просто племя, кочевое или оседлое, степное или лесное, то, естественно, возникшая и расцветшая в Золотой Орде культура имела главенствующее, господствующее на них влияние. Так, воздействию золотоордынской культуры подверглись финноязычные племена мордвы, черемис-марийцев, удмуртов[25], хотя они так и остались язычниками, обитающими в лесах. А вот башкиры — степные кочевники Предуралья приняли ислам и поднялись на иную ступень культуры. В результате этих воздействий также начались более интенсивные этнические изменения, приведшие позднее к образованию современных тюркоязычных народов края.

Иначе обстояло дело, когда татаро-монголы завоевали государства с многовековой культурной цивилизацией. Это, например, относится к Средней Азии, Кавказу, Крыму и Волжской Болгарии. В этом случае нет сомнения, что культура и искусство этих стран, вошли составной частью в общую сокровищницу золотоордынской культуры. Говоря о Волжской Болгарии отметим, что еще более, чем в домонгольское время, расширились ее торговые и культурные связи со Средней Азией, Кавказом, Крымом и дальними восточными странами — Сирией, Египтом, Аравией.

Безусловно, велика была доля участия Средней Азии и других мусульманских стран и областей в образовании золотоордынской культуры. Но все эти страны находились далеко от столиц Золотой Орды — Сарая-Бату и Сарая-Берке. А город Болгар, сама Волжская Болгария были рядом, на одной реке, в соседстве. И поэтому влияние Болгара на Орду наиболее заметно и значительно. Об этом авторитетно и убедительно сказал А.П. Смирнов, один из основных исследователей истории Волжской Болгарии: «Для этого времени (XIII-XIV вв. — Д.В.) мы можем констатировать рост влияния булгар на завоевателей. Булгары, как ближайшие соседи Древней Руси и восточных стран и знакомые с культурой, способствовали под властью Золотой Орды процессу развития городов и ремесел на территории Нижнего Поволжья. Являясь центром караванной торговли, территория Булгарии служила ярмаркой для встречных потоков товаров, идущих из Руси, Восточной Европы, с Кавказа, из Персии, Средней Азии, Монголии и Китая. Несомненна и значительная роль булгарских ремесленников в создании городской культуры Золотой Орды, о чем свидетельствует наличие там булгарской лощеной керамики, булгарских бронзовых замков в виде лошадок, баранчиков и собачек, ювелирных предметов, украшенных филигранью и зернью, бронзовых зеркал с растительным орнаментом»[26].

Но и Волжская Болгария обрела немало нового в своей культуре золотоордынского времени. Ее архитектура (мечети, дворцы, общественные сооружения) почти вся стала белокаменной и кирпичной (в домонгольское время большинство сооружений и городские стены были деревянными). А культовые сооружения стали частью общемусульманской восточной архитектуры, представляя самую северную мусульманскую культуру на земле.

Керамические изделия, особенно те, которыми пользовалась аристократическая знать, сплошь представляют собой произведения искусства — чудная полихромная полива с растительным, геометрическим и каллиграфическим орнаментом, покрывающим блюда, кувшины, чаши (вкл., ил. XII).

Более значительный, внушительный вид приобретают вещи, изделия и украшения из металла. Из серебра и золота изготавливают предметы роскоши — кувшины, вазы, блюда, казаны. Их поверхности покрываются орнаментами или целыми сюжетными композициями. Бронзовые зеркала, ажурные бляхи, узорные пуговицы, браслеты, перстни составляют культурное богатство болгар золотоордынского времени. При этом необходимо заметить, что далеко не вся та предметно-декоративная красота и роскошь, найденная в Волжской Болгарии при археологических раскопках, является сотворенной на ее земле. Очень много среди этих вещей было привозных. Однако если в течение двух веков (40-е годы XIII и середина XV в.) они бытовали в среде болгар и стали неотъемлемой частью их жизни, то, может быть, можно говорить о

том, что «чужая культура» в лице разнообразных предметов искусства вошла в «душу» болгар, превратилась в их собственное духовное богатство. Это тем более оправдано, что и от болгар в другие, дальние страны шли товары и предметы не менее высокого качества и художественной ценности. А ханы Золотой Орды, например Берке, нередко носили на себе болгарские изделия. Это общеизвестно.

Болгарское искусство во второй половине XIII — начале XIV в., как указывалось, переживает период нового расцвета. Этому предшествует возрождение города Болгара.

А.П. Смирнов описывает город Болгар как один из красивых и цивилизованных городов Восточной Европы. «Он состоял из центрального квартала, в котором находились общественные здания, в частности ханский дворец и Соборная мечеть, непосредственно примыкавшая к ханской резиденции. ... Площадь вокруг мечети была вымощена камнем. Здесь стояли еще два мавзолея-погребения знати. ... Дома в центре города, как правило, сооружали из кирпича. Обогревались они подпольной системой отопления, характерной для всех золотоордынских больших зданий. Такое же подпольное отопление было устроено в общественных банях (Красной и Белой палатах). ... Инженерное искусство булгар находит подтверждение и в том факте, что еще в домонгольский период у них появился водопровод из керамических труб. В XIII-XIV вв. водопроводная сеть стала еще более густой и совершенной. На площадях города били фонтаны и стояли водоемы (чешмы).

Таким образом, благоустройство города, его чистота и ряд общественных построек и сооружений намного превосходили большинство европейских городов той эпохи»[27].

В таком городе, каким мы видим золотоордынский Болгар из описания А.П. Смирнова (по результатам многолетних археологических раскопок)[28], было развито и яркое, богатое декоративно-прикладное искусство. И искусство это было именно золотоордынским, характерным в XIII-XIV вв. не только для Болгара, но и для многих сопредельных стран этого времени — Средней Азии (Хорезма), Ирана, Азербайджана, Крыма.

В зависимости от того, что это была за страна, насколько древней и цивилизованной была она до завоевания ее татаро-монголами, находилось и ее декоративно-прикладное искусство. Например, искусство Ирана или Хорезма являлось совершенно блистательным, в котором были развиты все его виды и жанры — керамика, каллиграфия, художественный металл, стеклоделие, ковроткачество, производство роскошных красочных шелковых и шерстяных тканей, косторезное искусство, резьба по камню и др.

Для восточного средневекового искусства характерны некоторые общие черты, обусловленные господством ислама и его канонов: замечательная гармония звучных ярких красок — в изразцах, керамике, книжной миниатюре, в коврах и тканях; роскошный сложный орнамент, образуемый из причудливых сплетений и сочетаний растительного и геометрического орнаментов; стилизованные изображения животных.

«Поверхность чаш, небольших блюд, прямостенных бокалов покрыта играющими радостными красками, изображениями маленьких... человечков, то скачущих на конях, то играющих на музыкальных инструментах, то пьющих вино или просто беседующих друг с другом, разнообразных зверей и птиц»[29]. Такие и подобные описания характеризуют искусство Ирана, Средней Азии, Азербайджана, культурные традиции которых уходили в тысячелетия. И они, естественно, оказали огромное влияние на развитие искусства Европы и Азии.

Что касается искусства Волжской Болгарии (в золотоордынское время оно идентифицируется с искусством города Болгара), то оно и в домонгольское время, и в пору расцвета страны, развития экономики, торговли не имело таких глубоких классических традиций и многих жанров, присущих искусствам вышеназванных стран. Например, в Болгарии никогда не производились роскошные ковры, узорные шелковые ткани, подобные персидским, изделия из металла были более скромны по формам, орнаментам, качеству. Но в золотоордынское время искусство и культура Волжской Болгарии поднялись на такой же высокий уровень, как и в родственных ей по духу исламских странах, входивших, как и она, в состав Золотой Орды. Это прежде всего относится к художественной керамике и художественному металлу. Из других видов и жанров искусства в это время в Болгарии была широко распространена резьба по камню. В основном это были архитектурный декор (сохранился декор на Малом минарете) и надгробия, исполненные в белом камне. Каллиграфия и обрамляющий ее орнамент являют собой художественную композицию (рис. 11).

Высокохудожественное болгарское искусство золотоордынского времени было синкретичным, как все искусство Золотой Орды. Оно соединяло в себе традиции и домонгольского, и даже раннеболгарского (языческого) искусства, с одной стороны, а с другой — традиции искусства многих средневековых и древних восточных государств, таких как Иран, Средняя Азия, Кавказ. Если от собственно болгар шли традиции в изготовлении художественных изделий из кожи (булгари), некоторых ювелирных украшений (браслетов, оканчивающихся зооморфными мотивами), неполивной красноглиняной керамики, то от древних восточных цивилизаций в золотоордынское болгарское искусство пришли высокое искусство каллиграфии, техника изготовления поливной полихромной керамики, изразцов, искусство декоративно-монументальной архитектуры.

Итак, своеобразная культура Золотой Орды складывалась и расцветала в городах, возникших порой на месте кочевых ставков ханов. Поэтому важной составляющей золотоордынского искусства является искусство городов, многие из которых возникли только в эти десятилетия, многие — воскресли в кратчайшее время. Эти города прежних культурных центров Средней Азии, Крыма, Кавказа, Поволжья, хранившие старинные традиции, возродившись, стали центрами новой культуры — культуры Золотой Орды. Некоторые из них по размерам и численности населения превосходили многие известные европейские столицы XIII-XIV вв. Так, Сарай-Берке имел тогда 100 тыс. жителей, в то время как Рим и Париж — соответственно только 35 и 58 тысяч[30].

Сарай-Бату, Сарай-Берке и другие города Золотой Орды — Болгар, Хорезм, Солхат — были центрами международной торговли и караванных путей, протянувшихся с востока на запад и с севера на юг. Торговые границы Золотой Орды доходили до Китая, Индии, Аравии, Египта, Италии, Скандинавии.

Золотоордынское искусство, как отмечалось, — это соединение искусства степи и города, поскольку культура естественно сочетала элементы городской и кочевой жизни: ханы и знать в зимние холодные месяцы жили в городах, а летом выезжали в степи и жили в юртах, кочевали, принимая там даже иностранных послов.

Рис. 11. Каменные надгробия:

1 – с орнаментом в виде трилистников. Болгар. XII в.; 2 – с украшением в виде розеток

За время существования и господства Золотой Орды татаро-монголы и кыпчаки уже смешались, стали единой народностью. Об этом повествует и египетский писатель XIV века Ал-Омари[31].

Особенность кочевнического искусства прежде всего в его практичности, прикладном характере. Жизнь, основанная на постоянном передвижении с места на место, заставляла производить вещи (необходимые для быта и украшения) из прочных небьющихся материалов (металла, кости), придавать им удобные формы и делать их округлыми, небольшими (зеркала с отверстиями для подвешивания, костяные обкладки для оружия). Но даже в этих условиях ювелирные украшения кочевников достигали необычайного совершенства и изысканной красоты. Пример тому — золотые изделия гуннов[32].

Городская оседлая жизнь, напротив, предполагала неторопливый ритм, основательность, обстоятельность. Предметы искусства можно было не спеша украшать фантастическими узорами, изразцы и посуду расписывать разноцветными красками, сочетая все возможные цвета, но особенно — любимый цвет востока — бирюзовый, который ассоциировался со степным знойным небом. Формы предметов могли быть самыми разнообразными — от простых до изысканных.

Таким образом, взаимодействие кочевнической и городской культуры привело к возникновению своеобразного яркого искусства Золотой Орды.

Отсюда закономерен и тот факт, что расцвет городской культуры (ремесел, архитектуры, декоративно-прикладного искусства) совпадает со временем тесного взаимодействия культуры города и степи[33].

Но, по утверждениям Г.А. Федорова-Давыдова[34] и В.А. Иванова[35], возникшие в золотоордынское время две культурные традиции — оседлая и кочевническая, не слились воедино, а существовали параллельно.

Восток во все времена воспринимается как источник тонкости, тайны, особой одухотворенности, безупречного художественного вкуса. Золотоордынское искусство вообще и болгарское искусство того же времени в частности не были исключением.

Характерной чертой искусства всего мусульманского мира XIII-XIV вв. был синтез архитектуры и декоративного искусства. В этом проявляется особый стиль эпохи, его особая изысканность. Архитектурные формы наполняются пластическим и декоративным богатством: сливаются воедино язык архитектуры, каллиграфии и орнамента, струясь и перетекая друг в друга.

Правда, в Болгаре эти черты восточного искусства проявляются не так ярко и не так роскошно, хотя там есть определенные признаки этого явления, например в оформлении Малого минарета. Его силуэт строг и прост. Но как раз эта кажущаяся простота и притягивает внимание, ибо ниша на наружной стене входной двери минарета обрамлена роскошной и выразительной узорной резьбой, в которой проступает все величие и неповторимость восточного орнамента в соединении в нем растительных и геометрических мотивов, медальонов, украшенных стилизованными восьмилепестковыми сложными розетками (рис. 12).

Таким образом, золотоордынское искусство достигает высокого уровня в понимании, воплощении декоративности как особой художественной формы, придающей образу большую эмоциональную выразительность. Это искусство на удивление идет от сердца, а не от головы. Орнамент в восточном искусстве (и в золотоордынском, и в болгарском) настолько значим, настолько символичен, что именно посредством орнамента передается созерцающему произведение искусства человеку тот подтекст, то иносказание, которые находятся за пределами изображения.

Если в домонгольское время в болгарском искусстве смысловую нагрузку несли образы различных животных и птиц, изображения цветов, листьев или отдельных геометрических линий и фигур, то в золотоордынское время содержание, смысл, идея произведения (или архитектурного сооружения в совокупности с декоративным оформлением) доводятся до зрителя через многократно повторяемый узор орнамента, который уже трудно назвать только геометрическим или только растительным — настолько он усложнен технически и углублен, зашифрован стилистически и «идейно». Именно в средневековом исламском искусстве (и конкретно в золотоордынском и болгарском) усложненный орнамент становится арабеской, в которой используются и причудливые, необычные сочетания всевозможных изображений, наполненных особой гармонией и выразительностью.

Возьмем искусство резьбы по камню. Его традиции очень древние и распространены по всему миру. В каждой стране, каждой части земли они разные. Искусство резьбы по камню в Волжской Болгарии золотоордынского времени восходит, с одной стороны, к традициям степных кочевников (кыпчаков), ставивших каменные извая-

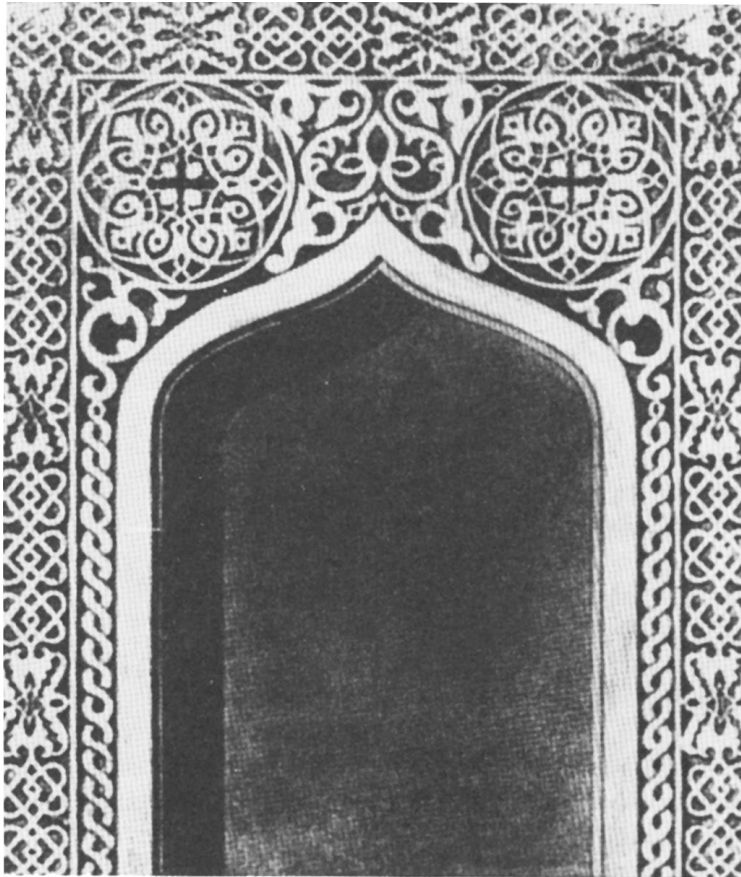

Рис. 12. Орнаментальное оформление проема и ниши Малого минарета. Болгар. XIV в.

ния в бескрайних степях[36], с другой — это искусство питается и традициями среднеазиатской каменной резьбы, проявившейся в богатейших архитектурных декорах восточных дворцов, мавзолеев и медресе[37].

Когда речь идет об орнаментальном декоре Малого минарета, Соборной мечети, Черной палаты, то, очевидно, мы можем говорить о среднеазиатских, хорезмийских традициях монументально-декоративного искусства. Еще в домонгольское время культура болгар была тесно связана с культурой Хорезма, особенно его столицы Ургенча.

Художественные поиски в XIII-XIV вв., как и в домонгольское время, велись более всего в области декоративной орнаментики. Здесь важно подчеркнуть, что если раньше в декоре был важен «гирих» с подчинением ему всех видов орнаментов, то в этот период преобладают растительные и геометрические мотивы. В каллиграфических надписях чаще имел место стиль вычурного «дивани». Для архитектурного

декора также характерно образование из причудливых цветочных сплетений «узлов счастья», среди которых размещаются медальоны.

Вся эта изумительная роскошь восточного орнамента и проступает в архитектурном декоре болгарских сооружений, но в более спокойном, не буйном, более «собранном» качестве. Сохранились отдельные каменные блоки обрамления северной порталной арки, надпортальная плита и порталная розетка северного фасада Соборной мечети (рис. 13). Как художественные композиции каждый из этих фрагментов заслуживает особого внимания, ибо их можно рассматривать в качестве произведений искусства, допустим, как отдельные панно.

Плита, располагавшаяся над порталной аркой, украшена композицией, составленной из каллиграфии и восточного орнамента (техника высокого рельефа). Фрагмент текста, представленного почерком «наسخ», может означать начальное слово одной из сур Корана. Эти слова, словно «утопают» в цветах, которые плавными перетекающими узорами, овалами, спиралями возникают с разных концов и сторон этого текста, и почти трудно отличить, обозначить, где буквы, а где узоры, настолько они представляют собой единую орнаментальную композицию. Сопровождающий композицию узор спирали символизирует бесконечность и повторяемость жизни.

Фрагмент блока порталной арки слишком мал, и на нем мы видим лишь обозначение обрамляющего орнамента, который состоит из двух видов: сложного переплетенного из трех составляющих волнистого орнамента и еще более сложного зооморфно-геометрического, в котором можно увидеть «узлы счастья» и стилизованные образы длинношеих птиц. Нет сомнения, что, когда композиция орнамента, украшавшего арку, была полной и целой, она должна была производить большое эстетическое впечатление.

Орнамент, заполнивший порталную розетку, насыщен и плотен. На поверхности розетки почти нет свободного пространства. Здесь сложное сочетание всех трех видов орнамента — зооморфного, растительного и геометрического. В зооморфной части узора проступает стилизованный силуэт птицы с раскрытыми крыльями; в растительной — контуры трилистника, двулистника, тюльпана и бутонов; в геометрической — круга, четырехугольника. Все вместе — композиция, состоящая из плавных ритмических симметричных узоров, — производит впечатление гармонии и покоя.

Черная палата — одно из монументальных сооружений золотоордынского Болгара, сохранившееся до наших дней. Оно построено из туфа и известняка[38]. С внешней стороны каких-либо орнаментов и украшений не сохранилось. Интерьер, состоящий из нескольких ярусов, разделяющих высокий купольный зал второго этажа, очень эффектен, хотя и не отличается пышностью убранства, богатством орнаментальных узоров. Напротив, архитектурно-декоративное решение интерьера удивляет своей предельной простотой, аскетизмом и сдержанностью. Здесь мы видим тюльпанообразные завершения капителей колонок; фестончатые круглые розетки из восьми лепестков и шестиконечные звезды с двух сторон над арками каждого из окон и входной двери. Все фигуры украшений сделаны в виде крупного рельефа, что усиливает впечатление монументальности. Строгость и простота архитектурного декора Черной палаты приближает ее к некоторым памятникам конца XIII — начала XIV

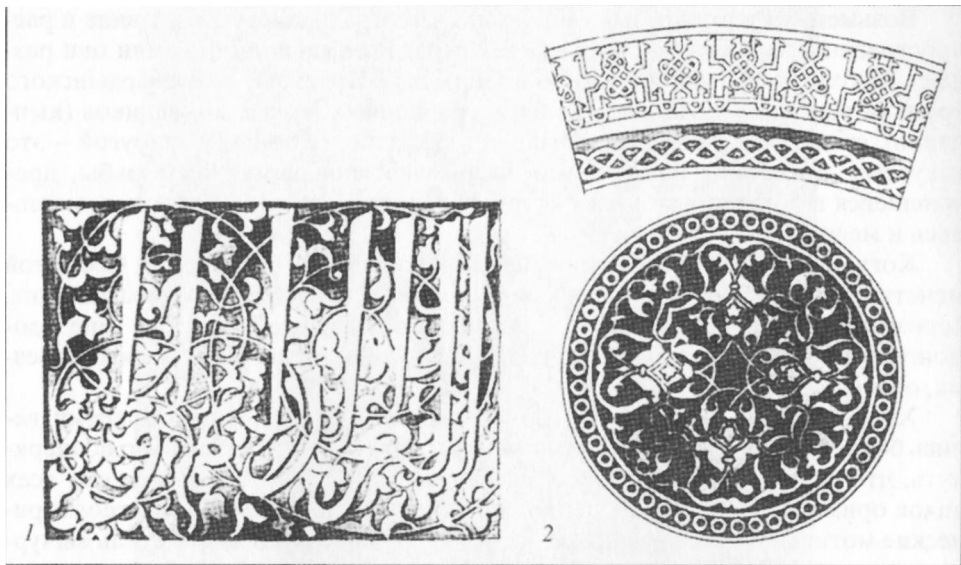

Рис. 13. Архитектурные детали Соборной мечети Болгар. XIV в.:

1 – плита над порталной аркой; 2 – декоративные детали

в., продолжавшим традиции домонгольского времени и тоже не отличавшимся пышностью убранства[39] (рис. 14).

Таковы некоторые примеры преемственности болгарского искусства резьбы по камню в архитектуре от традиций Средней Азии, Хорезма.

Одновременно в XIII-XIV вв. существовало и другое искусство каменной резьбы, истоки которого нужно искать, очевидно, в древних степных скульптурах кыпчаков и других тюркских племен. Об этих памятниках тоже написано немало[40].

История возникновения монументальных скульптур степей Евразии уходит в глубокую древность времен до новой эры. Не останавливаясь на них, обратимся лишь к скульптурам тюрков, обитавших в евразийских степях в XIII-XIV вв.

Долгое время антропоморфные скульптуры в степях считали надгробиями[41], но оказалось, что они ставились отдельно от погребений. Было и такое мнение, что скульптуры эти являются портретными фигурами побежденных врагов[42]. Но вторая точка зрения, как оказалось, не отвечала истине, ибо и письменные источники, и сообщения современников, и раскопки говорили о том, что эти статуи изображали усопших воинов и устанавливались в их честь (рис. 15).

«Все племена кыпчаков, когда попадают туда, сгибаются вдвое перед этой единственной в своем роде статуей. Пешком ли зайдут они туда с пути или верхом, поклоняются ей, как творцу. Всадник, который подгонит к ней коня, кладет стрелу из колчана в честь ее. Пастух, который заведет туда свое стадо, опускает перед ней овец»[43].

Несомненно, в возведении этих скульптур сказался древний культ предков языческих племен. Но, подчеркивают почти все исследователи, скульптуры ставились не в память конкретного, недавно умершего вождя, а «героизированного и

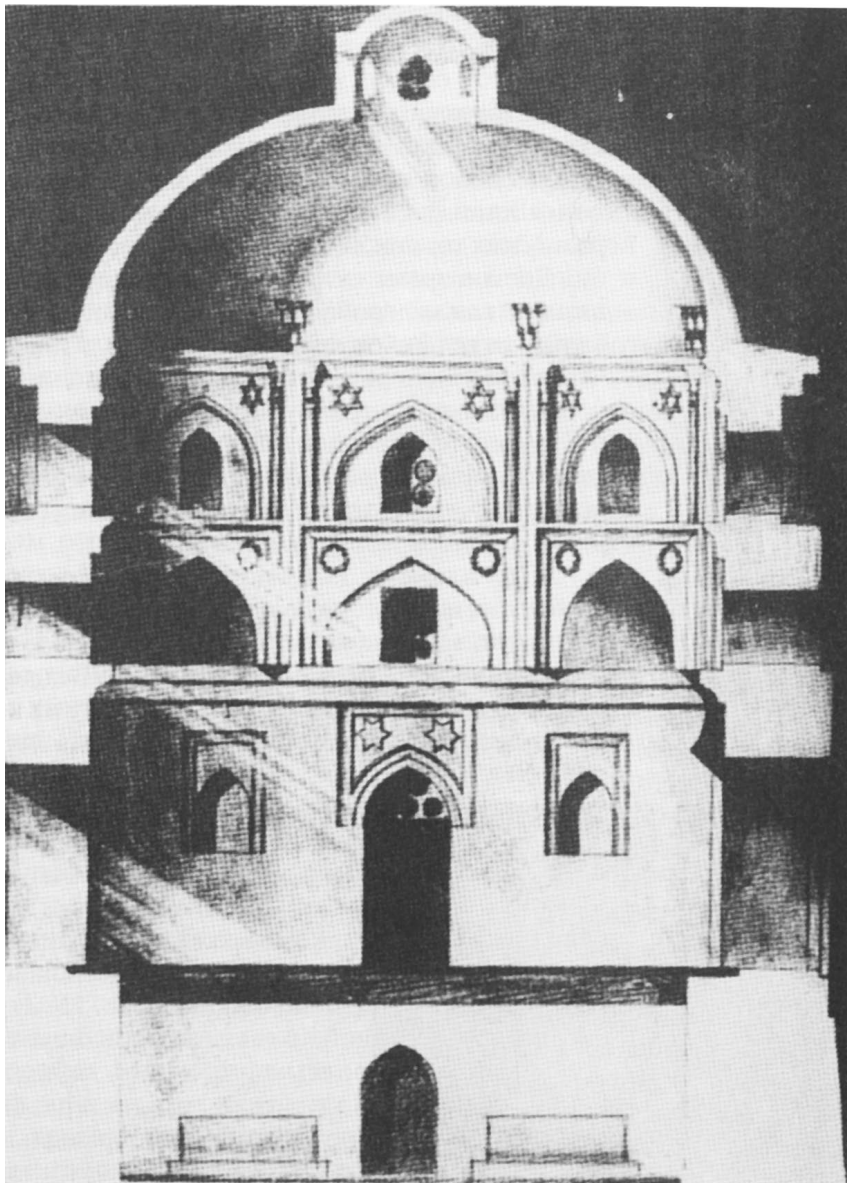

Рис. 14. Интерьер Черной палаты. Болгар. XIV в.

мифического родоначальника». Поэтому эти изваяния кыпчаки воспринимают уже как изображение божества[44].

Но в данном контексте важна не столько семантика «каменных баб» — древних скульптур, сколько их художественные особенности. Не стремясь к общему и всесто-

Рис. 15 – Скульптурное изваяние тюрков.
Нижнее Поволжье. XII-XIII вв.

роннему анализу изваяний, отметим лишь некоторые их свойства. Как правило, скульптуры высекались из огромного монолита, в основном известняка. Лица чаще всего были тюркские, с характерными широкими скулами и узкими глазами. Вполне реалистично изображены одежда, украшения, обувь. Скульптуры статичны, полны спокойствия, взгляд их устремлен в бесконечность.

На болгарской земле, хотя она тоже в основном представляет собой степь, покрытую травами, цветами, полынью, каменные изваяния встречены не были. И в описаниях этого края нет упоминания о скульптурах. Но в 1969 г. недалеко от Ханской усыпальницы при исследовании Большого западного мавзолея в забутке стока был найден обломок каменного изваяния — голова[45] (рис. 16). Она, очевидно, является фрагментом незавершенной скульптуры, которая по неизвестным причинам не удовлетворила мастера и была оставлена со значительными недоделками.

К сожалению, при очистке головы от известкового раствора была повреждена ее поверхность — сбиты часть лба и висков, правая бровь, губы, усы и глаза. При таких изъянах трудно установить насколько «болгарская голова» близка или далека от изображений тюркских степных

изваяний и насколько она является произведением искусства. И все же сохранившиеся черты дают возможность увидеть и некоторые типические и художественные особенности данного фрагмента. Во-первых, узкие щелки глаз, почти сросшиеся брови, сравнительно небольшой нос, тонкие губы и «тюркские» скулы вполне могут напомнить лицо половецких скульптур. Во-вторых, может быть, эта голова была сделана именно в самом Болгаре, о чем свидетельствует незавершенность ее обработки. Определенная же схожесть с чертами лица многих древнетюркских изваяний позволяет сделать очевидное предположение о связи искусства золотоордынского Болгара со степной кочевнической культурой. А.П. Смирнов и Н.Д. Аксенова, впервые изучившие эту голову, по времени создания относят ее к XIII — первой половине XIV в. А единичность находки еще не является свидетельством отсутствия в Болгаре этого вида искусства — монументальной скульптуры.

Интересно, что в XIV в. степные статуи становятся более обобщенными, менее объемными и все более похожими на плоскую стелу. Поэтому некоторые из них, вероятно, можно рассматривать как этап перехода к каменным надгробным надгробиям. Г.А. Федоров-Давыдов в своей известной книге пишет, что иногда, «в силу каких-либо причин объемную стелу заменяли плитой с нарисованным покойником»[46].

В мусульманском мире намогильные плиты остались, а нарисованные на них «портреты» были заменены надписями, содержащими сведения об умершем, о дате и причинах его смерти. Так, очевидно, появились первые болгарские каменные надгробия. Каллиграфию и орнамент этих надгробий можно рассматривать как искусство резьбы по камню. И это является тем жанром, который в болгарское золотоордынское искусство пришел из степей, т.е. степные, кочевнические черты отразились в зрелом золотоордынском искусстве. Но необходимо отметить, что каменные надгробия в Волжской Болгарии существовали и в домонгольское время. Очевидно, уже в X–XII вв. связь со степью существовала, и влияние культуры кочевников ощущалось уже тогда.

Болгарские надгробия с исторической и лингвистической стороны подробно и глубоко изучены казанскими учеными Г.В. Юсуповым, Ф.С. Хакимзяновым, Д.Г. Мухаметшиным[47]. Интересный и убедительный искусствоведческий анализ им дан С.М. Червонной[48] и в определенной степени Ф.Х. Валеевым[49].

У болгар золотоордынского времени в пору расцвета их городов, в конце XIII — первой половине XIV в., существовало множество ремесленных мастерских, работники которых подчас создавали произведения искусства, хотя по назначению своему это были обыденные вещи или предметы, необходимые в повседневной жизни.

С давних пор при рассмотрении древнего искусства болгар, а позднее — искусства казанских татар, исследователи обращают внимание на искусство кожевенного производства[50]. По сохранившимся записям современников Болгарского государства, арабских путешественников, по записям русских летописей известно, что в Волжской Болгарии обработка кожи была возведена на уровень искусства. Выше, при описании жизни Болгарского государства периода Золотой Орды, приводилось сообщение письменного источника о том, что золотоордынские ханы — в частности хан Берке — носили зеленые кожаные болгарские пояса. Русскими летописцами отмечалось, что болгарские воины все сплошь воевали в сапогах из мягкой кожи. Недаром и в далекой Бухаре изделия из болгарской кожи были широко известны под названием «булгари»[51].

В дореволюционном издании «Записок» С. Герберштейна[52] приводятся рисунки образцов татарских кожаных изделий: сапог (ичигов), колчана для стрел, двух седел. Отмечены они в XV—XVI вв. (по времени они не точно золотоордынские, но все же очень близки к нему). Прорисовка орнаментов позволяет верить, что эти предметы действительно болгаро-татарские: сапоги и в классический период татарского декоративно-прикладного

Рис.16 – Каменная скульптурная голова.
Болгар. XIII в.

искусства были остромысыми, с высокими бортами: в качестве орнамента использован цветочно-растительный узор, составленный из типичных для болгарского искусства изображений тюльпанов, трилистников, двулистников, растительных побегов. Другие предметы — колчан для стрел, седла — имеют овально-закругленные плавные края, что хорошо соотносится с кожей — мягкой, податливой. Кожа как материал изначально «отвергает» резкие линии, углы. И древние мастера тонко это чувствовали и использовали ее так, как того требовала сама ее структура.

К сожалению, при археологических раскопках болгарских и золотоордынских городищ такие образцы кожаных изделий с ярким, четким, красочным орнаментом, с композициями из разных орнаментов и удовлетворительной сохранностью не обнаружены. А.П. Смирновым, О.С. Хованской, Н.Ф. Калининим, Т.А. Хлебниковой и другими найдены главным образом детали обуви, ремни, кожаные заготовки, фигурные детали для нашивок, подошвы, каблуки, задники, части голенищ, а также кошельков.

Сложно говорить об искусстве в кожевенном ремесле, когда мы не можем взять в руки неопровержимое доказательство его наличия, а только косвенным путем приходим к выводу, что этот вид искусства в золотоордынской Болгарии существовал и был широко распространен. Об этом свидетельствуют находки близких к болгарским древнетюркских изделий.

Во-первых, это прекрасно сохранившиеся коллекции кожаных вещей, найденных в Пазырыкских курганах на Алтае[53]. Во-вторых — традиционная оригинальная кожаная обувь казанских татар XVIII-XIX вв., являющаяся собой пример высокой художественности (рис. 17).

Сравнивая древнеалтайские узоры на кожаных изделиях и орнаменты на старинной обуви татар, можно отметить между ними определенное родство и предположить, что должен был существовать народ, чья культура сохранила и пронесла через тысячелетия древнетюркские традиции культуры степей Алтая и передала их культуре казанских татар. Этим промежуточным звеном, по всей вероятности, и была Волжская Болгария (позднее Казанское ханство). Поэтому закономерно думать, что в кожаном ремесле болгар золотоордынской эпохи использовались те же узоры и орнаменты, которые мы находим у древних алтайцев и татар.

Техника плоского и рельефного тиснения кожи была хорошо известна в искусстве болгар и казанских татар. Во время раскопок золотоордынского слоя в г. Болгаре обнаружены остатки кожи с тиснением, остатки кожаной обуви, фрагменты конской упряжи, футляров для предметов вооружения (колчанов) и многое другое. Разнообразие кожаных изделий и их наличие в раскопках не только Болгара, но и других городов государства говорят о распространении кожевенного ремесла и о существовании в то время соответствующих мастерских.

Таким образом, мы можем говорить, что у болгар в золотоордынское время, наряду с другими видами искусства, существовало и искусство создания художественных изделий из кожи, отличавшееся высоким уровнем, о чем свидетельствуют такие изделия как «булгари», известные далеко за пределами Волжской Болгарии[54].

Еще менее, чем об искусстве кожаных изделий, можно сказать о художественных тканях золотоордынской Волжской Булгарии. Но имеется хорошо датированный материал, содержащий данные о тканях, относящихся к кочевникам средневожских степей

Рис. 17 – Узорчатые ичиги казанских татар.
Кожа. XIX в.

XIII-XIV вв. [55]. Обращаясь к нему, можно провести параллель между изделиями ткачества, встретившимися у кочевников и теми же изделиями золотоордынского Болгара. И.Н. Васильева, исходя из материалов раскопок кочевнических курганов близ Самары (граница с Волжской Болгарией), подробно описывает ткани, найденные в погребениях: «Погребенный одет в одежду из ткани, вышитой металлическими нитями... Вышивка двух видов: в виде жгутов проволоки, составляющих какие-то растительные узоры (цветы, спирали), и в виде полос проволоки, напоминающих частую лесенку. Полосы шли параллельно друг другу поперек груди и, вероятно, заполняли пространство между растительными узорами. Более всего подобным шитьем украшены оплечья». Описывая находки из другого погребения из этого же (Александровского) могильника, автор приводит следующие строки: «Подвески сделаны из серебряной фольги на берестяной основе. Между фольгой и берестой вкладывался кусочек материи (выделено мной. — Д.В.). На левом виске обнаружен кусочек ткани тонкого прядения, вероятно, от головного убора»[56].

Головные уборы, сшитые из блестящей (атласной привозной) ткани, принадлежали женщинам и назывались «бока». В экспозиции Саратовского областного музея воспроизведен (реконструирован) этот своеобразный головной убор, представляющий в разрезе выкройку в форме пяти лепестков, из которых один лепесток маленький и широкий; а четыре — большие и удлиненные. При собирании, сложении их в «шапку» и получалась эта бокка с небольшими нависающими ушками по сторонам и с заостренной верхушкой. Очевидно, это была разновидность широко распространенных у тюрков остроконечных традиционных шапок. Имелись ли таковые у болгар — неизвестно. Но время было одно, государство — единым, культура — идентичной. Болгары и степь были рядом, взаимопроникали и взаимодействовали друг с другом — потому можно допустить бытование бокка и в одежде болгарских женщин[57].

Кроме того, в характеристике самарских погребений есть веский аргумент в пользу того, чтобы отнести их к мусульманскому, золотоордынскому периоду, ибо как украшение на некоторых вещах имеется знак полумесяца, например на кожаном кошельке «укреплены две позолоченные накладки в виде полумесяца»[58]. Наличие в погребениях средневековых кочевников множества вещей и украшений с языческой символикой говорит о стойких традициях язычества в их культуре, несмотря на то, что, вероятно, некоторые из них даже являлись уже мусульманами (на что указывает изображение полумесяца на личной вещи погребенного).

Итак, с одной стороны, мы видим применение тканей с вышивками у кочевников, продвигавшихся по волжским степям и соприкасавшихся с болгарами. С другой — имеется неоспоримое доказательство наличия художественных тканей у армян, живших в Болгаре своей колонией. Остатки изысканных тканей, которыми они пользовались, найдены непосредственно в самом Болгаре. В 1947 г. эти ткани подробно описаны открывшими их авторами[59], а в 1975 г. им дан художественный анализ Ф.Х. Валеевым[60]. То что нам известно о тканях и вышивках, обнаруженных, пусть в небольшом количестве, позволяет говорить о развитии в Волжской Болгарии золотоордынского периода искусства и ткачества, и вышивки. Особенно достоверным в этом отношении является сообщение о ткани с вышитыми на ней шестилепестковыми розетками-цветами, ритмически возникающими, повторяющимися и следующими друг за другом. Кроме того, техника вышивки металлическими нитями повторяет технику, обнаруженную Н.И. Васильевой в изделиях кочевников.

В Болгаре были также найдены остатки тканей с изображением «танцующей пары» и «пантеры с приподнятой лапой»[61]. Без сомнения, это ткани не местные, а привозные. Трудно представить, что болгары, с золотоордынских времен нигде не изображавшие открыто живые существа, стали бы вышивать или ткать фигуры людей и животных.

Возвращаясь к вопросу о тканях, найденных в армянском некрополе (все выше описанные ткани оттуда), также не следует думать, что такие художественные ткани были только у армян, и только армяне привнесли в Волжскую Болгарию культуру их украшения. Безусловно, влияние и взаимовлияние культур друг на друга существовало, и высокое состояние культуры и искусства Армении того времени общеизвестно[62]. Но так же были широко известны художественные ткани Ирана и Ближнего Востока. И, возможно, прав Ф.Х. Валеев, когда говорит, что «...все те виды техники шва, которые использовались армянскими женщинами в их вышивальном искусстве, были хорошо знакомы и болгаркам. Только этим можно объяснить широкое бытование в художественном творчестве казанских татарок золотошвейного искусства, стоящего на одном уровне с культурами скани и зерни, традиционными с болгарских времен»[63].

В заключение как одно из доказательств существования художественных тканей у болгар можно привести тот факт, что в многолетних раскопках городищ Волжской Болгарии среди археологического материала находят всевозможные приспособления для ткацких станков, пряслица, иглы, остатки цветных нитей.

С домонгольских времен известно в Волжской Болгарии и косторезное искусство. В золотоордынском слое в Болгаре найдены традиционные костяные предметы и украшения: ручки ножей, рукояти плетей, наворачия, гребни, пуговицы, амулеты, копоушки, застежки. Исследования показывают, что в формах и орнаментации костяных изделий особых изменений, отличающих эти вещи от домонгольских, не произошло. Дело, вероятно, было в том, что техника обработки кости и рога, орудия обработки за два-три столетия не претерпели больших изменений и в основном остались прежними. Наиболее часто употреблялись гравировка и фигурки треугольников и ромбов, сделанных в технике плоскорельефной резьбы, штриховой насечки. Техника и орудия для предварительной обработки кости также достаточно традиционны. Как

сообщает в своем исследовании И.А. Закирова[64], производство разделялось на несколько этапов: сбор и отбор сырья; предварительную подготовку сырья к работе (изготовление полуфабрикатов); изготовление предмета из полуфабриката и его первоначальную обработку; наконец, окончательную отделку — декорирование (орнаментовка, полировка и т.д.).

В качестве орудий чаще всего применяли нож и топор, а также пилу, сверло, резцы, напильники. Эти орудия и техника были характерны не только для Волжской Болгарии в домонгольскую эпоху и Золотой Орды в XIII-XIV вв., но и для Древней Руси, Кавказа, Средней Азии. То есть инструменты и техника были универсальны для огромных пространств Евразии в течение нескольких веков.

Костяные гребни известны с домонгольских времен. Это небольшие, одно- и двухсторонние изделия. Первые часто имели арочную форму верхней части, вторые — трапециевидную; украшались циркульным и линейным орнаментом. Эти своеобразные формы гребней с точки зрения современности совершенно непрактичны. Они так малы по размерам (например, один из гребней с арочным окончанием и дырочкой для подвешивания из г. Болгара имеет всего 13 зубьев и размер 3 x 2 см), что невозможно представить, как такие гребни могли применяться на практике, как можно было ими расчесывать волосы? Ведь такой гребень мал даже для ребенка. Поэтому, возможно, до нас дошли лишь какие-то «символы» гребней, которые использовались как амулеты или обереги (рис. 18, 7).

Копоушки также известны с домонгольских времен. Их орнаментация в основном простая: на полированную поверхность предмета наносятся то насечки, то параллельные прямые линии, затем вплотную друг к другу или на расстоянии — классический циркульный орнамент. Иногда конец копоушки или накладки завершается «петушком» — насечкой, напоминающей петушиный гребешок (рис. 18, 3). Копоушки были распространены и в княжествах Древней Руси: Новгородском, Галицком. И.А. Закирова считает, что «петушиные головки» в Волжской Болгарии появились под влиянием именно русских образцов[65]. Она не приводит доказательства своего утверждения, но, может быть, тот факт, что именно в русском народном декоративно-прикладном искусстве (деревянная резьба, дымковская игрушка) изображения петушков были широко распространены и в последующие столетия, является доказательством верности суждения автора.

Пуговицы, застежки, бусины, амулеты украшались циркульным орнаментом, параллельными линиями насечек во всевозможных комбинациях и композициях. Неизвестные мастера умело использовали формы предметов: круглые, прямоугольные, объемные или плоские для составления разнообразных узоров из линий, насечек или кругов. На пуговицах удобно было выводить кружковые (циркульные) орнаменты по окружности, иногда сочетая крупные и мелкие круги с точкой, что придавало орнаменту особую ритмичность, создавало ощущение кружения. Если на них изображались насечки, причем перпендикулярно к краям окружности пуговицы, то, напротив, «кружение» замедлялось, останавливалось. Те же насечки, слегка закругленные (дугообразные), или в сочетании с циркульными и кружочками — создавали ощущение вообще неостановимого движения (рис. 18, 4).

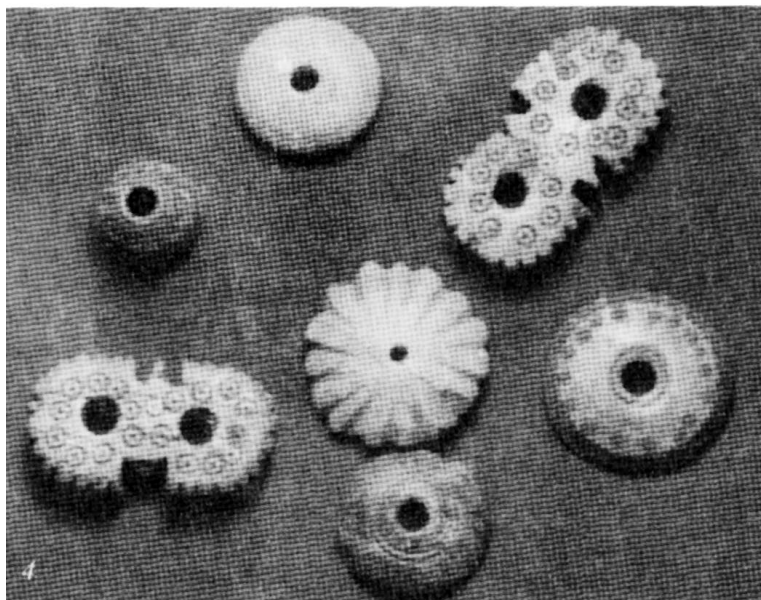
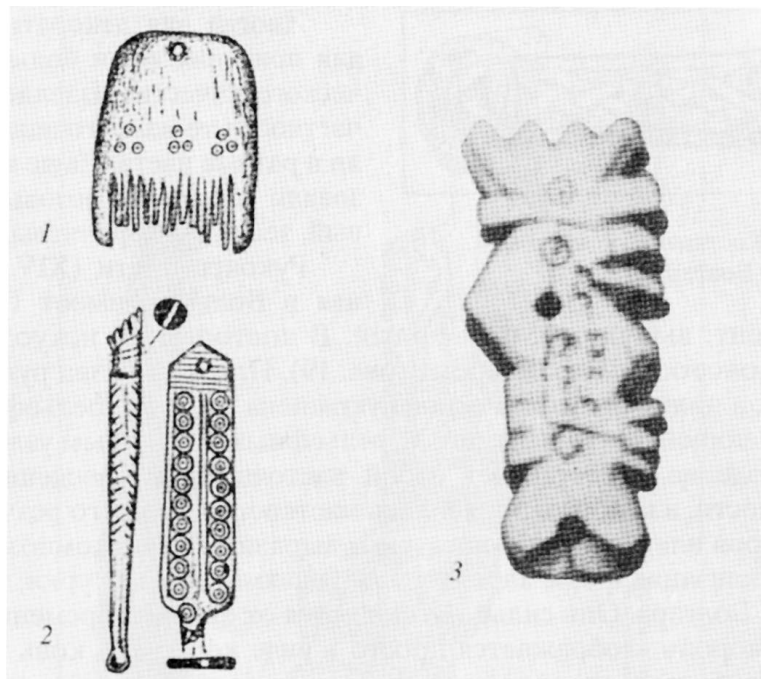

Рис. 18. Костяные изделия из Болгара:
1 – гребень; 2 – копоушка; 3 – накладка; 4 – пуговицы. XI–XIV вв.

Иногда для декоративных целей, для придания вещи большего эстетического качества изделие из кости, в частности те же пуговицы, окрашивали в разные цвета. Чаще всего использовали красный (розовый), малиновый, зеленый, коричневый и черный. Рукоять плети (XIV в.), найденная в Болгаре, имеет более сложный орнамент: выпуклый, рельефный. В косторезном искусстве он применялся в золотоордынское время (рис. 19). Плоский конец рукояти сделан в виде арки, а цилиндрическая основа украшена сложной рельефной плетенкой, завершающейся крупным, также рельефным и сложным узлом — плетенкой. Это изделие представляет собой настоящее произведение искусства резьбы по кости, в котором проявилось мастерство древнего резчика, создавшего из узоров плетенки гармоничную и выразительную композицию. Своеобразная стилизация форм характеризует шахматные фигурки, также обнаруженные в Болгаре. Они сильно отличаются от фигур современных шахмат. Например, король изображается просто в виде короны, а конь приземист и оформлен грубовато, словно мастер не успел его закончить.

Рис. 19. Костяная рукоять плети.
Болгар. XIV в.

В коллекции Болгарского заповедника имеется фрагмент полой кости с тремя отверстиями. Возможно, это был музыкальный инструмент (свирель, курай?). Другой костяной фрагмент напоминает ручку калама — восточного пера, которым пользовались при письме. Это фигурно вырезанная круглая кость с рельефной поверхностью и закруглениями ближе к верхушке.

Названные фрагменты, предположительно музыкального инструмента и восточного пера, шахматные фигуры — говорят о достаточно высоком уровне духовной и интеллектуальной жизни болгар золотоордынского времени. Отсюда понятен и тот удивительно высокий уровень поэтической литературы, на который поднялось тогда золотоордынское общество, создавшее такие шедевры средневековой восточной литературы как «Кыссаи Джум-джума» (Сказание о Джумджуме) Хусамы Кятиба; дастана «Кисекбаш китабы» (Книга об отсеченной голове); «Нахдж ал-фарадис» (Райский путь) Махмуда бен Али и др. [66]. Кость использовалась при изготовлении украшений, в частности бус разнообразной формы: шаровидных, вытянуто-грушевидных, кругло-плоских. Иногда, для большей выразительности, они были окрашены в зеленый или коричневый цвет. Из кости или из рога могли выточить перстень со щитком, украшенным традиционным циркульным орнаментом.

Таким образом, кость в Болгаре и других золотоордынских городах использовалась для самых различных целей. Большинство из рассмотренных выше изделий можно отнести к произведениям искусства. И это все, как правило, было искусством городов, там существовали косторезные мастерские; в Болгаре имеются следы нескольких таких мастерских, относящихся к XIII-XIV вв.

К подлинным произведениям высокого искусства косторезного дела Золотой Орды и Болгара можно причислить обкладки для колчанов и рукоятей ножей, которых много найдено как в курганах кочевников, так и в городах [67] (рис. 20). Правда, в самой Волжской Болгарии эти обкладки найдены в небольшом количестве, и они не столь роскошны, чаще

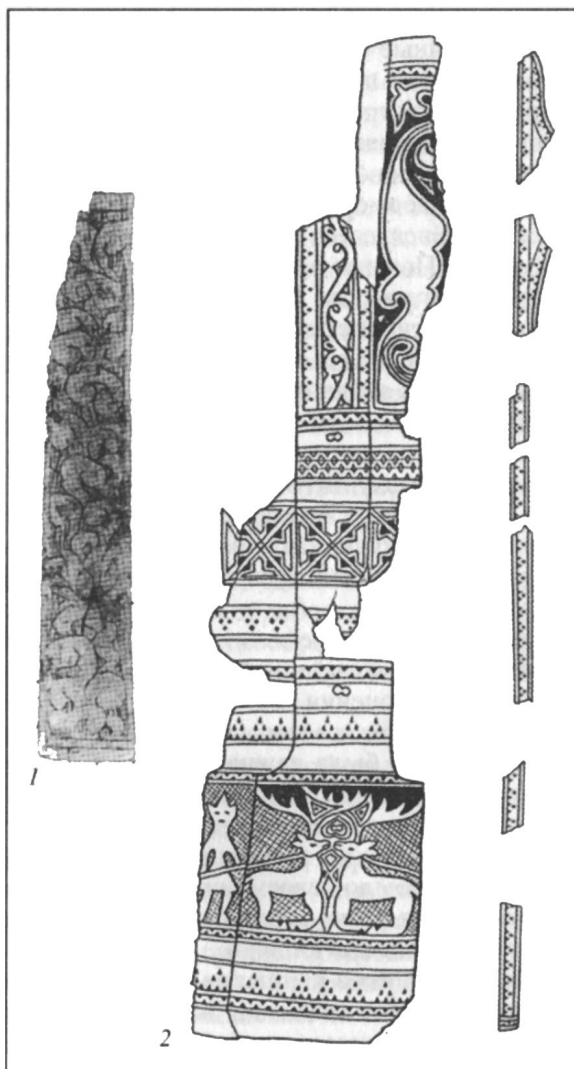

Рис. 20. Орнаментированные костяные обкладки:
1 – от шкатулки. Болгар XIV в.; 2 – от колчана.
Нижнее Поволжье. XIII–XIV вв.

фрагментарны. Но несомненная тесная связь в стилистике изображений на обкладках, найденных в золотоордынских городах и кочевнических курганах, и на болгарских фрагментах ясно прослеживается. Имеющиеся на болгарских изделиях растительно-геометрические орнаменты — растительные побеги, цветочные бутоны и лепестки, волнистые, точечные элементы и другие, — как правило, расположены то на одном, то на другом предмете отдельно. На золотоордынских изделиях в композиции можно встретить сочетание всех этих орнаментов вместе, да еще и с зооморфными сюжетами.

Изображение зверей в древнем и средневековом искусстве, как известно, называется звериным или зооморфным стилем. Блестящий расцвет этого стиля в Евразии известен в искусстве древних алтайцев, скифов, сармат, ананьинцев, пермских племен. Позднее он наблюдался у марийских и удмуртских племен, у ранних и домонгольских волжских болгар. Зооморфный стиль древности отличался синкретичностью образов. Искусству всех вышеназванных племен присуща прежде всего эта многозначная условность образов, имевших тайное, магическое значение, что было понятно при господстве языческой идеологии.

На смену ей пришел ислам со строгостью своих канонов и чистотой поклонения единому богу — Аллаху. В XIII—XIV вв. вся Золотая Орда и Волжская Болгария в ней представляют собой исламское государство, и в сказочно красивых городах Улуса Джучи, как и на всем мусульманском Востоке, в честь Аллаха строятся великолепные мечети с тонкими стрелами минаретов, устремленных к небу.

В сверкающем светском искусстве золотоордынских городов невиданных сочетаний и красот достигли растительный, геометрический и каллиграфический орнаменты. В своем поклонении Аллаху богатые горожане и дворцовая знать давно забыли о язычестве и многоликости художественных образов. В произведениях искусства им была важна изысканная пышность, роскошность узоров. Символичность искусства для них, очевидно, состояла в скрытых среди цветов и листьев, геометрических фигур и линий изречениях из Корана, где каллиграфия письма также превращалась в дивный, сложный орнамент, который и прочесть-то было невозможно. Но в этом, быть может, и заключалась особая утонченная тайна слов посланника Аллаха, Мухаммеда, — тайна слов изображенных, существующих и ... недоступных одновременно[68].

Жизнь же степных кочевников-кыпчаков (их территория, вспомним, называлась Дешт-и Кыпчак и тоже входила в Золотую Орду), которые в большинстве своем тоже были мусульманами (об этом говорят находимые в их погребениях предметы мусульманского культа: четки, вещи с изображением полумесяца), была более простой, по-прежнему почти слитой с природой, и им еще долго оставались близки (в искусстве и мировоззрении) образы, сохранившиеся с языческих времен. И, очевидно, по этой самой причине городские художники, работавшие на кочевников и создававшие для них различные изделия, использовали зооморфные образы.

Таким образом, косторезное ремесло в Золотой Орде и Волжской Болгарии было широко распространено как промысел, как искусство. Оно в основном продолжало домонгольские традиции: из кости резали те же самые изделия, техника исполнения и орнаменты на них не претерпели коренных изменений. Основной расцвет косторезного искусства наблюдался в золотоордынских городах Нижнего и Среднего Поволжья, а также в других городах и областях Золотой Орды (Крым, Поднепровье)[69].

В исследованиях по искусству волжских болгар пока не был особенно затронут вопрос об изделиях из цветного камня и стекла как о произведениях искусства, обнаруженных на территории Волжской Болгарии домонгольского и золотоордынского времени. В городе Болгаре найдено множество бус и украшений, составленных из разных камней, вставок перстней из сердолика, хрусталя, аметиста, лазурита, нефрита, бирюзы, янтаря и коралла.

Драгоценные камни во все времена привлекали к себе внимание людей. Их изучали и старались проникнуть в их природную тайну. Драгоценным камням придавался магический смысл, судьбу и жизнь каждого человека связывали с определенным камнем. Наиболее глубоко изучением свойств камней занимались в древности: сведения о камнях есть в сочинениях Страбона, Дионисия. Знаменитый ученый средневекового Востока Ал-Бируни в своем известном классическом труде рассказал о происхождении драгоценных камней и их удивительных свойствах. Естественно, и в последующие времена изучению свойств камня посвящали немало трудов[70], ибо они не переставали волновать людей.

Из найденных в Болгаре бус, сделанных из полудрагоценных камней, больше всего сердоликовых. При обработке камням придавали самые разные формы: цилиндрические, таблеткообразные, бочкообразные, шарообразные, бипирамидальные, граненые, кольцевидные, эллипсоидные и многие другие (вкл., ил. XIII, 1).

Нередко бусины делали крупными, весомыми. Таким образом, часто возникала поверхность, грань или овал, удобная для нанесения рисунка или текста (как правило, краткого благопожелания или имени владельца, если это был, например, перстень). Среди болгарских коллекций сердоликовых бус имеются прекрасные образцы с четким выразительным растительным орнаментом, в котором можно увидеть лист (символический образ дерева), процарапанный тонкой линией на шестигранной пирамидальной бусине. Интересен орнамент на круглой плоской бусине, представляющий изображение вихревого движения. Ясно видны слова на восьмигранной площадке. Они составлены из арабского алфавита, написаны на каждой грани; внятно можно прочесть слово «успех».

Больше всего на бусинах встречается геометрический орнамент: волнистый, линейный, кружковый, точечный, спиралевидный. Но основная особенность сердоликовых бус в том, что почти каждая бусина сама является той или иной геометрической фигурой в миниатюре или же ее поверхность обработана в виде граней прямоугольников, квадратов, ромбов, треугольников. Очевидно, «геометричность» сердоликовых бус и в формах, и в шлифовке поверхностей связана прежде всего с техникой обработки. Именно такая форма обработки была удобна для мастеров-резчиков. Но нельзя сбрасывать со счета и магическое значение, придававшееся математическим числам и фигурам, что, вероятно, также учитывалось болгарскими (и вообще средневековыми) мастерами. Так, не забыты, вероятно, были еще с языческих и домонгольских времен значение символа солнца, а это были круг и круг с точкой; квадрат или ромб, означавшие засеянные обработанные поля, приносящие урожай (вокруг золотоордынских городов уже занимались земледелием); волнистые линии — знак воды, волны и т.д. И каждый из этих символов, естественно, был призван принести благо носящему его и оградить его от болезней и бед.

В Болгаре встречаются также сердоликовые бусы с белым орнаментом. Рисунок наносился раствором щелочи, а затем бусина нагревалась. Щелочь проникала внутрь камня и получался дымчатый узор[71] (большинство этих бус, по определению специалистов, домонгольские, но это не значит, что они полностью отсутствовали в золотоордынское время). Но важно при этом отметить тот факт, что орнаментированные таким образом бусы встречены только в Болгарском городище, и это,

возможно, может служить доказательством того, что они изготовлялись здесь же, ибо встречающиеся в огромном количестве сердоликовые бусы на территории всей средневековой Евразии (от Средней Азии и степного Поволжья до Крыма и Кавказа) таких орнаментов, как белые болгарские, как правило, не имеют. Правда, эта технология была еще с древности до XIX в. известна в Индии и в раннем средневековье имела распространение в Евразии. Позднее же, как было сказано выше, Она встречается только в Волжской Болгарии.

Хрустальные бусы тоже частая находка на этой земле. Как и большинство сердоликовых, они в основном являются изделиями домонгольского времени. Но некоторые формы, например эллипсоидные, бипирамидальные, относятся и к золотоордынскому времени.

Бусы производились из самых разных природных камней, имевших естественный цвет: бирюзовый, сине-голубой (лазурит), зеленый (нефрит), сиреневый (аметист), в большинстве своем — белый, серый, черный (агат), желтый (янтарь) и т.д. Формы бусин не отличались большим разнообразием. Но бывало, что природно-художественные особенности камня влияли на создание форм бусин. Так, змеевик, камень с чередующимися на поверхности темными и желто-коричневыми линиями, давал художнику возможность путем особой обработки создавать бусины в виде многолепесткового цветка, «выставляя» светлые полосы и «спиливая», сокращая — темные. Прозрачные камни, такие как хрусталь, янтарь и аметист, были хороши, когда подвергались огранке, — сфокусируя в себе свет, они начинали сверкать и переливаться. Матовые и непрозрачные или полупрозрачные камни (нефрит, коралл, бирюза) были удобны для нанесения на них орнаментов или надписей, и именно изделия из этих камней чаще всего служили амулетами[72].

Кроме бус, из драгоценных и полудрагоценных камней делали подвески, перстни, браслеты, вставки для металлических украшений. Подвеской чаще всего служила наиболее крупная бусина, которую носили на шее на шнурке; ее можно было сделать центром в нитке бус. В Волжской Болгарии, очевидно, женщины вплетали подвески в концы кос (впоследствии у казанских татар, подвески приняли форму чулп).

Известно, что существовали перстни, сделанные из сплошного камня: нефритовые, сердоликовые, бирюзовые, но гораздо больше было перстней из металла — золота, серебра, меди со вставками из камней. Эти вставки тоже имели различную форму и обработку. Сердоликовые, нефритовые и бирюзовые вставки часто украшали тонким миниатюрным орнаментом или надписью (изречение; имя хана, владельца). Аметистовые или хрустальные вставки делали гранеными, и грани — прямоугольниками, треугольниками, ромбы, фокусируя свет, лучились и сверкали. О способе крепления вставки на перстень пишет М.Д. Полубояринова: «в разное время существовали различные способы крепления камней — в цилиндрических напаянных гнездах, в конусовидных гнездах... В XIV в. появляются “лапки”, с помощью которых закрепляется камень»[73] (рис. 21).

В Болгаре и других золотоордынских городах часто встречается еще один вид украшений, изготовленных с использованием камней, — накладки, бляшки, пряжки и пуговицы. Здесь мы видим большое разнообразие форм и обработки. Накладки плоские, со сквозными отверстиями для крепления к одежде — поясу, концу рукава,

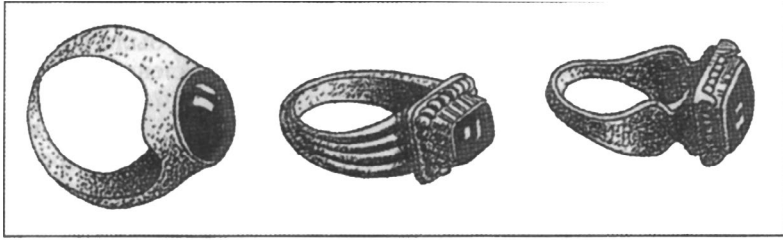

Рис. 21. Металлические перстни со вставками из камней и стекла.
Болгар. XII–XIV вв.

краю воротника. Такие изделия могли украшать шкатулки или переплеты рукописных книг. Некоторые из накладок или бляшек повторяли по форме металлические поделки и изображались в виде четырех- или шестилепестковых цветов или листьев; некоторые напоминали фигуры животных или птиц, иногда на них изображался сюжет с животным. Но в основном все накладки и бляшки имели формы геометрических фигур. Пуговицы тоже делались из красивых камней, но были более просты по форме: круглые, гладкие, овальные, ребристые, иногда удлинённые с закругленными краями. Наиболее часто для их изготовления использовали нефрит, сердолик, хрусталь, янтарь, перламутр, мраморный оникс.

Таким образом, в это время камни как украшения были очень популярны и распространены. Но, естественно, не следует думать, что такое использование камней в виде украшений было исключительным приоритетом лишь городов Золотой Орды. Ювелирные украшения из камней и инкрустированные камнями — явление общемировое и всевременное: они существовали, развивались, существуют и развиваются, не прекращаясь с древнейших времен по сегодняшний день. И, может быть, ни один вид искусства не имеет такой глубокой древности в своем развитии, как искусство украшения камнями.

В Золотой Орде, в Болгаре, для производства женских украшений интенсивно использовалось стекло. Кроме бус и подвесок были широко распространены стеклянные браслеты и перстни. К сожалению, не сохранилось ни одного целого браслета — только фрагменты. Но и они дают представление, насколько тонки, изящны, художественны были эти изделия. Браслеты были разнообразны (использую деление их на типы, предложенное М.Д. Полубояриновой[74]): круглые, перевитые желтой спиралью; крученые; витые; плосковыпуклые. В основном все они узкие, очень хрупкие. В Болгаре встречается больше браслетов из черного непрозрачного стекла, немало и бирюзовых. Но в отличие от бирюзового цвета бус и подвесок, бирюзового цвета стеклянные браслеты большей частью прозрачные. Красивы и изящны, вероятно, и желтые прозрачные браслеты. А если представить, что на одну руку могли надеть два или три тонких разноцветных браслета (бирюзовый, желтый и черный, например), то как красиво было их сочетание, а при соприкосновении их друг с другом — еще и тихий мелодический звон. Украшение браслетов кручеными золотистыми или желтыми «нитьями» (прекрасно смотрятся эти «нити» на черном фоне) являлось своеобразной их орнаментацией. Иногда вместо «нитей» браслеты украшались небольшими вкраплениями пятен.

Вопрос о существовании в Волжской Болгарии стеклоделия как самостоятельного ремесла (а в украшениях — как произведений искусства) практически стал предметом изучения лишь в 70-х годах, когда в Билярском городище было обнаружено огромное количество фрагментов стеклянных браслетов и посуды, относившихся еще к домонгольскому времени[75]. В золотоордынском Болгаре были найдены фрагменты оконных стекол в виде дисков. Интересно, что они были разноцветные, и потому нетрудно представить, что из них делали витражи. Витражи эти, очевидно, представляли собой красочные орнаменты. Исследователи стеклоделия в Золотой Орде и Волжской Болгарии — Н.Н. Бусятская, М.Д. Полубояринова, С.И. Валиулина отмечают высокий технический уровень витражных (оконных дискообразных) стекол, близких к высококачественным стеклам Востока (Египта, Сирии). Для витража в Волжской Болгарии использовали не только дискообразные стекла, но и нарезанные на небольшие фигурные куски, которые затем вставляли в гипсовую решетку для получения цветной мозаики. (В Золотой Орде и в Волжской Болгарии вместо деревянных рам изготавливали гипсовые решетки.) Такое искусство отмечено, например, в Средней Азии, но не исключено, что оно существовало и в Среднем Поволжье — в Волжской Болгарии.

Многочисленные фрагменты стеклянной посуды, найденные как в Болгаре, Биляре, так и во всей Золотой Орде, указывают на то, что в золотоордынских городах было развито всевозможное стеклянное производство. Обнаруженный стеклянный бой является фрагментами всей необходимой и используемой в быту стеклянной посуды, т.е. бокалов, кубков, рюмок, графинов, чаш, флаконов, близких по форме к глиняным изделиям. Причем каждый из этих видов, очевидно, имел несколько форм, отличаясь по толщине, высоте, размерам, силуэту, донцам, горловинам и венчикам[76] (вкл., ил. IV).

Однако подлинно художественными являются фрагменты изделий, относящихся к предметам импорта. Это сохранившиеся части ближневосточных или арабских ламп со сложным расписным орнаментом по краю, в котором использован мотив бордюра из трилистников, а во втором ряду — древнейшего сюжета из звериного стиля — сцены погони за зайцем собак или волков. На других фрагментах сосудов также сохранились следы различных орнаментов, в основном геометрически-растительных — то в виде жгута, то в виде побегов растений.

К импортной стеклянной посуде, найденной в Болгаре в немалом количестве, относятся также расписанные белым елочным орнаментом изысканные и изящные флакончики и сосуды из синего и фиолетового стекла. Следы таких тонких высокохудожественных изделий ведут на Средиземное море (Кипр, Египет, древняя Эллада, где утонченность прикладного искусства была нормой).

Таким образом, следует подчеркнуть, что золотоордынское и болгарское искусство развилось, имея перед собой великолепные образцы изделий восточного камня и стекла — древности и своего времени. Преемственность в культуре эпох — явление естественное и необходимое. Если бы не было этой преемственности, мы потеряли бы нить истории, нить древних культур, и все постоянно нужно было бы изобретать заново. Преемственность же (назови ее влиянием или даже эклектикой) помогает развивать и двигать культуру дальше, поднимать ее на новый уровень. Освоение

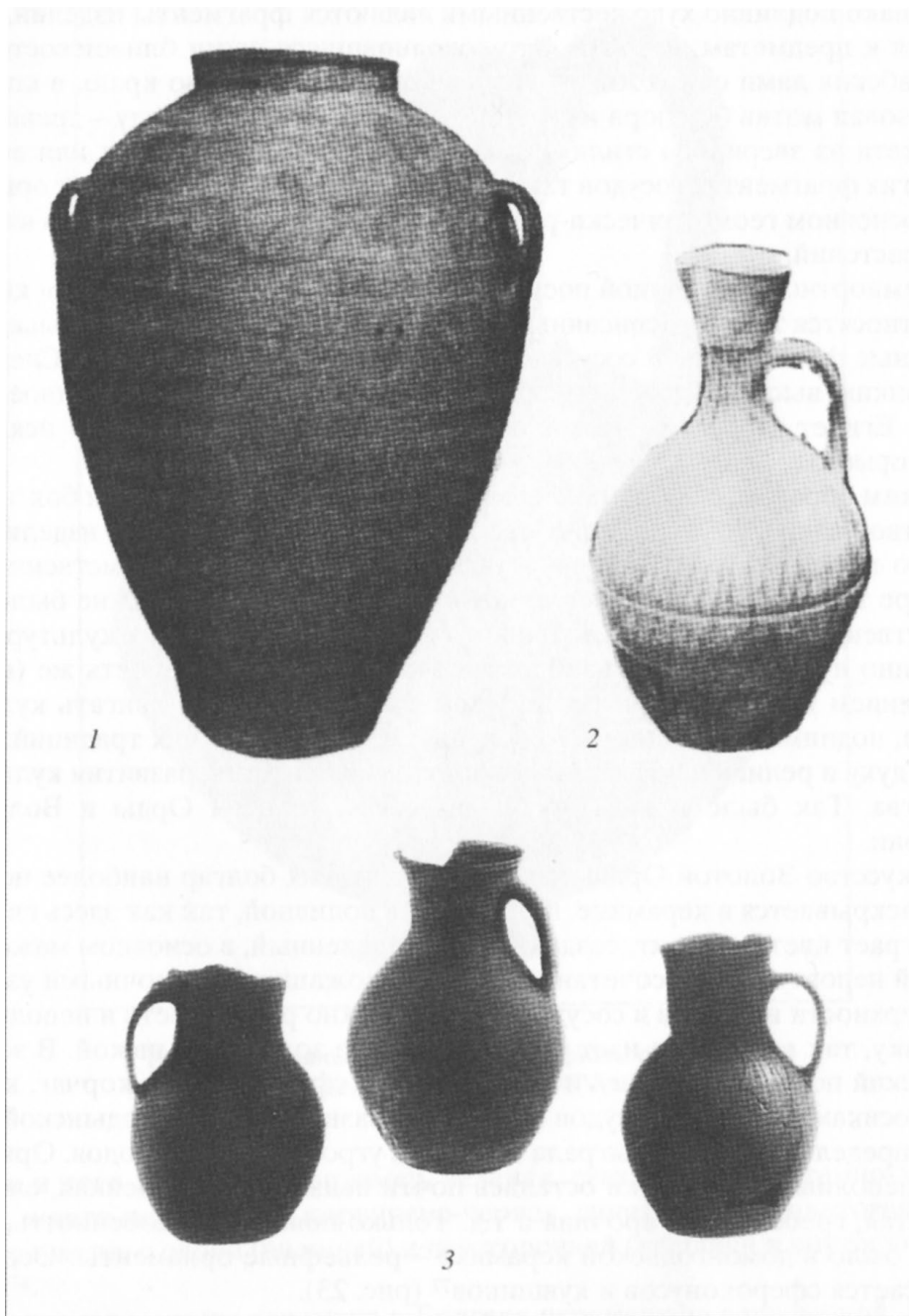

Рис. 22. Гончарная посуда.
Болгар. X–XII вв.

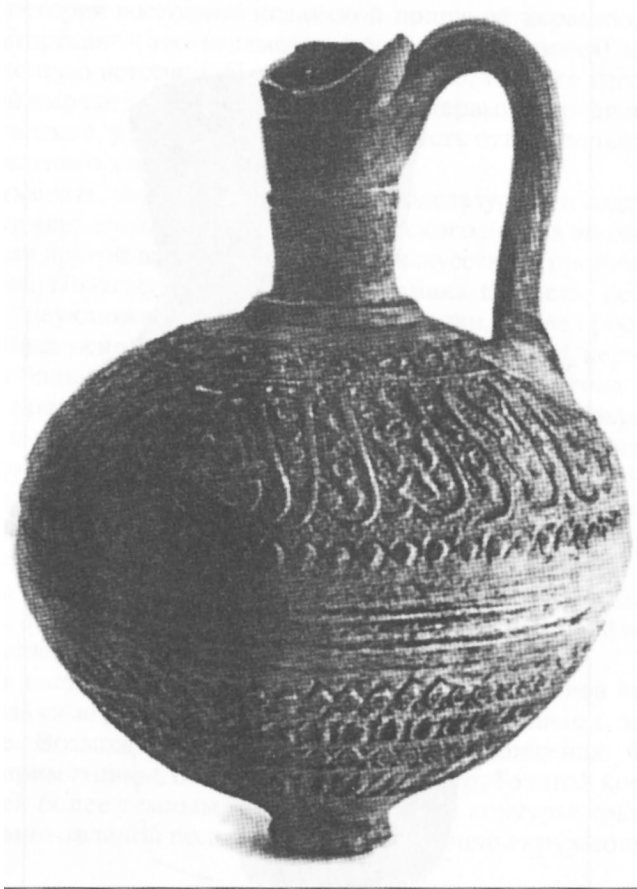

Рис. 23. Глиняный кувшин с рельефным орнаментом.
Нижнее Поволжье. XIV в.

прежних традиций, близких по духу и религии, позволяет говорить о новом этапе развития культуры, искусства. Так было в культуре и искусстве Золотой Орды и Волжской Болгарии.

Искусство Золотой Орды, искусство волжских болгар наиболее полно и ярко раскрывается в керамике, и особенно в поливной, так как здесь главную роль играет цвет, колорит, создающий определенный, в основном мажорный настрой неповторимым сочетанием красок, лежащих сказочными узорами на поверхности изразцов и сосудов. Но нам важно рассмотреть и неполивную керамику, так как от нее идет нить к керамике золотоордынской. В золотоордынский период появились и новые формы сфероконусов, корчаг, кувшинов с носиками и других сосудов (рис. 22). В развитии золотоордынской керамики определенную роль сыграла керамика угро-финских народов. Орнаментация неполивной керамики осталась почти неизменной: линейная, елочная, волнистая, гребенчатая, арочная и т.д. Только появи-

лась особенность, которой не было в домонгольской керамике — рельефные орнаменты. Особенно это касается сфероконусов и кувшинов[77] (рис. 23).

Вся местная поливная керамика была изготовлена из глины хорошего качества (тонко отмучена, тщательно промешена, с небольшим содержанием песка) на тяжелом гончарном круге. Правда, полива на сосудах по качеству несколько уступала привозным, иногда крошилась и отслаивалась. Но она покрывает поверхность равномерно, тонким слоем, утолщаясь книзу. Такой способ покрытия характерен при обливании или окунании сосуда в глазурь. По тону болгарская поливная керамика имеет разные оттенки, градации одного и того же цвета. Например, зеленая, светло-зеленая, темно-зеленая, бурая, желто-коричневая, коричнево-черная, синяя, сине-фиолетовая. Посуда встречается с одной (внешней) и двусторонней (внешней и внутренней) поливой[78].

Поливная местная керамика в Болгаре перемешана с привозной. По цвету она подразделяется на желто-зеленую, коричневую. Это более ранняя, чем золотоордынская, керамика. Здесь же встречается много фрагментов иранской люстровой поливы и китайского селадона[79]. Поливы этих сосудов и изразцов по качеству очень тонкие, а по цвету и росписи — живописные.

Тесные связи, существовавшие в это время между Волжской Болгарией и остальными областями Золотой Орды, позволяют говорить о том, что и привозная керамика (имеются в виду Сарай-Бату, Сарай-Берке, Хорезм, Солхат) и своя, местная, — это керамика, производившаяся в одной, единой тогда стране. Поэтому, думается, с полным правом можно говорить, что и эта, из других областей привезенная керамика более высокого качества, более совершенная и более художественная, — это керамика и Волжской Болгарии, так как она широко и повсюду использовалась и в архитектурном декоре, и в качестве парадной и бытовой посуды. Именно массовость и популярность использования поливной керамики дают повод рассматривать вместе, как единое целое, всю художественную керамику, находимую в Волжской Болгарии.

Вообще история восточной исламской поливной керамики (а золотоордынская, болгарская — это исламская, восточная керамика) многогранна и имеет свою долгую историю. По происхождению, технике изготовления, художественной выразительности, колориту эта керамика средневековья очень сходна с болгарской, у которой в то же время есть отличительные своеобразные черты местного характера.

Важно отметить, что золотоордынская подглазурная и надглазурная роспись керамики явилась выражением эстетического идеала эпохи, ибо керамика, как ни один другой вид искусства, была искусством, проникавшим во все слои общества. Поэтому существовала керамика бытовая, несколько даже огрубленная, «неуклюжая» в цвете и орнаментации, более простая, очевидно употреблявшаяся основным населением. Колориту такой керамики, например, присущи больше коричневые, желтые, зеленоватые тона. Об этом свидетельствует кринка для молока из Болгар (рис. 24). Она покрыта коричневой поливой и украшена крупным желтым линейным и огурцовообразным ритмически сочетающимся узором. В таком же стиле с внутренней стороны оформлено днище другого сосуда: по светло-желтой поливе нанесен геометрический орнамент коричневого цвета, а с внешней стороны у него зеленая полива без орнамента. Еще, пожалуй, стоит упомянуть и о том, что орнаменты некоторых поливных сосудов сильно напоминают орнаменты на неполивной керамике.

Рис. 24. Кринка с поливой. Болгар. XIV в.

Так, сохранился фрагмент венчика с бирюзовой поливой, край которого украшен синим линейно-елочным орнаментом.

По стилю, составу и колориту поливы близки к бытовой керамике глиняные сви-стульки-игрушки в виде уток, также найденные в золотоордынском Болгаре. Возможно, они славянского происхождения. Фигуры уток приземисты, примитивны, поверхность покрыта грубоватой коричневой поливой, а по ней более темным цветом расписаны контуры крыльев; голова закрашена темно-зеленой поливой, глаза обозначены кружковым орнаментом (рис. 25).

Существовала также керамика совсем другого качества — тонкая изящная, легкая, расписанная чудесными сложными орнаментами и целыми композициями. Этот вид керамики принадлежал правящему классу и использовался во дворцах ханов и их придворных.

В Болгаре, как и в других городах Золотой Орды, возможно, производилась поливная посуда: чаши, пиалы, вазы, кувшины, миски, флакончики, блюда. Качество глины

для посуды доводилось до художественного совершенства, и по тонкости обработки она часто напоминала фаянс или даже Богатство и разнообразие узоров и композиций трудно описать — так они бесконечны. К сожалению, в основном сохранились лишь фрагменты этих сосудов и изразцов. Но и по ним можно судить, что они по художественному уровню были подобны сарайским изделиям и столь же совершенны (рис. 26). В основном встречается растительный орнамент в сложных переплетениях цветов, листьев, побегов. Нередки сочетания растительного и геометрического орнаментов, еще более часты благожелательные надписи на арабском, выполненные красивым почерком «насх», обозначающие слово «успех». Традиции благожеланий сложились еще в домонгольское время во всем восточном искусстве исламского мира и были продолжены в болгарском и в золотоордынском периоде. Иногда среди узоров цветов и листьев на поверхности сосудов оказывается изображение птицы или рыбы, что делает композицию еще более красочной и богатой по содержанию.

В художественном плане ощутимо стилистическое разнообразие изделий, выполненных в одной и той же технике. Например, в блюдах, украшенных подглазурной росписью, даже в изображении одних и тех же цветов — синих тюльпанов — видно то более реалистическое их воплощение, то более стилизованное.

В XIV в., когда ислам в восточном искусстве становится определяющим фактором, в орнаментации поливной керамики наблюдается тенденция к единству стиля, и это как раз совпадает со временем формирования единой золотоордынской художественной культуры. Именно в этот период в искусстве (и в керамике, в частности) происходит постепенный переход от натурно-реалистического рисунка с упрощенным узором, просто заполнявшим поверхность изделия, к более сложным «картинным» композициям. Роспись на керамике уже является не просто декоративным украшением, а превращается в композицию, несущую определенное сюжетное содержание. Правда, такие сюжетно-композиционные росписи встречаются в основном в Средней Азии или Крыму, и то не часто. Один из таких роскошных сюжетов проанализирован в статье В.Н. Залесской и М.Г. Крамаровского[80]. Авторы обращают внимание на чашу, роспись которой изображает сюжет «молодежной пирушки в гранатовом саду»[81].

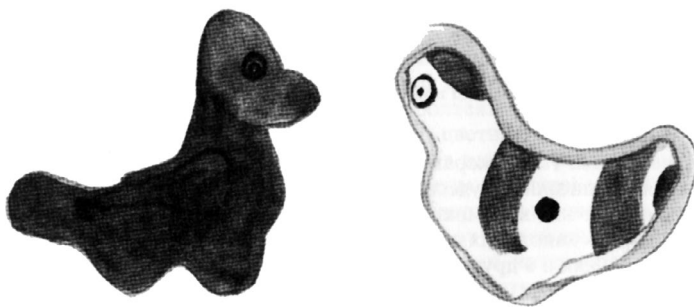

Рис. 25. Глиняные игрушки-свистульки с поливой и росписью. Болгар. XIV в.

Рис. 26. Фрагменты поливной посуды, найденные в Болгаре.
XIV в.

Расширение массового спроса, массового использования керамики вызвало необходимость производства облицовочной керамики, изразцов, которое увеличилось с началом монументального строительства в городах Золотой Орды, в том числе и городе Болгаре. Именно цветные изразцы определяли большую часть монументального искусства. Из них составляли мозаики на полу, потолках, стенах. Они украшали интерьеры и экстерьеры общественных зданий (вкл., ил. XIV). Правда, в Болгаре изразцы в основном применялись внутри зданий. Любопытно, что в отличие от «саранских» изразцов, используемых более интенсивно, в Болгаре, даже в интерье-

ре, украшение могло быть довольно скромным. Об этом свидетельствует оформление уцелевшего центрального купола зала на втором этаже в Черной палате, где изразцы в виде шестилучевой звезды из синего кобальта лишь редким ритмическим ударением проступают в чередовании с орнаментальной каменной резьбой. Археологами установлено, что время строительства этого памятника относится к XIV в. Сохранилась лишь часть этого большого сооружения. Очевидно, некогда купольный зал был украшен более богатым лепным декором.

Цветными изразцами были украшены, видимо, и другие монументальные сооружения Болгара. И эти изразцы — высокохудожественные изделия. Это можно видеть на примере двух фрагментов изразцов. Композиция на одном, кобальтово-синем, состоит из растительного узора (желтые цветы с бирюзовыми побегамии листьями), по которому белым начертан эпиграфический орнамент. Стиль изображения свободный, несколько обобщенный. У другого фрагмента тоже общий синий фон, по нему мелкий растительный узор с ритмическим и четким правильным повтором композиций из побегов бирюзового цвета и листьев, пронизывающих узорную геометрическую арку, которая также многократно и орнаментально повторяется. Из приведенных примеров болгарских изразцов видно, что в их рисунках происходит постепенная натурализация растительных мотивов, создающая изобразительно-декоративный стиль керамики XIV в. Но это является не только чисто болгарской или золотоордынской чертой, а наблюдается и в керамике других восточных стран, например в керамике Ирана или Турции, на художественный стиль которых большое влияние оказывают тебризская и турецкая школы миниатюры.

В коллекции керамики Болгара и Золотой Орды встречается немало фрагментов высокохудожественных привозных изделий из Ирана, Византии, Малой Азии, Китая.

Анализ искусства золотоордынской керамики позволяет касаться вопроса колорита в ней. Колорит — это гармония красок, цвета, создающих в художественном изделии (как картине) определенный настрой чувств и восприятия произведения искусства; неотъемлемая часть художественного образа, без которого произведение, исполненное в цвете, теряет смысл, превращаясь в нечто маловыразительное. Строгое определение колорита находит в золотоордынской керамике классическое воплощение. Цвет в ней (в изразцах и посуде) являет собой высочайший образец колористической культуры и тонкого вкуса. Любимым цветом художников Золотой Орды был, несомненно, бирюзовый. Затем следовали различные оттенки голубого, синего, желтого, зеленого. Использовали также белый, серый, красный, вместо черного — темно-зеленый. И редко — черный (как импрессионисты во Франции XIX в.). Тот или иной цвет создавал определенный ритм, симметрию узоров. Есть изразцы, украшенные броскими желтыми и красными цветами на темно-синем фоне. Цвет фона оттеняет красоту и сочность изображенных цветов (вкл., ил. XIV).

Мастера, расписывавшие изразцы, имели тонкий художественный вкус и использовали такие цвета и их тональности, что «картина» становилась совершенной и безупречной.

Изразцы в основном имеют синий или бирюзовый фон. Узоры на них белые, красные, желтые. Это цветы, листья, бутоны, стебли, переданные в каком-то вихревом, круговом движении. Цвета — открытые, чистые, колористически гармоничные, взя-

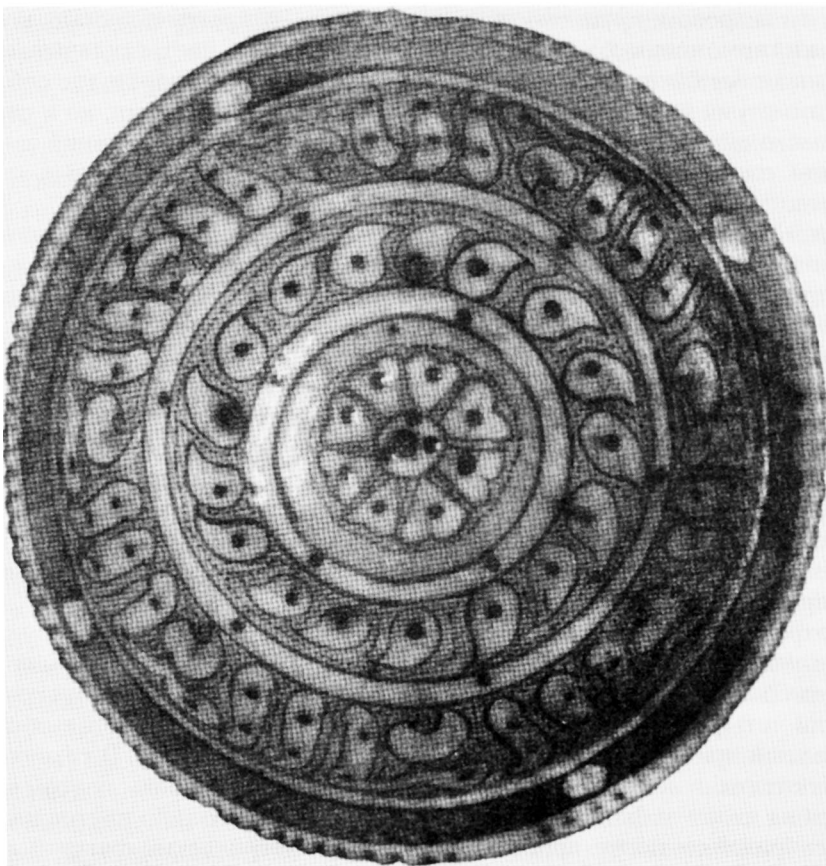

Рис. 27. Поливная чаша. Нижнее Поволжье.
XIV в.

тые в едином тоне. Иногда цветы складываются в стилизованные букеты, где узнаваемы тюльпаны или гвоздики, где соблюдается симметрия не только в составляющих частях композиции, но и симметрия самого цвета. Восхищает цветовая гармония, мягкий, сияющий свет, исходящий от изображений, от благородного сочетания локальных цветов, желтого, белого, голубого и синего.

Возможно, эта колористическая гармония исходила от знания, знакомства золотоордынских художников с книжной миниатюрой, ведь там тоже чистые, открытые локальные цвета — без полутонов и оттенков. Но в миниатюрах всегда поражает удивительная мягкость всевозможных красок, их звучное, музыкальное сочетание. Материал изразцовой керамики, естественно, совершенно другой — жесткий, твердый. Здесь сама технология не позволяет сочетания многих цветов. Но художники, украшавшие здания в золотоордынских городах, имея под рукой четыре-пять красок, создавали такие цветовые композиции, которые вполне отвечали изысканному вкусу

и потребностям души восточных властелинов. Интересно, что золотоордынским изразцам присущи в основном три главенствующих, самых звучных основополагающих цвета палитры — красный, желтый, синий, которые сочетались в самых разных вариациях и комбинациях.

Сохранившиеся мелкие фрагменты архитектурных майолик, очевидно служившие фризами, сохраняя в основном те же основные цвета, иногда дают примеры более тонкой живописной росписи с выделением контуров шести- или четырехлепестковых цветов. Иногда и цвета в них более обогащены: желтый приближается к оранжевому, синий — к черному. В технике еще выделяются тонкие росписи кистью: обводятся более темным цветом контуры, или на цветном фоне подчеркиваются узоры каких-либо цветов или листьев, спиралей, а также просто элементов геометрических фигур и линий. Изредка применяется и ярко-травяной зеленый цвет в сочетании с бежевым. Еще обращает внимание то чувство меры, которым обладал художник, в передаче разных цветов в орнаменте изразцов. Нигде не заметишь «кричащие» краски или негармоничное их сочетание: художники обладали абсолютным» глазом.

Иную гармонию красок мы видим на бытовой керамике: блюдах, мисках, чашах, вазах, пиалах, кувшинах. Здесь преобладают серые, синие, бирюзовые, зеленые тона. Как правило, чаша расписана изнутри и снаружи. Фон — серо-зеленоватый, орнамент расцвечен крупными синими точками и бирюзовыми расплывшимися пятнами. Дно чаши окружено белой рельефной полосой и в самом центре изображена утка на фоне стилизованных листьев и цветов. Вся эта чудесная композиция окружена изображениями миндалин с точками, разных стилизованных растений. Таким образом, внутренняя сторона чаши богато расписана — но цвета очень сдержанные: синий, темно-зеленый, белый, серый. Внешняя сторона чаши расписана просто — арочным орнаментом; на «колоннах» арок отдельными вкраплениями помещены синие пятна, то яркие, то расплывающиеся. Внутри чаш художники создавали самые разные композиции — то растительные, то зооморфные, то геометрические, то их сочетания, а внешняя сторона расписывалась четким арочным орнаментом. В росписях золотоордынской керамики — целый мир, переданный фантазией художника. Узоры своеобразны сами по себе. Глухие сдержанные оттенки белого, серого, синего цветов спокойны и гармоничны (рис. 27). Золотоордынское блюдо, например, украшено изображением концентрических кругов, цветка гвоздики в центре и каплеобразных или огурцовоподобных фигур с синими вкраплениями между ритмически уменьшающимися кругами. Фигуры этого орнамента отдаленно напоминают орнамент на коричневой болгарской кринке, описанной выше. Это, безусловно, говорит о преемственности и единстве золотоордынской и болгарской культур, естественно, при качественном их отличии.

В средневековом искусстве большое значение придавалось символике цвета. Через цвет можно было выразить различные эмоциональные состояния и нравственные понятия.

Белый цвет вмещал в себя наиболее многообразные сферы жизни и олицетворял чистоту, благородство, добро. На золотоордынских изразцах и керамике много белого цвета.

С черным цветом чаще всего связано все темное, злое, жестокое. В золотоордынской культуре мир был окрашен в праздничные краски, поэтому черного цвета в ней практически нет.

Синий, голубой цвет — символ верности, вечности, постоянства чаще всего ассоциировался с небом. Недаром слово «Кук» в тюркских языках означает одновременно и голубой цвет, и небо. Возможно, поэтому в золотоордынском искусстве так много голубых, бирюзовых оттенков.

Зеленый олицетворял божественную мудрость, покой, цветущую весну. В сочетании с синим, белым, желтым привносил в композицию гармонию и уравновешенность.

Желтый, золотистый цвет имел особое значение. Он был символом солнца, земли, первых весенних цветов, богатства, милосердия и симпатии.

Очевидно, следуя этим символам, применялись цвета на золотоордынских изразцах и керамике. Но их смысловое значение менялось в разные времена и у разных народов. Немаловажным при этом считалось сочетание красок друг с другом. Художники могли цветом выразить мысли и переживания, внося в них образно-эмоциональное содержание.

Для золотоордынского искусства характерна гармонизация и контрастных взаимоотношений цвета, сопоставление противоположных красок: золотисто-желтого с сине-голубым, красного с зеленым (реже). При этом один из тонов, чаще синий, бирюзовый, являлся господствующим, ему «подчинялись» другие тона — зеленый, коричневый, желтый. Интервалы между тем или иным цветом строились на принципе ритмического сочетания, то усиливаясь, то смягчаясь. Формы сосудов, изразцов создавали возможность для своеобразного ритма, динамики. На то, как смотрится тот или иной цвет на изразцах, посуде, влияла и их форма. Например, известно, что выпуклость способствует восприятию линий, рисунков орнамента, а вогнутость содействует восприятию фона[82].

Изразцы и сосуды широко представлены в коллекциях Болгарского музея-заповедника, Национального музея Республики Татарстан. По определению археологов, гончарные мастерские, где производилась неполивная и поливная керамика, находились в Болгаре и Иске-Казани, но и привозной керамики, в основном из Хорезма, было не мало[83]. Импорт керамики не умаляет значения на рынке местной посуды, но, по-видимому, говорит о высокой требовательности болгар к качеству и художественным достоинствам изделий.

Археологи отмечают, что в золотоордынское время болгарская керамика в своей основе, особенно это относится к неполивной керамике, продолжала традиции домонгольского периода, что проступало в технологии изготовления глины для посуды, в преобладании домонгольского «красного черепка», в способе орнаментации, в выработке определенных стандартных форм. Но в самой тематике орнаментации происходят некоторые изменения: более редкими становятся зооморфные мотивы, усиливается узор вьющегося побега, происходит слияние черт домонгольских финно-угорских и золотоордынских огузо-кыпчакских. В поливной керамике преобладают желтые, коричневые и зеленые тона, по качеству изготовления они более грубы и приземлены в сравнении с хорезмийской и собственной ордынской (сарайской) керамикой. Но и это искусство, и это художественная роспись, здесь тоже можно наблюдать гармоничное сочетание желтых и зеленых оттенков растительных орнаментов, обведенных коричневым контуром. А рядом были и прекрасные яркие чаши, вазы из кашины, украшенные чудными узорами и цветами.

Керамическое искусство Золотой Орды и Волжской Болгарии обнаруживает удивительную связь с огромным миром искусства Востока — Ираном, Аравией, Ближним Востоком и даже далеким Китаем и Египтом. Развитие, расцвет художественной керамики позволяют разрабатывать, сочетать, использовать разную технику — роспись, гравировку и разные орнаменты — геометрический, растительный, эпиграфический. Свободное владение этими техниками давало возможность мастерам создавать высокохудожественные композиции, достигая и в орнаменте, и в колорите небывалых красот и мастерства.

В искусстве Волжской Болгарии и города Болгара велика роль изделий из металла. При археологических раскопках здесь найдены крупные центры бронзо-литейного производства, найдены остатки ремесленных мастерских, где изготовляли всевозможные украшения, накладки, рукояти ножей и другие художественные предметы из металла[84]. В развалинах этих мастерских сохранилось большое количество орудий, при помощи которых можно было в самой разной технике (плавка, литье, чеканка, штамповка, волочение, зернение, скань и т.д.) создавать прекрасные произведения искусства и предметы быта.

Так, используя технику литья, при помощи многообразных литейных форм болгарские мастера золотоордынского времени изготовляли серьги, бусы, подвески, височные кольца, браслеты, перстни, лунницы, зеркала, украшения головных уборов, поясные пряжки, пуговицы, бляшки, наконечники ремней. Те же серьги или височные кольца, лунницы, браслеты могли быть созданы и с использованием техники зернения, штамповки, скани, чеканки (рис. 28).

Височные кольца, характерные и для домонгольского искусства Волжской Болгарии, в золотоордынское время изготовлялись в традициях прежних исканий: композиция строилась из кольца с тремя желудевидными бусинами, которые состояли из двух тисненых половинок, украшенных тонким пояском скани или зерни. Правда, в отличие от домонгольских, на этих височных кольцах уже нет фигурки уточки и на цепочках не спускаются шумящие подвески (вкл., ил. XV, 1).

Серьги имеют тоже древние простые формы в виде знака вопроса и в виде тонких колец. Но те из них, что сделаны из серебра и золота, выглядят изящно и изысканно. Несколько экземпляров таких серег имеется в Болгарском музее-заповеднике. Они смотрятся более богато, благодаря тому что на них нанизаны крохотные жемчужины: на проволочной серьге — одна жемчужина, на серьге в виде знака вопроса — три собранные вместе жемчужины нанизаны на золотую крученую проволоку, которая является окончанием изделия. Среди этих украшений найдены и золотые бусины — желудеобразные и рифленые. Возможно, такие бусины (особенно в виде желудя) были фрагментами височных колец, а возможно, из них составлялись ожерелья (вкл., ил. XV, 5).

Браслеты из серебра сохранились лучше всего. Они выполнены в разной технике — есть проволочные (гладкопроволочные и витые, ажурные) и плоские, пластинчатые (рис. 29). Все они были несомкнутые, часть — с закругленными концами, часть

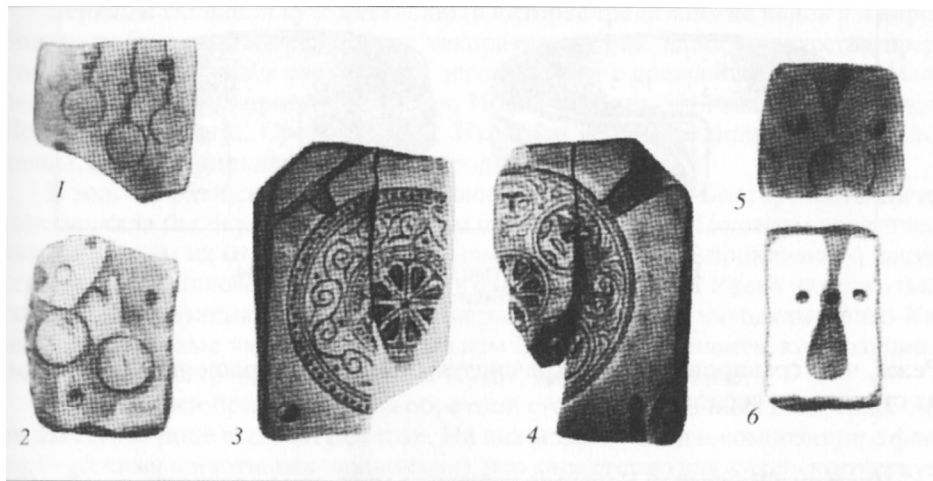

Рис. 28. Каменные литейные формы для отливки ювелирных украшений

— с прямоугольными. Украшением витых проволочных браслетов служило само переплетение нескольких рядов проволоки, придававшее изделию ажурность, легкость. Пластинчатые же браслеты, как правило, украшались гравированным изображением львиных морд (мотив, пришедший из Кавказа, Ирана или Средней Азии), цветочно-растительных узоров и комбинацией простых геометрических линий и бордюров.

Реже, чем гравированные, встречаются браслеты, украшенные вставками из стекла или сердолика.

Перстни в Волжской Болгарии найдены в меньшем количестве, чем браслеты, хотя это вовсе не значит, что на самом деле их было немного. Золотоордынские перстни почти все со щитком (вкл., ил. XV, 3). Именно эти щитки и создают большое разнообразие декора в технике гравировки, насечек, вставок. Сами щитки тоже разных форм, есть овальные и прямоугольные. На щитках видны и благопожелания на арабском языке, и простые растительные или геометрические орнаменты, и солярные знаки, и даже плетенка в виде монгольского узла счастья, и завитки, и S-видные узоры. Найдены перстни крупные, с широким ободком, очевидно мужские, и более

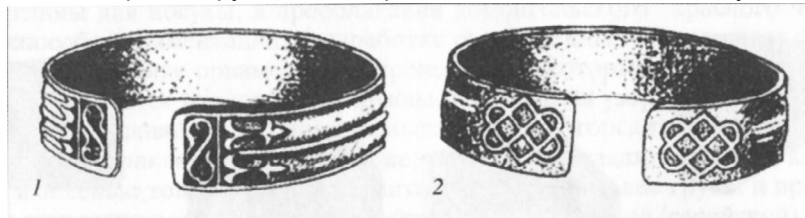

Рис. 29. Пластинчатые бронзовые браслеты.
Болгар.

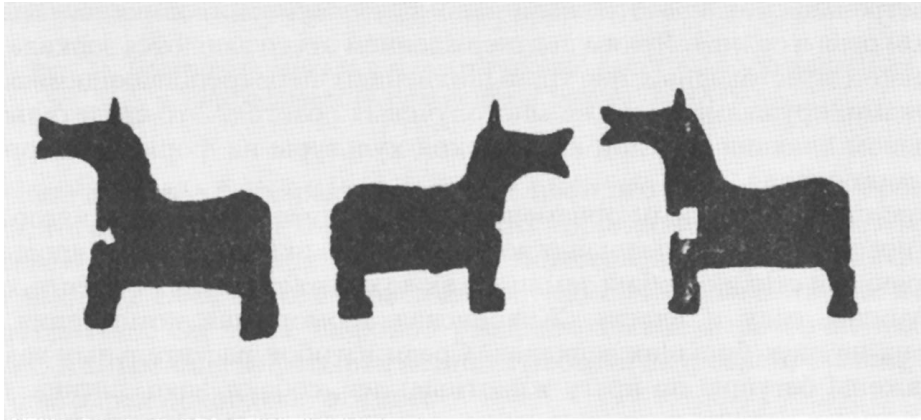

Рис. 30. Бронзовые замки в виде лошадок.
Болгар. XIII–XIV вв.

тонкие, небольшие, принадлежавшие женщинам. В Болгаре обнаружен один интересный экземпляр перстня с голубой стеклянной вставкой, на которой очень тонким, изящным рельефом изображена лягушка. Это маленькое земноводное на древнем Востоке было символом добра, и его изображение должно было служить оберегом.

Замки из бронзы известны на территории Волжской Болгарии домонгольского времени. В научной литературе их так и называют — «болгарскими замками» или «замками болгарского типа». Болгарские мастера делали их в виде разных животных: баранчиков, собак, коней (рис. 30). В золотоордынский период стали широко распространяться замки в виде коньков, украшенных кружковым орнаментом. Замки отличались половинками в отдельных формах и затем спаивались. Они просты и в то же время художественно-выразительны. Фигуры коней имеют мягкие округлые очертания, а сделанные гравировкой кружковые орнаменты — на туловище и на месте глаз — «оживляют» это изделие, которое можно рассматривать даже как произведение малой пластики. Если посмотреть на коней в стилистическом плане, то они явно выполнены в примитивном символическом народном стиле, которому присущи черты условности в изображении туловища, ног и головы, но в то же время в этой условной форме легко угадывается фигура самого любимого и необходимого животного средневековых народов.

Зеркала. Большой художественный интерес среди многих видов и жанров болгарского и золотоордынского декоративно-прикладного искусства представляют бронзовые и серебряные зеркала. Они с древнейших времен были распространены на просторах Китая, Ирана, Сибири, прикаспийских степей, Поволжья, Кавказа, Средней Азии. Их знали и производили кочевники-половцы, сарматы, цивилизованные народы Востока.

В золотоордынских городах Нижнего Поволжья и в Болгаре металлические зеркала были распространенным предметом быта. По своим эстетическим качествам их относят к произведениям декоративно-прикладного искусства. Л.Ф. Недашковский подразделяет бронзовые зеркала Укека на несколько типов[85]. Композиции с изо-

бражениями рыб он относит к находкам Волго-Камья, хотя таковые имеются и на Дальнем Востоке[86]. Варианты композиций с рыбами распространены и далеко в Китае, Корее, Вьетнаме.

Зеркала с изображениями на обратной стороне различных животных были известны чаще всего на Востоке. На них можно найти и композиции с фантастическими животными (драконами), что характерно для китайского искусства. В золотоордынских городах более распространенными были зеркала с растительным орнаментом — лепестками лотоса, тюльпана; эти орнаменты характерны и для золотоордынского Болгара (мотивы заимствованы из Средней Азии и Ирана)[87].

Зеркала играли огромную роль в жизни древнего населения — кочевого и оседлого. Они отождествлялись, вероятно, с мерцающим лунным и солнечным диском, а орнамент на обратной стороне воспринимался как символ, охраняющий владельца зеркала от воздействия враждебных сил и явлений. Древние зеркала изготовлялись из обыкновенного бронзового сплава. Но впоследствии был изобретен особый состав из меди и олова, который известен под названием зеркального сплава: он отличается серым металлическим цветом, похожим на цвет полированной стали. Поверхность, служившая для отражения, всегда была хорошо отполирована. Кроме своего прямого назначения, металлические зеркала использовались в качестве талисманов и играли определенную роль в магии и астрологии[88]. В религиозном представлении многих народов они были символом женского божества, олицетворяющего плодоносящие силы. Зеркала часто находят в погребениях знатных женщин; возможно, эти женщины были колдуньями и исполняли какие-то языческие ритуалы, связанные с культом плодородия.

Обратные стороны зеркал разнообразно и композиционно богато орнаментированы, и все же основные мотивы, идущие с древнейших времен, традиционны. Традициями сармато-аланских мотивов являются концентрические окружности, которые в то время (начало I тысячелетия н.э.), возможно, были астральными символами. Эти простые ничем не заполненные окружности обозначали просто солнечный или лунный знак. В золотоордынское время пространство между концентрическими окружностями стало заполняться сложными орнаментами, включая эпиграфический. Это могли быть богато переплетенные растительные узоры или сочетание растительных и геометрических мотивов, а также целые сюжетные композиции с участием животных, птиц и рыб (рис. 31).

Все рисунки на зеркалах можно разделить на несколько типов.

- Чисто растительный орнамент, где преобладают мотивы трилистника, тюльпана, колокольчика.
- Геометрический орнамент, напоминающий сложный узор архитектурного декора.
- Изображение животных, в основном хищных, — львов (влияние искусства Ирана); собак, соболей, зайцев (влияние местной фауны).
- Сложная сюжетная композиция, например, волки или собаки гонятся за зайцами.
- Изображение двух или четырех животных, птиц, рыб.
- Эпиграфический орнамент, более поздний, чисто мусульманского периода, с благопожеланиями владельцу.

Рис. 31. Бронзовые зеркала с геометрическим, растительно-зооморфным и эпиграфическим орнаментом. Болгар. XII–XIV вв.

Несложная и довольно архаичная геометрическая орнаментация зеркал в виде астральных знаков отражала явно языческую символику, связанную с культом огня и солнца. Ярким подтверждением этого являются зеркала с изображением кресто-видных фигур, выполненных перекрещивающимися дугами, арками, кружками, а также многолучевых розеток. Это свидетельствует о большом влиянии местной кыпчакской культуры на форму и декор изготавливаемых зеркал.

Наиболее интересным орнаментальным мотивом является зооморфный. В нем преобладает мир реальных живых образов окружающей природы, олицетворяющей стихию неба и земли, а также фантастических существ, символизирующих силу и

власть. Живописная зооморфная композиция представлена на двух больших зеркалах. Среди изгибов растительных завитков изображены бегущие по кругу животные: лев, собака, заяц, лисица, олень. Они мчатся в галопе с откинутыми назад головами и вытянутыми шеями. Это так называемый охотничий гон зверей, сюжет связанный с языческой мифологией и очень популярный у древних торевтов.

Одной из наиболее характерных черт местного производства бронзовых зеркал, изготовленных в золотоордынских городах, было многократное повторение излюбленных орнаментальных сюжетов, например, двух играющих на волнах рыб. Этот сюжет символизирует семейное благополучие и обильное потомство. Он имел широкое распространение в восточно-азиатских странах. Композиция из четырех летящих лебедей (журавлей) связана с понятием о четырех природных стихиях.

Конечно, среди обилия разнообразных зеркал было немало привозных, попавших в Волжскую Болгарию и Золотую Орду в результате торгового обмена или завезенных путешественниками. Влияние дальневосточных и ближневосточных центров можно проследить на местной продукции в изображениях стилизованных драконов и грифонов, фантастических существ с львиными туловищами, короткими крыльями, изогнутым хвостом, оканчивающимся полупальметтой. Полиморфные существа играли большую роль в верованиях средневековых кочевников, выражая всемогущество и непобедимость.

С распространением ислама среди золотоордынского населения в оформлении бронзовых зеркал начинает преобладать цветочно-растительный орнамент. Это так называемый арабесковый стиль орнамента, покрывающего всю внешнюю поверхность зеркала и в основном представленного изображением цветка тюльпана, т.е. «цветка солнца» с древнейших времен символизирующего обновление жизни, а также бутона лотоса, виноградной лозы и стилизованных растительных побегов.

Среди благожелательных символов в орнаментации зеркал появляются надписи, выполненные китайскими иероглифами или затайливой вязью в виде арабских букв почерком «наسخ» или «цветущий куфи». Н.Ф. Катанов перевел надпись на одном из зеркал: «Слава, которая (есть) высшее счастье для могущественных чиновников, (да будет) тебе благодеянием будущей жизни» [89].

Одним из самых уникальных в сюжетном отношении является зеркало с изображением всадника на спокойно стоящей лошади перед «деревом». Этот сюжет уходит корнями в иранское искусство эпохи Сасанидов.

Семантика и орнаментация средневековых бронзовых зеркал наглядно показывает разнообразие вкусов и стилей в золотоордынское время. Древние торевты, подражая привозным зеркалам с их богатой и разнообразной орнаментацией, особенно восточно-азиатским хорезмийским, отражали вкусы феодальной верхушки золотоордынского общества, преклонявшейся перед всем восточным.

В «Особой кладовой» Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге хранится несколько художественных изделий, найденных в Болгаре.

1. Два великолепно гравированных серебряных блюда. На одном изображена хищная птица, восседающая верхом на лосе или олене с ветвистыми рогами. Вокруг этой композиции по симметрии расположены четыре орнамента в виде плетенки (монгольский, восточный мотив), среди них — птицы (мотив птиц и плетенок, распо-

ложенных в единой композиции, есть в искусстве Византии, Ирана, Древней Руси). На рисунке другого блюда целиком преобладает мотив птиц и плетенки: изображены две птицы, повернувшиеся клювами друг к другу. Оба блюда относятся к XIII в. и представляют большую художественную ценность. Безусловно, они являлись принадлежностью ханского дворца или приближенных к хану вельмож.

2. Небольшая черпалка, возможно использовавшаяся для наливания вина. Ее украшает плетеный орнамент.

3. Серебряное ожерелье в виде узорной цепочки с желудями напоминает другое золотоордынское болгарское украшение, находящееся в Государственном Историческом музее. Только в эрмитажном экземпляре желуди перемежаются с серебряными монетами, что делает это ожерелье в художественном отношении еще более богатым и живописно-экзотическим[90].

Можно предположить, что эти изысканные вещи вполне могли быть сделаны в самом Болгаре для ханской семьи — ведь следы ювелирных мастерских сохранились, и подобные изделия не единичны: немало найдено височных колец и ожерелий. Разве что великолепные серебряные блюда могут вызвать сомнение, местные ли они? Но композиции с изображением лося и хищной птицы верхом на нем или просто птиц и сложной плетенки позволяют предположить, что эти сюжеты как раз могли быть местными, переработанными иранскими сюжетами, в которых часто изображали всадника на коне. Сюжет же плетенки характерным был и для монгольского декоративно-прикладного искусства. На наш взгляд, блюда могли быть изготовлены если не в Болгаре, то, вполне вероятно, в одном из Сараев.

Еще с домонгольских времен в искусстве волжских болгар были распространены своеобразные ювелирные изделия — коранницы, амулетницы или коробочки для ношения молитвенных текстов. В золотоордынское время они также имели большое хождение в высшем обществе (рис. 32). Одна из таких коранниц, созданная, очевидно, в Волжской Болгарии[91] в XIV в., находится в собрании Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Это довольно крупный экземпляр для ношения на шее, сделанный из серебра с позолотой с использованием техники чеканки и зерни, и с цепочкой с желудями. Поверхность самой коробочки украшена богатым растительно-геометрическим орнаментом, переходящим в арабесковый узор. Стилизованные растительные побеги и листья, линии и формы геометрических фигур плотно заполняют поверхность коранницы, превращая ее в произведение высокого искусства, которое восхищает совершенством и гармонией.

Сложные орнаментальные украшения золотоордынской торевтики имели аналогии в искусстве Ближнего Востока (Иране, Сирии) и Западной Европы (Византии, Италии), но это вовсе не означает, что искусство Золотой Орды только брало свои мотивы то из одной, то из другой страны или эпохи. Во всех этих так называемых заимствованиях огромную роль играет творчество и талант мастера. И этот процесс правильнее было бы назвать сотворчеством или накоплением опыта, продолжением традиций. Истинный мастер, художник вбирает в свою душу традиции предшествующих мастеров, изучая их творчество, их произведения. Ему нравятся какие-то отдельные мотивы, формы, техники, композиции и он пользуется ими в своем творчестве, что-то перерабатывая, во что-то вплетая свои или местные мотивы, узоры, а

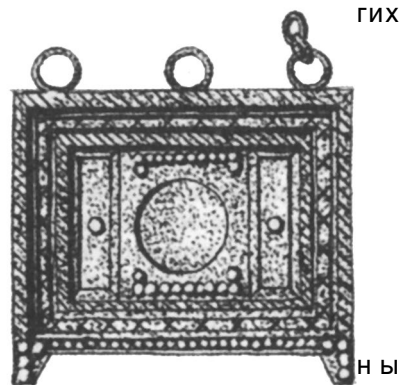
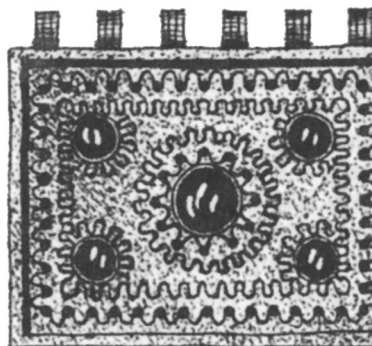
Рис.32 – Серебряные коранницы с самоцветами.
Болгар. XII-XIV вв.

где-то повторяя уже прежние, известные ранее композиции, но неизменно что-то меняя. Так возникают новые традиции, новые орнаменты, их новые сочетания.

Возможен и другой путь создания художественных произведений. Какие-то мотивы, орнаменты, их элементы могут возникнуть совершенно независимо от того, видел мастер эти мотивы у других художников и на других изделиях или не видел. Просто он сам их придумывает. Так же, как, например, в глубокой древности на разных концах земли у разных племен возник кружковый орнамент с точкой посередине. Таким же образом в воображении золотоордынского художника мог возникнуть образ лотоса, тюльпана — и он совершенно самостоятельно мог «додуматься» до их изображения при украшении своих произведений, вовсе не обращаясь к опыту дальневосточных и китайских художников. Тем более что тюльпак-ковром покрывали степи ранней весной там, где были кочевья или близлежащие горо-золотоордынцев.

Таким образом, при анализе того или иного художественного произведения не обязательно делать упор на заимствование из той или иной страны или у того или иного народа. Важно, что образы, созданные мастерами и воплощенные ими в драгоценных изделиях и украшениях, или даже в обычных предметах быта, стали духовным достоянием народа, искусство которого изучается нами. Важно, что уже как искусство — в данном случае Золотой Орды, Волжской Болгарии этого периода — оно нам дорого, интересно, оно волнует и восхищает нас. И прекрасно, что те или иные мотивы, образы, узоры повторяются как во временном, так и в этнокультурном пространстве.

Тем не менее несмотря на имеющиеся явные параллели с восточным искусством ряда стран и государств, очевидно, что произведения мастеров художественного металла XIII-XIV вв. Волжской Болгарии, являясь частью всей золотоордынской культуры, все же сохраняли и свои, домонгольские традиции. Это подтверждает преемственность тюркитики одного из ведущих жанров золотоордынской болгарской культуры от домонгольского искусства. Предметы декоративно-прикладного искусства, о которых речь шла выше, тесно связаны с эстетическими и религиозными идеями своей эпохи. В художественном металле, орнаментации и цветовом решении изразцов очевидна усиливающаяся роль орнамента. Орнаменты часто пред-

ГИХ

НЫ

да

ставляют сильно стилизованные изображения усложненных мотивов цветочно-растительных узоров, построенных в радиальной, сетчатой, круговой и других схемах. Надписи на изразцах, украшениях, предметах быта (благопожелательные изречения из Корана) воспринимались тоже как узоры.

Конкретно символическая природа болгарского искусства золотоордынского времени, искусства самой Золотой Орды, сочетавшего черты оседлой, городской, исламской культуры и культуры степной, кочевнической, языческой проявляется в изображениях на болгарских надгробиях. На них встречаются солярные знаки в виде небесных светил или изображение трех розеток. Ф.Х. Валеев предполагает, что они могли быть символами трех миров — небесного, земного и подземного, с чем можно согласиться[92]. Иногда на оборотной стороне надгробий встречаются изображения птиц с раскрытыми крыльями. Птицы на протяжении тысячелетий оставались символами неба, водной стихии или же символом души человека.

В орнаментации и формах ювелирного искусства также наблюдается огромное разнообразие и богатство. Исламский золотоордынский орнамент, несмотря на свою сложность, также сохранял определенную символику, характерную для домонгольского языческого искусства. Специалист по золотоордынскому художественному металлу М.Г. Крамаровский считает, что изображенные на концах золотоордынских браслетов львиные маски являлись амулетами — оберегами[93].

Обратные стороны металлических зеркал были украшены геометрическими орнаментами в виде концентрических окружностей, ромбов; они, как уже указывалось, часто символизировали небесные светила или бесконечную вселенную; растительные орнаменты на них представляли собой композиции из трилистников, виноградной лозы, тюльпанов — и тоже являлись символами богатого растительного мира земли, ее тайн; изображения животных или рыб были символами жизни, ее движения[94].

Символично также значение концентрических окружностей на блюдах, обозначающих вечное движение. Вся поверхность блюда, покрытая вращающимися дисками, наводит на мысль об изображении на нем движения небесных сфер.

Настоящее искусство никогда не занимается просто украшательством. Искусство это всегда попытка запечатлеть окружающую человека реальность: в язычестве — это реальность многобожия, реальность потрясающе живого мира во всех его проявлениях; в исламе, в искусстве Золотой Орды, реальность — это единобожие, которому подчинен весь подлунный мир и который только по воле Аллаха приводится в движение. Но как изобразить нечто великое, возвышенное, единое, непредставимо-могущественное? Ищут какой-то знак каллиграфы, ищут его и мастера орнамента, архитектуры. Что такое, допустим, минарет, поднятый ввысь? Это тоже какой-то знак устремленности к богу, Аллаху. И если языческие мифы, поддавались расшифровке, и то не всегда и трудно, то еще труднее поддается расшифровке утонченный символический, метафорический знак исламского, золотоордынского искусства. Может быть, это чисто религиозное сознание, и только душа человека, чувствующая религию изнутри, глубоко, способна воспринимать этого бога, минуя образ, минуя сюжет, всего лишь через знак — орнамент, каллиграфию? В этом случае искусство становится посредником между человеком и богом, Аллахом.

Мне думается, что изучение средневекового искусства вообще, а в данном случае — искусства Золотой Орды и города Болгара в том числе — в будущем должно еще сделать интересные открытия. Ведь до сих пор в нашей стране мы изучали его как атеисты. А вся история человечества и искусства, как мы знаем, была религиозной историей, которой мы в основном не знали. Поэтому, чтобы понять культуру того или иного народа в разные эпохи, надо овладеть языком и мышлением тех эпох, уметь в них погружаться душой.

Таким образом, анализ показывает, что искусство Золотой Орды и города Болгара имеет символическую природу. Дело в том, что все восточное и западное Средневековье, вплоть до эпохи Возрождения, имело символическую природу; само мышление человека, природочувствование его, отношение к миру было символическим. И не бывало в истории такого, чтобы язычество, сменившееся исламом (или христианством), тут же переставало существовать, чтобы сразу же изменилась природа искусства. Если до возникновения культуры Золотой Орды звериные образы в языческом искусстве несли определенное содержание, были носителями мифов, то в той или иной, пусть завуалированной, форме они продолжали оставаться символами и в последующем. Изображения животных стали реалистичны, но само присутствие изображения животного на колчане, например, осталось символическим, таким образом оно привлекалось к охотнику. И не может быть так, что если в языческий период искусство несло в себе глубокое содержание, символ, а потом это содержание кончилось, то все узоры, линии, орнаменты стали являть собой только чистую декоративность, лишенную смыслового содержания.

Орнаменты в искусстве Золотой Орды облекаются в исламскую идеологию и несут определенный символический смысл. В золотоордынских орнаментах может быть выражено сложнейшее философское размышление о бесконечности бытия, вселенной, о смене жизни и смерти. Ведь недаром вся культура ислама была утонченной, изысканной — это видно и в поэзии, и в архитектуре, и в декоративно-прикладном искусстве, и в науках. В этом и состоит символическая природа золотоордынского и болгарского искусства. Все эти бесконечные ритмы, повторы, узоры, цвета вроде бы отвлеченные, бессюжетные. Но к ним можно относиться и как к сложным философским текстам, которые надо научиться читать.

Золотоордынский период явился качественно новым этапом в развитии болгарского искусства, которое в это время из языческого становится мусульманским, исламским. Этому, очевидно, в значительной степени способствует развитие общей культуры Волжской Болгарии. Широко распространяется арабская письменность в связи с открытием медресе и мечетей. Каллиграфия становится неотъемлемой частью искусства резьбы по камню

(на надгробиях, на стенах мечетей). В Волжской Болгарии в это время возрастает роль книги, и особенно рукописной книги, которую переписывают ша-кирды медресе. И книги эти не только религиозные, но и светские. Это поэмы известных восточных и болгаро-татарских поэтов древности: «Хосров и Ширин» Кутби, «Гулистан бит-тюрки» Саифа-ас Сарай и другие.

В период Золотой Орды, в первые годы борьбы болгар с монголо-татарами, в Волжской Болгарии были созданы оригинальные художественные произведения (даста-

ны и легенды, такие, как «Ханская дочь Алтынчеч», «Бачман и рассказ о его гибели», «Несгораемая царица», «Легенда о сорока девушках»^[95]. Литература эта создавалась на кыпчакском языке, ставшем впоследствии основой языка казанских татар.

Период с середины XIII по середину XIV в., как считают многие исследователи, и в их числе Р.М. Амирханов и Р.Г. Фахрутдинов^[96], был чрезвычайно благоприятным для Волжской Болгарии и в целом для Золотой Орды в политическом, экономическом и культурном отношении. Поэтому именно в это столетие болгарская и золотоордынская культура достигла такого расцвета во всех видах и жанрах искусства.

О высоком уровне духовности того или иного народа свидетельствует прежде всего письменная литература. В Волжской Болгарии и Золотой Орде XIV—XV вв. литература, как уже было сказано выше, являлась одной из ярчайших страниц культуры.

Искусство Волжской Болгарии, куда ислам проник из мусульманских стран еще в конце IX в., а официально принят был в 922 г., постепенно развивалось в направлении ислама, который играл все более возрастающую роль. И уже в начале XIII в., не говоря о последующем, золотоордынском, периоде, культура Волжской Болгарии стала культурой Востока и ислама. Это было видно и в литературе, и в архитектуре, и в декоративно-прикладном искусстве. Известно, что поэма Кул Гали «Кысса-и Йусуф» (XII в.) написана на арабском языке. В жизни высших кругов болгарского общества арабская каллиграфия занимала важное место, приравливаясь в то же время к местным условиям, к тюркским основам языка болгар. В болгарском искусстве эпохи Золотой Орды каллиграфия заняла уже прочное положение и сохранилась до наших дней, прежде всего в эпиграфике, и часто в виде благожелательных надписей на керамике или на изделиях из металла (украшениях, посуде), а начиная с конца XVIII в. — в виде шамаилей.

Искусство Волжской Болгарии, города Болгара периода Золотой Орды, безусловно, является важнейшей и неотъемлемой страницей средневековой культуры. Это было искусством Востока, созданным его народами на новом историческом и культурном витке развития. Таких высот оно достигло потому, что появилось в едином, сильном, скрепленном идеологией ислама, могучем государстве, каким была Золотая Орда с середины XIII и почти до середины XV в.

Высокая духовная культура, мощный экономический и политический базис, широкие торговые связи с восточными и западными странами, существовавшие в Болгаре в XIII — середине XV в., являются свидетельством общечеловеческого значения культуры волжских болгар в преддверии возникновения и образования Казанского ханства.

1 Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища: Стратиграфия. Топография // Город Болгар: очерки истории и культуры. М., 1987. С. 48-52.

2 Там же. С. 49-52.

3 Там же. С. 50. Рис. 4.

4 Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 151-219; Савченкова ЛЛ. Черный металл Болгара: типология // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 5-88; Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов... С. 154-268.

- 5 Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов. С. 183. Рис. 63. 29-38; С. 208. Рис. 67, 20-22; С. 212. Рис. 68, 8-11 и др.
- 6 Отчасти такую картину мы имеем в описании истории Древней Руси, которая тоже была завоевана татарами-монголами.
- 7 Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Болгарии. М., 1984. С. 102.
- 8 Федоров-Давыдов Г.А. Культура и общественный строй золотоордынских городов. М., 1964. Он же. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 13.
- 9 Шпилевский С.М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 7, 163.
- 10 Минаев И.П. Путешествие Марко Поло. СПб., 1902. С. 14.
- 11 История Татарской АССР в документах и материалах. М., 1937. С. 14.
- 12 Там же. С. 14.
- 13 Халиков А.Х. Культура народов Среднего Поволжья в X-XIII вв. // ВИ. 1976. № 4. С. 112.
- 14 Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 67; Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. С. 140.
- 15 Цит. по: История Татарской АССР... С. 54.
- 16 Там же. С. 55.
- 17 Известно, что некоторое время город Болгар был столицей Золотой Орды, в нем чеканили монеты. Их чеканили и позднее, когда у Золотой Орды были уже вновь построенные столицы.
- 18 Смирнов А.П. Волжские булгары. М., 1951. С. 231.
- 19 Крамаровский М.Г. Торевтика Золотой Орды XIII-XV вв.: (по материалам Государственного Эрмитажа): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974. С. 3.
- 20 Там же; Крамаровский М.Г. К атрибуции золотоордынского ковша с тюркской надписью // Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л., 1975. С. 70-79.
- 21 Смирнов Я.И. Восточное серебро. СПб., 1909. С. 149.
- 22 Недашковский Л., Ракушин А. Бронзовые зеркала второй половины X-XIV в. из музеев Саратовской области // Татарская археология. Казань, 1998. № 2(3). С. 87-109.
- 23 Крамаровский М.Г. Новые находки золотоордынского серебра из Приобья: северо-китайские и исламские черты в торевтике 13-14 вв. // Восточный художественный металл из Среднего Приобья: новые находки: (каталог временной выставки). Л., 1991. С. 11.
- 24 Сокровища Золотой Орды: исследование-каталог / под ред. М.Б. Пиотровского. СПб., 2001.
- 25 Халиков А. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань, 1994. С. 157.
- 26 Смирнов А.П. Волжские булгары. С. 63-64.
- 27 Смирнов А.П. Волжская Булгария // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 209. - (Археология СССР).
- 28 Раскопки Т.А. Хлебниковой, Н.Д. Аксеновой, Р.Ф. Шарифуллина и др.
- 29 Веймарн Б.В. Искусство Ирана // Всеобщая история искусств. М., 1961. Т. 2. С.91.
- 30 Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М., 1982. С. 60, 71, 78-79.
- 31 Тизенгаузен В.С. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 235.
- 32 Засецкая И.П. Искусство гуннов. Л., 1994.
- 33 Турсунов Е. Единство эстетического опыта кочевых и неочевых народов // Кочевники и Эстетика. Алматы; Гылым. С. 99-100.
- 34 Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976. С. 118.

- 35 Иванов В.А. Культурные связи средневековых кочевников Евразии: (по материалам декоративно-прикладного искусства) // Древнетюркский мир: история и традиции. Казань, 2002. С. 119-120.
- 36 Хакимзянов Ф.С. Булгаро-татарская эпиграфика. М., 1987. С. 7.
- 37 Бретаницкий Л.С. Художественное наследие переднего Востока эпохи феодализма. М., 1988.
- 38 Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975. С. 140.
- 39 Бретаницкий Л.С. Художественное наследие... (Приложение. Табл. 84, 85, 125).
- 40 Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961; Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993; Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. 1967. Вып. 142. Она же. Кочевники средневековья.
- 41 Кызласов Л.Р. О назначении древнетюркских изваяний, изображающих людей // СА. 1964. №2.С. 31.
- 42 Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. С. 80.
- 43 Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников... С. 91-95.
- 44 Там же. С. 102.
- 45 Аксенова Н.Д., Смирнов А.П. Скульптурная голова с городища Великие Болгары. СА. 1973. № 3.
- 46 Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников... С. 102.
- 47 Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960; Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских болгар. М., 1978; Он же. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М., 1989. Мухаметшин Д.Г. Об эпиграфических памятниках Восточного Закамья: (к вопросу о локальных вариантах болгарских эпитафий) // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981.
- 48 Червонная С.М. Искусство Татари с древнейших времен до 1917 года. М., 1987.
- 49 Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство...
- 50 Гулова Ф. Татарская национальная обувь. Казань, 1983; История Татари: (документы и материалы). М., 1937; Рахимова Р.К. Из древнетюркского пласта кожевенной лексики татарского языка. Казань, 1986. Смирнов А.П. Волжские болгары: татарское народное творчество, предания и легенды. Казань, 1986; Хлебникова Т.А. Кожевенное дело // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
- 51 Мукминова Р.Г. Из истории названия «булгари»: (к взаимосвязи казанских и бухарских мастеров-кожевенников) // Культура, искусство татарского народа. Казань, 1999. С. 91-98.
- 52 Герберштейн С. Записи о московских делах. СПб., 1908. С. 250 (с лат. изд. «Записок» 1556 г.).
- 53 Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961.
- 54 Мукминова Р.Г. Из истории названия «булгари». С. 91-98; Гагин И.А. Сапоги (булгари) как один из главных элементов костюма древних болгар // Культура степей Евразии второй половины I тыс.н.э.: (из истории костюма). Самара, 2000. С. 33-34.
- 55 Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979. — (Научные труды. Т. 230).
- 56 Там же. С. 221.
- 57 Иванов В.А. Убранство костюма средневековых кочевников Евразии// Культура степей Евразии... С. 54-58.
- 58 Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников... С. 222.
- 59 Ефимова А.М., Хованская О.С., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 г. // КСИИМК. 1947. Вып. XXI. С. 102.
- 60 Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство... С. 175-177.
- 61 Там же. С. 177.
- 62 Дурново Л.А. Очерки изобразительного искусства средневековой Армении. М., 1979.
- 63 Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство... С. 177.
- 64 Закирова И.А. Косторезное дело Булгара // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. С. 236-238.

- 65 Там же. С. 230.
- 66 Дмитриева Л.Б. Тюркоязычная арабписьменная рукописная книга по ее ареалам // Рукописная книга в культуре народов Востока. М., 1987. Кн. 1. С. 438.
- 67 Закирова И.А. Косторезное дело... С. 237.
- 68 Шукуров Ш.М. Искусство и тайна. М., 1999. С. 11-15.
- 69 Список городов, областей, сел всей южной, западной и восточной России, где в кочевнических курганах были обнаружены образцы высокохудожественных костяных обкладок, см.: Малиновская Н.В. Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 170-174.
- 70 Патканов К.П. Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVII в. //Тр. ВО ИРАО. СПб., 1874. Ч. 17; Сребродольский Б.И. Янтарь. М., 1984; Ферсман А.Е. Рассказы о самоцветах. М., 1974; Шеппинг Д.О. Символика драгоценных камней // Древности. М., 1865. — (Тр. МАО. Т. 1).
- 71 Ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей: (минералогия). Л., 1963. С. 132.
- 72 Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991. С. 32.
- 73 Там же. С. 78.
- 74 Там же. С. 190.
- 75 Валиулина С.И. Некоторые формы стеклянной посуды Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983. С. 92.
- 76 Бусятская Н.Н. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII-XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С. 38-73.
- 77 Кокорина Н.А. Керамика второй половины XI — нач. XX в.: (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур): дис. ... канд. ист. наук. М, 1991 // Архив ИА РАН. Рукопись.
- 78 Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников...
- 79 Стародуб Т.Х. Проблема стиля иранской керамики XI-XIV веков: (на материале коллекции СССР): автореф дис. ... канд. искусствоведения. М., 1983. С. 17; Миллер Ю.А. Художественная керамика Турции XI-XII веков. М, 1972.
- 80 Залеская В.Н., Крамаровский М.Г. Изображение человека в керамике Северного Причерноморья XII-XIV веков. Л., 1990. С. 38.
- 81 Там же. С. 18, 20-21.
- 82 Котоджян Н.Г. Цвет в изобразительном языке средневековой живописи // Советское искусствознание-79. М., 1980. Вып. 1. С. 66-87.
- 83 Хузин Ф.Ш. Болгарский город в X — начале XIII в. Казань, 2000. С. 218-230.
- 84 Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.
- 85 Там же. С. 36.
- 86 Там же. С. 63.
- 87 Лихачев А.Ф. Скифский след на билярской почве. Казань, 1985. С. 2-7.
- 88 Валеева Д.К. Искусство Волжских булгар, X — начало XIII века. Казань, 1983. С. 53-54; Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания НМ РТ // Татарская археология. 1983. № 1/2. С. 126-128.
- 89 Катаное Н.Ф. Описание одного металлического зеркала с арабской надписью, принадлежащего Обществу археологии, истории и этнографии // ИОАИЭ. Казань, 1898. Т. 14, вып. 6. С. 664.
- 90 Эти предметы были любезно показаны автору М.Г. Крамаровским в особой кладовой Эрмитажа в 1993 г.
- 91 Сокровища Золотой Орды. С. 86, 236.
- 92 Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство... С. 156-160.

- 93 Крамаровский М.Г. Торевтика... С. 12.
- 94 Валева Д.К. Искусство Волжских болгар... 52-53; Она же. Некоторые особенности болгарского искусства периода Золотой Орды и его символическая природа // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. М., 1997. Т. I. С. 219-220.
- 95 Амирханов Р.М. Татарская социально-философская мысль средневековья. XIII — середина XVI в. Казань, 1981. Кн. 1. С. 67.
- 96 Там же. 1993. Кн. 2. С. 75; Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана. Казань, 1995. С. 144-147.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА БОЛГАРА

Г.М. Давлетшин

Духовная культура — сложное общественное явление. В литературе прочно утвердилось понятие культуры как способа и результата материальной и духовной деятельности людей[1]. При этом способ и результат рассматриваются в неразрывном диалектическом единстве. С этой точки зрения традиционное членение культуры на духовную и материальную требует специальной оговорки. Такое разделение материальной и духовной культур носит условный характер, поскольку они не только органически взаимосвязаны и взаимообусловлены, но и составляют диалектическое единство. Продукты человеческой деятельности, в том числе и археологические материалы, являются одновременно результатом как физического, так и духовного труда.

Понятие духовная культура включает в себя самые разные виды общественного сознания. Вместе с тем духовная культура не есть простая сумма тех или иных форм общественного сознания. Многогранное, сложное общественное явление — духовная культура — может быть до конца понято лишь при определении его роли в конкретном обществе.

Следует подчеркнуть, что абстрактной культуры не существует. Она рассматривается в историческом плане, с фиксацией конкретной общности в определенном пространственно-временном континиуме. В данном очерке речь идет о духовной культуре населения города Болгара.

Город Болгар, занимая промежуточное положение между европейским Западом и азиатским Востоком, играл значительную роль в передаче как культурных достижений «мусульманского ренессанса» в Европу, так и элементов европейской культуры на Восток. Еще А.П. Смирнов, один из основоположников болгароведения, отмечал, что без знания истории Волжской Болгарии нельзя достаточно полно представить историю не только Среднего Поволжья, Приуралья, но и историю Древней Руси, в частности Владимиро-Суздальского, Рязанского княжеств[2]. В.Л. Янин писал: «На протяжении всего периода восточной торговли с конца VIII до начала XI в. единственными воротами, через которые шла торговля Руси, был Болгар»[3].

Духовная культура города Болгара не являлась объектом специального изучения, хотя материалы Болгарского городища привлекались нами при изучении духовной культуры волжских болгар[4]. Непосредственно некоторые области духовной культуры Болгара исследовались в трудах по эпиграфике (Д.Г. Мухаметшин, Ф.С. Хакимзянов[5], Г.В. Юсупов[6]); по искусству (Д.К. Валеева[7], Ф.Х. Валеев[8], Г.Ф. Валеева-Сулейманова[9], С.Ю. Червонная[10]); по религии (Г.А. Федоров-Давыдов[11]) и др. Исходя из материалов, немало исследователей останавливаются на тех или иных сюжетах духовной культуры.

Письменные источники по Болгару, особенно по духовной жизни его населения, крайне скудны и фрагментарны.

Важными, иногда единственными, особенно для древних периодов, источниками по анализируемой теме служат археологические материалы, которые позволяют не только уточнять сведения, зафиксированные в письменных источниках, но иногда и по-новому раскрыть те или иные явления духовной культуры. Использование архео-

логических материалов в качестве источника основано на понимании культуры способа и результата материальной и духовной деятельности людей, диалектического их единства, что делает потенциальным источником все предметы и явления, связанные с деятельностью человека.

При работе над темой был изучен широкий круг археологического материала с Болгарского городища, хранящегося в Болгарском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике (БГИАМЗ), Национальном музее Республики Татарстан (НМ РТ), Государственном Эрмитаже, Археологическом музее Казанского государственного университета (КГУ). В работе использованы также материалы отчетов Болгарской археологической экспедиции, которые хранятся в фондах Болгарского заповедника, в фондах Архива ИИМК РАН (фонды А.А. Спицина, В.Г. Тизен-гаузена); личных фондах Н.Ф. Калинина и Г.В. Юсупова в научном архиве Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Татарстана. В данном очерке широко привлечены и опубликованные материалы, в том числе четырех томов очерков истории и культуры г. Болгара. Автор также использовал и труды предшественников (см. приложение в конце текстовой части).

Болгар был не только экономическим, политическим, но и культурным центром Волжской Болгарии, и особенно Болгарского улуса, в золотоордынский период. Поэтому культура Болгара в конечном итоге является концентрацией лучших достижений всей болгарской земли в области культуры. Сложная синкретическая культура города Болгара никогда не была застывшей, представляя собой живой и обновляющийся организм.

Традиционная духовная жизнь народа включала в себя широкий круг понятий, таких как календарь и система счета, метрология и система счета, космогонические воззрения, взгляды на пространство и время, система верований, устное народное творчество, народные мелодии, художественно-прикладное искусство и т.д.

КАЛЕНДАРЬ И СЧЕТ ВРЕМЕНИ

От древнетюркской эпохи болгары унаследовали двенадцатиричный звериный цикл. Еще Б.Д. Греков связывал изображения зверей на болгарских предметах с годами 12-летнего цикла. Эти изображения сохранились на металлических зеркалах, амулетах-подвесках (изображения собаки, барса, дракона, зайца, барана, овцы, курицы, мыши)[12]. Фигурки животных, очевидно, носили люди, родившиеся в соответствующем году: древние верили в их покровительствующую и оберегающую силу. Животные 12-летнего цикла изображены на зеркалах идущими друг за другом (рис. 1). Нередко встречаются изображения бегущих по окружности четырех животных. Возможно, они символизировали четыре времени года.

В домонгольский период у тюркоязычных народов были широко распространены легенды, приметы, связанные с возникновением и существованием 12-летнего «звериного цикла», зафиксированные еще в «Диване...» М. Кашгари (XI в.) [13].

Также еще в домонгольскую пору у носителей 12-летнего звериного цикла были широко распространены приметы. В зависимости от названия года предсказывалась урожайность или голод, благополучие или несчастье[14]. Сообщение Ибн Фадлана о том, что

Рис.1 – Бронзовый диск с изображением календаря животного цикла. ГМРТ.

болгары «считают очень хорошим для себя завывания собак, радуются ему и говорят о годе изобилия, благославения и благополучия», справедливо рассматривается как примета года Собаки[15]. Подобные приметы бытовали и у других народов, использовавших звериный календарь. В свое время, обобщая эти сведения о приметах, А.Н. Самойлович писал: «Приметы наших письменных источников касаются не столько скотоводческо-кочевому быта, который является характерным для большинства древних турецких народов, за исключением уйгуров и камских болгар, сколько земледельческо-оседлой культуры с городами и торговлей»[16].

Двенадцатилетний звериный цикл и официальный мусульманский календарь в Улусе Джучи и в Казанском ханстве оставались самыми распространенными и основными летосчислениями. Судя по исследованиям Л.Л. Галкина, общетюркский звериный цикл нашел отражение на монетах Сельджукидов, Хулагуидского Ирана и Золотой Орды. Однако под влиянием ислама и традиций тех народов, у которых этот цикл использовался, одни звери в цикле были заменены другими. В Болгаре вместо года Дракона на монетах изображена рыба-год Рыбы, год Тигра заменили годом Барса[17]. Такие замены были произведены и в других областях Золотой Орды: год Свиный был переименован в год Слона, год Мыши 12 в год Верблюда, год Тигра 12 в год Барса.

У древних тюрков счет дней велся по названию и последовательности животных, фигурирующих в цикле[18], например: «день Собаки, третьего месяца года Собаки». Следовательно, у древних тюрков цикл из 12 дней составлял определенный отрезок времени, типа недели. Дни в месяце обычно фиксировались порядковыми числительными[19].

С проникновением ислама у болгар начал распространяться мусульманский лунный календарь 12 лунная хиджра. Нет особой необходимости доказывать его бытование в Волжской Болгарии. Он был одним из атрибутов мусульманской религии.

Лунный календарь был неудобным для земледелия, а употреблялся у болгар в целом лишь для расчета религиозных дат, в официальных документах, канцелярских делах, чеканке монет и т.д. Все это говорит об официальном характере данного календаря в Волжской Болгарии.

Имеются сведения о пользовании болгарскими и других типов календарей. Ш. Марджани приводит отрывок из одной книги муллы Салимджана ибн Дустмухаммад ал-Кавали (умер в 1873 г.): «Эй, умный человек, знай, солнечный год имеет три вида счисления. Один называют «счислением персов». Им пользовалось население Болгара. Другой называют «счислением румов» (византийцев). Им пользовались христиане. Третьим 12 «счислением хамала» пользовались мусульмане всех городов»[20].

Под названием «счисление персов» (фарсия хисабы) имеется в виду один из иранских календарей. В болгарские времена до 1079 г. на Востоке пользовались иранским календарем по зре Йездегерда. Затем он был реформирован при участии выдающегося персидского математика, астронома, поэта и философа Омара Хайяма (1040—1143). Летосчисление по этому календарю было начато в государстве Сельджукидов и поэтому получило название эры Джелал ад-дина 12 по имени государя из династии Сельджукидов, или Сельджукидской, Султанской (тарихи Солтани) эры[21].

По мнению А.П. Ковалевского, Волжская Болгария, по крайней мере до прихода Багдадского посольства, была в определенной культурно-религиозной зависимости от государства Саманидов[22]. Достаточно привести только один немаловажный факт: на первых монетах болгарской чеканки рядом с именем правителя Болгара стоят имена халифа и эмира Саманидов[23].

Косвенным указанием на употребление в Волжской Болгарии иранского календаря служит и то, что в прошлом новогодний месяц у народов Среднего Поволжья назывался по-персидски — науруз.

Заслуживает внимания сообщение из вышеприведенного отрывка о том, что «счислением хамаля» (хамаль март) пользовались «мусульмане всех городов». Под «счислением хамаль» имеется в виду солнечная хиджра — зодиакальный календарь (год состоял из месяцев, которые носили названия созвездий Зодиака), бытовавший с XI в. Этот календарь был основан на движении солнца. В течение 12 месяцев солнце по этому пути проходит через 12 созвездий. Первым месяцем этого календаря и названо в целом летосчисление (месяц овна совпадает с мартом). Как и «мусульмане всех городов», население города Болгара также пользовалось данным календарем.

Описанные выше системы летосчисления проникли к болгарам извне или были наследием их предшественников. У болгар, очевидно, были и свои народные календари, частично они сохранились у татар и соседних с ними народов. Название билек ае — пятый месяц в календаре — говорит о том, что у болгар, подобно древним тюркам и протоболгарам[24], некогда бытовал календарь, основанный на порядковых числительных[25]. В болгарское время о существовании подобного календаря среди тюркских народов свидетельствует таблица, помещенная в «Памятниках минувших поколений» Абу-р-Райхан Бируни (973-1048), где из двенадцати месяцев десять названы порядковыми числительными. В этой же таблице первые два месяца названы Улуг ой (старший, большой месяц) и Кичи ой (малый месяц)[26]. Они созвучны с татарскими названиями месяцев: Олы кырлач (агам кырлач), Кече кырлач (энем кырлач). Наличие названий месяцев у караимов, этногенез которых связывают с хазарами, улу кырлаш (большие морозы), кичи кырлаш (малые морозы), позволяет предполагать возможность бытования подобного календаря и у протоболгар.

Начало года у болгар зависело от практикуемых у них календарных систем. В вышеприведенном отрывке из книги Салимджана ибн Дустмухаммада ал-Кавали, в передаче Ш. Марджани, далее говорится: «Еще пусть будет извест-

ным: сначала будет “науруз фарси”, потом, спустя десять дней после этого, будет “науруз руми”, потом, спустя еще десять дней, будет “науруз хамаля”. Кроме того, Ш. Марджани отмечал, что «ученые города Болгара иносказательно говорили: “бала науруз” (младенческий науруз), “карт науруз” (старческий науруз), и “шешек науруз” (науруз ягнят)». Ш. Марджани здесь не дает никаких комментариев. Но ясно одно, что под словом науруз имеется в виду не только персидский науруз (новогодие), а вообще новый год или первый день нового года. Имеется в виду знание болгарскими трех календарей и установленных в них трех начал нового года.

Все три упомянутые новогодия наступали примерно в течение одного и того же календарного месяца. Болгарские ученые называли их «счислениями холода». Еще в болгарское время на Востоке «холодами старух-стариков», «днями старух» называли конец зимы, который по нашему календарю приходится на февраль-март. Бируни в своем труде делает специальное отступление для объяснения происхождения термина «день старух»: «холод силен к концу (зимы) и так усиливается перед тем, как уйти». В то время и позднее на Востоке о происхождении «дней старух» ходило много разных анекдотов[27].

Если смысл бала науруза и карт науруза достаточно прозрачен и не требует расшифровок, то значение шешек науруза — новогодие по зодиакальному календарю (хэмэл хисабы) не совсем ясно. В некоторых диалектах татарского языка шешек означает вторично окотившуюся овцу[28]. Мы склонны утверждать, что шешек имеет здесь именно это значение. Конец зимы — начало весны является временем массового окота овец.

С принятием ислама у болгар распространились персоарабские, мусульманские названия дней недели. Кроме того, бытовали и местные их названия, встречающиеся на надгробных болгарских эпитафиях XIII-XIV вв. [29].

Еще А.Н. Самойлович путем сопоставительного анализа систем названий дней недели у народов Волжско-Уральского, Северо-Кавказского, Крымского регионов пришел к убедительному выводу о том, что они являются результатом пересечения разных культур (христианской, иудейской, мусульманской, языческой), формирование которых началось еще во времена Хазарского каганата на Северном Кавказе и развивалось в Поволжско-Приуральском регионе[30].

В основе счета времени у болгар лежат прежде всего наблюдения за небесными светилами: солнцем, луной, звездами и планетами. Наблюдения за их движениями привели к астрономическим временным понятиям (год, времена года, месяц, день и ночь, час). Эти понятия календарного цикла зафиксированы также в письменных источниках и на болгарских надгробиях[31]. У болгар, как и у других тюркоязычных народов, количество месяцев в году соответствовало лунным фазам (болгарское слово айых одновременно означает и луну, и календарный месяц).

Таким образом, календари для населения города Болгара, и в целом для всего болгарского общества, служили не только в качестве простых летосчислений, но и вливались в другие области духовной культуры (фольклор, приметы, мифы и т.д.) и обогащали ее.

МЕТРОЛОГИЯ И СЧЕТ

Ремесленное производство, градостроительство, широкая торговля в Болгаре нуждались в хорошо разработанной системе метрологии и счета.

Для учета продукции и сырья болгарским ремесленникам требовались специальные измерительные приборы, весы, разновесы. В археологических материалах представлены мелкие и крупные гири, весы для взвешивания сыпучих материалов. В археологических материалах есть небольшие шарнирно-сборные весы с чашами диаметром 4-5 см, предназначенные для взвешивания драгоценных металлов, монет и слитков[32]. На болгарских монетах номинальная стоимость не указывалась. Достоинство монет, отчеканенных из металла, определялось их весом[33].

Монументальные архитектурные памятники Болгара (их более двадцати) имеют довольно сложную планировку, продуманную соразмерность и строгую логику архитектурного замысла. Их возведение требовало четко отработанной системы измерения.

Путешественники и купцы, отправлявшиеся в дальние и близкие страны по торговым делам, нуждались в определении расстояний, которые предстояло преодолеть в пути. Это вызывало необходимость единой четко разработанной системы мер.

Начальный этап становления метрологии отличался от исходных единиц измерения. Меры длины в начальном этапе были связаны, как и у многих народов, с частями тела взрослого человека среднего телосложения[34].

Исследователи средневековых архитектурных памятников для выяснения мер длины, применявшихся зодчими далекого времени, обращали внимание на строительный материал — кирпич[35]. Размеры кирпичей, как правило, лежали в основе практикуемых мер длины. Изменение размеров кирпичей в истории архитектуры отражает изменения в системе мер в целом. Желаемые размеры сооружений практически были невозможны без учета габаритов кирпича. Размеры кирпича были тесно связаны с применявшейся в Болгарии, Золотой Орде метрической системой.

В золотоордынский период стандарты размеров болгарских кирпичей стали более разнообразными. На Болгарском городище найдены кирпичи размерами 22-23 x 22-23 x 4-4,5 см; 22,5 x 11,5 x 4,5 см; 18,5 x 12,5 x 4,5 см [36]. 17-18 см — это малая пядь — расстояние от кончика большого пальца до кончика указательного. Размер большинства кирпичей равняется 20-23 см [37]. Кирпичи размером 22 см (это большая пядь — расстояние от большого пальца до мизинца) встречаются и в других золотоордынских городах[38]. Ширина золотоордынских суф составляет 10 таких единиц (220 см)[39]. Эта единица измерения использовалась в Болгаре, в частности в строительстве мавзолеев. Диаметр типичных оконных дисков также соответствовал этой единице измерения (18-23 см), диаметр цветных дисков — малому локтю (25-27 см).

Метрологическому анализу хорошо поддаются культовые сооружения. Основной размер Соборной мечети в Болгарах равен 32 x 34 м (внутренние размеры: северная стена 28,0 м; южная 28,8 м; западная и восточная по 31,6 м). Одинаковы по размеру Ханская усыпальница, Восточный и Западный мавзолеи — 8,5 x 8,5 м [40]. Возможно, здесь измерение производилось наиболее популярной единицей домонгольской

Болгарии — малым локтем, равным 26-27 см [41] (таких 32), или большим локтем, равным 53-54 см (таких точно по 16). Привлекают внимание почти одинаковые размеры отдельных моечных комнат в разных банях. Например, 2,6 x 2,6; 2,6 x 2,2 - в бане № 2; 2,4-2,6 x 2,7-2,8 — в бане № 3 [42]. В основе их лежит единица измерения, равная 26-27 см (малый локоть).

Двухъярусные башни в Болгарах были на расстоянии полета стрелы (ук атым). Подобная единица измерения практиковалась у многих тюрко-монгольских народов. Использование той или иной единицы измерения определялось характером материала. Судя по записям Ибн Баттуты, тюрки Улуса Джучи войлок мерили локтем и пядью, а материю и бумагу — шириной пальца (ил) и ладони (кул яссуы)[43].

Вышеприведенные единицы измерения нередко встречаются и в произведениях золотоордынских писателей: аршин (Хусам Кятиб: 51 аршинная цепь), ширина пальца (4 бармак эндазыеича-иленчэ), газ (Дастаны Бабахан: длина волос в 40 газов — локтей). В поэме Хусам Кятиба «Джумджума султан», как и в поэме Кул Гали «Кысса-и Йусуф», рассказывается о строительстве величественного дворца. В поэме Кул Гали высота дворца должна была равняться 40 аршинам, а у Хусам Кятиба 10 тыс. локтям.

Болгаро-татарские надгробные камни являются ценнейшим источником в изучении единиц измерения длины. Эту проблему исследователи мало затрагивали. Еще в работах Г.В. Юсупова и Н.Ф. Калинина [44] объем надгробий принят как один из показателей при классификации. Г.В. Юсупов писал о применении в их измерениях локтя размером в 40 см. Д.Г. Мухаметшин и Ф.С. Хакимзянов, сравнивая размеры надгробных камней с размерами архитектурных памятников, писали, что «и там и здесь наблюдается использование одинаковой меры длины — локтя»[45].

Для метрологического анализа нами было взято 230 надгробных камней. Подавляющее большинство их (204) относится к концу XIII-XIV в. Со второй половины XIV в. в Болгаре в изготовлении надгробных камней, как и в других областях духовной культуры, фиксируется упадок. Памятников XIV в. позднее 1357 г. всего три. При изучении болгаро-татарских памятников мы опирались на отчеты, фотоматериалы, эстампы архива Г.В. Юсупова[46], а также публикации его и Ф.С. Хакимзянова[47]. Мы далеки от мысли, что мастера-изготовители эпитафий во всех случаях пользовались измерительными приборами. Как правило, размеры, видимо, определялись приблизительно, на глаз. Значительная часть камней подвергнута точным измерениям (более 150). Соотношение длины и ширины исследованных 193 камней колеблется от 1,0 : 1,7 до 1,0 : 2,4 (64%). В среднем это соотношение может быть выражено как 1 : 2.

Длина камней для надгробий измерялась локтями и пядями. Локти были разной величины. Они совпадали с болгарскими локтями домонгольского периода. Размер 37-38 см зафиксирован у 73 надгробий (с Болгарского городища из 49 камней — 5). Размер в 45-47 см — у 21, а размер в 50-55 см — у 51 надгробия (с Болгарского городища — 10). Это — болгарские локти в 46 и 52-53 см.

Толщина камней измерялась большими и малыми пядями, малым локтем в 27 см. Размер 18 см, что равняется длине пяди, имеют 28% камней (из Болгара — 5). Хотя и редко, но встречаются и самые малые размеры (12-15 см) — малая пядь (сеям),

соответствующая расстоянию от кончика большого пальца до/или середины указательного. Малые размеры чаще встречаются (90 камней) в пределах 19-24 см (из Болгара — 5), наиболее частым среди них (58 камней) является размер 20-22 см.

Выше мы вели речь о кирпиче длиной 22 см и архитектурных деталях с кратными ему размерами, обнаруженных в Болгаре и других городах Золотой Орды. Таким образом, очевидно, что мастера-изготовители надгробий во многих случаях добивались, чтобы их продукция соответствовала определенной толщине.

Ширина подавляющего большинства надгробных камней (263 плиты) составляла от 28 до 92 см, а чаще всего — 37-65 см (224 плиты, 80%). Камней размером 36-40 см 25 штук — это малый локоть (расстояние от локтя до кулака 37-38 см). Камней размером 45-47 см 31 экземпляр — это полный локоть (расстояние от локтя до кончика среднего пальца 45,5 см). Камней размером 58-65 см 62 экземпляра — это локоть (расстояние от плеча до кончика пальцев 63-64 см).

Для метрологического анализа длины было взято 228 камней. 146 камней (64%) имеют длину 51-140 см. Среди них около половины имеют длину 80-140 см. Длина 13 камней по 80 см, это приблизительно два малых локтя.

Размер в 90-95 см, это приблизительно два полных локтя, встречается 20 раз. Можно сделать вывод, что надгробные памятники при изготовлении измерялись и локтями и пядями.

Первые золотоордынские монеты чеканились в Болгаре. Этот город был крупным торговым центром и одним из мест чеканки монет. На Болгарском городище обнаружены многочисленные собственные и привозные монеты.

Определением достоинства монет по весу в денежно-весовой системе занимались многие нумизматы. Например, А.Г. Мухамадиев, исследуя монеты, чеканенные от имени хана Мунке, открыл такие закономерности. Стандартно чеканились серебряные монеты весом в 1,24 г. Дирхем весом в 2,98 г происходил от мискаля в 4,26 г ($4,26 \times 7$) : 10 = 2,98 [48]. В денежно-весовой системе того времени можно найти множество подобных соотношений. Динар равен шести дирхемам, три серебряные монеты — одному мискалю, один алтын — шести ярмакам. Монеты имели четко выдержанный вес [49]. Для проверки их веса использовали специальные гирьки. Нередко при крупных торговых операциях деньги считали путем взвешивания. На гирьках встречаются точки, означающие кратность.

КОСМОГОНИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ

Космогонические воззрения древних тюрок, не подвергаясь принципиальным изменениям, продолжали бытовать и у хазаро-болгар. Древность болгарских космогонических представлений подтверждается словами болгарского царя Алмыша, который, объясняя Ибн Фадлану происходящие на небе явления, замечал, что так еще «деды его говаривали» [50]. Космогонические представления о возникновении мира отражаются в характерном болгарском височном кольце с тремя нанизанными яйцеобразными или желудеобразными бусинами (рис. 2). Аналогичные бусы завершают концы трех подвесных цепочек. Посередине этого кольца находится фигурка уточки, держащая в клюве небольшой шарик. К фигурке уточки прикреплены три

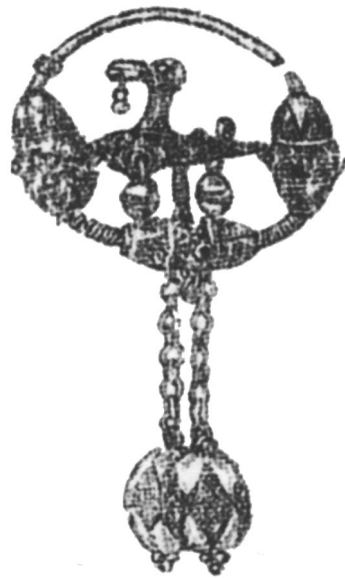
Рис.2 – Золотое височное кольцо. Окрестности г. Спасска. (г. Болгар). ГИМ, № 54746, 50490.

желудеобразные подвески [51]. Рождение мира из яйца утки, плавающей в первичном мировом океане, является одним из наиболее распространенных космогонических сюжетов у различных народов мира, в том числе и у тюркоязычных народов[52]. Отображение этого сюжета в болгарском украшении говорит о бытовании подобной космогонической легенды и у болгар. По их представлениям, Земля, Солнце, Луна возникли из трех яиц, снесенных уткой, что отражено в трех яйцеобразных бусинах, имеющих на височном кольце.

Височные кольца, в которых золотая утка держит в клюве шарик, связываются с другим вариантом этой легенды, по которой Земля и Суша возникли из комочка земли, доставленной уткой со дна океана. Эта легенда широко распространена в Евразии от эвенков на востоке до финнов и латышей на западе[53]. По мнению А.М. Золотарева, она возникла где-то в Азии, в среде монголоидных племен[54]. В алтайском мифе отмечается, что Земля порождена добрым духом Ульгеном, представленным в образе светлого гуся или утки, которая, нырнув в воду, вынесла со дна моря комочек земли, из этого комочка образовалась Земля[55]. Один из вариантов подобной космогонической легенды, хотя и сильно оваянный исламом, бытовал у татар[56]. Вероятно, эта легенда у древнего населения была очень популярна, она бытовала и после принятия ислама.

Как показывают ранние мифологические сюжеты разных народов, важная роль в сотворении мира отводилась животным, главным образом, птицам-демиургам[57]. Такой птицей у болгар была утка или подобная ей фантастическая птица. Золотая утка изображена в болгарских золотых височных кольцах. Она окружена кольцом — олицетворением Неба, Солнца, Космоса.

По представлению болгар, как и древних тюрков, мир состоит из трех частей: Земли, Неба и Подземного мира. Подземный и небесный миры, подобно земному, населены реальными и мифическими существами. Археологические исследования раннеболгарских некрополей дали интересные сведения о вере населения домонгольской Болгарии в существование загробного, в данном случае подземного мира[58]. Любопытно также сообщение Ибн Фадлана, описавшего явления, происходящие на небе, и восприятие их болгарами. Вот этюд о небесном мире: «...Я увидел, как перед (окончательным) исчезновением (солнца), в обычный час (молитвы) небесный горизонт сильно покраснел. И я услышал (высоко) в воздухе громкие звуки и сильный гомон. Тогда я поднял голову, и вот недалеко от меня облако, красное, подобное огню, и вот этот гомон и эти звонкие звуки (исходят) от него. И в нем подобию людей и лошадей, и вот в руках отдаленных, находящихся в нем фигур, похожих на людей, луки, стрелы, копья и обнаженные мечи. И они

представлялись мне то совершенно ясными, то лишь кажущимися. И вот рядом другой, подобный им, черный отряд, в котором также я увидел мужей, лошадей и оружие. И начал этот отряд нападать на тот отряд, как нападает эскадрон на эскадрон. Мы же испугались этого и начали просить и молить, а они (жители страны) смеются над нами и удивляются тому, что мы делаем... Мы (долго) смотрели на отряд нападающий на отряд. Оба они смешивались вместе на некоторое время, потом снова разделялись, и таким образом это явление происходило некоторую часть ночи. Потом оно скрылось от нас. Мы спросили об этом царя и он сообщил, что деды его говаривали, что эти (всадники) принадлежат верным и неверным джинам. Они сражаются каждый вечер, и подлинно, с тех пор, как они существуют (на свете), ни одной ночи они не бывают отсутствующими на этом (сражении). И мы это всегда таким образом видели»[59]. Как видно из этого описания, болгары объясняли небесные явления, перемещая на небо хорошо знакомые им реалии земной жизни.

В науке утвердилось мнение о том, что Ибн Фадлан в этом отрывке описывает северное сияние. Но описанное Ибн Фадланом никак не связывается с последним. Перед нами грозное небо и на нем сверкающие молнии и зарницы. По представлению болгар, это война между всадниками, вооруженными копьями, мечами, луками и стрелами. Описанное Ибн Фадланом явление сопровождалось шумом и громоханием, отсутствующими при северном сиянии. Кроме того, надо заметить, что северное сияние в умеренных широтах наблюдается в основном в месяцы равноденствий, т.е. в марте и сентябре, что не совпадает со временем пребывания Ибн Фадлана в Болгарах. Кроме того, в течение суток максимум сияний приходится на полночь, а указанное явление у Ибн Фадлана начинается после заката солнца. Интересно заметить и следующее: болгары в этом явлении не видели ничего необычного, они воспринимали его как очень знакомое явление и даже рассказывали Ибн Фадлану свои представления о нем.

Важно, что в вышеприведенных космогонических сюжетах описывается борьба двух противоположных сил. Вообще в древней мифологии и космогонии центральное место занимает дуалистическое мышление. В болгарских археологических материалах, в том числе из города Болгара[60], часто встречаются так называемые протомы — повернутые в сторону друг от друга изображения голов птиц, лошадей (коньковые подвески), баранов и других животных. Эти фигуры, по мнению М.Г. Худякова, отражают диаметрально противоположные понятия: солнце, свет, жизнь — с одной стороны; подземный мир, мрак, смерть — с другой[61]. Бронзовые кресала из Танкеевского могильника с изображением противоборствующих всадников как бы передают нам болгарскую легенду: борьбу между собой верных и неверных джинов-всадников на небе.

Пространство и время в мировоззрении древних было одним из важных атрибутов модели мироздания. Древними тюрками оно усваивалось путем реальных наблюдений, а также мифопоэтических представлений, а иногда — с помощью их синтеза. Пространство в этом мировоззрении стояло в оппозиции к хаосу и означало освоенный, упорядоченный мир. Главными мотивами таких представлений являлись борьба пространства и хаоса, упорядочение хаоса, утверждение космической структуры взамен первобытного хаоса.

Рис.3 – Металлическое зеркало с изображением двух плавающих рыб.

В космогонических воззрениях и мифах выделяются две идеи — идея творения и идея развития. По одним воззрениям мир создан каким-либо сверхъестественным существом, богом-творцом, демиургом и т.п., по другим — мир постепенно развился из некоего первобытного бесформенного материального состояния, хаоса. В воззрениях болгар были обе идеи: по отдельности и в синкретической форме.

В болгарских височных кольцах, отражающих возникновение мира и его устройство, заложен философский смысл. Во многих древних космогонических системах в основе существования мира лежит одна или несколько стихий. Чаще всего их четыре: огонь, воздух, вода, земля. Подобное представление самостоятельно возникло и бытовало у древних тюрок^[62]. Почитание этих стихий, как всего сущего, видим у протоболгар. По сообщению византийского историка Феофилакта Симокатты, «Тюрки превыше всего чтут огонь. Почитают воздух и воду, поют гимны земле...»^[63]. Таким образом, по болгарским воззрениям, из безбрежной водной стихии (олицетворения хаоса, неопределенного, бесструктурного начала) возникает пространство — Земля, Солнце, Луна.

Воззрения, в которых в качестве исходной космической стихии фигурирует вода, считаются наиболее архаичными. Первоосновой мира являлась вода-первоматерия. Возникновение ее объективно, материально, т.е. она возникла сама по себе.

Из вышеприведенных космогонических воззрений нетрудно понять, что земля возникает в окружении водной пучины. Такой смысл заложен в изображениях металлических зеркал, на которых нарисованы плавающие рыбы, опоясывающие земной круг (рис. 3). Эти узоры есть и на шестигранных щитках болгарских цельнолитых перстней. Водная полоса, окружающая земной мир, это его предел, предел своего, серединного мира и в то же время охранительный пояс от черного, чужого мира, хаоса.

В этом отношении интересно и расположение болгарских и татарских кладбищ. Они находятся обычно за речкой или за оврагом, который прежде был водоемом. Ушедшие в иной, подземный мир уже становятся чужими, опасными. Водное пространство, в данном случае речка, мыслится магической границей между жизнью и смертью, бренным и вечным.

В мировоззрении древних тюрок, болгар существовали, как говорилось выше, Земля, Небо и Подземный мир, составляющие единую Вселенную. В связи с данным мировоззрением представляет интерес вера в так называемое «древо жизни» («мировое дерево», «небесное дерево»). Оно отражало мироустройство, модель мира, олицетворяло вертикальный мир, связывало небо и землю, было опорой неба, осью и центром мира.

Рис.4 – Золотоордынская монета XIV в. с изображением барса.

К домонгольскому периоду относятся легенды о борьбе с драконами, обитающими на местах, предназначенных для сооружения стольных и крупных городов. Эти места очищались огнем от нечисти, змей, драконов. В качестве «строительной жертвы» под фундаменты закапывались собаки, что зафиксировано археологами в болгарских постройках[64]. Эти обряды олицетворяют борьбу с хаосом (драконом), завоеванием, освоением пространства.

В средневековье, когда распространились мировые религии (христианство, иудаизм, ислам), центрами вселенной в воззрениях народов того времени стали религиозные центры Иерусалим и Мекка. У болгар существовали понятия «родина», «иной мир», «чужая страна», «центр Вселенной». По мусульманским географическим представлениям мир делился на 7 климатов (поясов). Чем дальше был климат от серединного, тем больше его население было оторвано от цивилизации, а народы, жившие за этими семью климатами, вообще считались варварами, дикарями[65]. По представлению болгар, это был чужой и, следовательно, враждебный, иной, страшноватый мир. Земли северных народов изображались своего рода «тридцатым царством, тридцатым государством», где происходили сверхъестественные события, жили мифические существа. Эти земли очень напоминают представления о подземном мире. Эти территории называли землями Мрака, Холода, Ночи (на татарском языке слово тонъяк — север, ночная сторона). Земли у берегов Мрака, Темного моря с одной стороны ограничены морем, с другой — непроходимыми горами. Болгарские представления об ином мире, неосвоенном пространстве обогащались позднее кораническими сюжетами о легендарных народах йаджуж и маджуж и легендарных походах Александра Македонского[66]. В этих представлениях просматриваются стремления болгар удержать в своих руках монополию на торговлю с северными народами.

Водные преграды, непроходимая каменная стена или гора считались рубежами между своим и иным миром. Контакты с людьми этих миров были опасными. Поэтому болгары торговали с чужеземцами, не вступая в прямой контакт. Болгары опасались: если «вступит кто-нибудь из них в контакт, даже в сильную жару, то воздух и вода холодеют, как зимой, и у людей гибнут посевы»[67]. Великана, приплывшего из этого мира, ждала неминуемая смерть. Он считался чужим и опасным. Только после смерти он может возвратиться в свой мир. Кроме внушительных размеров, великан может причинить зло, привести к смерти даже своим взглядом. Но, видимо, в допустимых случаях (если он «из обыкновенных людей»), его можно сделать своим. Вспомним встречу болгарам багдадского посольства. Его представителей встречали на расстоянии двух фарсахов, осыпали их дирхемами. Это было не

только отработанным ритуалом встречи высоких гостей. Встреча гостей на расстоянии с выездом была признаком особого гостеприимства, стремлением обезопасить людей, прибывших из далекой чужой страны еще до прихода их в центр.

Единение пространства и времени более полно отражается в геометрическом круге. Здесь явна связь идеи окруженного, освоенного пространства с идеей единства, целостности. Идея бесконечности пространства и времени, вероятно, четко выражена в бронзовых круглых зеркалах, накладках, на которых часто изображались животные и птицы, идущие по кругу. Животные 12-летнего цикла изображены на бронзовых зеркалах, идущими по кругу вслед друг за другом[68]. Такое изображение отражает идею бесконечности времени, не имеющего ни начала, ни конца. Круг в целом обозначает горизонтальную композицию и тесно связан со временем. Шестигранная вселенная, возможно, отражается в болгарских перстнях в виде шестигранных щитков[69], соединяющих координаты вертикальных и горизонтальных миров. Нередко в перстнях бывает изображена схематичная модель мира. Данная точка зрения бытовала и среди тюрок Улуса Джучи[70].

Изображения отдельных животных, шагающих по кругу, запечатлены и на золотоордынских монетах; нередко это барс, шагающий на фоне восходящего солнца (рис. 4). Восходящее солнце — олицетворение начала времени, пути.

Изображения на болгаро-татарских монетах напоминают рисунки животных на золотоордынских сосудах. Они, вероятно, олицетворяют бесконечность времени и пространства (движение по кругу).

Животные, птицы, изображенные на болгарских, золотоордынских круглых предметах, в основном всегда шествуют по кругу по часовой стрелке — по-видимому, повторяя движение солнца. Встречается иногда и движение животных против часовой стрелки, но в данных случаях головы животных и птиц обращены назад, т.е. также по часовой стрелке. Головы подавляющего большинства изображенных в статичном состоянии животных также обращены направо.

ВЕРОВАНИЯ И МИФЫ

Возникшие в глубокой древности верования и мифы отражали мировоззрение древнего человека, были необходимой ступенью в процессе познания окружающего мира. Они служили основой для сюжетов и образов изобразительного искусства, народнопоэтического творчества и отчасти художественной литературы. В них запечатлен сложный донаучный опыт культурного развития народа.

Несмотря на раннее проникновение в Поволжье (IX в.) мусульманской религии, у болгар сохранились многочисленные пережитки политеизма. Древние болгары, как и другие народы, одухотворяли окружающий мир, природу. По их языческим верованиям, разные природные явления, объекты управлялись отдельными божествами.

Определенный материал для изучения болгарского традиционного политеизма дает изображение так называемого в общей мифологии «древа жизни», «мирового дерева», «небесного древа», у татар — «яфан агачы» (дерево яфан). Гуннские, древнетюркские, хазаро-болгарские представления, связанные с небом, главным божеством Тенгре, продолжали бытовать и у волжских болгар. По представлению

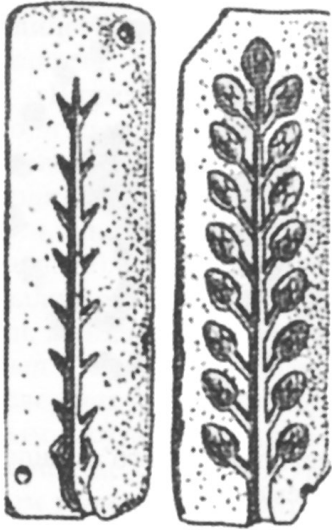

Рис.5 – Каменные литейные формы с изображением древа жизни. Билярское городище. ГМТР.

ряда народов, на их ветвях (по количеству ветвей) помещаются божества[71]. Этим, очевидно, следует объяснить одинаково повторяющееся число ветвей на «древах жизни» на некоторых болгарских предметах.

Мотивы «древа жизни» были одним из популярных сюжетов в болгарском изобразительном искусстве. Кроме отдельных изображений, встречаются каменные формы для его массовой отливки. На шаблонах простая форма «мирового дерева» представляется в виде попарно отходящих ветвей-листьев. Наличие на изделиях дырочек для подвешивания говорит о том, что эти фигурки могли носить в качестве амулета (рис. 5).

На болгарских литейных формах, изображающих «дерево жизни», обычно имеется 17 отростков, включая и верхушку «древа». Можно предполагать, что у древних болгар была вера в 17 божеств. Вера в 17 божеств, связанных с «древом жизни», сохранялась у алтайских тюрков. Все эти божества были созданы главным богом Тенгре[72]. И в данном случае Тенгре остается единственным верховным божеством.

У тюркских народов в этот период высокие деревья и горы настолько тесно отождествлялись с культом Тенгре, что еще не принявшие мусульманства тюрки, как отмечал тюркский филолог XI в. Махмуд Кашгари, высокие горы и высокие деревья называли Тенгре[73].

Очевидно, на попарно отходящих ветвях «древа» располагались божества, управляющие противоположными явлениями, как, например, бог жизни и бог смерти, бог ночи и бог дня, бог лета и бог зимы и другие боги, зафиксированные у башкир Ибн Фадланом[74]. Главным божеством, венчавшим языческий пантеон, как почти у всех древнетюркских народов, был бог неба Тенгре. Его имя встречается в болгарских эпитафиях XIII-XIV вв. и в «Кысса-и Иусуф» Кул Гали. Болгарские обряды поклонения Тенгре в принципе не отличались от обрядов других тюркских народов.

Среди болгарских археологических материалов, в том числе и с Болгарского городища, часто встречаются плоские костяные амулеты в виде сильно стилизованного антропоморфного существа. Они по форме напоминают переднюю поверхность стелы с надписью Кюльтегина. Основную часть амулета составляет прямоугольная, почти квадратная, плоскость (туловище) с небольшим ступенчатым ромбовидным выступом (голова). Почти вся плоскость амулета покрыта солярным (циркульным) орнаментом, обозначающим солнце — атрибут Тенгре. В области шеи такие амулеты имеют сквозные отверстия, в которые вдевались металлические кольца для подвешивания. Эти амулеты с известной долей остроты можно считать миниатюрными изображениями Тенгре.

Подобные амулеты встречаются и в материалах салтово-маяцкой культуры VIII—X вв., относящейся к болгаро-хазарам. Амулет из Дмитриевского археологического комплекса (Северский Донец) сделан из плоского куска мела. По форме он напоминает болгарские обереги. На выступе амулета начерчено мужское лицо[75].

О широком распространении культа солнца у населения Волжской Болгарии свидетельствует огромное количество болгарских бытовых предметов, украшенных солярным орнаментом в виде знаков-символов солнца, огня, например: серьги в виде стилизованного изображения солнца или украшенные солнечным орнаментом металлические зеркала и др. На зеркалах изображены шести- и восьмилепестковые розетки, полученные выписыванием полукруга по абрису зеркал. В центральной части их обычно находятся круг, шестиконечные звездочки, ромбы, полукруги, размещенные по кругу и т.д. [76].

Болгарские надгробные камни украшались в основном солярным орнаментом. Это восьми- и шестилепестковые розетки, вписанные в круг, или более реальное изображение — солнце с расходящимися лучами. В прошлом этот знак был символом бога огня, молнии, неба — Тенгре.

На сосудах и перстнях с Болгарского городища встречаются знаки в виде свастики[77]. Перстни с такими знаками были найдены и при проведении раскопок в Татарстане[78]. Данный знак, являющийся символом вращающегося солнца, встречается на татарских полотенцах более позднего периода.

В Болгаре и Сарае также были найдены зеркала с изображением двух драконов, двух рыб, плывущих по кругу[79]. Оба рисунка подчеркивают, что зеркало — символ воды. Круглой формой зеркала символизировали солнце, а свойство отражения зеркал ассоциировалось с водой. Еще недавно в некоторых селах казанских татар существовал обычай при постройке дома класть под фундамент зеркало, которое якобы оберегало дом от пожара[80]. В ряде татарских сказок зеркала, брошенные на землю, превращались в озера и реки.

Принадлежностью костюма половецких женщин нередко являются металлические зеркала[81]. Кроме своего прямого назначения они еще выполняли функции амулетов-оберегов. Считалось, что они отражают влияние злых духов, отпугивают их. Пришитые к одежде зеркальца, гребешки, пилки ассоциировались со сказочными зеркалом, превратившимся в море; с гребнем, ставшим дремучим лесом; пилкой, преградившей путь злого дива, преследующего молодого батыра. У сказочного героя, так же как у каменного изваяния, все это было под рукой. Искусствовед Д.К. Валеева допускает, что найденные в Болгаре миниатюрные гребешки использовались как амулеты или обереги[82].

Тотемизм как сложная религиозная языческая система в болгарское время уже изжил себя, но реликты его были еще ощутимы, особенно в переосмысленных мифах, генеалогических легендах, в которых первобытный животный тотем уже выступает не один, а вместе с антропоморфным существом.

Так, в одной распространенной у древних тюрок легенде, зафиксированной в китайских источниках, говорится, что род из дома Хунну (Сунну) по прозвищу Ашина был разбит в сражении и совершенно истреблен. Остался в живых лишь один десятилетний мальчик. Отрубив у него ногу и руку, бросили в травянистое озеро

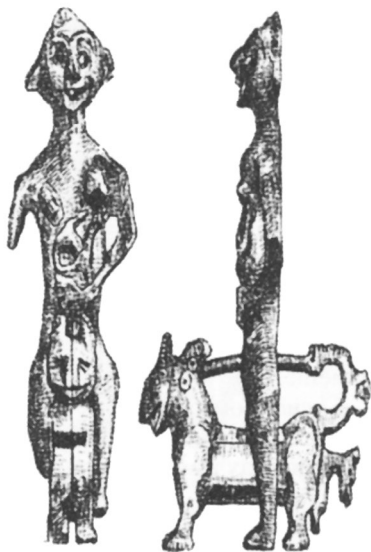

Рис.6 – Замок в форме барса с всадницей. Деревня Маклашеевка Спасского района Татарстана.

(болото). Мальчика подобрала и вырастила волчица. Через десять лет юноша был убит[83], а волчица скрылась в долине, окруженной горами, и родила там десять сыновей[84]. От старшего из них, Ашины, берут начало десять тюркских племен. В других версиях, связанных с происхождением уйгуров, мальчика заменяет девочка, и ее спас волк[85].

Это предание, пройдя через века, претерпев определенные изменения, дошло и до волжских болгар. Широкое бытование подобной легенды у болгар подтверждают бронзовые фигурки «уродцев», относящиеся к домонгольскому времени (рис. 6). Подобные статуэтки, найденные на территории Волжской Болгарии,

обстоятельно проанализированы А.Х. Халиковым[86]. Наиболее выразительной из них является так называемая «маклашеевская всадница» (найдена в районе Маклашеевского городища в Спасском районе Татарстана) — замок в виде барса с сидящей на нем изуродованной женщиной. У всадницы запыл глаз, укорочены рука и нога; левой рукой женщина прижимает к груди ребенка. Археологом П.Н. Старостиным найден и вариант замка со всадником — уродцем-мужчиной. Все замки-фигурки иллюстрируют упомянутое выше предание. Кроме таких фигурок-уродцев, на территории домонгольской Болгарии, в том числе и на Болгарском городище, найдены бронзовые замки в виде фигурок барсов, но без всадников (рис. 7). У барса-замка слегка удлиненное туловище, короткие, но крепкие лапы, широко раскрытая пасть. Барсы украшены циркульным орнаментом. Этот узор встречается на болгарских вещах довольно часто. В данном случае таким узором мастера пытались передать пестроту окраса барса. Пестрый барс (ала барс) в тюркской мифологии занимает особое место[87]. В алтайском шаманстве культ барса наблюдается и позднее. Концы барабанных палочек иногда имели форму головы барса и назывались «барсами» или «пестрыми барсами». Белый барс (Ак барс) считался дочерью Ульгена, верховного бога алтайцев[88].

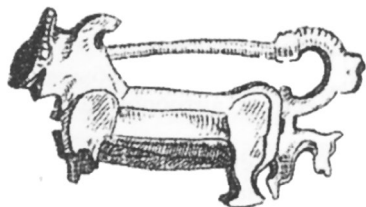

Рис.7 – Замок в форме барса.

Руденко писал о том, что в курганах очень часто встречаются изображения кошек или барсов[90]. Фигуры этих животных зафиксированы на болгаро-татарских монетах[91], в том числе и с Болгарского городища. Примечательно то, что у древних гуннов в именах знатных людей имеются приставки «четырёхрогий», «шестирогий»[92]. Именно эта идея заложена в народной поговорке «Никто не рождается рогатым». Видимо, в качестве тотема эти барсы появились там, где они обитали: на Алтае, в Западной Сибири и в Средней Азии. Действительно, у тюркоязычного населения Алтая (шорцы, телеуты, хакасы) бытовала вера, что предками великих людей, шаманов были барсы[93]. Уже в первые века новой эры в период хуннов-гуннов в искусстве Западной Сибири появляются изображения рогатого, а иногда и крылатого барса. А.Х. Халиков в своих работах уже писал об оформлении тотемистического культа барса на территории Средней Азии, Алтая, Южной Сибири[94].

Происхождение этнонима от названия тотема — широко распространенное явление в древности. Это было характерно и для тюркских, в том числе болгарских, племен. Можно предполагать, что среди населения были люди из рода или племени, считавшего своим тотемом барса. Не исключено, что поклонниками барса были представители известного болгарского племени «барсил»[95]. Это было одно из наиболее сильных болгарских племен — барсилы. Правителя Волжской Болгарии называли царем болгар и барсилов. Тотем-барс был самым надежным охранником родного края и его населения. Замки в форме барса, очевидно, были хранителями.

Распространенным явлением в древние времена было наречение ребенка именем тотемного животного. Тем самым люди хотели придать новорожденному силу тотема или вызвать его покровительство. Уже с древнетюркских времен встречаются имена, связанные со словом «барс»[96]. Имя, образованное от тотема, чаще всего появлялось среди знати. Как видно из записи Ибн Фадлана, у самих болгар были антропонимы, связанные с названием почитаемого животного (Барс, Барыс)[97]. Популярным было это имя в высших слоях общества и во времена Улуса Джучи и Казанского ханства[98].

В XII в. Болгарское государство достигает полной самостоятельности, вступает в этап своего наивысшего развития. Изображения барсов стали использоваться в официальной государственной атрибутике (на бронзовых и свинцовых печатях, пломбах и весовых единицах)[99]. По мнению Н.А. Соболевой, возникновение печатей и гербов тесно взаимосвязаны[100]. На болгарских печатях барс (лев) изображен усатым, с короткими, но крепкими мускулистыми ногами, со странной мордой[101]. Хвост, выведенный между задними лапами, заброшен на хребет. Конец хвоста похож на распустившийся цветок. А.П. Смирнов в свое время писал, что изображенные в таком виде животные украшают стены собора в Юрьеве Польском[102]. Возможно, что они выполнены болгарскими мастерами. По сведениям русских летописцев и В.Н. Татищева, в строительстве этого собора участвовали болгарские зодчие. Такие же сюжеты встречаются в Дмитриевском соборе во Владимире. Лев с XII в. стал гербом Владимира. Вполне возможно, что этот герб возник под влиянием болгарской геральдики. А.П. Смирнов писал, что похожее на это изображение вычерчено и на пуговице, найденной в захоронении на могильнике под Муромом[103].

По мнению А.В. Арциховского, изображение геральдического барса с XII в. становится гербом всей Болгарии[104].

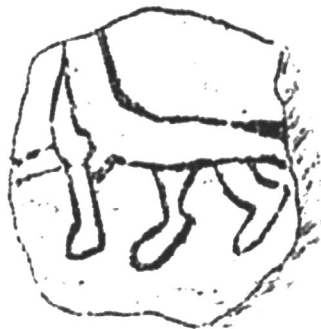
С конца XII до конца XIII в. геральдические изображения в Волжской Болгарии исчезли. Однако, судя по нумизматическим, археологическим данным, через несколько веков, несмотря на монгольские завоевания, в конце XIII в. изображения барса вновь стали бытовать. Они встречаются на монетах золотоордынских ханов[105]. Судя по данным А.Г. Мухамадиева, найдено около 20 монет с фигурой барса. Самые древние среди них отчеканены в конце XIII в. в Болгаре.

Часто на монетах барс показан с заброшенным на хребет хвостом, гордо идущим слева направо по кругу на фоне солнечных лучей, правая передняя лапа у него приподнята. Примечательно, что на некоторых монетах у барса есть один рог: возродилась домонгольская болгарская традиция. Описанная поза барса (льва) отмечена на шестигранном щитке перстня, найденного на Болгарском городище[106].

Представляют интерес куски ткани, вышитые серебром с позолотой, найденные в захоронении на армянском кладбище в Болгаре[107]. Большинство исследователей сходятся во мнении, что эта ткань расшита болгарскими женщинами по традиционной технологии. Изображение барса, выполненное вышивкой, близко исполненным на болгаро-татарских изделиях: у животного приподнята передняя лапа. В 1946 г. исследователи определили его как кота[108]. Фигуры барса, зайца были зафиксированы В.С. Барановым на парчовой ткани на территории Болгарского городища в захоронении Восточного мавзолея. В парчовую ткань была завернута погребенная[109].

Примечателен медный талисман, найденный на Болгарском городище[110]. Животное на нем — с поднятым хвостом, короткими крепкими лапами — похоже на другие болгарские изображения. Скорее всего, это тоже барс. Вокруг него по периметру квадрата нанесена надпись арабскими буквами.

Изображения барса широко бытовали у волжских болгар даже на обычных глиняных сосудах золотоордынского периода. Фрагменты керамики с однорогим шагающим барсом встречались на территории Болгарского городища еще в XIX в. Эти материалы хранятся в коллекции НМ ТР (5367-70, АА-51-8). На одном фрагменте керамики сохранились изображения барса, выполненные штампом (рис. 8). Трафарет штампа изготовлен из четырехгранного в сечении металлического куска проволоки. Возможно, это был личный знак гончара. На рисунке барс также идет справа налево

с приподнятой передней лапой. Фигура барса неполная: часть с изображением головы отколота. Фрагменты керамики точно с такими же барсами были найдены на Болгарском городище В.С. Барановым. Это очень простые, но привлекательные рисунки, нанесенные на сырую глину. На одном осколке сохранилась только голова барса, на другом — профиль шагающего зверя. У него приподнята

Рис.8 – Изображение барса на фрагменте керамики. ГМРТ, 5363-70, АА-51-8; Архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 47. Л. 41.

левая передняя лапа, однорогая голова запрокинута назад, хвост уложен на спину, пасть открыта. На третьем осколке изображено однорогое животное, шагающее влево, правая передняя лапа приподнята, вытянута вперед. В.С. Баранов считает, что эти находки датируются серединой XIV — тридцатыми годами XV в. Исследователь объясняет часто встречающиеся изображения барса на монетах и на керамике отражением усиления независимости Болгарской земли[111].

Изображение барса, видимо, использовалось и в качестве тамг на болгарской керамике золотоордынского периода; особенно на сфероконусах часто встречаются знаки-трезубцы. В свое время А.Х. Халиков считал их надписями слов «Биляр» и «Болгар»[112]. Однако рассматриваемые изображения считать арабскими буквами не совсем убедительно. Если их повернуть, можно увидеть схематичное изображение шагающего животного, одна лапа которого приподнята.

Судя по археологическим и нумизматическим материалам, государственным знаком Волжской Болгарии был шагающий по кругу однорогий пестрый барс на фоне восходящего солнца. Обычно у барса приподнята правая лапа. Это известное явление в геральдике. Оно и поныне встречается на гербах некоторых государств. На изображениях хвост геральдического барса уложен на спину.

Дальнейшая судьба государственного символа Болгарии связана с гербами и названиями в царских титулатурах, эмблемах, печатях Московской Руси. Нередко на них есть надписи: «Печать болгарская, на ней барс идущий»[113].

Образ барса сохранился в памяти народа. Он олицетворяет богатство, силу, авторитет. В двенадцатиричном календаре год Барса — это год богатства, год большого урожая. В личных именах татар с компонентом «барс» профессор Г.Ф. Саттарова зафиксировала более двадцати вариантов: Айбарс, Бай-барс, Илбарс, Колбарс, Янбарс и др.

Все вышеизложенное говорит о том, что образ единорогового барса занимал значительное место в духовной жизни предков татарского народа: в их мировоззрении, устном народном творчестве, мифологии, изобразительном искусстве.

В золотоордынскую эпоху стало заметным влияние пришлых групп на духовную культуру народов Среднего Поволжья. Новыми находками для этой территории стали, например, антропоморфные фигурки, вырезанные из медных пластин, изображающие монгольских ильханов. Они найдены на Болгарском городище, в том числе надмогильном кирпичном сооружении к северо-востоку от Ханской усыпальницы. Они зафиксированы также на нижеволжских золотоордынских поселениях[114].

В это время начали распространяться обычаи, характерные для кочевнического мира. Нельзя, например, было бить лошадей уздой, стучать костью о кость и разбивать их. Обычно женщины собирали целые кости забитых жертвенных животных, затем сжигали их или закапывали[115]. Обычай не разбивать кости забитых животных был широко распространен у сибирских тюркоязычных народов. На Болгарском городище археологи зафиксировали специальное захоронение из неразбитых костей [116]. Кость считалась у древних основой животных. Представление о костях как основе отразилось в терминах общественных отношений. Род называли сѣяк (кость), аристократические слои — ак сояк (белая кость), представителей низшего слоя общества — кара сояк (черная кость).

Во время раскопок на территории Болгарского городища в 1969 г. недалеко от мавзолея «Ханская усыпальница» был найден фрагмент скульптуры из камня (голова человека) (см. рис. 16 в очерке Д.К. Валеевой в настоящем издании). Мастер изобразил уже начинающего стареть мужчину, с круглым грубым лицом, густыми сросшимися бровями, длинными нависшими над губами усами. Скульптор сумел передать на лице умершего черты сильного характера, глаза закрыты, губы плотно сжаты. Эта каменная голова напоминает кыпчакские и сибирские изваяния[117]. Некоторые ученые считают, что это скульптурный портрет хана Тохтамыша. Однако данная скульптура была изготовлена еще до хана Тохтамыша. Археологи думают, что данная скульптура выполнена не позднее конца XIII — начала XIV в. Почему-то эта находка, то ли под влиянием ислама, то ли из других соображений, была выкинута в кучу строительного мусора.

В памяти встают строки из популярного тюрко-татарского литературного памятника XIV-XV вв. «Кисекбаш китабы» (Книга об отсеченной голове) и поэмы Хусама Кятиба «Джумджума султан»:

Туловища нет, лишь удивительная голова.
Нет у него ни тела, ни ног, ни рук.
Только отсеченная голова[118].

Очень популярный сюжет («Рассказ о черепае») был включен и в произведение «Зухрат ар-рийад...» Сулеймана ибн Дауд ас-Саксини (XII в.). Важно то, что, в отличие от других версий, он всецело пронизан духом ислама[119].

В золотоордынское время господствующей религией стал ислам. Но на монетах еще встречались изображения птиц, животных, правда, они уже не воспринимались как признаки язычества, а были лишь символами, и, что немаловажно, соседствовали с кораническими изречениями. Это наблюдается и в украшении минарета мечети в городе Бельджамен: вокруг минарета вылеплены из глины фигуры животных догоняющих друг друга[120]. Подобный сюжет зафиксирован также на осколках арабской лампы из Болгара, где изображена сцена охоты: «собаки или лисы преследуют зайца». Ниже этого рисунка полоской размещен эпиграфический орнамент[121]. На посуде, кроме символа благополучия — водоплавающих птиц, лебедей или уток[122], часто встречаются характерные для китайской мифологии изображения зайца. Были найдены также замки в форме лошадок, относящиеся к изучаемому периоду, распространенные в Волжской Болгарии, затем во всем Джучиевом Улусе[123]. Есть и железные замочки в виде фигурок собачек[124]. Невольно вспоминается татарская загадка о замке: «Кечкенэ генэ эт орми дэ, щибэрми дэ (Маленькая собачка — и не лает, и не пускает)[125].

Изображения людей и животных встречаются и на посуде, привезенной из центров ислама. Следовательно, проблема запрета изображения живых существ в разные периоды и в разных местах исламского мира была неодинакова.

Характерные черты болгарского домонгольского искусства, не во всем совпадающие с канонами ислама, не были брошены[126]. Противостояние язычества и мусульманства завершилось. Оно ознаменовалось окончательной победой последнего.

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Такие весенне-летние праздники, как сабантуй и джиен (тат. щыен — съезд) имеют глубокие исторические корни. Большинство исследователей праздник «Сабантуй» связывают с земледелием, весенним севом. Однако в содержании праздника нет ничего, напоминающего о земледелии и севе. Наоборот, в сабантуе отражается жизнь кочевых народов (например, скачки коней и др.). Возможно, в древности сабан имело другое значение. Сабантуй праздновался, возможно, уже в период Золотой Орды. «День сабантуя» (Saban tuj kon ati) — такова надпись на одном из болгарских надгробий о дне смерти человека, считает эпитафист Ф.С. Хакимзянов. Наиболее вероятной датой смерти, совпадающей с днем сабантуя он называет 15 июня 1292 г. [127]. Сабантуй и сейчас празднуется в это время.

Съезды (джиены) у тюркоязычных народов проводились, вероятно, еще с гуннских времен. По-видимому, о таком сборе болгарских племен на р. Джавшыр сообщал Ибн Фадлан[128]. Позднее со времен Казанского ханства практиковалась джиенная система (общины)[129]. Джиены стали одним из календарных праздников. Во время джиена родственные племена съезжались в одно определенное место, где проводились обряды почитания памяти предков.

Мечты народа, стремления к идеалу отражались в сказках. К сожалению, в письменных источниках до нас дошли лишь отдельные фрагменты болгарских сказок о северном великане, о птице-животном, гнездящейся на огромном дереве; девушке-рыбе, вышедшей из уха большой рыбы, громадных змеях, носороге и т.д.

Ибн Фадлан сообщил о животном с головой верблюда, хвостом и копытами быка, телом мула, длинным рогом (длиной до трех локтей), подобным наконечнику копья. Оно обитало в лесу недалеко от реки Джавшыр и питалось листьями. Всадников зверь поражал своим рогом, подбрасывая в воздух. Охотились на него отравленными стрелами с вершин деревьев. Население утверждало, что это носорог[130]. Конечно, живого носорога болгары не могли видеть. Но они могли найти скелет носорога, как о том свидетельствуют и более поздние находки. Как отмечал А.П. Ковалевский, изображения носорога из пещеры Чальвен весьма напоминают описанное Ибн Фадланом[131]. Этот сюжет и схематический рисунок есть на плоском продолговатом каменном предмете, найденном в 1980 г. на Болгарском городище. Там два человека, вооруженные большими луками, охотятся на крупное животное с острой мордой (рис. 9).

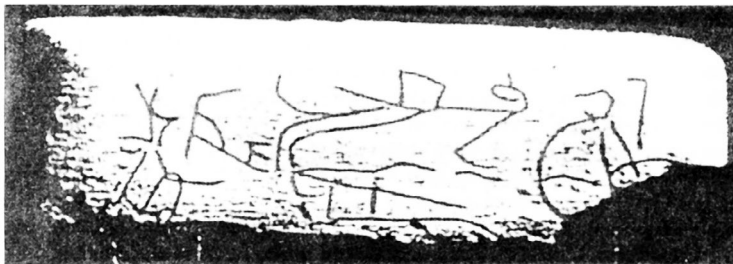

Рис. 9. Сцена охоты. Рисунок на точильном камне.
БГИАЗ. Инв. 100. № 65

Образ носорога и связанные с ним фольклорные и мифологические сюжеты бытовали и у других тюркских народов. В мифологической части уйгурской рукописи «Огуз наме» борьба Огуз кагана с единорогом изображается как столкновение двух противоположных сил — добра и зла[132]. И в болгарском, и в уйгурском сюжетах борьба происходила непременно в лесу. Это полужанровое животное, по представлению болгар, было, очевидно, одним из самых сильных и страшных в мире. Например, на серебряной накладке X в. лев и носорог (единорог) изображены стоящими друг против друга на задних ногах, готовые броситься в бой. Примечательно в этом отношении сведение В.Н. Татищева: «Московский герб давно был: лев с единорогом борются»[133]. Можно предположить, что единорог, описываемый Ибн Фадланом, как и в представлениях огузских племен, олицетворял силы зла.

Выше в связи с культом животных рассматривалась генеалогическая легенда древних тюрков. Позднее болгары Поволжья связывали свое происхождение с именем Алыпа. В этом отношении интересно предание, записанное известным археографом С.Г. Вахидовым в 20-х годах XX в. в Спасском кантоне (ныне Спасский и Алькеевский районы Татарстана). В нем говорится, что у Йефеса (Йафет) сына Нуха (Ноя) было трое сыновей: Гази, Тюрк, Алып. Подстрекательством дьявола между ними возникла ссора и началась война. В результате Гази был побежден Тюрком. После этой войны Тюрк и Алып поселились у большой реки в далекой холодной лесистой стране. Когда Алып шел по этим лесам, время от времени от вытряхивал из лаптей землю, от них образовались на ровных местах около дорог холмики.

Однажды Алып во время охоты ушел так далеко, что заблудился и не смог вернуться к своему брату — Тюрку. После долгих скитаний он вышел к берегу большой реки, которая сыновьями Алыпа позднее была названа «Иттле», т.е. Итиль (Волга), по схожести его с собачьим языком (эт теле). На берегу реки жили люди другого рода, но знавшие язык алыпов. Впоследствии Алып сжился с ними, женился на девушке из их рода. У него родились два сына, которым Алып дал имена: Болгар и Буртас. Когда они возмужали, то основали города и дали им свои имена. Население этих двух городов быстро увеличивалось и через много лет образовалось два родственных народа — болгары и буртасы[134].

В Средневековье (по крайней мере с X в.) различные варианты этой легенды, приспособленные к библейским и кораническим сюжетам и корням родословия увязанные с Ноем (Нух) и Йафетом (Йефес) — Тюрком, были широко распространены. Они встречаются в ряде арабо-персо-тюркоязычных исторических сочинений того времени. Из них более близки к татарскому варианту сообщения анонимного автора 1126 г. «Короткие истории и рассказы» (Муджмал ат-таварих ва-ль-кысас)[135] и персидского автора XV в. Мир-хонда[136]. Таким образом, весь сюжет и структура вышеупомянутого предания были известны еще в болгарские времена. Эти легенды и предания в целом правдиво отражают историческую действительность. В них в основном реалистичны и этнонимы тюркских племен. Гази (гуззы) — это огузы, один из ближайших юго-восточных соседей болгар. Исторической действительности не противоречит также факт родства болгарских и буртасских племен. Буртасы, юго-западные соседи болгар, упоминаются в письменных источниках до середины X в. Они как самостоятельные племена, платившие дань болгарам, впоследствии, очевидно, вошли в состав Волжской Болгарии[137].

Судя по произведениям Мирхонда «Раузат ас-Сафа», болгарские генеалогические легенды домонгольского периода с определенными изменениями продолжали бытовать и в золотоордынское время.

Ряд сюжетов болгарского фольклора удается проследить в течение длительного исторического времени. Таковы, например, сюжеты о богатырях-великанах (алыпах) [138]. Будучи древнетюркской и протоболгарской традицией, эти сюжеты продолжали бытовать и обогащаться в период сложения государства волжских болгар.

Во время приезда багдадского посольства еще продолжались набеги болгар на соседние племена. Военные походы были одним из источников доходов зарождающегося государства, царя и дружинников [139].

Секретарь Багдадского посольства Ибн Фадлан слышал об алыпe еще в пути к болгарам или даже в Багдаде от болгарина Текина. Этот алып, приплывший по реке с севера, был гигантского телосложения, огромной силы и обладал сверхъестественными чертами. И якобы поэтому его повесили крепкой цепью на высоком дереве, где он и умер. Путешественник увидел лишь его останки — скелет [140]. О костях великанов, встречающихся на болгарской земле, писал ал-Гарнати.

Если у Ибн Фадлана алып отличался прежде всего своей силой, громадным ростом и мифическими чертами, то в записях Абу Хамида ал-Гарнати, оставленных двумя столетиями позднее, алып приобретал черты реально существовавшего богатыря-дружинника. «А царь Болгара, — писал ал-Гарнати, — изготовил для него кольчугу, которую он возил с собой на войну в повозке. А шлем у него из железа в виде большого котла. Он сражался с такой огромной дубинкой из крепкого дуба, которую не может поднять сильный мужчина, а она в его руках, как палка в руке одного из нас» [141]. Здесь явное переплетение фольклора с реальностью. Абу Хамид лично знаком с ним, богатырь имеет свое имя. «А я видел, — пишет путешественник, — в Болгаре в 530 году (1135-36) высокого человека из потомков адитов, рост которого больше семи локтей, по имени Данки. Он брал лошадь под мышку, как человек берет маленького ягненка. А сила у него была такая, что он ломал рукой голень лошади и разрывал мясо и жилы, как другие рвут зелень... И не было в Болгаре бани, в которую он мог бы войти, кроме одной с большими дверями, и он ходил в нее. Он был диковиннейшим из сынов Адама, никогда я не видел подобного ему» [142].

Мотив одновременного страха и почитания алыпов, зафиксированный еще в записках Ибн Фадлана, продолжается и в сообщениях ал-Гарнати. «...Но при всем этом, он был любезным, добродетельным, миролюбивым... И был он добрым, скромным; когда встречался со мной, то приветствовал меня и здоровался со мной почтительно, хотя моя голова не доставала ему до пояса...» [143].

Фрагментарность вышеприведенных сюжетов, мотивов и их искажение в пересказе путешественников (форма фольклорного жанра практически стерта, фольклор и реальность перемешаны) затрудняют определение их жанровой специфики. Но все же, по-видимому, правы те авторы, которые видят в них осколки былого эпоса [144].

Необходимо отметить, что сюжеты об алыпах бытовали в различных жанрах устного народного творчества: преданиях, сказках, легендах, песнях. Во многих богатырских сказках тюркских народов повествуется о том, что часто исход сражения решали появившиеся в критический момент алыпы-всадники.

Вышеупомянутый мотив появления алып в момент решающего сражения был известен еще болгарам. В этом отношении интересно сообщение ал-Гарнати, почерпнутое им из «Истории Болгара» Йакуба ибн Нугмана о том, что в отместку за самовольное принятие болгарами ислама на них напал хазарский царь во главе большого войска. Болгары одержали победу лишь благодаря внезапному появлению всадников-великанов[145].

Подвиг алыпов, по-видимому, воспевался в песенном жанре. «Байты воинов города Болгара» (Шэпре Болгар газилары бзетлэре)[146], относимые Ш. Марджани к болгарским памятникам, бытовали, очевидно, в период до XIII в., так как вести речь о болгарских воинах, тем более славить их в песнях, было возможно лишь при наличии самостоятельной государственности болгар.

Немало легенд посвящено болгарским женщинам. Общеизвестна легенда о вдове болгарского хана Джадашбека, которая своей хитростью и мудростью спасла своих сыновей от Аксак-Тимура[147].

Прекрасная легенда о болгарской царевне записана из уст старожил А. Ахунзянова из села Шемардан Сабинского района Республики Татарстан. «Хан Абдуллах, — говорится в ней, — при взятии города Болгара Тамерланом вместе со своими детьми, женой и ближайшими родственниками затворился в одной из каменных построек столицы. Завоеватель приказал завалить здание бревнами и поджечь его. В результате все спрятавшиеся погибли, за исключением младшей дочери хана. Она сумела выбраться наружу через отверстие на крыше здания. Тимур, увидев ее в белом одеянии, бесстрашно стоящей перед языками разбушевавшегося пламени, был поражен ее смелостью, решительностью и необычайной красотой и тут же велел потушить огонь. Когда шум огня затих, он во всеуслышание заявил красавице, что сделает ее главной женой и что она будет украшать его ханскую юрту. Однако царевна ответила, что скорее бросится вниз головой, чем согласится стать женой завоевателя и убийцы. Разъяренный Тамерлан приказал привести к нему двух ее братьев, взятых в плен и приговоренных к казни. Дочь болгарского хана, увидев братьев с колодками на шее, сильно побледнела и прокричала завоевателю, что она согласна стать его женой, если он на ее глазах отпустит ее братьев на свободу и даст им лучших коней. Тимур, желавший во что бы то ни стало овладеть красавицей и потерявший от нее разум, тут же освободил пленников и сам подвел к ним двух быстрых скакунов. Болгарские царевичи вскочили на них и, бросив последний прощальный взгляд на младшую сестру, исчезли из поля зрения. Дочь же болгарского хана бросилась вниз головой на догорающие бревна. Два брата добирались до северных районов Болгарии и на берегу реки Казанки основали Казань»[148].

Приведенная легенда (предание) в дальнейшем преобразуется в татарское предание «Янмый торган кыз» (Несгораемая девушка). Возможно, подобные предания имеют и реальные, исторические корни. Об этом косвенно говорит сообщение Ш. Марджани о том, что татары у Малого минарета на городище Болгары посещают могилу одинокой девушки[149]. Во всяком случае в этом проявляется глубокая вера в реальность того, о чем сказано в предании.

Возрождается данная легенда и в связи с казанской царицей Сюзумбике, которая якобы погибла бросившись с семярусной башни, не желая стать женой завоевате-

ля[150]. Так, спустя несколько столетий, опять в трагический период истории тюрко-татар возрождается легенда о болгарской царевне.

В болгаро-татарском устном народном творчестве немало преданий о городе, почетительно называемом Шахри Болгар (город Болгар, т.е. археологическое Болгарское городище или Великие Болгары). Само название Шэкри Болгар, образованное «изафой», характерной для персидского языка, похоже, тоже взято из письменных литературных источников.

Как бы то ни было, город Шахри Болгар в народных преданиях очень популярен. Слава о нем проникла не только в болгаро-татарские произведения фольклора, но и в эпосы других народов. С этой точки зрения представляет интерес башкирский эпос «Зухра и Алдар»[151]. Дастан посвящен Н. Бахметьеву, бывшему в 1798-1803 гг. генерал-губернатором г. Оренбурга. Он назывался «Мои вечера. Башкирские сказки» и по аналогии с «1001 ночью» (хотя и совершенно необоснованно) разделен на 56 вечеров. В 12, 15-17 вечер речь идет о городе Болгаре.

Это произведение, строго говоря, вообще-то не похоже на настоящий дастан или эпос. В нем много мелких бытовых деталей, образам недостает эпической широты. Оно будто какое-то надуманное, в нем ощущается сильное влияние художественных произведений и научных трудов. И все же его содержание представляет интерес и заслуживает внимания.

В разделе «12-й вечер» речь идет о болгарском после, который путешествует по свету, собирая информацию о странах и народах для своего хана. В разделе говорится о том, что 2004-летний волшебник-великан из Индии Брахим основал в Волго-Камье город своим именем. Управление городом он отдал в руки человека по имени Орхан. Длительное время жизнь в городе текла счастливо и беспечно. Но однажды появилась сила, способная противостоять волшебству Брахима. Акби (Белый би) город сжег, людей истребил.

В рассказе о будущем Брахима нетрудно узнать историю Казани и Казанского ханства. Акби, Белый царь, белый князь — так называли прежде тюрко-татары русского царя. Хотя этот эпос был записан на русском языке только в конце XVIII в., но возник он, похоже, намного раньше. В русских летописях и в татарских источниках есть упоминание о болгарском городе Брахиме (Бряхим, Бряхимов). Многие ученые связывают его с Болгарским городищем на Волге. Название «Болгар» образовано от имени болгарских эмиров Ибрагимов. Известно, что в Болгарии было два эмира с этим именем. В болгаро-татарских источниках так и называют город Ибрагим. Называть города антропонимами и именами правивших в свое время ханов и царей — во всем мире, в том числе и тюрко-татар, явление нередкое. Также обстоит дело и с городами Биляр, Сарай-Бату, Сарай-Берке и т.д.

В башкирском эпосе развивается та же версия. Оставивший в истории народа заметный след столицы государства, большой, процветавший в свое время город не может, конечно, воздвигаться обычным путем. Возникновение таких городов возможно только в результате легендарных событий, сверхъестественных явлений, или какого-либо волшебства. Их появление — огромное событие, соразмерное с космическим актом.

Нельзя не обратить внимание еще на одну вещь. Этот башкирский дастан, несмотря на литературные обработки и обновления, сохранил свои древние черты. В дастане «Зухра и Алдар» также изображены характерные для греческих мифов демоны, духи, время хаоса, время, когда мир начинает упорядочиваться.

В узбекском дастане «Эрали и Ширали» действие происходит в Болгарии, и в первую очередь — в ее столице Болгар (Булгор шахри)[152]. Здесь правит царь Карахан. После долгих лет жена его родила наследников-двойняшек. Когда они выросли, их оклеветали. Эрали и Ширали вынуждены были уехать. Вдали от отца, оставшиеся без его покровительства, братья сражались с врагами своей родины, проявляя чудеса мужества и героизма, доказав тем самым преданность своему отцу. Вскоре болгарский хан понимает, что он был обманут, а сыновья его оболганы. После семилетней разлуки братья возвращаются в родной дом и встречаются с отцом. А клеветника осуждают и сбрасывают с высокой башни. Хотя в дастане очень мало характерных для Болгарии исторических событий, реалий, но на протяжении всего произведения то и дело подчеркивается, что действие происходит именно в «Болгар иле», в «Булгор шахри». Город Болгар описан в дастане очень абстрактно. Но тем не менее картинка не противоречит реальным историческим фактам: базар на центральной площади, крепкие стены вокруг города.

Болгарское государство описано с любовью как сильный и богатый сказочный край. Это тоже реально отражает место его в мире в тот период времени. Историческим фактом является описанная в дастане связь Болгарского государства с другими государствами, в частности с «великим городом Багдадом» (олуг шахар). Эти детали напоминают домонгольские времена.

Достоинна внимания еще одна деталь, приведенная в дастане. Это мера наказания преступников сбрасыванием с вершины высокой башни, применявшаяся и в городе Болгаре. Например, ученый-эциклопедист Ходжа Хасан ибн Омар ал-Болгари был приговорен к такому виду наказания. Только скрывшись, он сумел избежать ее. Мы уже говорили о предании, посвященном судьбам ханской дочери и Сююмбеки, которая погибла, сбросившись с высокой башни. Видимо, сохранившаяся до сегодняшнего дня поговорка «Бросившись с башни, живым не останешься» связана с этим существовавшим в древности видом наказания. В татарском фольклоре, когда речь идет о городе Болгаре, то в первую очередь рассказывается о его башнях, минаретах. Интересна еще вот такая загадка: «Два каменных сооружения — каменные снаружи, полые внутри, по форме — как два веретена». Отгадка — минареты[153]. Здесь речь идет о двух, похожих на два веретена, минаретах. Действительно, в Болгаре сохранившийся до сегодняшнего дня Малый минарет и разрушенный в 1844 г. Большой минарет по своему внешнему строению очень похожи на два веретена. В татарском фольклоре немало повествований о минаретах.

В произведениях устного народного творчества мы наблюдаем тесную связь между главными болгарскими городами Болгаром и Биляром. В фольклорных произведениях говорится о тайных путях, ведущих из одного города в другой. В одних преданиях это подземный путь[154], в других — тайная дорога, которая проходила через дремучий лес[155].

Таким образом, судя по фольклорным реликтам и сведениям из письменных источников, можно заключить, что у болгар бытовали различные жанры поэтического творчества. Значительная часть поэтических произведений является наследием еще более древнего тюркского периода. Переходная ступень от бесклассового общества к классовому — военная демократия — способствовала возникновению дружиннического фольклора, произведений о богатырях-алыпах. Зачастую трудно определить жанр того или иного фольклорного сюжета, что объясняется не столько вольностью передачи содержания произведений фольклора восточными путешественниками, сколько синкретичностью жанров и в силу этого некоторой неопределенностью их критериев. В Средневековье, в особенности в его раннем периоде, фольклор был распространен во всех слоях общества, он удовлетворял духовную потребность и крестьян, и феодалов, и городских ремесленников, поэтому в произведениях фольклора наряду с отражением чаяний трудового люда мы видим и довольно заметное проникновение идеологии правящего сословия и духовенства. Так, легенды об альтах, северных народах приобрели позднее религиозную окраску: они связываются с кораническими персонажами, например, адитами, йаджудж-маджуджами (гог и магог); возникновение названия страны и столицы связывается с именами проповедников ислама и т.д. Тесные торговые, религиозно-политические связи со многими странами того времени способствовали проникновению в устное народное творчество немало «кочующих» по средневековому миру сюжетов.

ИСЛАМ И БОГОСЛОВИЕ

Из небольшого города, по размеру и интенсивности жизни в домонгольское время, в золотоордынском периоде город Болгар стал одним из культурных и религиозных центров мусульманского мира, по своей славе затмил даже домонгольский Великий город.

Обширная территория Улуса Джучи включала земли древних государств Хорезма, Крыма, Северного Кавказа, Волжской Болгарии — центров цивилизации, имеющих давние традиции оседлой, городской жизни, государственности, исламской культуры. Оказавшись в составе одного мощного государства с сильной центральной властью, эти цивилизации способствовали обогащению, взаимовлиянию культур народов.

Для общества, и особенно для развития религии и культуры, важное значение имела безопасность городов. Урбанизация была характерной чертой исламской культуры. Мусульмане жили в городах Джучиева Улуса, которые были центрами исламской культуры. Такие города часто удостоивались почетного имени ал-Махруса, т.е. безопасный, богохранимый город. Эта реклама, нанесенная на монеты, была весьма эффективной. Города привлекали к себе путешественников, торговцев, ученых со всех концов мира. Ал-Махруса — это была не только реклама, но и показатель статуса города. Такое название было помещено на монетах XIV в. городов Болгара, Сарая, Гулистана. Данная традиция присвоения эпитета ал-Махруса городам была продолжена и в Казанском ханстве. Шариф Хаджитархани характеризовал Казань словом ал-Аман, т.е. защищенный и удивительно приятный (щай-гыйшрэт), благоустроенный (мэгъмгри) город[156].

Города Улуса Джучи были центрами материальной и духовной культуры. Город Болгар стал первым экономическим и политическим центром Джучиева Улуса, по общему выражению одного из современников, — «золотым тронем джучидских ханов».

Первые монеты не только Улуса Джучи, но и всей Монгольской империи стали чеканиться в городе Болгаре. Источники отмечают его благоустройство, чистоту, совершенство общественных сооружений, красивые базары, ставшие своеобразными общественными центрами, широкие улицы, множество мечетей. В 1262-1263 гг. после принятия ислама хан Берке отправил в исламский центр того времени — в мамлюкский Египет — султану Каира Бей-барсу официальное посольство с сообщением, что он сам и самые богатые монгольские роды приняли ислам.

Можно утверждать, что Болгар сыграл большую роль в распространении ислама в Джучиевом Улусе. Ко времени принятия ислама Джучиевым Улусом у болгар уже были 400-летние традиции ислама. Город Болгар, в котором ислам имел глубокие корни, стал своеобразным центром Джучиева Улуса. Вспомним, после принятия ислама от Бухары правитель Болгарии Алмыш-Джагфар тоже посылал письмо в Багдадский халифат (халифу), который в тот период был центром ислама. Совпадения в процедуре принятия ислама Болгарией и Джучиевым Улусом не случайны. Как и в домонгольской Болгарии, ислам в Улусе Джучи принимался из Бухары.

Суннитский и ханафитский толки ислама, что характерно для регионов Средней Азии, нашли отражение на монетах Джучиева Улуса, ханских ярлыках и даже в личных именах людей, в тахаллусах (например, Бурхан ад-дин Ибрагим ибн Хозыр ал-Болгари ал-Ханафи). Ханы Джучиева Улуса тоже были ханафитами.

Ученые в своих именах отмечали не только то, что они мусульмане, но и свою принадлежность к его определенному направлению, пропагандируя таким образом его. В духовной жизни татарского народа внимание к такому приему не ослабло и в дальнейшем. Название религиозного течения стало и именами людей. Имена Ханафи — Ханафия, Канафи — Канафия встречаются поныне[157].

В Болгарии домонгольского периода подчеркивание значимости какого-либо направления ислама не проявлялось. Но в Улусе Джучи ситуация изменилась. Здесь ученые это течение выделяют. Абул-Фида писал: «В городе Болгаре есть три бани, население является ханафитами»[158].

Принятие ислама в центрах Улуса Джучи было благотворным и для старых мусульманских центров. Болгар золотоордынского периода стал «самым северным форпостом мусульманского мира» (В.В. Бартольд). Французский монах Гильом де Рубрук, побывавший в 1253 г. в Болгаре, с раздражением писал о том, что «Болгаре — самые злейшие Сарацины, крепче держащиеся закона Магометова, чем кто-нибудь другой»[159]. Исследовавший города Джучиева Улуса на территории Нижнего Поволжья Г.А. Федоров-Давыдов приводил такой пример, говорящий о том, насколько силен был ислам в Болгаре: «В городах Золотой Орды отклонения от норм ислама, в частности в погребальном обряде, были сильнее, чем в Волжской Болгарии, но примерно такими же, как в Хорезме»[160].

Исповедание на далеком севере сильного ислама, удаленного от других центров мусульманского мира, продолжало удивлять ревнителей этой религии. Поехать из

центров мусульманского мира туда, помочь единоверцам в делах религии и просвещения — считалось святым долгом.

Об этом сказано и в народном байте под названием «Святые города Болгара».

Дервиши-хранители склепов города Болгара выходят им навстречу,
Те, кто прибыл сюда с искренностью,
Получают от Аллаха награду, как за совершение хаджа,
Прибывают паломники из Астрахани, Омска, Томска.
Когда все собираются, радость приходит всем.

Перевел с татарского Г. Даветшин

В этих строках отражается почтение предкам. У татарского народа была такая специальная служба по охране остатков древних городов, находящихся на их территории склепов и могил, считавшихся священными. В обязанность этой службы входило встречать приезжающих гостей, показывать им исторические священные места, рассказывать о выдающихся людях своего края, угощать их и провожать. Исполнители этих святых обязанностей сами отождествлялись со святыми, назывались они муджавирами. Во время Казанского ханства мавзолеи оставались местом поклонения[161]. Особенно много паломников собиралось возле могил у Малого минарета. Думали, что это могилы сподвижника пророка Ахтыма, святого Балым ходжи, Девы[162]. В Казани эту почетную работу выполнял и великий поэт Мухамедьяр[163].

Мусульманство Улуса Джучи, в том числе Болгара, отличалось чертами суфизма. Берке хан принял ислам от Бухарского суфия Сейф ад-дина (Шемс ад-дина?) Бахарзи (умер в 1261 г.), ученика Наджм ад-дина ал-Кубра (1145-1221), основателя суфийского братства Кубравийа[164]. Позднее в Ургенче в 1321—1333 гг. на его могиле был построен великолепный мавзолей. Вероятно, позднее Наджм ад-дин Кубра стал духовным отцом всего мусульманства Болгара.

Отдельные территории Болгарского городища были местами проживания странников, дервишей. О Западном мавзолее Н.Д. Аксенова писала, что «здание строилось как поминальная мечеть или странноприимный дом для паломников-мусульман, приходивших для поклонения святым могилам»[165]. Такие пристанища находились возле святых могил и склепов. Отдельные из этих сооружений похожи на пристанища Средней Азии, Казахстана, Кавказа, Крыма[166]. Это отмечает и А.Ю. Якубовский[167]. Исследователь строительной керамики из Болгара Л.М. Носкова также пришла к выводу о том, что «по техническому использованию и орнаментальным сюжетам болгарские майолики наиболее близки к майоликам, украшавшим надгробие в мавзолее Над-жмеддина Кубра в Ургенче». Ханская усыпальница, относящаяся к первой половине XIV в., т.е. ко времени расцвета города, была памятником, обильно украшенным майоликовыми орнаментированными плитками[168].

Углубление исламизации и нестабильности в болгарском обществе, в основном связанные с социально-политическими потрясениями в центрах Джучиева Улуса, способствовали усилению позиции суфизма (мистико-аскетического течения в исламе) в Болгаре. Надписи на могильных плитах, склепах, появление болгарских над-

гробных памятников с эпитафиями религиозного содержания, постройка мавзолеев-дюрбе, усыпальниц, захоронение отдельных личностей возле стен мечети — это все явления, связанные с суфизмом. Суфизм в рамках канонического ислама получил даже официальный статус, и его последователи пользовались широкими правами. С этой точки зрения представляет интерес назначение здания Черной палаты — одного из монументальных архитектурных памятников Болгарского городища, которое находилось в центре города Болгара недалеко от Соборной мечети. Разделяя мнение некоторых ученых[169], мы склонны считать его ханакэ — пристанищем для странствующих суфиев-дервишей. Расположение его в центре города отражает роль суфиев в Болгаре. Подобные белокаменные и кирпичные здания мавзолеев были возведены на могилах знати, суфиев в древнем Наровчате (Мордовии), на горе Батынгуз севернее Биляра и недалеко от Уфы — мавзолеев-кешене Турахана и Хусаин-бека[170]. Идеи суфизма отражала и богатая золотоордынская и болгарская литература того времени.

Терпимое отношение в Болгаре к другим религиям было и в период Джучиева Улуса. К западу от города Болгар располагалась армянская колония, обосновавшаяся здесь еще до монгольских завоеваний. Христианский собор этой группы населения получивший название «Греческая палата», был построен с точной ориентировкой по сторонам света[171]. У армян, проживавших в Болгаре, был обычай ставить на могилах плиты с надписями. Сохранилось пять таких плит с надписями на армянском языке. Встречаются на них и арабские буквы[172]. Одна плита с надписью 1218 г. На Болгарском городище найдено много христианских вещей: крестиков, иконок, медальонов оплечий, предметов убранства церквей[173]. Это позволяет судить об известной веротерпимости в Болгаре.

Ислам занимал основное положение в культуре Болгара.

Однако в Джучиевом Улусе ислам распространялся медленно, особенно среди кочевников. С усилением проникновения в Болгар кочевников происходило внедрение языческих элементов в культуру горожан. Результат этого процесса фиксируется археологически. Отступление от канонов ислама в погребальном обряде имело место в центре и в новых восточных землях. Примером может служить Такталачукский могильник, исследованный Е.П. Казаковым в низовьях р. Белой[174].

В Болгаре в золотоордынское время продолжали развиваться мусульманское просвещение, наука и богословие. Но последствия монгольского нашествия не прошли бесследно. Достаточно отметить, что в течение столетия источники не сообщали ни об одном болгарском просвещенном человеке (см. Приложение). Спустя некоторое время Болгар оправился и пережил свой расцвет.

На основе ислама в Болгаре развивалось богословие. Среди богословов Джучиева Улуса, в том числе Болгара, тема религиозных направлений ислама была весьма популярна. Ученый XIV в. из Болгара Бурханеддин Ибрагим ибн Хозыр (Хозер, Хезер, Хидр) ал-Ханафи в 1350 г. творчески переписал книгу «Начало исламских мазхабов». В указателе этой книги прекрасным каллиграфическим почерком было написано, что перепись выполнена в 1350 г. Бурханеддином Ибрагимом ибн Хозыром родом из г. Болгара. Ученый интересовался исламскими течениями, внес вклад в исследование этой темы. Позднее он подготовил книгу «Усул ал-Хосами». В ней речь

идет об известном ученом-богослове Хосамеддине Мухаммаде Акситани (умер 1246-1247 г.). Экземпляр этой книги был у Ш. Марджани, Он писал: «Данный экземпляр полный, с четким шрифтом, грамотный, знаний — через край»[175]. Термин религиозного учения Усул обозначает корни, устои религии[176]. Одно из таких произведений — книга шейха Ибрагима ибн Мухаммад Ходжи ибн Таджаддина ал-Кырымани (у Ш. Марджани: Таджаддин Ибрагим ибн Мухаммад) под названием «Усуле имам Фахрелислам». У Ш.Марджани аш-шейх Мухаммад Сабир ибн Галяуддин ал-Болгари отмечен как его учитель[177].

С тахаллусом Ханафи известен другой богослов. Во второй половине XIII в. в Болгаре и Сарае жил и творил беженец из Ирана Абу Мохтар ибн Махмуд ал-Казвини ал-Ханафи (умер в 1289 г.). Это известный теолог и историк своего времени, автор книги «Рисалаи Насрия» (Описания победителей), подаривший экземпляр книги хану Берке.

Госам ибн ал-Малик Магилани (Маргинани) из Ферганы, долгие годы живший в Болгаре, занимался различными науками, был поэтом. Умер в 1411 г. в Хаджитархане (Астрахане) по возвращению из хаджа.

Ал-Малик Маргинани имел совместные труды с другим известным ученым — Аш-Шайхе Хафиз ад-дин Мухаммад ибн Шихаб ибн Йусуф ал-Хорезми ал-Кердари, которого в богословском, научном мире знали под именем Ибн ал-Баззас (около 1343-1423 гг.). Он был и историком. По сведениям Ш. Марджани, начальное образование ученый получил в хорезмском городе Кердари, затем побывал в Болгаре, Крыму, Руме и других городах и землях. Встречался он там с образованнейшими людьми, что позволило ему пополнить свои знания. Позднее жил в Болгаре, Хаджитархане. Собрал воедино основные учения масхаба Ханафи. Особой популярностью пользовалась его книга «Ал-фатави ал-Баззасия». Когда спросили у известного муфтия своего времени Абу-с-Сауда: «Почему он не пишет книгу о событиях своего времени», — он ответил: «Мне стыдно было бы перед Баззаси, он уже осветил все проблемы». Термин фатва авторитетное «богословско-правовое заключение, сделанное для разъяснения и практического применения какого-либо предписания шариата»[178]. Например, действия Тамерлана названы им противомусульманскими, а сам завоеватель объявлен куфром — неверным. После разрушения Тамерланом Сарая Ибн ал-Баззас сбежал в Турцию. С уважением к нему относились и золотоордынские ханы[179]

Ходжа Хасан ибн Омар ал-Болгари (умер в 1299 г.) родился в Азербайджане в городе Ганджа (Нахичевань). Это, очевидно, крупный религиозный деятель, возможно, даже глава болгарского мусульманства. Об этом свидетельствует его весьма почетный титул — шейх-уль-имам, — присваивавшийся только крупным религиозным авторитетам, знатокам религии, главам наставников и учителей. Жил он в нескольких восточных городах, в том числе 30 лет в городе Болгаре. Здесь он, как последователь Ахмеда Ясави, увлеченно распространял взгляды, выходящие за рамки официального ислама. За это его приговорили быть сброшенным с минарета мечети. Видимо, нашлось немало сторонников, которые помогли свершить побег и скрыться. Позднее Хасан ибн Омар ал-Болгари уехал в Бухару, оттуда в Керман. Он учился у многих шейхов, но был последователем шейха Сагд ад-дина ал-Хамави,

жившего в Хорасане и в Хорезме и умершего в 1253 г. Хасан ибн Омар ал-Болгари занимался различными науками.

В Бухаре до XX в. функционировало медресе при мечети «Ходжа Болгар». Там раньше в махалле Халлабакан еще в XIX в. была могила святого Ходжи Болгари. «В городе Бухаре, — писал Ш. Марджани, — в квартале Хал-лябакан сохранилось одно святое захоронение. По традиции эта могила — место поклонения. Мусульмане Бухары уважительно называют погребение «Ходжа Болгари». Умерший в 1853 году учитель-мелла Хусаен бине ал-Му-хаммад бине Омар ал-Болгари ал-Каргали завещал похоронить его рядом с этой могилой. Братья Хасан и Хусаен ал-Болгари тоже похоронены здесь. Садир аш-Шаригат ал-Кирмени в Бухаре познакомился с шейхом Хасаном ал-Болгари и, под его влиянием, присоединившись к нему, встал на истинный путь. Известно, что он умер в 1299 году в городе Тебризе»^[180]. Многие, особенно те, кто происходил из наших мест, предпочитали быть похороненными возле этих могил.

Идеи ислама распространялись и через литературу. Среди литературных произведений периода Джучиева Улуса выделяются достоверностью отражения жизни той эпохи, идей суфизма, нравственных проблем произведения Махмуда ибн Гали шейх ибн Омар ал-Болгари ас-Сараи (умер 22 марта 1360 г.) под названием «Нахдж ал-фарадис» (Открытый путь в рай), завершённое автором 20 января 1358 г. Махмуд Болгари и сам был сыном главы имамов города Сарая. Первая глава этого произведения посвящена пророку Мухаммеду. Во второй главе речь идет об истории ислама, о первых халифах, сахабах. В третьей главе — нравоучительные истории, призывающие совершать богоугодные дела. В последней, четвертой главе очень впечатляюще описываются конкретные жизненные ситуации, когда совершаются греховные поступки и делаются моральные выводы. Изображение реальных явлений общественной жизни того периода делает эту главу книги ценным источником для изучения исторического, в том числе духовного, мира того времени.

По насыщенности общественно-нравственными идеями «Нахдж ал-фарадис» близок произведению Хусама Кятиба «Джумджума султан» (1369)^[181].

Таким образом, город Болгар был одним из центров науки и мусульманского богословия. В то время не уместно было бы делить просвещенных болгар на богословов и ученых. Наука и богословие были неразрывно взаимосвязаны. Богословие считалось ведущей частью науки. В свою очередь каждый богослов занимался и другими науками.

ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА

Письменная культура в Болгаре развивалась на основе ислама. Письменность в золотоордынских городах была в большом почете. Горожанин соприкасался с письмом повсюду (в мечетях, медресе, книгах). Арабская вязь успешно использовалась как орнамент. Она наносилась на посуду, оружие, монеты, замки, украшения и другие предметы, была составной частью архитектуры. В надписях часто выражалось пожелание благополучия обладателям. Украшать надписями общественные здания — традиция в исламском мире. На самых высоких видных местах общественных зданий, дворцах, куполах, колоннах, воротах, над дверями можно было прочесть изречения из Корана, стихи на персидском и тюркском языках. Например, арабский

историк Абу-лаббас аль-Макризи (1364—1441) писал о том, что в 1287 г. султан Египта ал-Малик аль-Мансур «отправил Берке дорогой подарок и более 2000 динаров, предназначенных для постройки мечети в Крыму, на которой должны были быть начертаны титулы султана». Он послал также в Солхат своего мастера для резьбы титулов и для покрытия их масляными красками[182]. Арабский ученый-энциклопедист Ибн Фазлаллах ал-Омари (1301-1349) писал о строительстве в Восточном Азербайджане соборной мечети и о нанесении там имени и титулов Берке хана[183]. Здания с такими надписями были и в городе Болгаре. Снаружи и изнутри гладкая облицовка стен Большого и Малого минаретов украшалась мастерски исполненной резьбой по камню изречений из Корана[184]. Это отражено в татарском байте о городе Болгаре: «Минарет города Болгара с надписью на вершине...» В дастане «Идегей» отмечается вид высоких ворот Болгара: «Алые узоры Айкапу (ворота), золотыми буквами записана сура»[185].

С внешней стороны арки над северным входом в Черную палату сохранилась небольшая выемка для надписи, на арке над южным входом была надпись[186]. Над узорчатой дверью Соборной мечети тоже были строки из Корана (см. рис. 13 в очерке Д.К. Валеевой в настоящем издании).

Чаще надписи встречаются на строительной керамике. Это прежде всего поливные изразцовые кирпичи, мозаика и майоликовые плитки. Растительный узор на них сочетается с эпиграфическим. Тексты надписей имели характер благопожеланий; в них упоминались имена святых, правителей или зодчих. Имеются и служебные надписи, с помощью которых мастера обозначали порядок набора керамических плиток[187].

С древнейших времен у тюркоязычных народов бытовали зеркала с надписями. Возможно, это связано с влиянием Китая. Надписи на зеркалах Джучиева Улуса очень напоминают надписи на самых древних тюркских зеркалах.

На двух зеркалах с обратной стороны изображены головы сфинксов. Одно из них найдено в Болгаре. На нем на арабском языке написано: «Слава и процветание, мощь, и высокое положение, и вознаграждение, и наслаждение владельцу этого всегда»[188]. Данный текст почти слово в слово повторяет надпись на упомянутой выше посуде, найденной в Болгаре. Крупная арабская надпись почерком «наسخ» выполнена по краю диска другого зеркала; в переводе на русский он читается как: «Слава, которая (есть) — высшее счастье для могущественных чиновников; (да будет) тебе благодеянием будущей жизни»[189]. Надписи, выполненные на арабском языке, были широко распространены в исламском мире. Их содержание очень понятно и близко всем мусульманам.

Около половины перстней, найденных в золотоордынских городах, связано с Болгаром. На щитки перстней того времени часто наносились магические пожелания. Они считались амулетами, на щитках были имена владельцев и пожелания: «да продлит Аллах здоровье», «благоденствие», «предохранять» и т.д. [190]. Видимо, известную татарскую народную песню-четверостишие «Ку-лымдагы йвзегемнец исемнэре...» (Имя перстня моего...) пели еще в древние времена. Перстни порой выполняли роль печатей. С давних пор перстням и надписям на них приписывали волшебную силу. В татарских сказках часто упоминаются волшебные кольца, играющие важную роль в судьбах героев.

Кроме перстней встречаются браслеты с письменами. Среди предметов в кладе, найденном в 1924 г. на Джукетауском городище, был золотой витой браслет, украшенный арабскими буквами с персидским текстом: «Да будет творец мира покровителем владельца сего предмета, где бы он ни находился»[191]. Следующая надпись на браслете («Султан справедливый 782 (т.е. 1380 г. — Г.Д.) Ал-Джедид»), прочитанная Д.Г. Мухаметшиным и Ф.С. Хакимзяновым, относится Тохтамыш-хану. Подобные браслеты с благожелательными надписями «именем Аллаха», «успех» и т.д.[192] были широко распространены в странах мусульманского Востока. Нередко встречаются браслеты с изображением львиных морд и змеиных головок на концах[193]. Значительная часть надписей на зеркалах, перстнях, браслетах является эпиграфическими орнаментами или подражаниями арабским текстам. В данном случае они, по-видимому, выполняли магическую функцию.

Интересна литая бронзовая бляха с позолотой, вероятно выполнявшая роль амулета. Она состоит из трех вертикальных зон. В первой и третьей зонах арабская надпись: «Слава, успех и могущество» (чтение и перевод Г.А. Федорова-Давыдова). В средней зоне изображены фигурки двух птиц, обращенных головками одна к другой[194]. Возможно, это голуби. На мой взгляд, бляха напоминает татарские шамаили.

Надписи украшали предметы, фиксировали имена их владельцев и содержали пожелания. Именные перстни были и удостоверительными знаками для официальных актов[195]. Перстни и браслеты с надписями, воспеты в народных песнях, по представлениям древних, имели магическую силу. Очень похожие перстни продолжали бытовать у татар до XX в. В это время, по словам известного тюрколога Н.Ф. Катанова, надписи на вещах были тесно связаны с духовным миром населения того времени[196]. Часто на кольцах были надписи в четыре строки арабских букв. Одни отмечают, что этот таинственный набор букв понимал лишь царь Соломон; другие — пророк Моисей; третьи — пророк Мухаммед. По мнению четвертых, смысл их знал лишь один Аллах. Часто вариации из нескольких арабских букв совпадали с набором букв с непонятным смыслом, помещенным в начале сур Корана.

Мусульмане считали, что каждый вариант набора букв спасал от определенной болезни, приносил успехи в определенном виде деятельности, предотвращал разные беды и влияние злых духов. Еще и поэтому эти кольца, перстни с надписями бережно хранились, так же как волшебные кольца в сказках.

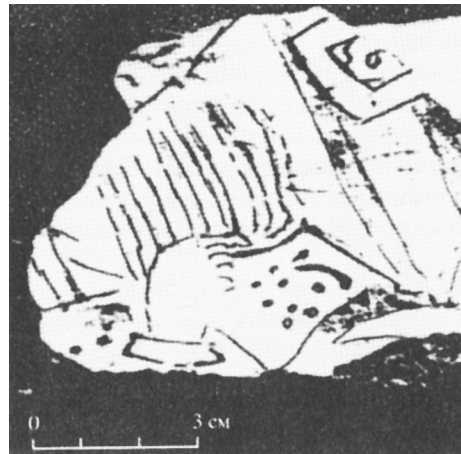
Материальную культуру Улуса Джучи образно называют «культурой поливных чаш и мозаичных панно» (Г.А. Федоров-Давыдов). В средние века, особенно на Востоке, внимание к красивой посуде было очень велико. Красивая с содержательной надписью золотая или серебряная посуда была дорогой. Среди подарков, отправляемых главам государств, самым ценным и почетным подарком была именно такая посуда. То что между Джучиевым Улусом и Египтом происходил постоянный обмен многочисленными подарками, факт известный. Среди подарков было много посуды. Ее использовали при проведении религиозных обрядов, на приемах послов и при других важных событиях. Это зафиксировано, например, при приеме багдадского посла в Болгарии[197], где троекратно произносил тост эмир Алмуш. Тосты сопровождалось поднятием бокалов с напитками и т.д.

На сосудах изучаемого периода много надписей. Большинство их выполнено на арабском и изредка на персидском языках. Изредка встречаются и китайские иерог-

Рис.10 – Фрагменты керамики с надписями. Синяя и зеленая полива. Болгарское городище. 1970, 1972. Инв. 3, № 406; инв. 4, № 117; инв. 15, № 353.-

Рис.11 – Фрагмент керамики с рисунком. Болгарское городище. 1963-1964. Инв. 6, № 56.

лифы. Часто надписи нанесены штампом. Поэтому одинаковые сосуды можно встретить и в Сарае, и в Болгаре, и в окрестностях Биляра. Надписи на посуде не только украшают ее, но и несут информацию, а также пожелания счастья, славы, успеха, благополучия, богатства.

В городах Джучиева Улуса найдено до сотен экземпляров фрагментов посуды с надписями. Только на Болгарском городище их около пятидесяти (рис. 10,11). К сожалению, изящная посуда дошла до нас в большинстве фрагментарно; на ней лишь отдельные буквы, не позволяющие понять смысл написанного. Зато до нас дошло немало посуды из металла с полными текстами. В 1889-1890 гг. в Болгаре найдена серия латунных сосудов, многие из них с надписями. Часть болгарской посуды хранится в Эрмитаже. На одной чаше читается арабская надпись: «Слава и процветание, и мощь, и высокое положение, и вознаграждение владельцу этого всегда». На крышке от бронзового кувшина рельефная надпись на арабском языке идет по кругу и разделена на три равные части тремя медальонами с изображением птицы: «Слава и успех, и владычество, и счастье, и здоровье, и милосердие Аллаха,

и долголетие всегда владельцу сего»[198]. Надпись прочитана и анализирована Д.Г. Мухаметшиным и Ф.С. Хакимзяновым. Изображенная птица, на мой взгляд, не утка, а скорее всего — фантастическая «птица счастья» в дошедших верованиях. Словами надписей можно описать идеал благополучного человека того времени: — «слава» (почти в каждом благопожелании), «процветание», «мощь», «высокое положение», «вознаграждение», «успех», «наслаждение», «господство», «долгие лета», «здравие» «доброе будущее» и т.д.

Надписи на посуде выполняли различные функции: это и просто красивые узоры, и выражение добрых пожеланий владельцу, и поклонение Аллаху. Считалось, что священные арабские буквы были надежным средством защиты пищи и питья от злых духов. Они служили оберегом от болезней, лечебными средствами. Болгары в качестве лекарств применяли белемниты. Это продолжалось и в золотоордынский период. Но предварительно, до применения белемнитов на их поверхности наносили арабские буквы и отдельные слова.

В Сарае, Болгаре и других городах Золотой Орды зафиксировано более десяти чернильниц. Чернильницы низкие, аккуратные, устойчивые; изготовлены из стекла, фаянса, металла и керамики; украшены затейливым орнаментом, часто арабской вязью. Например, одна из таких чернильниц была найдена в конце XIX в. в с. Кульбаево Мараса (Татарстан). Вещь изготовлена в конце XII — первой половине XIII в. в Иране, по форме это цилиндр высотой 6 см. Декор состоит из трех полос. На крайних полосах на фоне больших спирально скрученных стеблей с пальметтами проходит арабская надпись с пожеланиями славы, успеха и могущества[199].

На бумаге писали различными перьями. На востоке с давних пор охотно пользовались камышовыми перьями. Способы их изготовления, затачивания подробно описаны в специальных работах. Затачивались перья с учетом того, какой почерк будет избран и с какой целью будет написано письмо. Использовались также гусиные перья и костяные писала, бытовавшие у болгар еще в домонгольском периоде. Костяные писала были обнаружены при раскопках Болгарского городища. Н.Н. Поппе опубликовал сообщение об обнаружении в 1941 г. в Сарае при вскрытии могилы бахши XIV в. коробки из бересты с берестяной книжечкой, латунной чернильницей и костяным писалом[200].

Священное арабское письмо сопровождало умерших в последний путь. С золотоордынского времени в Болгаре и Крыму начала формироваться традиция установки могильных плит с эпитафиями. Внимание ученых давно привлекали болгарские эпиграфические памятники. В них нашли отражение элементы архитектуры, орнамента, каллиграфии, красноречия, языка. К сожалению, как объект культурного наследия в целом они пока слабо изучены.

ПРОСВЕЩЕНИЕ

В нашем распоряжении мало источников, которые бы позволили достаточно полно раскрыть систему просвещения у болгар.

Хрестоматийными стали слова Ибн Русте о наличии в селениях мечетей и начальных училищ с муадзинами и имамами. Это была начальная ступень школьного образования: учились в основном грамоте — умению писать и читать тексты на арабской

графике; уделялось внимание изучению некоторых норм арабского языка, необходимых для чтения Корана, хадисов и религиозных книг. Появившиеся с IX в. в мусульманских странах медресе являлись средними и высшими религиозными учебными заведениями. Они находились обычно в столицах и крупных городах. Сохранились сведения об ученых восточных стран, получивших образование в Волжской Болгарии.

Следующей ступенью мусульманского образования было получение знаний в культурных центрах Востока: Бухаре, Самарканде, Нишапуре, Балхе, Багдаде, Мерве, Газни и др. Обучавшиеся там болгары непосредственно знакомились с достижениями науки и культуры Востока.

Город Болгар, имевший известное на Востоке медресе, стал одним из лучших научных центров. Было стремление и самих восточных ученых совершенствовать образование в Болгарах. Ибн Хаджар сообщал о выходе из Ирака, получившем образование в Болгаре, а потом проживавшем в Анатолии и Сирии[201]. Эта традиция сохранялась и в период Золотой Орды.

Выросшие и учившиеся в Болгаре просвещенные люди были известны в восточных странах под именем «ал-Болгари» (болгарский), хотя они получали образование и в других центрах Востока. О Хасане ал-Болгари, например, упоминал бухарский ученый Губайдулла Садр-аш-Шарига ибн Мас'уда, характеризуя его «наш шейх Хасан Болгарии»[202]. Этим тахаллусом, очевидно, хотели выразить популярность, известность болгарских медресе и преподававших в них учителей.

Тахаллус «ал-Болгари», как показывают и многочисленные другие подобные тахаллусы в мусульманском мире (например, Багдади, Балхи, Бейха-ки, Бируни, Бухари, Джайхани, Димашки, Казвини, Рабгузи, Самарканди, Сараи, Сувари, Хорезми, Ширази), означал принадлежность городу Болгару, а не стране, тем более этносу.

Большое внимание уделялось изучению восточных языков: арабского — языка Корана и науки; персидского — языка поэзии Среднего и Ближнего Востока. Знание восточных языков было необходимо и купцам. Немало было в Волжской Болгарии приезжих людей из восточных стран — проповедников ислама, купцов, ремесленников и т.д. Эти люди оказывали определенное влияние на усвоение арабского и персидского языков болгарским населением. Арабским и персидским языками владели не только просвещенные люди, о чем свидетельствуют их сочинения, но и часть ремесленников, доказательством чего являются выполненные ими эпитафические памятники и отдельные предметы.

Если болгарскую систему просвещения домонгольского времени источники позволяют представить лишь схематически, то сведения, относящиеся к Улусу Джучи, рисуют ее довольно полно. По сообщению Ибн Халдуна, еще хан Берке «стал строить мечети и училища во всех своих владениях, приблизил к себе ученых и законовладельцев и сдружился с ними». Из подобных сообщений нетрудно догадаться, что мусульманское просвещение приобрело форму системы. Строительство и содержание медресе и мектебе считалось богоугодным делом. Кроме обычных учебных заведений, в крупных и стольных городах функционировали большие специальные учебные заведения. Ал-Омари сообщает о строительстве ханом Узбеком «медресе

для знания». Медресе в Солхате, также связанное с именем Узбека, отличалось своей красотой[203]. Указанные учебные заведения можно назвать своего рода университетами того времени. Мусульманское образование было универсальным. Оно включало и религиозные, и светские знания. В Улусе Джучи, включавшем в себя древние мусульманские центры, эти возможности возросли. Особенно популярными были медресе в Сарае, Хорезме, Болгаре, Крыму, Хаджитархане. Образование получали и за пределами страны. Тесными были взаимосвязи в области образования и с мамлюкским Египтом. Немалое количество просвещенных людей, получивших образование в Египте, преподавали в местных медресе, вели активную творческую, общественную деятельность. Египет превратился в один из тюркских центров литературы, образования, науки, культуры[204]. Причем при получении образования в египетских, сирийских медресе особых проблем у обучающихся не возникало. Это говорит о близости системы мусульманского образования и преподаваемых предметов. Источники сообщают об обучающихся в золотоордынских медресе многих шакирдов из разных стран мусульманского мира. В это время в мусульманском мире широко бытовала система «учитель-ученик». Получение основательных для своего времени знаний во многом зависело от того, «кто твой учитель». Ученики возвеличивали своих учителей в своих произведениях, проповедях. Учителя гордились своими талантливыми учениками. В художественных произведениях выражается глубокое уважение к ученым, знаниям, просвещенности. В золотоордынской литературе отражается высокоразвитая письменная культура. В ней много сведений о различных школах, книгах, тетрадях, письмах, экзаменах. Окончившим учебу вручались документы типа аттестата (Ижазатнаэ)[205].

О древних известнейших медресе и о просветителях сохранились сведения в татарских преданиях. В одном рассказывается о Сулеймане Ходже из Мекки, открывшем в Болгаре медресе, где велась подготовка главных духовных лиц — мулл. В преданиях сохранились и сведения о женских медресе. Например, известно предание о медресе Туйбики. Туйбика сама была из ханского рода. У нее было очень большое медресе для девочек в городе Шахри Болгар. Девочки со всех концов приезжали сюда учиться и выходили из медресе образованными людьми. В народе называли это медресе «Медресе шестидесяти шести абыстай». В другом предании речь идет о медресе остазбики Рабиги[206].

В Болгаре развивались астрономия, математика, география, логика, риторика, история, медицина.

РАЗВИТИЕ НАУК

Астрономия и геодезия. О развитии этих наук свидетельствуют находки частей астролябий и квадранта. Эти инструменты использовались для определения координат, а также при землемерных работах. Приборы использовались также при строительстве гидротехнических сооружений. Многие монументальные здания Сарая, Болгара (мечети, мавзолеи и другие общественные здания) строились с точным учетом сторон света.

Определение их велось с использованием приборов. Например, оси зданий Соборной мечети и Ханской усыпальницы имеют одинаковое отклонение от южного направления к западу на 15 градусов[207]. Пять мавзолеев (№ 1-5) в округе Малого минарета также возведены с учетом сторон света и стремлением направить их в сторону Мекки[208]. По странам света ориентированы стены бань Красная и Белая палаты в Болгаре[209]. Ориентировка жилищ по странам света отмечена исследователями и в юго-восточной части городища[210]. На Болгарском городище даже отдельные дома, улицы направлены с северо-востока на юго-запад[211]. В Поволжье это направление в сторону Мекки. Назначение Малого городка не совсем ясно. Для центра изучаемого города эта сторона была стороной священной Мекки. Возможно, и Малый городок был священным, обрядовым местом для населения всего города. Эти взгляды близки точке зрения исследователя этого памятника Л.А. Беляева[212].

Ибн Фадлаллах ал-Омари (1301-1349) писал о том, что подобные инструменты в Болгаре используются для более точного определения времени и приводит подробный рассказ. «Один из известнейших городов его (Кыпчака) Болгар; самая короткая ночь его (длится) 4,5 часа. Хасан Ар-Руми рассказывает (следующее): «потом я расспросил об этом Мас'уда, определителя времени (молитв) в Болгаре. "Мы исчислили ее, — сказал он, — посредством астрономических инструментов и установили, что она (длится) 4,5 часа с небольшим. Что касается «касабы» Акикула (Белоозерск в русских летописях. — Г.Д.), то мы (и там) делали наблюдения над ним и нашли, что самая короткая ночь там (длится) 3,5 часа»»[213]. Таким образом, в Болгаре был свой астроном, который в различных широтах определял продолжительность дня и ночи.

Некоторые объехавшие полмира путешественники посещали Болгар только с целью наблюдения коротких ночей. Ибн Баттута (1304-1377) в рассказе «О моем путешествии в Болгар» писал: «Я слышал о городе Болгаре и захотел отправиться туда, чтобы взглянуть на то, что говорится про чрезвычайную краткость ночей в нем, а также про кратковременность дня в противоположное время года»[214].

В золотоордынский период Болгар превратился в один из центров точного определения времени путем наблюдения за небесными светилами, используя инструменты типа астролябий, квадрантов. Упомянутый Ибн Фадлаллахом ал-Омари Мас'уд в Болгаре был астрономом своей эпохи[215]. Астрономические наблюдения вели болгарские звездочеты в 700 верстах к северу от Болгара (турецкий библиограф XVII в. Хаджи Халифа)[216]. Это расстояние обычно соответствует 20-дневному пути (ал-Омари).

Строительная и архитектурная математика. Город Болгар с середины XIII в. стал переживать период роста. Архитектурные памятники города довольно глубоко изучены С.С. Айдаровым[217]. В годы распространения ислама в центрах Улуса Джучи, в Болгаре построена Соборная мечеть. Она перестраивалась неоднократно. Мечеть по внешнему виду и размерам напоминала мечеть Узбек хана в Солхате (Старый Крым, 1314 г.)[218].

Болгарская мечеть продолжала домонгольскую билярскую строительную традицию возведения подобных зданий. Она была подквадратная (34 x 32 м) с многорядными колоннами и с одним минаретом. Первоначально большой зал мечети (900 м²) разделялся 20-ю (5 x 4 м) четырехгранными опорными колоннами. Позднее они были заменены 36-ю (6 x 6 м) восьмигранными колоннами, служившими опорами

стрельчатых арок, поддерживающих плоский потолок, крытый сверху скатной кровлей. В тревожные годы мечеть укрепили угловыми крепостными башнями. Высота их достигала 5 м. Кроме того, мечеть была укреплена контрфорсами (симметричными выступами прямоугольной формы), обрамляющими стены со всех четырех сторон. Мечеть была и своеобразной крепостью[219]. Призыв к молитве (азан) совершался с асимметричного 24-метрового Большого минарета.

Композиционно Большой минарет представлял массивный столб, поставленный на кубовидное основание, которое при помощи плоских треугольных скосов плавно переходит в восьмигранный промежуточный ярус — восьмигранник. Он, в свою очередь, скосами, декорированными резными шестилепестковыми пальметками, соединяется с круглым основанием минарета. Верх данного цилиндра завершается обходной галереей вокруг невысокого круглого яруса. На минарет поставлен невысокий цилиндр диаметром в два раза меньше диаметра основного столба, а сам он завершается конической кровлей.

Рядом с Малым минаретом располагались поминальная мечеть, кладбище и усыпальницы, одна из которых называется Ханская усыпальница. В плане Ханская усыпальница представляет квадрат (8,5 x 8,5 м), во внутреннем пространстве — куб, благодаря угловым скосам плавно переходящий в восьмигранник, затем в круглое основание купола. Снаружи усыпальница выглядит как куб с полусферическим куполом[220].

Симфония геометрических фигур характерна и для других архитектурных памятников Болгарского городища. Самой таинственной среди памятников является так называемая Черная палата. Она построена в середине XIV в. Это лишь центральная часть единого многоярусного целого архитектурного комплекса. Черную палату в плане составляют вписанные друг в друга геометрические фигуры. Внутри здания два этажа. На первом этаже здания располагались по периметру небольшие комнаты. На втором этаже, состоящем из трех ярусов, располагался высокий купольный молельный зал с дверными проемами по странам света на первом ярусе, стрельчатыми нишами и оконными проемами на втором и третьем ярусах. Снаружи здание состоит из трех четырехугольников. Высота первого и третьего четырехугольников равна почти половине высоты среднего (второго). Основание каждого последующего четырехугольника меньше, чем предыдущего, поэтому в целом они образуют ступенчатую фигуру. На ней расположена самая красивая часть здания — восьмигранник, имеющий в каждой грани стрельчатые глубокие ниши со стрельчатыми оконными проемами. Здание завершается полусферическим куполом. Таким образом, план этого памятника состоит из вписанных квадратов разных размеров, восьмигранника и круга.

Восточный мавзолей комплекса Соборной мечети находится рядом с ней. Куб, который составляет основание мавзолея, благодаря срезам плавно переходит в восьмигранный второй ярус. Внутри здание завершается полусферическим куполом, а снаружи — восьмигранным шатром.

Расположенный напротив главного фасада Соборной мечети Северный мавзолей, так называемый Монастырский погреб, идентичен по планировке с Восточным, и отличался от него в основном размером. Здесь куб с косыми срезами переходит в

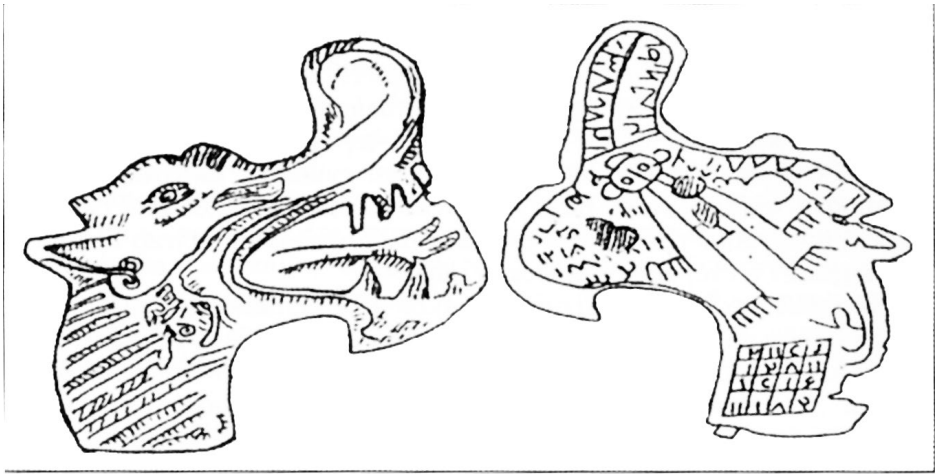

Рис. 12. Медная рукоять в форме головы хищника с изображением.
ГМРТ, 7823, инв. 1136, № 21.63

восьмигранник, потом, возможно, шестнадцатигранник. Здание завершается сначала полусферическим куполом и потом шатровым покрытием.

Знание особенностей различных геометрических фигур и их умелое чередование позволило зодчим создать величественные архитектурные ансамбли из геометрических фигур: куб, переходящий через тропы в восьмерик, шестигранник, завершающиеся полусферическим куполом, пирамидальным шатром. Ученый-математик В. Беркутов отмечает, что «подобные типы строительных конструкций говорят об очень хорошем знании болгар приемов стереометрических и стереографических наук»[221].

Построение архитектурных памятников по принципу чередования геометрических фигур характерно и для других золотоордынских городов. Нередко сооружения в плане составляют вписанные прямоугольники, напоминающие «вавилонь». Золотоордынские зодчие, как и болгарские домонгольского времени, вели математические расчеты, используя вавилонь. Чертежи вавилонов наблюдаются и на кирпичах в нижеволжских городах[222]. Это болгаро-хазарская традиция. Использование соотношений линии вавилоня при сооружении в плане прямоугольных, квадратных, восьми- и шестнадцатигранных зданий было намного удобнее. Правда, такие чертежи использовались и при играх (например, в «игре в мельницу»)[223]. В археологических материалах наблюдается и эта их функция. Подобный чертеж был обнаружен в детской комнате большого дома, исследованного в Сарай-Бату[224].

Археологами исследован ряд общественных бань в городе. Одна названа Белой палатой; высота центрального купольного зала этой бани около 6 м. Высота боковых помещений -4 м. Они также были покрыты сводами. Н.Ф. Калинин и А.П. Смирнов, исследуя бани Болгара, пришли к выводу о том, что «отношения между основанием и высотой сводов соответствуют простым пропорциям «египетского треугольника»: для восточного свода -4 : 3, для южного -3:2, для западного - 5 : 4»[225].

Магическими квадратами увлекались и в Улусе Джучи, в том числе и в Болгаре. Следует отметить найденную в 1895 г. на Болгарском городище небольшую металлическую плитку с надписью из четырех строк. Первые три состоят из несвязанных между собой цифр и арабских букв. В четвертой строке только два слова: «Слава-миг». Данный оберег по форме напоминает астральный амулет с Царевского городища, опубликованный Г.А. Федоровым-Давыдовым[226]. Обе находки близки по форме домонгольским прямоугольным костяным амулетам. Амулет из Сарая ал-Джедид значительно больше. Амулеты найдены и на Болгарском городище[227]. Такого же типа еще один амулет из Болгара. В центре лицевой стороны выгравирован рисунок животного, а по периметру нанесены отдельные арабские буквы[228]. Возможно, художник хотел нарисовать кораническое верховое животное ал-Бурака.

На языческих амулетах, как мы уже отмечали, имеются буквы и цифры. Амулет, найденный в Сарае, также, как амулет из Болгара, содержит четыре строки письма. На первой строке буквы арабского алфавита (каф, hd, гаен, сад), обозначающие сокращенную мистическую формулу, приведенную в начале 19 суры Корана (сура Мариам), смысл которого известен лишь самому Аллаху. На второй строке также есть непонятная буква, обозначающая погружение в мистицизм, характерный для мусульман. На третьей и четвертой строках — буквы, обозначающие 7 небесных тел, 7 из 99 признаков Всевышнего, 7 ангелов, 7 букв суры «Фатха», 7 дней недели. Среди них есть и шестиконечная звезда, как на перстне царя Соломона. Этот знак встречается и на болгарских надгробных памятниках, на монетах Джучиева Улуса, на посуде. Образ царя Соломона из Корана и Библии описан много раз. Сила, мудрость и мистические знания Сулеймана (Соломона) даны ему Аллахом, сосредоточены на печати с именем Аллаха. Поэтому для мусульман Сулейман прежде всего великий маг, волшебник. Поэтому неудивительно видеть на астральном амулете, найденном в Сарае, среди таинственных знаков и букв символ печати царя Соломона — шестиконечную звезду.

У сарайского амулета, в отличие от Болгарского, и на обратной стороне есть буквы-цифры. Здесь магический квадрат окружен непонятными знаками и буквами. Магический квадрат разделен на девять одинаковых клеточек, но приведенные здесь цифры-буквы не соответствуют математическому смыслу магического квадрата. Ни вдоль, ни поперек, ни по двум диагоналям цифры не образуют одну и ту же сумму.

Контур магического квадрата нередко встречается на предметах, найденных при раскопках городов Джучиева Улуса, особенно на керамике[229].

Другой магический квадрат нарисован на ручке какого-то медного предмета, хранящейся в НМ РТ (рис. 12). Тяжелая ручка выполнена в виде головы фантастического хищника. Изображение с одной стороны сделано выпуклым, что придает хищнику устрашающий вид: из разинутой пасти хищника торчат змеиный язык и острые кривые зубы, глаза выпучены, уши подняты. Другая сторона ручки гладкая. На этой стороне и изображен магический квадрат. Немного повыше помещено схематичное изображение человечка: голова, и от головы четыре линии — руки и ноги. Особенно бросаются в глаза пальцы человечка. Фигурка с трех сторон окаймлена различными таинственными знаками, похожими на арабские буквы или на цифры. С четвертой стороны, снизу, находится магический квадрат. Видимо, это означает, что человек, со всех сторон окруженный тайной, защищен магическим квадратом от каких-то злых

сил. Этот магический квадрат состоит из 16 клеточек, и он тоже не соответствует математическому смыслу. Видимо, это свойство магического квадрата не было основным для амулетов. Главная цель состояла в том, чтобы рисунок имел внешнее сходство с магическим квадратом и отпугивал нечистые силы. Цифры в квадрате не случайно не имеют математического смысла. Это сделано специально, чтобы темным силам заморочить голову, чтобы они не смогли постичь тайны магического квадрата. В противном случае он может обладать силой, приносящей людям вред.

В городах Джучиева Улуса среди предметов, найденных на раскопках, встречались и имеющие смысл магические квадраты. Например, при раскопках, проведенных А.В. Терещенко, в 1847 г. в городе Сарай ал-Джадид, был найден именно такой квадрат [230]. Он начерчен на горшке, состоит из девяти клеточек, сумма чисел во всех вариантах равна 15. Этот магический квадрат был для жителя Сарая головоломкой, способствовал развитию мышления. Среди них выделяются игральные кости в виде кубика, стороны которого соответственно отмечены точками углубления: 1, 2, 3, 4, 5, 6.

Таким образом, математическое мышление проникло в жизнь широких слоев населения города. В отдельных проявлениях оно приобретало формы игры, развлечения и магии. Все это говорит о широком распространении математических знаний населения Болгара.

Географические представления. Представления волжских болгар о географии были тесно связаны с территорией их расселения. Арабо-персидские авторы город Болгар помещают на седьмом «климате».

В 1260 годах уже полностью сформировавшийся Джучиев Улус объединяет в своих границах значительную часть территории Азии и Европы. Болгар не утратил своей роли посредника между югом и севером в торговых делах и в период Джучиева Улуса. Роль Болгара совершенно ясно подчеркнута в письменных источниках того времени. У ан-Нугмана ал-Омари отмечено: «Купцы наших стран (исламских. — Г.Д.) не забираются дальше Болгара; купцы болгарские ездят до Чулымана, а купцы чулыманские ездят до земель югорских, которые на окраине Севера» [231]. Даже исколесивший полсвета Ибн Баттута дальше Болгара на север не пошел, сочтя достаточными сведения, взятые у болгар.

Конечно, авторы периода Джучиева Улуса были хорошо знакомы с географическими произведениями более раннего периода. Описание Джучиева Улуса Ибн Баттутой очень похоже на рассказы домонгольского периода о диких северных народах, о землях «Мрака». Однако среди авторов встречаются и другие мнения о северных территориях. К таким, например, можно отнести рассказ ал-Омари: «Назад их (уже) нет населений, кроме большой башни, построенной Искандером на образец высокого маяка; позади ее нет пути, а (находятся) только мраки. Спросил его: что это у тебя за мраки? Он сказал: пустыни и горы, на которые не попадают снег и мороз; над ними не восходит солнце; в них не растут растения и не живут никакие животные; он тянется вплоть до Черного моря; там непрерывно бывают дождь и густой туман и решительно никогда не встает солнце. Искандер, проходя мимо крайних ближайших к населенным местам предгорий “Мраков”, увидел там людей Тюркского племени, весьма похожих на зверей; никто не понимает языка их. Когда кто-нибудь схватит одного из них, то они ускользают из рук его. Питаются они растениями соседних им

гор. Когда они подвергаются засухе, то поедают друг друга. Он (Александр Великий) прошел мимо них и не тронул их»[232]. Здесь нетрудно заметить сплетение сюжетов из Корана и рассказов, которых наслушался путешественник.

Выше речь шла о Чулмане, т.е. о территориях в верховьях Камы. Татары называют и поныне Каму Чулман. Нижняя Кама в рассматриваемое время называлась Кара Идел (Черная Волга). В то время река Волга представлялась несколько иначе. Большая Волга включала в себя Верхнюю Каму (Белая Волга), Нижнюю Каму (Черная Волга) и оставшуюся часть Волги до Каспийского моря. Такое восприятие отразилось и в татарской поговорке: «Исток Волги — Агидел (Белая), а исток Агиделя — Иремель»[233]. Иремель — это исток рек Камы, Ика, Аи, Узен, — это массив на Южном Урале. Поэтому в другой татарской поговорке сказано: «Кама вытекает с небес»[234]. Здесь отразились очень древние взгляды о соединении небесной воды с земной. Такое представление о реке Волге сложилось еще в домонгольский период и стало традиционным. Знаменитые географы X столетия Абу Исхак ал-Истахри и Ибн Хаукаль истоком Волги считали вообще «киргизские земли»[235]. Такие географические представления были, по крайней мере, со времен хазар. Например, хазарский каган Иосиф писал в своем ответе на письмо иудея Ха-сдая ибн Шафрута, служившего во дворце Абдрахмана III, халифа Кордово: «Я живу у реки Итиль в конце реки Гургена (Каспия. — Г.Д.). Начало этой реки обращено к востоку на протяжении “месяцев пути”»[236].

Болгар и в золотоордынский период оставался крупным международным торговым центром.

Построенный еще в 50-е годы XIII в. недалеко от современного Саратова город Укек (Увек) был основным опорным пунктом торговцев из Генуи. Отсюда они начали свой путь по Волге в Болгары, Мордву, Русь. Напомним, что составленный в Италии в 1303 г. латино-персидско-кыпчакский словарь «Codex Cumanicus» — это прежде всего результат оживленной торговли между Италией и Джучиевом Улусом. «Большой энциклопедический словарь» на итальянском языке также относится к XIV в. В нем слово *bulgago* объясняется как изготовленная в Болгаре кожа (дается ее подробное описание и высокая оценка качества). В словаре отмечается: «Кожа “болгаро” имеет свое происхождение от царства Болгар на Волге... Она имеет красный цвет и отличается приятным запахом, который должен быть обязан этим использованию при дублении коры ивы и березы»[237]. Этот факт свидетельствует о том, что итальянские торговцы и путешественники добирались до земли болгар. По их картам, составленным в тот период, можно получить интересные сведения о наших краях, которые не содержатся больше ни в каких источниках. И.С. Чичуров отмечает, что болгаро-итальянские связи были заложены с древнейших времен: «Возможно, болгарская тематика в Италии не была случайной, если вспомнить, что часть болгар из Предкавказья дошла до Северной Италии»[238].

На болгарских надгробных памятниках встречаются имена людей иностранного происхождения, которые жили и умерли в Болгаре (например, Ширвани, Шамахи, Самарканди, Кардари, Дженди, Курсани (Хорасани), Африканджи[239]. По всему Джучиеву Улусу, особенно в период усиления суфизма, существовали пристанища (ханаке) для религиозных деятелей — шейхов, паломников, дервишей. В них оста-

навливались путешественники из многих стран. Ибн Баттута, например, остановился в ските шейха из Ирака в городе Маджар на Кавказе. Там он встретил до семидесяти факиров-представителей разных народов: арабов, персов, турок, греков и т.д. [240]. В мусульманской религии и в Коране путешествиям уделяется довольно большое внимание. Не зря один месяц мусульманского календаря так и называется Сэфэр — путешествие. Путешествия, странствования способствовали распространению религии, открытию новых путей, поэтому считались благородным делом. С расцветом в стране суфизма увеличивается и число странствующих дервишей. В больших городах для них открываются пристанища, где они могли отдохнуть и помолиться. По мнению ученых, архитектурный памятник Черная палата в г. Болгаре — это одно из таких мест [241].

РАЗВИТИЕ РЕМЕСЕЛ

Археологические материалы свидетельствуют, что в Болгаре были мастера, хорошо знающие металлы и металлоиды (железо, медь, свинец, олово, ртуть, серебро, золото, сурьма, сера и т.д.). Основной технологией изготовления качественных орудий труда, инструментов и оружия было соединение стального лезвия с железной основой путем сварки. Наряду с этим применялась цементация железа и стали. Для улучшения механических качеств стальных лезвий болгарские мастера применяли разнообразные режимы термической обработки металла. Ими использовалась технология сварки железа и стали, горновая пайка с железом и сталью. Болгарские мастера владели многими приемами обработки меди и ее сплавов. Высокого совершенства достигли золотых и серебряных дел мастера [242]. Все это требовало значительного уровня знаний.

В городе Болгаре на Волге и в других золотоордынских городах зафиксирована в XIV в. плавка чугуна, требующая высоких технологических достижений. Ю.А. Семькин отмечал, что «металлургия чугуна в Болгаре осуществлялась на местной технологической и технической базе болгарскими металлургами... Более того, можно говорить о том, что чугунолитейное производство в золотоордынских городах Поволжья осуществлялось металлургами Болгара» [243]. «Металлообработка Болгара отличалась сравнительно высоким уровнем развития, яркими характерными чертами» [244]. Из качественного железа изготавливались орудия труда и оружие. В 1376 г. русские летописи отмечали у болгар наличие огнестрельного оружия. Никоновская летопись повествует о том, что болгары из города Болгара «громь пуцающа з града» [245].

В археологических материалах нередко встречаются сфероконусы, изготовленные из огнеупорной глины. Число их, включая фрагменты, ныне превышает тысячу. Большинство найденных сфероконусов изготовлено в Средней Азии и на Кавказе. Из этих регионов в толстостенных сосудах привозили ценные жидкости, в основном ртуть, необходимую в металлургическом производстве. При помощи ртути извлекались из руд металлы или их концентраты. Письменные источники позволили утверждать, что сфера употребления сфероконусов и содержащихся в них жидкостей, была значительно шире. В сочинении Абу-л-Фазил Тифлиси (XII в.) «Баян ас-сан'ат»

(Описание технологий) рассказывается о получении и содержании в таких сосудах различных препаратов и снадобий[246]. Поэтому часто на них наносились личные тамги, собственные имена, а также орнаменты.

Значительных знаний требовало гончарное производство, в том числе приготовление поливы. Наивысшего расцвета художественная поливная болгарская керамика достигла в XII—XIII вв. Глазурь на болгарской посуде рассматриваемого периода в основном зеленая, с оттенками темно-зеленого, светло-зеленого, а также коричневого цвета. Спектральный анализ поливы показал, что в качестве поливы использовалось простейшее по химическому составу стекло, относящееся к классу окиси свинец-кремний. Окись свинца придавала глазури особую текучесть, блеск и прозрачность. Примеси железа и марганца придавали ей коричневатые оттенки. При окраске свинцовой поливы применялся и медный краситель[247].

Болгары хорошо знали драгоценные камни и использовали их при изготовлении ювелирных изделий.

В изучаемое время знания по химии держались в секрете. До нас дошло мало рукописей этой науки: химики обычно передавали ученикам свои знания устно. В те времена представление о химии включало веру в превращение одного металла в другой. Подобные взгляды были распространены и в Волжской Болгарии. Ртуть считалась одним из важных компонентов алхимии и играла важную роль в болгарской металлургии. Не случайно в металлургической мастерской в Биляре найдено 28 сфероконусов со следами ртути.

Несмотря на то что алхимия была очень далека от настоящей химии, она была преддверием химии и служила важной и необходимой ступенью настоящих химических знаний. На основе опытов иногда делались и научные открытия.

МЕДИЦИНА

С древних времен человечество волновали вопросы долгой и здоровой жизни, профилактики и быстрых легких способов избавления от разных мучительных болезней. Изначальные знания по медицине были тесно связаны с магией, тотемистическими представлениями, фетишизмом.

Знания о медицине в Волжской Болгарии основывались на традициях народной медицины. Болгарам были известны природные лекарства (мед, березовый веник, бобровая струя, мясо различных животных и птиц, белемниты и т.д.). Ал-Гарнати пишет, что когда заболели болгарский царь и его жена, их «лечили их лекарствами, которые у них приняты»[248]. Следовательно, болгарами использовался определенный, в некоторой степени уже испытанный веками, круг природных лекарств (растительные, минеральные, биологические — животного происхождения). Например, в качестве биологических лекарств от разных болезней использовались вымершие беспозвоночные морские моллюски класса головоногих (Cephalopoda). Окаменевшие остатки — белемниты, которые в народе поныне называются «чертовы пальцы», применялись в виде порошков. Полученные порошки, предварительно смешав с дождевой водой, пили или покрывали ими раны. Белемниты довольно часто встречаются на поселениях, в том числе Биляре, Болгаре и других памятниках. Нередко

на некоторых остатках белемнитов есть следы скобления.

В «Словаре» М. Кашгари слово от означало траву и лекарство, а оттачи — лекаря (дословно: травник)[249]. С древнейших времен до позднего времени у тюрко-татар лекарство называлось от, ут (трава), а врачеватель отчы, утчы (травник). От болгарского времени до нас дошли предания, рассказывающие об исцеляющей силе березового веника, с помощью которого была вылечена болгарская царица Туйбике. Одно из них описывается в «Тарих-намэи Болгар» (Историческое повествование о Болгаре)[250].

Чрезвычайно важным событием в истории народа было принятие новой веры. Многими это тесно связывалось со здоровьем правителя страны и его семьи, окружения. Оздоровление их сверхъестественными способами представлялось самым важным условием в принятии религии.

Медицинская культура общества была тесно связана с уровнем развития государства, бытом его населения, религиозными воззрениями, влияниями других государств и народов и т.д.

Письменные источники и археологические данные свидетельствуют, что города Улуса Джучи были благоустроенными и красивейшими центрами в мире. В первую пору значительную роль в подъеме культуры поволжских городов играли домонгольские городские центры. Источники отмечают их благоустройство, чистоту, совершенство общественных сооружений, базары, ставшие своеобразными общественными центрами, широкие улицы, множество мечетей. Основной исследователь Болгарского городища А.П. Смирнов считал, что «благоустройство города Болгара, его чистота и ряд общественных построек и сооружений намного превосходили большинство европейских городов той эпохи»[251].

Важнейшей проблемой средневекового города было снабжение его водой и отвод сточных вод. Археологам удалось выявить систему подземных дренажей с деревянными трубами в траншеях. Эти системы были исследованы и в Великих Болгарах, и на Селитренном городище. В Болгарах археологи выявили гидротехнические сооружения, состоявшие из водосборных бассейнов и колодцев, канала и водопоглощающего колодца[252].

Одна из характерных черт болгарских и золотоордынских городов — наличие в них множества благоустроенных бань. Болгарские бани славились далеко за пределами Поволжья. Географы того времени отмечают в Болгаре наличие мусульманской религии ханафитского толка и бань. В Болгаре археологами уже исследовано более пяти общественных бань. Они были обустроены системой подпольного отопления, водопроводом с холодной и горячей водой, канализацией с керамическими трубами, а также бассейнами, фонтанами[253].

Общественные бани в Болгаре, как в Селитренном (Сарай-Бату) и Водянском городищах, находились в центре города. В баню входили через холодный предбанник. В нем был узорно выложенный кирпичами пол, в центре фонтан; окна были стеклянными, с алебастровыми решетками. Затем были две теплые раздевальни. Помещения обогревались подпольным отоплением — традиция, идущая от римских бань, в данном случае, возможно, от домонгольской Волжской Болгарии. Имелся отводящий воду канал с отстойником[254]. Оздоровительный эффект бань хорошо был известен населению.

Бытуют татарские легенды, в которых говорится об излечении от паралича болгарской царевны березовым венником. Бани на Востоке и в античном Риме были не только санитарно-оздоровительными центрами, но и центрами отдыха и общения. Здесь играли в шашки и шахматы, исполнялась музыка, пришедшие угощались изысканными яствами. При раскопках города Болгара найдены шашки, шахматные фигурки, остатки музыкальных инструментов, фрагменты дорогой посуды[255].

По мнению И.А. Закировой, основное количество костяных изделий Болгара изготовлено из рога[256]. Нередко среди археологических материалов встречаются полые спиленные рога крупных животных. Из костей животных, в том числе из рогов, болгары готовили различные бытовые предметы. Данные предметы использовались как универсальные средства лечения. Сохранилось выражение «ставить рог» (ныне бытует термин «ставить медицинские банки»).

Рог оттягивал кожу пациентов и расширял кровеносные сосуды. В глубоких слоях мышц кровотоки усиливались, и боль уменьшалась. Этим способом пользуются и в современной медицине. С помощью рога делали кровопускание и сбор крови. Обычно рог ставился на место укуса пиявок или на место надреза скальпелем. Отсюда отсосанная кровь заполняла рог. Древние использовали и горшки. Обычно они применялись при заболевании живота. Подобные способы лечения были известны еще с античных времен[257].

Древние мечтали о бессмертии, вечной молодости. Упоминание о вечной воде (мэцгелек суы) встречается в поэме золотоордынского поэта Хорезми «Поэма о любви» (Мэхэббатнамэ). На фрагменте большой красивой вазы, найденной в усадьбе богатого человека в Сарай-Бату, на персидском языке сохранилась надпись: «Говорят в мире есть живая вода...»[258]. В татарских легендах повествуется об исцеляющей, омолаживающей живой воде, воде вечности. В одной из них говорится, что стареющий болгарский царь отправлял своего богатыря за водой вечности на север, к Ледовитому морю[259]. Подобные легенды были распространены и в Улусе Джучи.

Бумаги с арабским письмом, молитвами, по мнению мусульман, также имели лечебное свойство. Древние пытались усилить лечебные свойства белемнитов путем нанесения на них священных для мусульман арабских слов и букв. Арабские буквы — священные письмена ислама, считались оберегами. На бытовых предметах, особенно на посуде, встречаются слова, адресованные обладателям предметов, о счастье, здоровье.

В Улусе Джучи были профессиональные медики. Возможно, в Золотой Орде складывалась медицинская служба. Это отражается и в литературных произведениях той поры. Примечателен в этом отношении сборник рассказов Махмуда ибн Али Таджел-амматти ибн Омар шейх ас-Сараи ал-Болгари, написанный в 1358 г. По содержанию это самое близкое к реальной жизни золотоордынского общества произведение. Так, в одном из рассказов под названием «Табиб» (Лекарь) говорится об излечении женщины от бесплодия путем психологического воздействия. В рассказе говорится о диагностировании золотоордынскими врачевателями путем прощупывания пульса больного. Данному методу в восточной медицине уделялось большое внимание еще в домонгольское время. В литературных произведениях периода Золотой Орды имеются строки и об отдельных лекарствах.

О развитии профессиональной болгарской медицины говорят дошедшие до нас сообщения о болгарских ученых-медиках, труды которых были популярны на Востоке.

На всем Востоке славилось имя врача-врачевателя Ходжи Болгари (вторая половина XII в.). После ухода из Болгара он долгие годы жил в Газни. Его прославляли поэты, о нем сохранялись предания. В одном из них рассказывается, что его взял под свое покровительство и усыновил поэт Хаким Санаи (Абу Маджид ибн Адам) (1070-1140). Ходжа Болгари умер в возрасте 39 лет. Хаким Санаи похоронил его в поселке Рауда, у подножья горы Топа, в пяти километрах от центра г. Газны, неподалеку от развалин султанских дворцов. В этих местах находится «источник Ходжи Болгари» с чистой минеральной водой. Рядом построены купальни и гостиница. Поныне мусульмане со всех концов мира, особенно из Пакистана и Афганистана, приходят к могиле болгарского лекаря и источнику с его именем. В 1971 г. на могиле Ходжи Болгари был построен мавзолей из белого мрамора[260].

Имя Ходжа Болгари, как и Абу Али Сина, дошло через века до наших дней. Он был для своего времени очень известным медиком. Ходжа Болгари особенно был известен в области дерматологии и травматологии. На Востоке успешно использовалась в лечебной практике мазь чарме-и булгхар (болгарская кожа) от кожных болезней и при тяжелых ранениях. Не исключено, что данное лекарство изобрел и практиковал Ходжа Болгари. В названии этого лекарства присутствует его имя «Болгари».

Судьба болгарского медика созвучна с судьбой учителя знаменитого султана Махмуда I ибн Сабук-Тегина (967-1030), распространителя и сторонника ислама суннитского толка Ходжи Ахмеда ал-Болгари. Имя Ходжа ал-Болгари встречается и в Бухаре. Еще в XIX в. одно из медресе в этом городе носило его имя. Это же имя носила в Бухаре и могила святого в махалле Хал-лабакан[261].

Болгарские медики стали известными во всем мусульманском мире своими научными трудами. Сулейман ибн Дауд ас-Саксини Сувари (XI в.) приводит сведения по медицине из трудов Абу-л-Аля Хамид ибн Идрис ал-Болгари; в них, в частности, изложены и материалы по эмбриологии[262].

Болгарские медики особенно прославились в области фармакологии, фармакогнозии. Лекарства делились на простые и сложные (универсальные). Так, Бурханетдин Ибрагим ибн Йусуф ал-Болгари написал трактат по фармакологии «О простых лекарствах», который был популярен среди мусульман[263]. Средневековые ученые, описывающие историю науки, в своих произведениях упоминают о ПО мусульманских фармакологах, готовивших простые лекарства[264].

Универсальные, сложные лекарства назывались тирйак. Известным знатоком в этой области был Таджаддин ибн Йунус ал-Болгари. В начале XIII в. он жил и работал в Ираке в г. Мосуле. Его труд обнаружен в библиотеке Меджлиса в Тегеране. Издание текста, перевод с арабского, предисловие, комментарии принадлежат А.Б. Халидову. Таджаддин Болгари свое сочинение «Ат-тирйак ал-кабир» (Большой тирйак или Большое противоядие) продиктовал в Мосуле — одном из важнейших средневековых центров мусульманской культуры в 617 г.х. (1220-1221 г.) — Махмуду ибн Усману ибн Ахмаду ат-Тифлиси. Последний характеризовал Таджаддина Болгари как «почтенного ученого», «уникума своей эпохи», «единственного своего времени»[265].

Труд Таджаддина Болгари был посвящен фармакогнозии, ее самой сложной области — приготовлению универсального лекарства (тирйака). Первоначальное значение слова «тирйак», пришедшего из древнегреческого языка, означало противоядие от укуса змеи и прочих существ. Позднее его значение намного расширилось и стало соответствовать понятию «универсальное средство исцеления». Сочинение Таджаддина Болгари — это рецепт, который был известен только ему самому. Приготовление тирйака было сложным и трудоемким процессом. Встречающиеся в природе лекарственные средства тщательно отбирались и предварительно обрабатывались каждое по отдельности. В рецепте тирйака Таджаддина Болгари подробно описывается объем и количество необходимых для этого веществ.

Труд Таджаддина Болгари привлек большое внимание и знаменитых врачей своего времени. Этот трактат хранится в библиотеке Иранского медреса вместе с трудами таких выдающихся медиков того времени, как Закария ар-Рази Рази (865-925 или 934), Абу Али Сина (980-1037), Насыр ад-дин Туей и др. Это выдающиеся ученые мусульманского мира до XIII в. Рецепты болгарского ученого наиболее близки к лекарствам, описанным в пятой книге «Канона» Абу Али Сины.

Известен и другой труд Таджаддина Болгари «Фи-л-ад-вийател-мефридэт» (Исцеляющие возможности лекарственных трав (простых лекарств)). Он также вызвал большой интерес у просвещенных людей и специалистов своего времени. Известный арабский врач, автор многочисленных книг по медицине и естествознанию Рашид ад-Дин Абу-л-Мансур ибн Аби-л-Фазыл ибн Али ас-Сури (1173-1243) написал труд, критикующий трактат Таджаддина ал-Болгари. Но в защиту Таджаддина Болгари выступил Ибн ал-Байтар — знаток лекарств и известный фармаколог[266].

В результате исследований А.Б. Халидова эти сведения упорядочены и уточнены. Труд Таджаддина Болгари «Мохтасар фи магрифатал-адвийа», посвященный простым лекарствам, в настоящее время хранится вместе с другими трактатами в г. Манисе в Турции.

Таджаддин ибн Юнус ал-Болгари был известным ученым медиком. Он общался с медицинской элитой того времени. Ученые — медики ценили труды Таджаддина ибн Юнуса ал-Болгари.

В Болгаре были популярны книги под названием Шифа (Исцеление). Комментарии к одной из них написал Мухаммад Амин ал-Болгари. Книгу «Шифа», написанную в 1146 г., он сначала переписывал в 1468 г. в Болгаре, а потом в 1473 г. в Ираке.

Болгарская медицина была известной в странах Востока. Судя по дошедшим до нас источникам, болгарские медики писали трактаты по фармакологии. Эти трактаты расширяли знания по медицине. На многих памятниках археологии Восточной Европы найдены предметы, которые связаны с медициной (стеклянные флакончики, пинцеты, ступки, керамические сосуды — сфероконусы)[267].

ИНТЕРЕС К ИСТОРИИ

Первопредком у болгар считалось тотемное животное, которое впоследствии с первопредком-человеком стало прародителем рода, племени. В генеалогической легенде о происхождении десяти тюркских племен были мальчик из дома Хунну по

прозванию Ашина и волчица. Волк был общетюркским тотемом. С распадом общетюркского единства не стало и этого тотема. Впоследствии тотемом у тюрко-татар стал Белый волк. Древняя генеалогическая легенда продолжала бытовать и у волжских болгар. Это находит свое отражение в легенде о так называемой «маклашевской всаднице (всаднике)»[268]. Прародителем рода стал выступать рогатый барс. Таким образом, первоначальные «исторические произведения» болгар были посвящены их этногонимам, тотемным предкам. Они представляли собой тотемистические и генеалогические легенды о приключениях тотема и человека-предка. В центре этих «историй» находились отдельные личности и тотемистические герои. В них «история» тесно взаимосвязана с культом предков, характерным для высшего слоя болгарского общества.

Генеалогические легенды, подобные древнетюркским, хазарским, протоболгарским, бытовали и в Волжской Болгарии. Появились новые звенья — Алып и его сыновья Болгар и Буртас. Различные варианты этих легенд известны в источниках XII и XV вв. Некоторые из них через Улус Джучи и Казанское ханство дошли до наших дней.

Интерес к истории у болгар, как и у других мусульманских народов, во многом определялся общей тенденцией, характерной для средневекового Востока, когда в X — XIII вв. были широко распространены историко-этнографические трактаты и энциклопедии таких видных ученых, как Ибн Русте, ал-Масуди, ал-Марвази, ал-Бируни и др.

В период централизации Болгарии, формирования болгарской народности складываются и распространяются представления о происхождении болгар. Вначале они еще не выходят за пределы генеалогических и даже тотемистических культов, но уже вскоре приобретают историко-этнографические формы. В XI-XII вв. в Болгарии появляются свои историки. Одним из них был Йа-куб ибн Нугман, написавший «Историю Болгара». Он был единомышленником знаменитого нишапурского богослова Абу-л-Масали Абу ал-Малика ибн Абу Мухаммад ал-Джувейни (1028-1086 гг.), автора многочисленных книг по толкованию Корана, хадисов и литературоведческих сочинений.

По историческим книгам, распространенным в мусульманском мире, болгары были знакомы с историей других народов и стран. Так же как на мусульманском Востоке, основание и строительство крупных городов, сооружений, отдельные события связывались с именем Александра Македонского Строителя или Искандера — Зу-л-Карнайна. Этим подчеркивалась их древность. Дело в том, что история Греции началась, по мнению восточных народов, от отца Александра Македонского — Филиппа[269]. Она, возможно, и вошла в тюркскую традицию. В некоторых древнетюркских источниках события датируются календарем «Сына Филиппа Македонского Александра хана»[270]. Бытовали легенды об основании Александром Македонским (Искандером) города Болгара, о победе его над северными народами и возведении им непреодолимых стен[271]. Даже генеалогия болгарских царей связывалась с именем Искандера. Наджип ал-Хамадани сообщал, что в Болгаре падишах является одним из потомков Зу-л-Карнайна[272]. Таким образом, болгарские цари пытались подчеркнуть древность своих родов. Эти знания через мусульманскую историческую литературу традиционно распространялись и в Улусе Джучи. М.И. Ахметзянов писал, что у правителей Улуса была заметна тенденция связывать свое государство с античной цивилизацией. В татарских родословных (шеджере)

встречаются имена Сократа, Искандера — Зу-л-Карнайна[273]. Подобные сюжеты известны в фольклоре поволжских татар[274].

Таковыми являются продолжения болгарских генеалогических легенд, сюжеты о строительстве Болгара Искандером — Зу-л-Карнайном («Есть сведение, что его построил Зулькарнайн, после выхода из Мрака»). Нередко он отождествляется с историческим Александром Македонским. Здесь появляется вопрос хронологии. Если время жизни Зулькарнайна — это мифологическое время, то годы жизни Александра Македонского известны (356-323 гг. до н.э.). В некоторых татарских исторических преданиях рассказывается о построении им в III в. до н.э. города Болгара. Но нет необходимости такой конкретизации. Самое важное — славный город был построен в очень древние времена мифологическими или легендарными героями. Эти легенды, распространенные еще в домонгольское время, продолжали бытовать и развивались в золотоордынское время. В некоторых случаях для отсчета времени брался год рождения Христа. Например, время постройки города Болгара Болгаром ибн Камари определялось как 200 лет до рождения Христа. Выделяется предание, рассказывающее о разрушении города Болгара скифом по имени Канаш.

В исторических знаниях болгар значительное место занимали родословные, тесно связанные с исламом. Немало официальных деятелей объявляли себя потомками пророка Мухаммеда и его рода. Для изучаемого периода — это значительная древность (600-700 лет). В исламском мире счет времени фиксировался родословными. Составление родословных записей было широко распространено в Улусе Джучи. В родословных стремились подчеркнуть благородность рода, количество колен, их древность. Утвержденная авторитетными кадиями (мусульманскими судьями) родословная являлась важнейшим документом для занятия высоких должностей. Составление родословных было популярным среди образованных людей страны и играло важную воспитательную роль.

Восточная, в том числе золотоордынская, художественная литература была действенным средством распространения исторических знаний. В литературных произведениях часто обращались к античности, к Востоку, особенно к историческим деятелям.

В рассматриваемый нами период арабо-персидские авторы немало писали об Улусе Джучи и его истории. Главным сюжетом их произведений было принятие ислама ханами Берке и Узбеком, их возвеличивание. В своих трудах они умело использовали предания, бытовавшие среди населения. Из ученых, которые составляли историю в качестве непосредственных свидетелей, можно назвать Ибн Арабшаха (1388-1450 гг.) и Ибн Баззаса (приблизительно 1343-1423 гг.). Эти историки были связаны и с городом Болгаром.

Представить пути формирования общезолотоордынской исторической идеологии трудно. Местные ученые продолжали уделять внимание истории своих правителей и городов. Таковыми являются сюжеты о строительстве Болгара Искандером — Зу-л-Карнайном.

Известно, что в то время представители интеллектуальной части общества могли творить и существовать лишь под покровительством власть имущих. В этом отношении источники особо выделяют трех джучидских ханов — Берке, Узбека и Джанибека. В зависимости от степени учености, образованные люди того времени находили пристанище и покровительство. В этом отношении примечательны эпитафии на болгарских надгробиях: «Давшего воспитание ученым, любившего набожных, мечети воздвигавшего, множества благих дел совершившего Маджар-кази? Сына, Исмагила,

место погребения это»[275] (1311 г.); «Давший воспитание (содержавший) ученым и любивший их, мечети воздвигавший, много благодеяний совершивший, бедных... любивший Ходжи сына, Госмана; сын, сборщик податей Ибрагим ас-Сувари скончался»[276] (1314 г.); «Почитавшего ученых, одиноких, сирот, вдовых сирот кормившего Мусы сына золотых дел мастера Шахидуллы место погребения»[277] (1317 г.).

Просвещенность, ученость в золотоордынском обществе, в том числе в Болгаре, были в большом почете. Содержание ученых, писателей, религиозных деятелей, покровительство им считалось богоугодным делом. Эти черты, наряду с кораническими изречениями, как важнейшие свойства человека отмечались на их надгробных памятниках.

Арабская письменность стала естественным явлением во всех областях золотоордынского общества. Она даже проникла в сокровенные уголки глубоко традиционной культуры населения. Культуру Улуса Джучи часто называют эклектической, синкретической. Такая характеристика вряд ли подходит к ее письменной культуре.

В изучении золотоордынской культуры вообще и болгарской в частности, в их взаимовлияниях ясно одно, что болгарская и другие региональные культуры этой поры должны рассматриваться как составная часть золотоордынской культуры.

Монгольское нашествие нанесло большой урон болгарской культуре. Но нашествие и его последствия это еще не Золотая Орда. Окончательно Улус Джучи сформировался в 60-е годы XIII столетия. Именно с этого времени начинается новый этап расцвета болгарской культуры. Оказавшись в составе мощного государства с сильной центральной властью, Болгар приобрел возможность не только сохранить, но и развивать свою самобытную культуру. Болгарская культура, развиваясь на основе достижений домонгольского периода, приобретает черты, свойственные культуре Золотой Орды. Золотая Орда выступала гарантом в сохранении и развитии болгарской культуры. Город Болгар превратился в один из культурных центров мусульманского мира. Здесь жили и совершали открытия ученые, творили писатели и поэты, зодчие воздвигали оригинальные сооружения. С началом неурядиц в Улусе Джучи и его распадом связаны значительные изменения в традиционной культуре Болгара и утеря ее отдельных самобытных черт.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Краткие сведения о древних писателях, ученых, просвещенных людях,
связанных с городом Болгар*

№	Имя, годы жизни	Труды	Сведения
1	Йакуб ибн Нугман – “Из людей 1058–1059 гг.”	“Таварихы Болгария” (История Болгара).	Кади (судья). Приверженец, сподвижник имама ал-Харамайна (имама двух священных городов), знаменитого нишапурского (Иран) богослова, ученого Абу-л-Масали Абу ал-Малика ибн Абу Мухаммада ал-Джувейни (1028–1086). Везир Низам ал-Мульк основал для
* Таблица составлена по данным: Татар эдэбияты тарихы. Т. I; Татар поэзиясе антологиясе. Т. 1; Ш. Марджани, Амин ал-Холи, В.В. Тизенгаузена, Д.А. Хвольсона, А.Т. Тагирджанова, Ф. Халиди, Х.Ю. Миһнегулова, М.И. Ахметзянова, Ф.С. Хакимзянова, Г.В. Юсупова, П.С. Коледарова и др.			

№	Имя, годы жизни	Труды	Сведения
	(Абу Хамид ал-Гарнати). Очевидно, это год рождения.		Джувейни в Нишапуре медресе, в котором и получил, возможно, образование и болгарский кади. Абу Хамид ал-Гарнати в 1135–1136, 1150 гг., будучи в Болгаре, встретился с Йакубом ибн Нугманом и из его книги “Таварихы Болгария” (История Болгара) привел отрывки о происхождении имени “болгар”, об их истории, легендах и преданиях. Действительно ли Йакуб ибн Нугман был автором или только переписчиком? В основном источнике (ал-Гарнати) читаем: «...в “Истории Болгара”, <i>переписанной</i> (курсив наш. – Г.Д.) болгарским кадием...».
2	Эш-шейх Ходжа Ахмед Болгари. XI в.	“Эл-Жэмигъ” (Всеобъемлющий), “Фэ-ваид эл-Жэвахир” (Полезные сущности), “Тарикаи Быргырия” (Путь Болгари) и др.	Шейх, факих, учитель знаменитого султана Махмуда I ибн Сабук-тегина (967–1030 гг.), распространителя и сторонника суннитского толка ислама. Ахмед Болгари был знаменитым ученым, богословом на Востоке. Его цитировали многие ученые, богословы мусульманского мира. Знаток канонов шариата. Поэты славили его в своих стихах. Имя Ходжа здесь может быть и титулом. В государствах саманидов (IX–X вв.) и газнеvidов (X–XI вв.) это слово означало и высший титул. Например, визир имел титул Великий ходжа.
3	Абу-л-Аля Хамид ибн Идрис ал-Болгари. В 1106–1107 гг. еще был жив.	Религиозно-дидактические, философские сочинения.	Кади (судья). Ученый. Богослов. Шейх имамов. Учитель Сулеймана ибн Дауд ас-Саксини Сувари. Передавал своим ученикам хадисы от имени ученых Бухары, Нишапура и Насафа, живших до первой половины XII в. Сулейман ибн Дауд ас-Саксини Сувари цитировал его хадисы и называл его “Гордость имамов, помощь народу, солнце шариата, покоритель ереси, оживляющий душу, украшение прославляющих бога. Венец толкователей Корана”. В 1185 (?) году в г. Саксине написал произведение религиозно-философского характера.
4	Ходжа Болгари. XII в.		Известный на мусульманском Востоке болгарский лекарь. После ухода из Болгара жил и умер в Газне (Афганистан) в возрасте 39 лет. Похоронен в поселке Рауда у подножия горы Тапа приблизительно в 5 км от теперешнего центра г. Газны, неподалеку от развалин султанских дворцов. С древних времен здесь находится “источник Ходжа Болгари” с чистой и минеральной водой. Рядом построены купальни и гостиница. И сейчас приходят сюда много поклонников из всех стран мусульманского мира, стремясь исцелиться от разных болезней. В 1971 г. здесь воздвигнут

№	Имя, годы жизни	Труды	Сведения
			<p>мавзолей из белых мраморных плит. О Ходже ал-Болгари бытуют различные легенды. Его любил, взял под свое покровительство и усыновил персидский поэт мистической школы суфи Хаким Санаи (Абу-л-Маджид ибн Адам Санаи) (1070–ок. 1140). Надпись на надгробии, составленная поэтом Хакимом Санаи, воспевавшим его в своих стихах, гласит: “Успокоился самый уважаемый преподобный юноша, избранный среди ученых, благочестивый юноша шейх Хезер – сын Магфура, свободного шейха Мухаммада из Рауды”.</p>
5	<p>Сулейман ибн Дауд ас-Саксини Сувари. Первая половина XII в.</p>	<p>”Бәһжәтел-әнвар мин хәкыйкател-әсрар” (Свет лучей – правдивость тайн); “Нльһәтел-колубел-мәраз” (Радующий больные души); “Зьһрәтер-р и я з вә нәһәтел – колубел-мәраз” (Цветок сада, порадующий больные души).</p>	<p>Шейх. Богослов, писатель. Ученик Абу-л-’Аля Хамида ибн Идриса ал-Болгари. В своих дидактических и художественных произведениях ибн Дауд ас-Саксини Сувари подробно излагает проповеди учителя. Его труды с древних времен распространены в Средней Азии, Прикаспии, Турции, и особенно в Поволжье и Приуралье. Труды Сулеймана ибн Дауда вошли во многие источники, цитировали их многие ученые и богословы (с первой половины XII в. до XX в.). Одно из его сочинений хранится в музее Топ Капу в Стамбуле.</p>
6	<p>Кул Гали. Вторая половина XII в. – 30 годы XIII в.</p>	<p>“Кысса-и Йусуф” (Поэма о Йусуфе).</p>	<p>Поэма, завершенная 9 декабря 1212 г., является одним из лучших классических тюркоязычных литературно-художественных произведений до-домонгольского периода. Образованнейший человек своего времени, автор был осведомлен об основных достижениях богословия, философии, медицины, астрономии, географии, истории и т.д. В совершенстве знал арабский и персидский языки. Согласно историческим преданиям, был сыном Мирхаджи – внука болгарского эмира Габдуллы.</p>
7	<p>Бурханетдин Ибрагим ибн Йусуф ал-Болгари. Умер в 1204 г.?</p>	<p>“Рисаләи Борһаниһе” (Записки Бурханетдина); “О простых лекарствах”;</p>	<p>Шейх. Ученый-энциклопедист, богослов. Писал комментарии к трудам самаркандских, несэфских ученых. Труды на арабском языке “Рисаләи Борһаниһе” и «Хашийате “Адаб” ал-моназарәт» хранятся в Институте востоковедения Академии наук Узбекистана (шифр К-3294).</p>

№	Имя, годы жизни	Труды	Сведения
		<p>Написал комментарий к произведению Шамсетдина Мухаммада ибн Ашрафа ал-Хасани Самарканди (умер в 1208 г.)</p> <p>“Рисалэте фи Адаб ал-бэхес” под названием «Хашийяте “Адаб” ал-моназарэт» (Пояснение к спорам о книге “Адаб”); комментарий к сочинению среднеазиатского автора (по Хвольсону – Иссери) “Риторика”; “Фосул эн-Нэсэфи фи гыйльмел жэдэл” (Достижения ан-Насафи в науке диалектике).</p>	
8	<p>Таджаддин ал-Болгари (ал-Хасан ибн Йунус или Абу Мухаммад Али ибн ал-Хусайн). Вторая половина XII – первая половина XIII в.</p>	<p>“Мухтасар фи ма’-рифат ал-адвийа” (Трактат о простых лекарствах), 1219 г.; “Ат-тирйак ал-кабир” (Большой тирйак), 1220 г.</p>	<p>Специалист в области фармакогенеза. Жил в Мосуле, в одном из культурных и научных центров мусульманского мира. Его труды, посвященные простым и сложным (универсальным) лекарствам, обнаружены в сборниках по медицине вместе с известнейшими медиками мусульманского Востока. Переписчики трудов Таджаддина ал-Болгари характеризуют его как “почтенный ученый”, “уникум своей эпохи”, “единственный” своего времени”, “любимец царей и султанов”, что означает: он, возможно, был и дворцовым лекарем. Имеется сочинение арабского табиба Абу Мансур Рашид ад-дин ибн Гали ас-Сури (1177–1241) (автора многих сочинений по медицине, естествознанию),</p>

№	Имя, годы жизни	Труды	Сведения
			направленное против произведения Таджадина ал-Болгари: “Ар-Радд ’ала Китаб ат-Тадж ал-Болгари фи-л-адвийа л-муфрада” (Возражение против Книги ат-Тадж ал-Болгари о простых лекарствах”). “Большой тирйак” обнаружен в Тегеране Г.А. Тагирджановым и М.А. Усмановым. Подготовил к изданию, перевел с арабского, писал предисловие и комментарии А.Б. Халидов. Опубликовано в Казани в 1997 г. [66].
9	Ходжа Хасан ибн Омар ал-Болгари. Умер в 1299 г.		Аш-шейх ал-имам родом из Нахичевана или Ганджи. Прожил в Болгаре 30 лет, потом уехал в Бухару, оттуда в Керман, умер в Табризе. Учился у многих шейхов. Но был последователем шейха Сагд ад-дина ал-Хамави. Занимался различными науками. Когда жил в Болгаре, был оклеветан и приговорен к смерти, но спасся бегством.
10	Ходжа Болгари. XIV в.?		В Бухаре функционировало медресе при мечети Ходжа Болгари. Там, в Махалле Халлабакан, была могила святого – Ходжи Болгари. Эти сведения могут принадлежать одному из Ходжи Болгари, приведенных в данной таблице.
11	Масгуд ал-Болгари. XIV в.		Болгарский астроном. Определял время молитв посредством астрономических инструментов. Вел на севере астрономические наблюдения и установил долготу дня и ночи в этих широтах.
12	Сын Ходжи сын Усмана Ибрагима ас-Сувары. Умер в 1314 г.		Тамгачи (сборщик податей). Строки на его надгробном камне гласят: “Содержавший ученых и любивший их, мечети воздвигавший, множества подающих вершителем, бедных...” Памятник из с. Большие Тарханы Тетюшского района Татарстана.
13	Мусы сын Шагидуллы. Умер в 1317 г.		Строки на его надгробном камне о нем гласят: “Краса молодцов, сердце сердец, уважавший ученых, одиноких. Вдовых, сирот кормивший, золотых дел мастера...”. Памятник из БГИАЗ (г. Спасск в Татарстане).
14	Бурханедин Ибрагим ибн Хозыр ал-Ханафи. В 1350 г. был еще жив.	В книге “Усул ал-Хосами” (Основы учения Хосами) комментирует труд известного мусульманского богослова.	Родился в Болгаре. В своем имени ученый подчеркивает принадлежность к мазхабу ханафитов. Как видно из названия переписанного им сочинения, он интересовался мазхабами в исламе. Ш. Марджани пишет об “Усул ал-Хосами”, что “данная книга совершенная и понятная, полная знаний, письмо правильное. Почерк подобен стилю, употребляемому в Дамаске и других городах Сирии”.

№	Имя, годы жизни	Труды	Сведения
		Хосаметдина Мухаммада Акситани (умер в 1246 г.). В 1350 г. творчески переписал книгу “Начало мусульманских партий”.	Совершенство этого произведения отмечается также в указателе к книге “Начало мусульманских партий (мазхабы)”: “Это рукопись, переписанная самым красивым почерком насха (стиль в арабской письменности), великолепно и то, что она переписана в 751/1350 г. Ибрагимом ибн Хозыр родом из Болгара”.
15	Махмуд ибн Али Таджеламматти ибн Омар шейх ас-Сараи ал-Болгари. Умер 22 марта 1360 г.	“Надж ал-фарадис” (Открытый путь в рай) (1358 г.).	Писатель, ученый. Родом из Болгара. Отец – “глава имамов”, дед – шейх. Знаменитое свое объемное произведение большой художественной силы нравственно-дидактического характера завершил 20 января 1358 г. в Сарай-Берке – столице Золотой Орды. Одна рукопись находилась в библиотеке египетского эмира Абу Саида Чакмака (1437–1445). Другие его рукописи в настоящее время хранятся в Казани, Ялте, Санкт-Петербурге, Стамбуле и других городах.
16	Ибрагим шейх ибн Мухаммад Ходжа ибн Маулана Таджаддин ал-Кыртимани. В 1369 г. был еще жив.	”Усуле имам Фахрелислам” (Основы учения имама Фахрелислама).	У Ш. Марджани значится несколько другое имя: Таджаддин Ибрагим ибн Мухаммад. Как следует по Ш. Марджани, он ученик Ашшейха Мухаммада Сабир ибн Галаяуддин ал-Болгари. В конце книги “Усуле имам Фахрелислам” он поместил данный Абу Мухаммадом Болгари текст “Иджазатнаме” (“Шагадатнаме”) (аттестат). Ш. Марджани полагает, что он был родом из деревни близ г. Казани.
17	Аз-Захиди (Махмуд ибн Фэттах ас-Сараи). Умер в 1373–1374 г.	Труды по мусульманскому праву, логике, риторике.	Факих. Специалист по логике, риторике. Преподавал в медресе Болгара, Сарая, а когда прибыл в Каир, – в медресе “Саргатмышия”.
18	Ат-Тафтазани (Ал-Галламе Сагдетдин Масгут ибн Омар ал-Хорасани ан-Нисаи аш-Шафии). Умер в 1390 г.	“Тэлвих Галэ эт-Тэъзих”. Посвященная и подаренная хану Джанибеку книга “Шэрхе эт-Талхис”, а также “Тахзиб ал-мантыйк”, “Макасид фи	Видный представитель позднего калама. Учился у ал-Иджи и Кутбетдина ар-Рази. Преподавал в различных медресе Мавераннахра. По приглашению Тимура приехал в Самарканд, где находился при его дворе вплоть до своей кончины. Прославился знаниями в геометрии, логике, поэтике, грамматике арабского языка. Но был особо популярен в каламе. Калам в его трудах сливался с философией. Его труды пользовались огромной популярностью и в последующие века.

№	Имя, годы жизни	Труды	Сведения
		илм ал-каләм”, “Такриб ал-марам фи шарх тахзиб ал-каләм” и др.	
19	Абу Мухаммад Садр ибн Аляатдин ал-Болгари. XIV в.		Преподаватель. Подготовил многих просвещенных, ученых людей своего времени.
20	Аш-шейх Мухаммад ал-Болгари. XIV в.	”Хэзинәтел-голямәз вә зиннәтел-фькаһәз”.	Проповедническая, нравоучительная книга.
21	Госам ибн ал-Малик (Муләк?) ал-Маргинани (Маргилани). Умер в 1412 г. в Хаджитархане.	Произведения, написанные в соавторстве с Ибн ал-Баззасом.	Разносторонний ученый, богослов, поэт. Из Ферганы. Долгое время жил в Болгаре. Из потомков автора популярного среди мусульман произведения XII в. “Ал-Хидоя фил-фуру” Бурханетдина ал-Маргинани (умер в 1197 г.). Во время Тимура вместе с двоюродным братом Габделаввалом ибн Али были авторитетными учеными. После смерти Тимура вернулся из Мекки на родину.
22	Махмуд ал-Болгари. XIV–XV вв.	Книга по дидактике.	Книга по дидактике, написанная в 1418 г., упоминается в библиографическом справочнике, составленном в Багдаде.
23	Хафиз ад-дин Мухаммад ибн Шихаб ибн Йусуф ал-Хорезми ал-Кердари (Ибн ал-Баззас). Примерно в 1343–1423 гг.	“Ал-фатави ал-Баззасия”. Религиозное, историческое сочинение.	Ученый и историк, шейх. Охарактеризовал Тамерлана как “куфр” (“неверный”). После получения начального образования в Кердаре в Хорезме, учился в Болгаре, был в Крыму, Хаджитархане, Руме и т.д. В этих местах, общаясь со многими учеными людьми, пополнил свои знания и стал преподавателем, известным ученым своего времени. Был признан ханами Улуса Джучи. После разгрома Сарая уехал в Турцию.
24	Арабшах (Шигабут-дин Ахмед ибн Мухаммад ибн Габдулла ал-	”Гаждәбел-мәкьдур фи әхвале Тимур”, “Фәкаһәтел-холәфаз”.	Историк. Биограф Тимура. Продолжительное время жил в городах Сарай, Болгар, Хаджитархан.

№	Имя, годы жизни	Труды	Сведения
24	Карши ал-Дамаски). 1388–1451 гг.		
25	Мухаммад Эмин ал-Болгари. XV в.	Комментарии к книге “Шифа” (Способный исцелить).	Написанную в 1114 г. книгу “Шифа”, переписывает сначала в 1468 г. в Болгаре, потом вторично в 1473 г. в Ираке.
26	Мухаммадьяр, сын Махмуда Хаджи (1496/97–1552).	“Тьхфэи мәрдән” (Дар мужей) (1539–1540), “Нуры содур” (Свет сердец) (1542), “Нэсьй-хэт” (Наставления).	Поэт, мыслитель. Смотритель усыпальницы хана Мухаммад-Амина в Казани.

- 1 Маркарян Э.М. Очерки теории культуры. Ереван, 1969. С. 86.
- 2 Смирнов А.Л. Волжские булгары. М., 1951. С. м153-166.
- 3 Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 105.
- 4 Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура (X - начало XIII в.). Казань, 1990; Дэчлэтшин Г.М. Терки-татар рухи мэдэниятэ тарихы. Казань, 1999.
- 5 Мухаметшин Д.Г. Эпиграфические памятники Казанского ханства как исторический источник // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С. 117-127; Мухаметшин Д.Г., Ха-кимзянов Ф.С. Надписи на металлических изделиях // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 293-305; Мухаметшин Д.Г., Хакимянов Ф.С. Эпиграфические памятники Болгара // Город Болгар: очерки истории и культуры. М., 1987. С. 143-152; Мухаметшин Д.Г., Хакимянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Болгара. Казань, 1987; Хакимянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Болгарии и их язык. М., 1987; Хакимянов Ф.С. Язык эпитафий волжских болгар. М., 1978.
- 6 Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960.
- 7 Валева Д.К. Искусство волжских болгар X - начала XIII века. Казань, 1983; Она же. Искусство волжских болгар периода Золотой Орды (XIII-XIV вв.). Казань, 2003.
- 8 Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство народов Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975.
- 9 Валеев Ф.Х., Валева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарии. Казань, 1987.
- 10 Червоная С.Ю. Искусство Татарии с древнейших времен до 1917 года. М., 1987.
- 11 Федоров-Давыдов Г.А. Религия и верования в городах Золотой Орды // Историческая археология: традиции и перспективы. М., 1998. С. 28-39.
- 12 Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных материалов // Город Болгар: ремесло металлургов... Рис. 73.
- 13 Кошгари М. Девону лугатит турк: В 3 т. Ташкент, 1960-1963. Т. 1. С. 330-331.
- 14 См. там же.

- 15 Ковалевский А.Л. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг.: исследование по Мешхедской рукописи. Харьков, 1956. С. 135.
- 16 Самойлович А.Н. К вопросу о двенадцатилетнем животном цикле у турецких народов // Восточные записки. Л., 1927. Т. 1. С. 156-162.
- 17 Галкин Л.Л. Двенадцатилетний животный цикл на монетах Золотой Орды // археоастрономия: проблемы становления: тез. докл. междунар. конф. М., 1996. С. 30-32.
- 18 См.: Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 215, 266, 281, 605.
- 19 Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. С. 19.
- 20 Мэржани Ш. Местафадел-эхбар фи эхвали Казан вз Болгар. Казан, 1885. Т. 1. С. 14.
- 21 Катаное Н.Ф. Восточная хронология. Казань, 1920. С. 212; Ермолаев И.П. Историческая хронология. Казань, 1980. С. 88-89.
- 22 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 32.
- 23 Янина С.А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // МИА. 1962. №111. С. 180,184.
- 24 Сефтерский Райко. Опыт за систематизация на календарно-астрономическите термини у дунайските и волжско-камските прабългари (II-XIV вв.) // Проблеми на културата: година четвърта. София, 1981. С. 32.
- 25 Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков: (фонетика и лексика). М., 1978. С. 159-160.
- 26 Бируни Абурайхан. Памятники минувших поколений: избр. произв. Ташкент, 1957. Т. 1. XXXV. С. 18.
- 27 Там же. С. 279-280.
- 28 Татар теленен диалектологик сузлеге. Казан, 1969. С. 221, 514.
- 29 Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий... С. 83-84.
- 30 Самойлович А.Н. Названия дней недели у турецких народов // Яфетический сборник. Петроград, 1923. С. 98-119.
- 31 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 135, 139; Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий... С. 82-86.
- 32 Культура Биляра: болгарские орудия труда и оружие X-XIII вв. М., 1985. С. 104-122.
- 33 Мухамадиев А.Г. Болгаро-татарская монетная система XII-XV вв. М., 1983. С. 31. Примечательно, что данный факт отражен достаточно четко и в татарском фольклоре. В этом отношении представляет интерес народная сказка «Закир и Шакир», в которой упоминается о взвешивании золотых монет.
- 34 Рыбаков Б.А. Русские системы мер длины XI-XV веков: (из истории народных знаний) // СЭ. 1949. № 1. С. 67-91.
- 35 Рыбаков Б.А. Архитектурная математика древнерусских зодчих // СА. 1957. № 1, С. 63-112; Рыбаков Б.А. Русские системы мер... С. 67-91.
- 36 Айдаров С.С. Архитектурное исследование руин соборной мечети в Болгарах // Поволжье в средние века. М., 1970. С. 13, 70.
- 37 Федоров-Давыдов Г.А. Научный отчет о раскопках на Царевском городище (Сарай-Берке) в 1960 г. // АИА. Р-1. № 2123. Л. 4, 30; Он же. Отчет о раскопках Царевского городища в 1959 г. // АИА. Р-1. № 1934. Л. 14.
- 38 Федоров-Давыдов Г.А. Научный отчет о раскопках на Царевском городище (Сарай-Берке) в 1960 г. // АИА. Р-1. № 2123. Л. 4, 30; Мухамадиев А.Г. Раскопки двойного дома на Водянском городище // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 81, 83.
- 39 Егоров В.Л., Полубояринова М.Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967-1971 гг. // Города Поволжья в средние века. С. 50.
- 40 Там же. С. 200-203.

- 41 Давлетшин Г.М. Волжская Булгария... С. 42.
- 42 Шарифуллин Р.Ф. Бани Болгара и их изучение // Город Болгар: монументальное строительство... С. 227.
- 43 Тизенгаузен В.Т. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т 1 СПб., 1884. С. 286, 298.
- 44 Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960.
- 45 Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Болгара. Казань, 1987. С. 54.
- 46 НА ИЯЛИ. Ф. 53: личный фонд Г.В. Юсупова.
- 47 Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Болгарии и их язык. М., 1987; Он же. Язык эпитафий волжских болгар. М., 1978.
- 48 Мухамадиев А.Г. Болгаро-татарская монетная система XI-XV вв. М., 1983. С. 45.
- 49 Там же. С. 46.
- 50 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 134.
- 51 Смирнов А.П. Сувар // Тр. ГИМ. М., 1941. С. 170; Хлебникова Т.А. Еще одна находка болгарских ювелирных изделий // СА. 1963. № 1. С. 305-309 и др.
- 52 Шахнович М.М. Первобытная мифология и философия. Л., 1971. С. 146-154; Татар мифлары / Галимжан Гыйльманов хикъялзвэндэ: 2 китапта. Казан, 1996. 1 китап. С. 4—5.
- 53 Евсеев В.Я. Связи фольклора мордвы и других финно-угорских народов в свете их истории // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. С. 280.
- 54 Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 280.
- 55 Шахнович М.И. Первобытная мифология и философия. С. 138.
- 56 Коллекция древних рукописей // НА ИЯЛИ АН Татарстана. Д. 2644. Л. 2.
- 57 Шахнович М.И. Первобытная мифология и философия. С. 134-140.
- 58 См.: Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начала XIII в. Казань, 1986. С. 7-11.
- 59 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 134-135.
- 60 Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов. С. 190-192.
- 61 Худяков М.Г. Култ коня в Прикамье // ИГАИМК. 1933. № 100. С. 266.
- 62 Евсюков В.В. Мифы о вселенной. Новосибирск, 1988. С. 72.
- 63 Симокатта Феофилакт. История / пер. С.П. Кондратьева. М., 1957. С. 161.
- 64 Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Исследование комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979. С. 27; Федоров-Давыдов Г.А. Тигашевское городище: (археологические раскопки 1956, 1958, 1959 гг.) // МИА. 1962. № 111.
- 65 Бартольд В.В. Культура мусульманства: Соч. М., 1966. Т. 6. С. 44—45; Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.) / публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайт. М., 1971. С. 71.
- 66 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 59, 95; Мерщани Ш. Местафадел-эхбар фи эхвали Казан вз Болгар. С. 8 и др.
- 67 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 56, 32-35.
- 68 Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов... Рис. 72-74.
- 69 Там же. С. 178.
- 70 Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII-XIV вв.). М., 1966. С. 80.
- 71 Латынин Б.А. Мировое дерево в орнаменте и фольклоре Восточной Европы: к вопросу о пережитках // ИГАИМК. Л., 1933. Вып. 169. С. 13, 15, 17; Рахим Гали. Личный фонд № 18 //НА ИЯЛИ АН Татарстана. Ф. 18: личный фонд Рахима Гали. Оп. 1. Д. 32. Л. 69.
- 72 Вейнштейн М.Б. История мироздания в мифологии и в науке. СПб., 1909. С. 50.

- 73 Кошгари М. Девону лугатит турк. 1963. Т. 3. С. 418.
- 74 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 131.
- 75 Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989. С. 99.
- 76 Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов. Рис. 71, 72.
- 77 Там же. Рис. 61, 30.
- 78 Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978.
- 79 Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов. Рис. 72, 74.
- 80 Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники Казанской губернии. Казань, 1887. С. 350; Катаное Н.Ф. Татарские рассказы о Старой Казани // ИОИАЭКУ. Казань, 1920. Т. XXX, вып. 2. С. 267-300; Лихачев А.Ф. Великая Болгария // НБ КГУ ОРПК. Д. 1673. Л. 16-17; Татар халык ижаты: Экиятләр / Томнарны тезучеләр, кереш мкалә пэм искәрмэлэрне эзерләучеләр Х.Х. Гатина, Х.Х. Ярми: 3 томда. Казан, 1977. 1 т. С. 69.
- 81 Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. 1974. Вып. 142. С. 49.
- 82 Валеева Д.К. Искусство волжских болгар периода Золотой Орды... С. 72.
- 83 Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: В 2 т. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 27.
- 84 Аристов Н.И. Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения об их численности // Живая старина. 1896. № 3/4. С. 277-456; Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений... Т. 2. С. 214, 215.
- 85 Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений... Т. 2. С. 214, 215.
- 86 Халиков А.Х. Исклашеевская всадница // СА. 1971. № 1. С. 116-117.
- 87 Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980. С. 179, 182, 183.
- 88 Там же. С. 168.
- 89 Давлетшин Г.М. Волжская Булгария... С. 70.
- 90 Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962. С. 280-282.
- 91 Мухамадиев А.Г. Болгаро-татарская монетная система XII-XV вв. М., 1983.
- 92 Гумилев Л.Н. Хунну: степная трилогия. СПб., 1993. С. 176.
- 93 Алексеев Н.А. Ранние формы религии...
- 94 Халиков А.Х. Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских болгар в археологических материалах // Ранние болгары. Казань, 1981. С. 11.
- 95 Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах (с пол. VII в. - до конца X в. Р.Х.). СПб., 1870. С. 262.
- 96 Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. С. 82, 216, 344.
- 97 См: Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 14, 121, 164.
- 98 См.: Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1990. С. 135, 138.
- 99 Мухамадиев А.Г. Болгаро-татарская монетная система... Табл. 1.
- 100 Соболева Н.А. Старинные гербы Российских городов. М., 1985.
- 101 Мухамадиев А.Г. Болгаро-татарская монетная система... Табл. 1.
- 102 Смирнов А.П. Волжские болгары... С. 137.
- 103 Там же.
- 104 Арциховский А.В. Древнерусские областные гербы // УЗ МГУ. М., 1946. Вып. 93. С. 46-48. - (История. Кн. 1).
- 105 Мвхэмэдиев д. Борынгы хазар пэм болгар-татар акчалары. Казан, 1986. С. 144, 413; Янина С.А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии // МИА. 1962. № 111. С. 36, 40, 73, 112, 115, 120, 132, 134, 138, 142 и ел.
- 106 Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов. С. 179, рис. 61, 15.

- 107 Смирнов А.П. Армянская колония города Болгар // МИА. № 45. С. 46-52.
- 108 Отчеты археологических исследований Болгарского городища за 1996 год // БГИАЗ. Док. фонд. Инв. № 26-1.
- 109 Баранов В. Барс-безнеке! // Шэпри Казан. 1991.
- 110 Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов. С. 241. Рис. 76, 2.
- 111 Баранов В. Барс-безнеке!
- 112 Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Болгария. Казань, 1994. С. 145.
- 113 Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г.: (титулярник). Петроград, 1923; Снимки древнерусских печатей. М., 1882. Вып. I.
- 114 Акчурина З.А., Воскресенская Л.П., Смирнов А.П. Работы на городище Великие Болгары 1957 г. // Поволжье в средние века. М., 1970. С. 275-277.
- 115 Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Алматы, 1993. С. 25-26.
- 116 Акчурина З.А., Воскресенская Л.П., Смирнов А.П. Работы на городище Великие Болгары... С. 11.
- 117 Аксенова Н.Д., Смирнов А.П. Скульптурная голова с городища Великие Болгары // СА. 1973. № 3. С. 248.
- 118 Ахметгалеева Я.С. Исследование тюркоязычного памятника "Кисекбаш китабы". М., 1979. С. 46; Борынгы татар эдэбияты. Казан, 1963. С. 209.
- 119 Шарафудинов Д. Рукопись древнего Саксина: эхо веков // Гасырлар авазы. 2003. № 1/2. С. 22.
- 120 Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 162.
- 121 Полуобяринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 208.
- 122 Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. С. 87, 120, 130, 143, 146.
- 123 Там же. С. 198.
- 124 Савченкова Л.Л. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город болгар: ремесло металлургов... С. 44.
- 125 Татар халык табышмаклары / Кереш мэкәлә пэм анлатмалар белән жыночысы пэм тезучесе Н. Иснбэт. Казан, 1970. С. 269.
- 126 См.: Валеева Д.К. Искусство волжских булгар периода Золотой Орды...
- 127 Хакимзянов Ф.С. Булгарские эпиграфические памятники Закамья // Исследование языка древнеписьменных памятников. Казань, 1980. С. 38-39.
- 128 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 139.
- 129 Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. С. 181.
- 130 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 139.
- 131 Там же. С. 60.
- 132 Короглы Х. Огузский героический эпос. М., 1976. С. 39.
- 133 Татищев В.Н. История Российская... М.; Л., 1962. Т. I. С. 365.
- 134 Вахидов С.Г. Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края // ВНОТ, 1926. № 4. С. 82-84.
- 135 Короглы Х. Огузский героический эпос. С. 21, 85, 88.
- 136 См.: Шпилевский С.М. Древние города... С. 23.
- 137 Халиков А.Х. Венгры, болгары и буртасы в Среднем Поволжье и Приуралье // Урало-Алтаистика: Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985. С. 30.
- 138 Общетюркский титул антропоним Алып известен еще древним тюркам, протоболгарам. Он встречается и в болгарских эпитафиях XIII-XIV вв.
- 139 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 136.
- 140 Там же. С. 139.
- 141 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 43, 61.

- 142 Там же. С. 43.
- 143 Там же. С. 43, 61.
- 144 Жирмунский В. Тюркский героический эпос. Л., 1974. С. 116-119.
- 145 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 43, 61.
- 146 Мэрщани Ш. Местафадел-эхбар фи эхвали Казан вэ Болгар. С. 15.
- 147 Шпилевский С.М. Древние города... С. 33.
- 148 Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство... С. 197.
- 149 Мэрщани Ш. Местафадел-эхбар фи эхвали Казан вэ Болгар. С. 11.
- 150 Татар халык ижаты: риваятьлэр пэм легендалар / Томны тезуче, кереш мэкэлэ пэм искэрмэлэрне язучы С.М. Гыйлажеддинов. Казан, 1987.
- 151 Башкорт халык начаты: эпос: 2 китап. Эфе, 1973. С. 151-292.
- 152 Эрали ва Шерали. Тошкент, 1967.
- 153 Татар халык табышмаклары. С. 532.
- 154 Тарат халык ижаты: риваятьлэр... С. 37.
- 155 Там же. С. 154.
- 156 Шерефи Х. Зафер наме-и Вилайет-и Казан / публ. А. Мелек Узийетгин; предисл. и пер. с турец. на рус. яз. Ф.С. Хакимзянова // Гасырлар авазы-Эхо веков. 1995. Май.
- 157 Саттаров Г.Ф. Татар исемнэре сузлеге. Казан, 1981.
- 158 Чит. по: Шпилевский С.М. Древние города... С. 19.
- 159 Путешествие в восточные страны... С. 103.
- 160 Федоров-Давыдов Г.А. Религия и верования... С. 37.
- 161 Баранов В.С., Кавеев М.М. Археологическое исследование мавзолеев центральной части Болгарского городища // Город болгар: монументальное строительство... С. 193.
- 162 Мэрщани Ш. Местафадел-эхбар фи эхвали Казан вэ Болгар. С. 11.
- 163 Мехэммэдьяр: Нуры содур. Казан, 1997. С. 175, 303.
- 164 Ислам: энциклопедический словарь. М., 1991. 305 с.
- 165 Аксенова Н.Д., Смирнов А.П. Скульптурная голова... С. 204.
- 166 Там же. С. 37-38, 51.
- 167 Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча. Л., 1930. С. 41-56.
- 168 Носкова Л.М. Строительная керамика из Болгара... С. 308.
- 169 Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство... С. 140.
- 170 Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Болгария. С. 146-147.
- 171 Смирнов А.П. Армянская колония города Болгар // МИА. № 45.
- 172 Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Болгара С. 45.
- 173 Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X-XV вв. М., 1993.
- 174 Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978.
- 175 Мэрщани Ш. Местафадел-эхбар фи эхвали Казан вэ Болгар. С. 2.
- 176 Ислам: энциклопедический словарь.
- 177 Мэрщани Ш. Местафадел-эхбар фи эхвали Казан вэ Болгар. С. 82.
- 178 Ислам: энциклопедический словарь.
- 179 Там же. С. 87. 144; Амин ал-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII-XIV вв. М 1962. С. 28.
- 180 Мэрщани Ш. Местафадел-эхбар фи эхвали Казан вэ Болгар. С. 83.
- 181 Там же. С. 208-218.
- 182 Тизенгаузен В.Т. Сборник материалов... Т. 1. С. 435.

- 183 Там же. С. 239.
- 184 Айдаров С.С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар: монументальное строительство... С. 9, 53.
- 185 Идегэй: Татар халык дастаны. Казан, 1994. С. 161.
- 186 Айдаров С.С. Исследование и реставрация... С. 64.
- 187 Там же. С. 304-305.
- 188 Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды: очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М., 1976. С. 127.
- 189 Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов. С. 230.
- 190 Там же. С. 176-179, 302-304.
- 191 Смолин В. Клад восточных предметов из болгарского г. Джуке-Тау // ВНОТ. 1925. № 3. С. 20; Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Надписи на металлических изделиях // Город Болгар: ремесло металлургов... С. 300.
- 192 Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов. С. 180-187; Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Надписи на металлических изделиях. С. 299-302.
- 193 Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов. С. 180-186.
- 194 Там же. С. 207.
- 195 Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV-XVI вв. Казань, 1979.
- 196 Катанов Н.Ф. Несколько слов по поводу русских и татарских перстней, принадлежащих А.А. Сухареву и А.Т. Соловьёву // ИОАИЭКУ. Казань, 1904. Т. XX. С. 29-46.
- 197 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 138.
- 198 Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Надписи на металлических изделиях. С. 294-295.
- 199 Даркевич В.П. Художественный металл Востока. М., 1978. С. 49.
- 200 Поппе Н.Н. Золотоордынская рукопись на бересте // Советское востоковедение. 1941. Т. 2. С. 81-134.
- 201 Поляк А.Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной Европы. М., 1964. С. 32.
- 202 Мэрщани Ш. Местафадел-эхбар фи эхвали Казан въ Болгар. С. 85.
- 203 Тизенгаузен В.Т. Сборник материалов... С. 229.
- 204 См. примеры в кн.: Амин ал-Холи. Связи между Нилом и Волгой... С. 28, 29.
- 205 Мэрщани Ш. Местафадел-эхбар фи эхвали Казан въ Болгар. С. 82.
- 206 Там же. С. 37.
- 207 Айдаров С.С. Исследование и реставрация... С. 85.
- 208 Там же. С. 205-212.
- 209 Там же. С. 231.
- 210 Там же. С. 318.
- 211 Отчеты об археологических исследованиях Болгарского городища // БГИАЗ. Док. фонд. Инв. № 40-2, 14; 40-4, ПО.
- 212 Беляев Л.А. Малый городок как памятник архитектуры и строительного искусства Великого Болгара XIV века // Город Болгар: монументальное строительство... С. 287-290.
- 213 Тизенгаузен В.Т. Сборник материалов... С. 237.
- 214 Там же. С. 296-297.
- 215 Там же. С. 237.
- 216 Kurat A.N. Bulgar // IslamAnsiklopedisi. Istanbul, 1920. С. 789.
- 217 Айдаров С.С. Архитектурное исследование руин...

- 218 Айдаров С.С. Исследование и реставрация... С. 31.
- 219 Там же. С. 8-13.
- 220 Там же.
- 221 Беркутов В.М. Развитие математического образования болгаро-татар. Казань, 1997. С. 150.
- 222 Федоров-Давыдов Г.А. Научный отчет о раскопках в 1961 г. на Царевском городище (Сарай-Берке) Ленинского района Волгоградской области // АИ А. Р-1. № 2331. Рис. 87.
- 223 Полякова Г.Ф., Фехнер М.В. Игра в мельницу в Древней Руси // Slovenska Archeologia, 1973. Вып. 21, №2.
- 224 Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 58.
- 225 Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Реконструкция болгарской бани XIV в.: (из материалов Куйбышевской экспедиции 1940 г.) // КСИМК. М.; Л., 1946. Вып. 13.
- 226 Федоров-Давыдов Г.А. Астральный амулет из Царевского городища // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 130-131.
- 227 Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М., 1988. Рис. 103,14-15.
- 228 Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов... С. 241.
- 229 Федоров-Давыдов Г.Л. Астральный амулет... С. 131.
- 230 См.: Федоров-Давыдов Г.Л. Астральный амулет... С. 131.
- 231 Тизенгаузен В.Т. Сборник материалов... С. 240.
- 232 Там же. С. 240-241.
- 233 Татар халык мэкальлэре / Кереш суз һәм анлатмалар белән жыючысы һәм тезучесе Н. Исәнбэт: 3 томда. Казан, 1959. Т. 1. С. 489.
- 234 Там же. Т. 2. Казань, 1963. С. 420.
- 235 Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей... С. 193, 218.
- 236 Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- 237 Добрев П. Стопанската культура на прабългарите. София, 1986. С. 66-67.
- 238 Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 44, 162.
- 239 Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Болгара. С. 119.
- 240 Тизенгаузен В.Т. Сборник материалов... С. 287.
- 241 Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство... С. 140.
- 242 Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов. С. 154-268; Хлебникова Т.А. Анализы болгарского цветного металла // Город Болгар: ремесло металлургов... С. 269-292.
- 243 Семькин Ю.А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар: ремесло металлургов... С. 104.
- 244 Там же. С. 143.
- 245 ПСРЛ. Т. XI. М., 1963. С. 25.
- 246 Вильчевский О.Л. Сфероконические сосуды в переднеазиатском трактате по прикладной технологии XII в. // СА. 1961. № 2, С. 212.
- 247 Макарова В.Н., Халиков А.Х. Поливная или глазурированная керамика Билярского производства // Посуда Биляра. Казань, 1986. С. 57-60.
- 248 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 43, 61.
- 249 Кошгари М. Девону лугатит турк. С. 70.
- 250 Борынгы татар эдэбияты. Козан, 1963. С. 29-31.
- 251 Смирнов А.П. Волжская Болгария // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 209. -

(Археология СССР).

- 252 Баранов В.С. Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение // Город Болгар: монументальное строительство... С. 321-342.
- 253 Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Реконструкция болгарской бани XIV в.: (из материалов Куйбышевской экспедиции 1940 г.) // КСИМК. М.; Л., 1946. Вып. 13; Шарифуллин Р.Ф. Бани Болгара и их изучение // Город Болгар: монументальное строительство... С. 217-260.
- 254 Зиливинская Э.Д. Средневековые бани Нижнего Поволжья // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1991.
- 255 Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Реконструкция болгарской бани XIV в.; Шарифуллин Р.Ф. Бани Болгара и их изучение... С. 217-260.
- 256 Закирова И.А. Косторезное дело Болгара. С. 236.
- 257 Финогенова С.И. Античные медицинские инструменты // СА. 1967. № 1. С. 147-160.
- 258 Fyodorov-Davydov G.A. The culture of the Golden Horde cities // BAR International Series 198, 1984. S. 231.
- 259 Татар халык ижаты: Риваятьлэр... С. 214.
- 260 Коледаров П.Ст. Ходжа Болгар — лечитель в Газни в первой половине двенадцатого века // Асклепий: международный ежегодник социалистических стран истории и теории медицины. София, 1974. Т. 3.
- 261 Сухарева О.А. Бухара XIX — начало XX в.: (позднефеодальный город и его население). М., 1966. С. 84.
- 262 Мэрцани Ш. Местафадел-эхбар фи эхвали Казан вэ Болгар. С. 81.
- 263 Хвольсон Д.А. Известия о озарах, бургасах, мадьярах, славянах и руссах Абу Али Ахмеда Бен-Омар Ибн-Даства... СПб., 1869. С. 89.
- 264 Таджаддин ал-Болгари. Большой тирйак (большое противоядие) / изд. текста, пер. с араб., предисл., коммент. А.Б. Халидова. Казань, 1997. С. 10.
- 265 Там же.
- 266 Там же.
- 267 Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов... С. 245.
- 268 Халиков А.Х. Маклашеевская всадница // СА. 1971. № 1. С. 106-117.
- 269 Бартольд В.В. Культура мусульманства: соч. М., 1966. Т. 6. С. 165.
- 270 Малое С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. С. 78.
- 271 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 43, 61.
- 272 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 61.
- 273 Эхмэтцанов М. Татар шэжэрэлэре (Беренче китап). Казан, 1995. С. 15, 24.
- 274 Татар халык ижаты: экиятлэр / Томнарны тезучелэр, кереш мэкалэ нэм искэрмэлэрне эзерлэучелэр Х.Х. Гатина, Х.Х. Ярми: 3 томда. Казан, 1978. Т. 2. С. 271-272.
- 275 Хакимянов Ф.С. Язык эпитафий... С. 94.
- 276 Там же. С. 96.
- 277 Там же. С. 96-98.

СТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ ШКАЛА

И ОПИСЬ РАСКОПОВ НА БОЛГАРСКОМ ГОРОДИЩЕ

VI слой — X - первая половина XI в.

V слой — вторая половина XI - начало XIII в.

IV р. (ранний) слой — раннезолотоордынский период, середина XIII - начало XIV в.

IV п. (поздний) слой — позднезолотоордынский период, с 30-х годов XIV в. до 1431 г. — даты разгрома города.

III слой — период Казанского ханства.

II—I слои — современное село.

* * *

1 — раскоп А 1938 г., 80 кв. м, на Коптеловом бугре, А.П. Смирнов, Н.Ф. Калинин. Архив ГИМ, № 18.

2 — раскоп В 1938 г., 36 кв. м, у Монастырского погребца, А.П. Смирнов, Н.Ф. Калинин. Архив ГИМ, № 18.

3 — раскоп Б 1938 г., около 150 кв. м, на склоне, А.П. Смирнов, А.М. Ефимова. Архив ГИМ, № 18.

4 — раскоп 1939-1940 гг., около 700 кв. м, на Красной палате, А.П. Смирнов, Н.Ф. Калинин, А.М. Ефимова. Архив ГИМ.

5 — раскоп 1945 г., 98 кв. м, у Британкина озера, Н.Ф. Калинин. АИА РАН. Р-1, № 42.

6 — раскоп А 1945 г., 22,5 кв. м, по старой дороге к Ага-Базару, А.П. Смирнов. АИА РАН. Р-1, № 42.

7 — раскопы Б, В 1945 г., 408 кв.м., у Греческой палаты, А.П. Смирнов, А.М. Ефимова. АИА РАН. Р-1, № 42.

8 — раскопы I—III 1946 г. и раскоп 1947 г., 253 кв.м, у Греческой палаты, А.П. Смирнов, А.М. Ефимова. АИА РАН. Р-1, № 49.

9 — раскоп 1946 г., 272 кв. м, на западном валу, О.С. Хованская. АИА РАН. Р-1, № 49.

10 — раскоп 1946 г., 100 кв. м, на площади Четырехугольника, Н.Ф. Калинин. АИА РАН. Р-1, № 49.

11 — раскоп 1946 г., 48 кв. м, на Малом городке, О.С. Хованская. АИА РАН. Р-1, № 49.

12 — раскоп I 1947 г., 180 кв. м, на центральной улице села, А.П. Смирнов, З.А. Акчурина. АИА РАН. Р-1, № 123.

13 — раскоп II 1947 г., 288 кв. м, на ул. Набережной в центральной части села, О.С. Хованская. АИА РАН. Р-1, № 123.

14 — раскопы 1947-1948 гг., 237 кв. м, на Бабьем бугре, А.М. Ефимова. АИА РАН. Р-1, № 123, 219.

15 — раскоп I 1948-1949 гг., 380 кв. м, на центральной улице села, А.П. Смирнов, З.А.Акчурина. АИА РАН. Р-1, № 219, 335.

16 — раскоп III 1948 г., 238 кв. м, у Голланского озера, О.С. Хованская. АИА РАН. Р-1, № 219.

17 — раскоп II 1949 г., 163 кв. м, центральная часть села, близ бывшей школы, А.М. Ефимова. АИА РАН. Р-1, № 335.

18 — раскоп III 1949 г., 180 кв. м, центральная улица села, О.С. Хованская. АИА РАН. Р-1, № 335.

19 — раскоп I 1950 г., 284 кв. м, на склоне, А.П. Смирнов, З.А. Акчурина. АИА РАН. Р-1, № 463.

20 — раскоп II 1950 г., 88 кв. м, на склоне, А.М. Ефимова. АИА РАН. Р-1, № 463.

21 — раскоп IIб 1950 г., 98 кв. м, на склоне, А.М. Ефимова. АИА РАН. Р-1, № 463.

22 —раскоп III 1950 г., 400 кв. м, на склоне, О.С. Хованская. АИА РАН. Р-1, № 463.

23 — раскоп Па 1950 г., 340 кв. м, в заречье, А.П. Смирнов, В.В. Седов. АИА РАН. Р-1, № 463.

24 — раскоп I 1951 г., 144 кв. м, на склоне, А.П. Смирнов, З.А. Акчурина. АИА РАН. Р-1, № 633.

25 — раскоп II 1951 г., 472 кв. м, в заречье, Б.Б. Жирумский. АИА РАН. Р-1, № 633.

26 — раскоп III 1951 г., 400 кв. м, у подножия склона, О.С. Хованская. АИА РАН. Р-1, № 632.

- 27 —раскоп IV 1951 г., 270 кв. м, на склоне, А.М. Ефимова. АИА РАН. P-1, № 632, 633.
- 28 — раскоп V 1951 г., 240 кв. м., в заречье, О.С. Хованская, В.А. Тихомирнова. АИА РАН P-1, № 632.
- 29 — раскоп I 1952 г., 200 кв. м, в заречье, А.П. Смирнов, З.А. Акчурина. АИА РАН. P-1, №680.
- 30 — раскопы 1а, 1б, 1952 г., 388 кв. м, в заречье, О.С. Хованская. АИА РАН. P-1, № 680;
раскоп I 1952 г., на склоне у кордона, в 1200 м от Ага-Базара, О.С. Хованская. АИА РАН. P-1, № 680.
- 31 — раскоп II 1952 г., 252 кв. м, на склоне, А.М. Ефимова. АИА РАН. P-1, № 680;
раскоп III 1952 г., 200 кв.м, на Ага-Базаре, Б.Б. Жиромский. АИА РАН. P-1, №680.
- 32 — траншеи I и II 1953 г., 64 кв. м, у подножия Бабьего бугра, А.М. Ефимова. АИА РАН. P-1, №815.
- 33 — раскоп 1 1953 г., 58 кв. м, у подножия склона близ Капитанского колодца, О.С. Хованская. АИА РАН. P-1, № 815.
- 34 —раскоп 1а 1953 г., 8 кв. м, на восточном валу у склона, О.С. Хованская. АИА РАН. P-1, №815.
- 35 — раскоп II 1953 г., 48 кв. м, у подножия склона близ Капитанского колодца, А.М. Ефимова. АИА РАН. P-1, № 815;
раскоп III 1953 г., 92 кв. м, на Ага-Базаре, К.А. Смирнов. АИА РАН. P-1, № 815.
- 36 — раскоп IV 1953 г., 306 кв. м, в заречье, Т.А. Хлебникова. АИА РАН. P-1, № 815.
- 37 — раскоп V 1953 г., 332 кв. м, в заречье, О.С. Хованская. АИА РАН. P-1, № 815.
- 38 — раскоп Va 1953 г., 92 кв. м, в заречье, О.С. Хованская. АИА РАН. P-1, № 815.
- 39 — раскоп VI 1953 г., 142 кв. м, в заречье, А.М. Ефимова. АИА РАН. P-1, № 815.
- 40 — раскоп VII 1953 г., 200 кв. м, в заречье, А.П. Смирнов, З.А.Акчурина. АИА РАН. P-1, №815;
раскоп III/I и III/II 1954 г., 200 кв.м, на Ага-Базаре, К.А. Смирнов. АИА РАН. P-1, № 944.
- 41 — раскопы II и IV 1954 г., 436 кв.м, у подножия склона, О.С. Хованская, И.А. Талицкая. АИА РАН. P-1, № 944.
- 42 — раскоп V 1954 г., 150 кв.м, в заречье, А.М. Ефимова. АИА РАН. P-1, № 1011.
- 43 — раскоп Va 1954 г., 100 кв.м, в заречье, А.М. Ефимова. АИА РАН. P-1, № 1011.
- 44 — траншея 1957 г., 128 кв.м, у склона, А.П.Смирнов, З.А.Акчурина. АИА РАН. P- 1, № 1538.
- 45 — раскоп 1 1957 г., 188 кв.м, к северо-востоку от Монастырского погреба, у склона, А.П. Смирнов, З.А. Акчурина. АИА РАН. P-1, № 1538.
- 46 — раскоп II 1957 г., 16 кв.м, у Черной палаты, А.П. Смирнов. АИА РАН. P-1, № 1538.
- 47 —раскоп III 1957 г., 248 кв.м, западная часть села, близ склона, Л.П.Воскресенская (Матвеева). АИА РАН. P-1, № 1538.
- 48 — раскоп IV 1957 г., 100 кв.м, близ склона над Красной палатой, А.П. Смирнов, З.А. Акчурина. АИА РАН. P-1, № 1538.
- 49 —раскоп V 1957 г., 100 кв.м, у Ханской усыпальницы, Л.П. Воскресенская (Матвеева). АИА РАН. P-1, № 1538.
- 50 —шурфы начала 1950-х годов, в западной части заречья, З.А. Акчурина. АИА РАН. P-1, № 680;
раскоп II 1964 г., 145 кв. м, у Соборной мечети, А.С. Воскресенский. АИА РАН. P-1, № 2863;
раскоп II 1964 г., 58 кв.м, между Соборной мечетью и церковью Св. Николая, С.В. Морозова. АИА РАН. P-1, № 2863;
раскоп III 1964 г., 67 кв. м, между Соборной мечетью и Монастырским погребом, Т.А. Хлебникова. АИА РАН. P-1, № 2863;
раскоп IV 1964 г., около 80 кв. м, у Соборной мечети, А.П. Смирнов, В.Л. Егоров. АИА РАН. P-1, № 2863;
раскоп V 1964 г., 6 кв. м, на Соборной мечети, А.П.Смирнов, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. P-1, № 2863;
раскоп VI 1964 г., около 10 кв. м, на Соборной мечети, А.П. Смирнов, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. P-1, № 2863;

- раскоп VII 1964 г., около 100 кв. м, у Соборной мечети, А.П. Смирнов, Н.В. Трубникова. АИА РАН. Р-1, № 2863;
- раскоп VIII 1964 г., около 90 кв. м, у Соборной мечети, А.С. Воскресенский. АИА РАН. Р-1, № 2863;
- раскоп IX 1965 г., 126 кв. м, у Соборной мечети, Т.А. Хлебникова. АИА РАН. Р-1, №3011;
- раскоп X 1965 г., 17 кв. м, на Соборной мечети, А.П. Смирнов, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, №3011;
- раскоп XI 1965 г., 9 кв. м, на Соборной мечети, А.П. Смирнов, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, №3011;
- раскоп XII 1965 г., 18 кв. м, на Соборной мечети, А.П. Смирнов, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, №3011;
- раскоп XIII 1965-1966 гг., 66,4 кв.м, у церкви Св. Николая, Г.А. Архипов, Т.А. Хлебникова. АИА РАН. Р-1, № 3011, № 3220;
- раскоп XIV 1966 г., 52 кв. м, у Монастырского погребца, Т.А. Хлебникова. АИА РАН. Р-1, № 3220;
- раскоп XV 1966 г., 254 кв. м, у Черной палаты, А.С. Воскресенский. АИА РАН. Р-1, № 3220;
- раскоп XVI 1967 г., 72 кв. м, у Успенской церкви, Т.А. Хлебникова. АИА РАН. Р-1, № 3480;
- раскоп XVII 1967 г., 80 кв. м, у Малого минарета, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 3480;
- раскоп XVIII 1967 г., 9,8 кв. м, на западной части большого вала, А.П. Смирнов, Ю.А. Краснов. АИА РАН. Р-1, № 3481;
- раскоп XIX 1967 г., 9 кв. м, на юго-западной части большого вала, А.П. Смирнов, Ю.А. Краснов. АИА РАН. Р-1, № 3481;
- раскоп XX 1967 г., около 30 кв. м, на южной части большого вала, А.П. Смирнов, Ю.А. Краснов. АИА РАН. Р-1, № 3481;
- раскоп XXI 1967 г., 4,5 кв. м, на восточной части большого вала, А.П. Смирнов, Ю.А. Краснов. АИА РАН. Р-1, № 3481;
- раскоп XXII 1967 г., 9 кв. м, на восточной части большого вала, А.П. Смирнов, Ю.А. Краснов. АИА РАН. Р-1, № 3481;
- раскоп XXIII 1967 г., 56 кв. м, у Черной палаты, А.П. Смирнов, Н.В. Трубникова. АИА РАН. Р-1, № 3480;
- раскоп XXIV 1967 г., 48 кв. м, у Черной палаты, А.П. Смирнов, Н.В. Трубникова. АИА РАН. Р-1, № 3480;
- раскоп XXV 1967 г., 28 кв. м, на юго-западной части большого вала, А.П. Смирнов, Ю.А. Краснов. АИА РАН. Р-1, № 3481;
- раскопы 1967 г., около 80 кв. м, западнее школы, Н.В. Трубникова. Архив ГИМ;
- траншея 1967 г., протяженность 150 м, по центральной улице села, Т.А. Хлебникова. Архив БГИАМЗ;
- раскоп XXVI 1968 г., 20 кв. м, у Ханской усыпальницы, Ю.А. Краснов. АИА РАН. Р-1, № 3647;
- раскоп XXVII 1968 г., 80 кв. м, у Малого минарета, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 3647;
- раскоп XXVIII 1968 г., 64 кв.м, у Успенской церкви, Т.А. Хлебникова. АИА РАН. Р-1, № 3647;
- траншея 1969 г., протяженность около 400 м, в западной части городища, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 3921;
- раскоп XXIX 1969 г., 312 кв. м, у Ханской усыпальницы, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 3821;
- раскоп XXX 1969 г., 40 кв. м, у Успенской церкви, Т.А. Хлебникова. АИА РАН. Р-1, №3821;
- раскоп XXXI 1969 г., 2,1 кв. м, у Ханской усыпальницы, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 3821;
- раскоп XXXII 1969 г., 9 кв. м, у западного вала на траншее, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 3921;
- раскоп XXXIII 1969 г., 2,24 кв. м, у Ханской усыпальницы; Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 3821;
- раскоп XXXIV 1969 г., 28 кв. м, у восточного конца траншеи 1969 г., в западной части городища, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 3921; раскоп XXXV 1970 г., 368 кв. м, у Ханской усыпальницы, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 4070;
- раскоп XXXVI 1970 г., 140 кв. м, на центральной улице села, Т.А. Хлебникова. АИА РАН. Р-1, № 4070;
- раскоп XXXVII 1970-1971 гг., 504 кв. м, к юго-востоку от Малого минарета, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 4081;
- раскоп XXXVIII 1971 г., 80 кв. м, на центральной улице села, Т.А. Хлебникова. АИА РАН. Р-1, № 4427;
- раскоп XXXIX 1971 г., 134 кв. м, у Ханской усыпальницы, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 4427;

- раскоп XL 1971-1972 гг., 336 кв. м, к юго-востоку от Малого минарета, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 4427, 4727;
- раскоп XLI 1972 г., 72 кв. м, на центральной улице села, Т.А. Хлебникова. АИА РАН. Р-1, №4719;
- раскоп XLII 1972 г., 48 кв. м, на Коптеловом бугре, П.Н. Старостин, Т.А. Хлебникова. АИА РАН. Р-1, №4719;
- раскоп XLIII 1971 г., 12 кв. м, в юго-западной части городища, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 4727;
- траншея 1972 г., протяженность около 150 м, по центральной улице села, Н.Д. Аксенова; траншея 1973 г., протяженность около 540 м. в западной части городища, Н.Д. Аксенова. АИА РАН Р-1, № 5059;
- раскоп XLIV 1973 г., 54 кв. м, на восточном конце траншеи, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 5059;
- раскоп XLV 1973 г., 144 кв. м, у Малого минарета, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 5479;
- раскоп XLVI 1973 г., 24 кв.м, юго-восточнее церкви Св. Николая, Т.А. Хлебникова, Г.Ф. Полякова. АИА РАН. Р-1, № 5144;
- 3 траншеи 1974 г., протяженность 255 м, юго-восточнее Успенской церкви, у здания заповедника, Т.А. Хлебникова. АИА РАН. Р-1, № 5290;
- раскоп XLVII 1974 г., 48 кв. м, восточнее Соборной мечети, под котельной, Г.Ф. Полякова. АИА РАН. Р-1, № 5290;
- раскоп XLVIII 1974 г., 311,8 кв. м, юго-восточнее Малого минарета, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 5478;
- раскоп XLIX 1974 г., 64 кв. м, у Малого минарета, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 5478;
- траншея 1975 г., протяженность 185 м, в западной части городища, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 5677;
- раскоп L 1975 г., 60 кв. м, восточнее Черной палаты, у сельского кладбища, Т.А. Хлебникова. АИА РАН. Р-1, № 5310;
- раскоп LI 1975 г., 64 кв. м, у восточного конца траншеи 1975 г., Н.Д. Аксенова. АИА РАН Р-1, №5310;
- траншеи 1976 г., протяженность около 920 м, в западной части городища, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 6465;
- раскоп LII 1976 г., 88 кв. м, восточнее Черной палаты, у кладбища, Т.А. Хлебникова. АИА РАН. Р-1, №6415;
- раскоп LIII 1976 г., 48 кв. м, у бывшей школы, Г.Ф. Полякова. АИА РАН. Р-1, № 6415; раскоп LIV 1976-1977гг., 280 кв. м, юго-восточнее Малого минарета, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 6415, 6802;
- раскоп LV 1976 г., 72 кв. м, на центральной улице села, М.Д. Полубояринова. АИА РАН. Р-1, №6415;
- траншея 1977 г., протяженность 28,5 м, у зданий заповедника, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 6633;
- раскоп LVI 1977 г., 84 кв. м, у школы, Г.Ф. Полякова. АИА РАН. Р-1, № 6709;
- раскоп LVII 1977 г., 48 кв. м, на центральной улице села, М.Д. Полубояринова. АИА РАН. Р-1, № 6709;
- раскоп LVIII 1977 г., 48 кв. м, на центральной улице села, М.Г. Крамаровский. АИА РАН. Р-1, № 6709;
- раскоп LIX 1977 г., 198 кв. м, у траншеи 4 1976 г., в западной части городища, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 6633;
- раскоп LX 1977 г., 48 кв. м, у Иерусалимского оврага, Т.А. Хлебникова. АИА РАН. Р-1, № 6709;
- раскоп LXI 1978 г., 200 кв. м, в западной части городища, Н.Д. Аксенова, М.Г. Крамаровский. АИА РАН. Р-1, № 7297;
- раскоп LXII 1979 г., 118 кв. м, в западной части городища, М.Д. Полубояринова. АИА РАН. Р-1, № 7680;
- раскоп LXIII 1978 г., 100 кв. м, в западной части городища, Н.Д. Аксенова, В.И. Ледякин. АИА РАН. Р-1, № 7297;
- раскоп LXIV 1978 г., 116 кв. м, в западной части городища, М.Д. Полубояринова. АИА РАН. Р-1, № 7297;
- раскоп LXV 1978-1979 гг., 172 кв. м, у школы, Г.Ф. Полякова. АИА РАН. Р-1, № 7296, 7995;
- раскоп LXVI 1979 г., 108 кв. м, в западной части городища, М.Г. Крамаровский. АИА РАН. Р-1, № 7680;
- раскоп LXVII 1979 г., 1981-1982 гг., 225 кв. м, у Белой палаты, Т.А. Хлебникова. АИА РАН. Р-1, № 7525, 8556, 9807;

- раскоп LXVIII 1979-1980, 1983 гг., 156 кв. м, у котельной, восточнее Соборной мечети, Т.А. Хлебникова, Л.Л. Савченкова. АИА РАН. Р-1, № 7525, 7818;
- раскоп LXIX 1979 г., 45 кв. м, на Коптеловом бугре, П.Н. Старостин. АИА РАН. Р-1, № 7470;
- раскоп LXX 1980, 1982 гг., 290 кв. м, в западной части городища, Г.Ф. Полякова, И.Н. Васильева. АИА РАН. Р-1, № 8426, 9808;
- раскоп LXXI 1980 г., 63 кв. м, на Белой палате, Р.Ф. Шарифуллин; АИА РАН. Р-1, № 8015;
- 2 траншеи 1980 г., протяженность 250 кв. м, в западной части городища, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 7784;
- раскоп LXXII 1980 г., 40 кв. м, на траншее 1980 г., в западной части городища, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 7784;
- раскоп LXXIII 1980 г., 80 кв. м, у центральной улицы села, М.Д. Полуобяринова. АИА РАН. Р-1, № 7681;
- раскоп LXXIV 1980 г., 15 кв. м, на траншее 1980 г., в западной части городища, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 7784;
- раскоп LXXV 1981-1982 гг., 621 кв. м, на Белой палате, Р.Ф. Шарифуллин. АИА РАН. Р-1, № 8556, 9807;
- раскоп LXXVI 1981 г., 196 кв. м, к юго-востоку от Малого минарета, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 8575; раскоп LXXVII 1981 г., 166 кв. м, к северо-востоку от Малого минарета, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 8575;
- раскоп LXXVIII 1981 г., 48 кв. м, к северу от Иерусалимского оврага, Т.А. Хлебникова, Л.Л. Савченкова. АИА РАН. Р-1, № 8520;
- раскоп LXXIX 1981 г., 84 кв. м, на Малом городке, Т.А. Хлебникова, Л.А. Беляев. АИА РАН. Р-1, № 8520;
- раскоп LXXX 1982, 1984 гг., 304 кв. м, на Малом городке, Л.А. Беляев. АИА РАН. Р-1, № 9807, 10709, т. III;
- раскоп LXXXI 1982 г., 102 кв. м, к юго-востоку от Малого минарета, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 9807;
- раскоп LXXXII 1982 г., 36 кв. м, траншея к зданию фондохранилища, Л.Л. Савченкова, Т.А. Хлебникова. АИА РАН. Р-1, № 9807;
- раскоп LXXXIII 1982 г., 80 кв. м, севернее Черной палаты, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 9807;
- раскоп LXXXIV 1982 г., 116 кв. м, севернее Черной палаты, М.Д. Полуобяринова. АИА РАН. Р-1, № 9807;
- раскоп LXXXV 1983 г., 64 кв. м, центральная часть села, Школьный пер., у перекрестка с ул. Набережной, М.Д. Полуобяринова. АИА РАН. Р-1, № 9600, 9601, т. II;
- раскоп LXXXVI 1983 г., 80 кв. м, севернее Черной палаты, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 9600;
- раскоп LXXXVII 1983-1984 гг., 224 кв. м, на Малом городке, Л.А. Беляев. АИА РАН. Р-1, № 9600, 9602, т. III; № 10709, т. III;
- раскоп LXXXVIII 1983-1985 гг., 264 кв. м, в южной части городища, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 9600;
- раскоп LXXXIX 1983 г., 56 кв. м, у Малого городка, Л.А. Беляев. АИА РАН. Р-1, № 9600, 9602, т. III;
- раскоп XC-XCI 1984 г., 140 кв. м, северо-западнее Б. Иерусалимского оврага, М.Д. Полуобяринова, Р.Ф. Шарифуллин. АИА РАН. Р-1, № 10707, т. I;
- раскоп XCII-XCIII 1984 г., 96 кв. м, XCIII 1986 г., 80 кв. м, продолжение раскопа LXVIII, М.М. Кавеев, Л.Л. Савченкова, Т.А. Хлебникова. АИА РАН. Р-1, № 10708, т. II; № 11823; раскопы XCIV-XCV 1985-1989 гг., 762 кв. м, продолжение раскопов XC-XCI, М.Д. Полуобяринова, Р.Ф. Шарифуллин. АИА РАН. Р-1, № 1Ю18, 11822, 12248; раскоп XCVI 1985 г., 80 кв. м, к юго-западу от Соборной мечети, М.М. Кавеев. АИА РАН. Р-1, № 11075;
- раскоп XCVII 1986 г., 72 кв. м, у М. Иерусалимского оврага, П.Н. Старостин. АИА РАН. Р-1, № 11622;
- раскоп XCVIII 1986 г., 72 кв. м, по ул. Набережной, Н.Д. Аксенова. АИА РАН. Р-1, № 11823;
- раскоп XCIX 1986 г., 24 кв. м, восточнее раскопа LXVIII, 1979-1980 гг., Т.А. Хлебникова. АИА РАН. Р-1, № 11823;
- раскоп C 1987 г., 30 кв. м, между раскопами XCII и XCIX, М.М. Кавеев. АИА РАН. Р-1, № 12248;
- раскоп CI 1988 г., 64 кв. м, рядом с выставочным залом БГИАМЗ, М.М. Кавеев, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 550-2/92;

- раскоп СII 1988 г., 72 кв. м, у Восточной палаты, Р.Ф. Шарифуллин, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 550-1/92;
- раскоп СIII 1988 г., 272 кв. м, у М. Иерусалимского оврага, П.Н. Старостин, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 626-1/100;
- раскоп CIV 1989 г., 100 кв. м, на месте бывшей усадьбы Бушевых, М.Д. Полубояринова, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 551-1/93;
- раскоп CV 1989 г., 48 кв. м, на месте бывшей усадьбы Бушевых, Г.Ф. Полякова, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 551-2/93;
- раскоп CVI 1989 г., 100 кв. м, к северу от Выставочного зала БГИАМЗ, Р.Ф. Шарифуллин, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 551-1/93;
- раскоп CVII 1989 г., 112 кв. м, в западной части села, М.М. Кавеев, В.С. Баранов, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 556-1/94;
- раскоп CVIII 1990 г., 48 кв. м, на месте бывшей усадьбы Бушевых, М.Д. Полубояринова, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 672-2/105;
- раскоп СIX 1990 г., 48 кв. м, на месте бывшей усадьбы Бушевых, Г.Ф. Полякова, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 556-1/94;
- раскоп СХ 1990 г., 64 кв. м, у Восточной палаты, Р.Ф. Шарифуллин, док. фонд БГИАМЗ инв. № 556-1/94;
- раскоп СХI 1990 г., 170 кв. м, у М. Иерусалимского оврага, П.Н. Старостин;
- раскоп СХII 1991-1993 г. 228 кв. м, на спуске к туркомплексу с ул. Набережной, В.С. Баранов, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 796-4; раскоп СХIII 1991 г., 48 кв.м, на месте бывшей усадьбы Бушевых, Г.Ф. Полякова, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 628-1/102;
- раскоп СХIV 1991 г., 180 кв.м, у М. Иерусалимского оврага, П.Н. Старостин, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 672-3/105; раскоп СХV 1992 г., 84 кв. м, на месте бывшей усадьбы Бушевых, Г.Ф. Полякова, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 672-4/105;
- раскоп СХVI 1992-1993 гг., 120 кв. м, в южной части городища, И.Р. Газимзянов;
- раскоп СХVII 1992-1993 гг., 184 кв. м, на спуске к туркомплексу с ул. Набережной, М.М. Кавеев;
- раскоп СХVIII 1993,40 кв. м, на месте бывшей усадьбы Бушевых, Н.А. Кокорина, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 672-5/105, 963-1/204;
- раскоп СХIX 1993-1995 гг., 42,2 кв. м, в Восточном мавзолее, В.С. Баранов, М.М. Кавеев, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 715-1; 796-1.
- раскоп СХХ 1992-1993 гг., 312 кв. м, у М. Иерусалимского оврага, П.Н. Старостин, док. фонд БГИАМЗ;
- раскоп СХХI 1993 г., 124 кв. м, на Восточной бане, Р.Ф. Шарифуллин, док. фонд БГИАМЗ;
- раскоп СХХII 1994-1996 гг., 462,2 кв. м, в юго-восточной части городища, В.С. Баранов, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 757-1,2/112, 767-1/113;
- раскоп СХХIII 1994-1998, 2000-2006 гг., 824 кв. м, к северу от хозяйственного двора БГИАМЗ, Р.Ф. Шарифуллин, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 715-2, 919-1/194, 961-1/202, 1085-1/254, 1121-6/278;
- раскоп СХХIV 1995 г., 36 кв.м, у Британкина озера, В.С. Баранов, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 767-2/112;
- раскоп СХХV 1995 г., 80 кв. м, на хозяйственном дворе БГИАМЗ, М.М. Кавеев, док. фонд БГИАМЗ;
- раскоп СХХVI 1996 г., 150 кв.м, в восточной части ул. Назаровых, М.М. Кавеев, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 757-5/112;
- раскоп СХХVII 1997 г., 49 кв. м, на хозяйственном дворе БГИАМЗ, М.М. Кавеев, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 757-6/112;
- раскоп СХХVIII 1997 г., 49 кв. м, на ул. Назаровых в районе Британкина озера, В.С. Баранов, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 796-2;
- раскоп СХХIX 1997-1998 гг., 184 кв. м, на ул. Назаровых продолжает раскоп СХХVI, В.С. Баранов, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 796-3;

- раскоп СХХХ 1997 г., 40 кв.м, на ул. Назаровых, продолжает раскоп СХХVI, М.М. Кавеев, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 802-1/118; раскоп СХХХI 1997 г., 32 кв.м, на ул. Назаровых, севернее здания фондохранилища заповедника, продолжает раскоп СХХVI, А.М. Губайдуллин, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 791-1/114;
- раскоп СХХХII 1996-1998, 2000-2003 гг., 534 (?) кв. м, на мысу между Б. и М. Иерусалимскими оврагами, И.Р. Газимзянов, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 952-1/201, 920- 1/195, 1085-3/256;
- раскоп СХХХIII 1998 г., 72 кв. м, западнее Малого минарета, М.М. Кавеев, док. Фонд БГИАМЗ, инв. № 794-1/115;
- раскоп СХХХIV 1998 г., 134 кв. м, к северу от проезда с территории городища в с. Подываново, И.Р. Газимзянов, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 791-1/114;
- раскоп СХХХV 1999 г., 80 кв. м., в юго-восточной части городища, В.С. Баранов, док. фонд БГИАМЗ;
- раскоп СХХХVI 2000 г., 112 кв. м, перекресток ул. Набережной и Школьного переулка, М.М. Кавеев, док. фонд БГИАМЗ; наблюдения на Восточном проезде; 2000 г., зачистка разрушаемого дорогой в с. Подываново восточного вала городища, А.М. Губайдуллин, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 921-1/196;
- раскоп СХХХVII 2000-2003 гг., 96 кв. м, в 6 м к северу от раскопа СХХIII, А.М. Губайдуллин, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 921-1/96, 962-1/203, 1085-2/255;
- раскоп СХХХVIII 2000 г., 16 кв. м, между зданиями фондохранилища и дирекции заповедника, М.М. Кавеев, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 940-1/197;
- раскоп СХХХIX 2001-2002 гг., 85 кв. м, с северной стороны выставочного здания заповедника, М.М. Кавеев, док. фонд БГИАМЗ;
- раскоп СХL 2002-2003 гг., 88 кв. м, в юго-восточной части городища, В.С. Баранов, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 1032-1/241;
- раскоп СХLI 2003-2006 гг., 80 кв. м, в северной части памятника, в 2 м к югу от раскопа СХХIII, А.М. Губайдуллин, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 1121-5/277, 1085-2/255;
- раскоп СХLII 2003 г., 16 кв. м, на левом склоне Б. Иерусалимского оврага, расчистка гончарного горна, М.М. Кавеев.
- раскоп СХLIII 2004 г., 20 кв. м, по ул. Набережная, между спуском к туркомплексу и сельским магазином, А.М. Губайдуллин, док. фонд БГИАМЗ, инв. № 1121-5/277; траншея водопровода 2004 г., длина 92 м, ширина 1

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИА РАН	– Архив Института археологии Российской Академии наук
АН ГССР	– Академия наук Грузинской Советской Социалистической Республики
АС	– Археологический съезд
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГИАЗ	– Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГМИНВ	– Государственный музей искусства народов Востока
ЗВОРАО	– Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества
ЗОРСА	– Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИОАИЭ	– Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.
ИЯЛИ	– Институт языка, литературы и истории (Казань)
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИЯЛИ	– Научный архив Института языка, литературы и истории Академии наук Татарстана
ОАК	– Отчеты археологической комиссии
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа
ТГИМ	– Труды Государственного Исторического музея
ЮТАКЭ	– Труды Южно-Туркменской археологической экспедиции
ЭВ	– Эпиграфика Востока